63.3(2)2
Д73

ДРЕВНОСТИ СЛАВЯН И РУСИ

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

ДРЕВНОСТИ СЛАВЯН И РУСИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. А. ТИМОЩУК

Москва «Наука» 1988

ББК 63.4(2)
Д 73

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ.

Д 73 **Древности** славян и Руси.— М.: Наука, 1988.— 288 с.
ISBN 5—02—009419—6

Сборник посвящен 80-летию со дня рождения выдающегося советского историка и археолога, академика Б. А. Рыбакова. Содержание сборника соответствует научным интересам Б. А. Рыбакова и включает статьи по различным вопросам археологии, истории и культуры Руси и других славянских стран. В книге публикуются новые данные о языческих святилищах, об уникальных находках предметов культа и искусства, рассматриваются проблемы хозяйственной деятельности и социального строя населения городов и сельских поселений.

Для историков, археологов.

Д $\frac{0507000000—156}{042(02)—88}$ 48—88—III

ББК 63.4(2) + 63.3(2)41

ISBN 5—02—009419—6

© Издательство «Наука», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская археологическая наука достигла значительных результатов в изучении истории и культуры древних славян и Руси. Раскопаны сотни славянских поселений и могильников, в больших масштабах исследуются древнерусские города, что позволило с достаточной полнотой воссоздать историю славян, которая не нашла своего отражения в письменных источниках, установить высокий уровень развития хозяйства и культуры древней Руси.

Большой вклад в изучение археологии, истории и культуры древних славян и Руси вносят ученые Института археологии АН СССР — центрального учреждения, координирующего работу археологов на территории Советского Союза. Более 30 лет во главе этого Института стоит академик Б. А. Рыбаков — выдающийся исследователь в области славяно-русской археологии и истории. Трудно назвать проблему, относящуюся к древней и средневековой истории и культуре славян, которой бы не коснулся в своих исследованиях Б. А. Рыбаков — большой знаток материальной культуры, произведений искусства и письменных источников, обладающий огромной эрудицией, широтой кругозора и глубиной анализа.

Определяющими для развития направлений в историко-археологической науке явились фундаментальные исследования Б. А. Рыбакова: «Ремесло Древней Руси» (1948 г.), «Древности Чернигова» (1949 г.), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963 г.), «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» (1964 г.), «Русское прикладное искусство X—XIII вв.» (1971 г.), «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972 г.), «Русские карты Московии XV — начала XVI в.» (1974 г.), «Геродотова Скифия» (1978 г.). Эти работы получили высокую оценку в советской и зарубежной исторической литературе и общественное признание.

Исключительное значение для современной науки имеет капитальная монография Б. А. Рыбакова: «Язычество древних славян» (1981 г.). Проблемами первобытных религий ученый занимался многие десятилетия. Он начинает свои исследования с древнейших верований человечества и на широком историческом фоне, привлекая данные археологии, этнографии, лингвистики и других наук, характеризует постепенное усложнение славянского язычества на протяжении тысячелетий. Рассматривая язычество как мировоззренческую систему, он показал его место в средневековье, когда в феодальной Европе распространилось христианство. Языческие представления не только не исчезли, но и во многих случаях стали основой для формирования в классовом обществе мировых религий. На ряде исторических примеров автор демонстрирует, как языческие культы замещались христианскими. Опираясь на многочисленные, собранные почти за полстолетие неустанной работы факты, он дает периодизацию язычества, выявляя более ранние дуалистические представления о добре и зле, стадию культа Рода и рожаниц, культа Перуна — бога дружинников.

В 1987 г. вышло в свет капитальное исследование Б. А. Рыбакова «Язычество древней Руси». Оно посвящено характеристике древнерусского язычества и пережитков языческого мировоззрения у древнерусского населения, уже принявшего христианство. Вся жизнь русского человека была пронизана язычеством, и христианская церковь вынуждена была приурочивать христианские праздники к языческим вакханалиям. Проходила сложная, бурная, порой кровавая борьба двух мировоззрений, переходившая нередко в социальные столкновения.

Выдающимся событием в развитии советской исторической науки явился выход в свет книги «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» Над этой проблематикой Б. А. Рыбаков работал не менее полустолетия. Книга как бы подводит итоги того, что сделано ученым в области изучения не только Древнерусского государства и древнерусских княжеств XII—XIII вв., но и истории формирования славянских народностей от глубокой первобытности до образования славянских государств. Монография насыщена теоретически обоснованными конкретно-историческими построениями, смелыми и перспективными гипотезами, вызывающими большой интерес и намечающими плодотворные перспективы дальнейшего развития науки о славянах и древней Руси.

В основе исследований Б. А. Рыбакова — обработка и историческое осмысление огромного количества исторических, археологических, этнографических и других источников. Только археолог, обладающий большим исследовательским талантом, мог поднять целинный пласт источников, и только историк, вооруженный марксистской теорией, смог так блестяще обработать эти источники. Постоянное внимание к теоретическим проблемам истории и археологии в сочетании с неустанным трудом по изучению конкретных памятников позволили Б. А. Рыбакову внести большой вклад в развитие советской и мировой исторической науки.

Начиная с 1981 г. выходят из печати тома «Археология СССР» — энциклопедического 20-томного издания, которое было задумано Б. А. Рыбаковым. Возглавляемый им коллектив авторов и редакторов практически осуществляет его идеи как при написании основных текстов, так и при создании сложных типолого-хронологических таблиц и археологических карт, сопровождающих каждый том.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили вклад академика Б. А. Рыбакова в историческую науку. Он лауреат Государственных премий. За цикл работ по истории русской культуры X—XVI вв., опубликованных в 1963—1974 гг., Б. А. Рыбакову присуждена Ленинская премия 1976 г. В 1978 г. он удостоен звания Героя Социалистического Труда. Он член Академий наук Чехословакии, Польши, Болгарии, почетный доктор Ягеллонского университета в Кракове.

Много времени отдает ученый пропаганде достижений исторической и археологической наук. Он автор ряда научно-популярных книг, часто выступает с лекциями на предприятиях и в учреждениях, по радио и телевидению. Борис Александрович много сил отдает педагогической деятельности. Он профессор Московского университета, читает курс общей археологии, ведет семинар по древнерусской истории.

Отмечая большие заслуги Б. А. Рыбакова перед исторической наукой за 60 лет его плодотворной научной деятельности и в связи с его 80-летием многочисленные ученики, друзья и коллеги посвящают ему этот том научных статей. Сборник тематически теснейшим образом связан с основными научными интересами Б. А. Рыбакова, знакомит читателя с новыми достижениями в области истории и археологии.

С. А. Плетнева, Б. А. Тимощук

АРХЕОЛОГИЯ

А. К. Амброз

ОСНОВЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЮЖНОКРЫМСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ТИПА СУУК-СУ

Как известно, погребения в эталонном раннесредневековом могильнике Суук-Су в Крыму делятся на два слоя: верхний и нижний. Первую периодизацию могил нижнего слоя Суук-Су сделал В. К. Пудовин, положив в основу априорное предположение, что их инвентарь должен был быстро беднеть под влиянием христианства и что большие двупластинчатые фибулы и золотые украшения могли употребляться только на раннем этапе как пережиточные вещи [1]. В итоге в этапах этой периодизации смешались в разных пропорциях могилы и вещи всего периода существования нижнего слоя некрополя. Возможности периодизации памятника не были исчерпаны.

В основу следующей периодизации положено типологическое деление двупластинчатых фибул и орлиноголовых пряжек на варианты, выделено четыре периода, переоценено датирующее значение монет из погребений, в результате дата нижнего слоя расширена на время со второй половины (трети?) VI в. до конца (последних десятилетий?) VII в., соответственно начало верхнего слоя сдвинуто на рубеж VII—VIII вв.[2] Хотя основные опубликованные в 1971 г. положения остались в силе, эталонное значение Суук-Су заставляет искать пути дальнейшего углубления аргументации и постоянной проверки полученных ранее выводов. Вопрос изложен здесь кратко и с минимальным библиографическим аппаратом.

Наиболее изменчивыми и, следовательно, важными для периодизации оказались большие орлиноголовые пряжки широких женских поясов, а из деталей самой пряжки — гладкая пластинка, соединявшая рамку и острие со щитком (или, как ее обычно называют, «держатель рамки»). Все большие пряжки на западе (в Испании, Италии, у франков, гепидов и др.), в Крыму и на Кавказе имели обычный короткий держатель не более 1—1,5 см. До сих пор не удалось объяснить, почему только у орлиноголовых и ромбощитковых пряжек юго-западного Крыма начался процесс необычного удлинения держателя — у некоторых экземпляров до 3,8 см (рис. 1, *8—10*). Возможно, это связано с появлением здесь какого-то особого способа застегивать такие пояса, не закрывая свободным концом ремня узорных частей пряжки. В статьях 1968 и 1971 гг. я использовал три варианта держателей, позднее пять: Ia — 1 см (рис. 1, *1, 2*); Iб — 1,4 см (рис. 1, *3*); II — 2 см (рис. 1, *4*); III — 2,4 см (рис. 1, *5*); IV — 2,5—3,8 см (рис. 1, *6—10*).

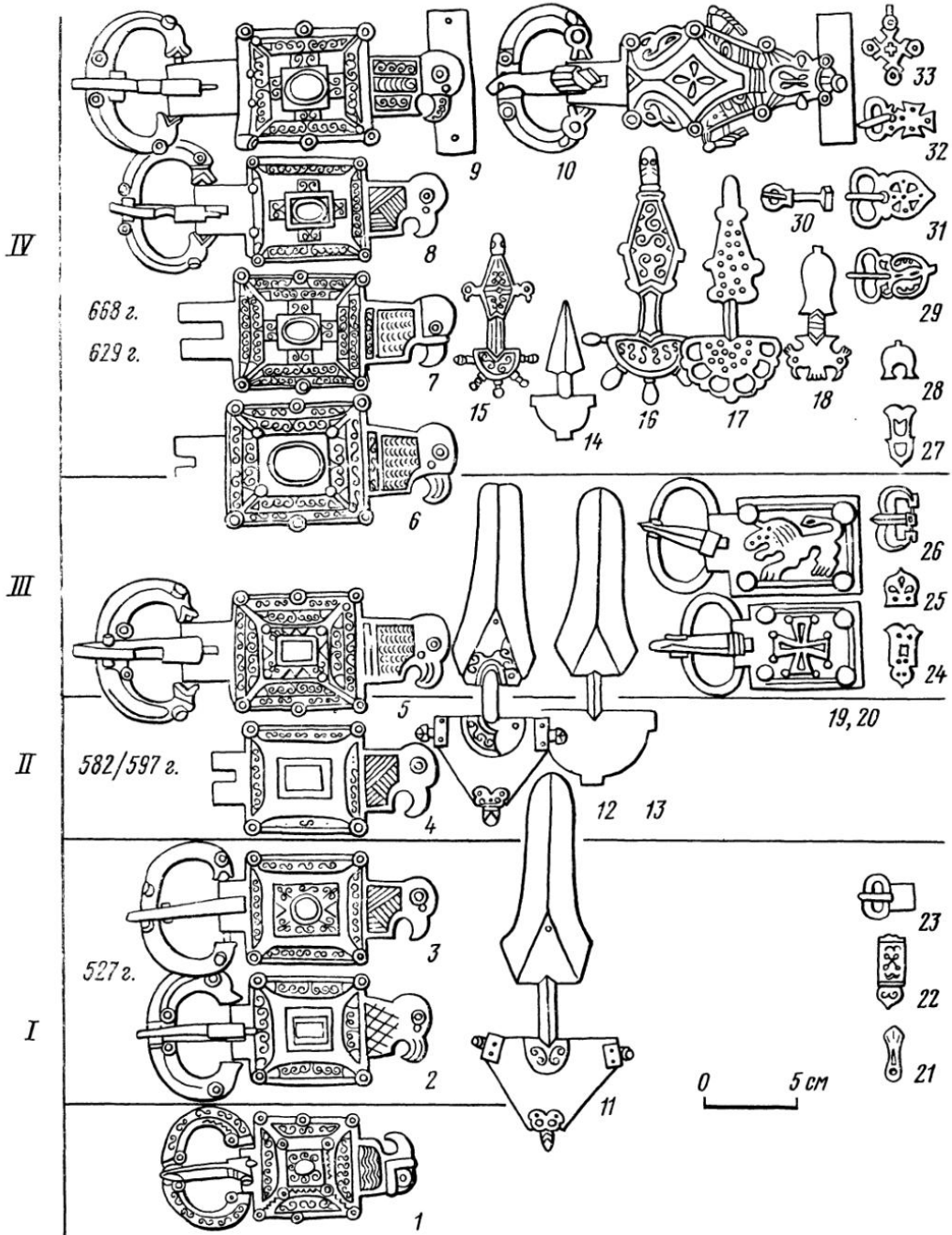


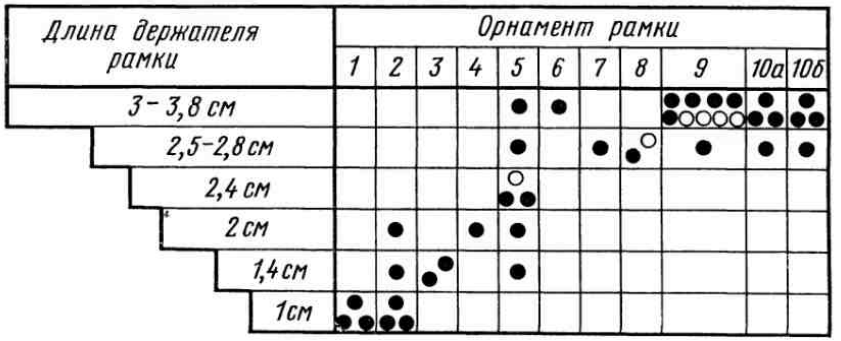
Рис. 1. Основы периодизации могильников типа Суук-Су VI—VII вв.

I — Керчь, склеп 152/1904 г.; *2—5*, *7*, *8*, *11—15*, *17*, *18*, *20*, *22—26*, *29—31* — Суук-Су, могилы 46 (*2*), 82 (*3*), 124 (*4*, *13*), 77 (*5*), 86 (*6*), 78 (*8*), 56 (*11*, *23*), 89 (*12*), 32 (*14*), 162 (*15*), 154 (*17*), 131 (*18*, *31*), 67 (*20*, *24—26*), 54 (*21*, *22*), 58 (*29*), 29 (*30*), случайная находка (*7*); 9 — Артек; 10 — Скалистое, склеп 288; 16, 32, 33 — Эски-Кермен, склеп 257; *19*, *27*, *28* — Чуфут-Кале, могилы 41 (*19*, *28*), 34 (*27*)

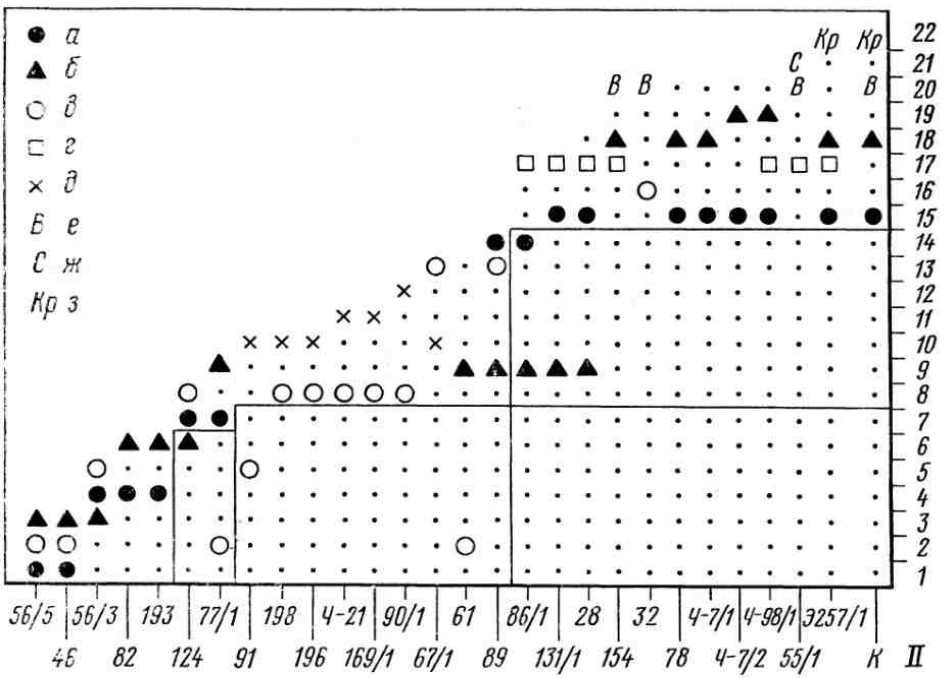
Изменение размеров вещей или их частей оказалось важным признаком при изучении ряда археологических культур, но всегда требуется параллельная проверка и по другим критериям, в данном случае по декору щитков пряжек. Материал еще невелик, новые находки приносят и новые вариации. К тому же при существовании разных мастерских трудно ожидать единой всеобъемлющей эволюционной линии. Поэтому, не стремясь создать окончательной классификации, я объединил в один вариант совершенно одинаковые на вид щитки, пронумеровав их от 2 до 9 (рис. 1). Видно, что параллельно происходят следующие изменения: рост размеров, переход от почти квадратных к более продолговатым, сужение гладких диагональных полос; узор из «бегущих» завитков в виде «деревца» сначала бывает на боках щитка обращен в одну сторону «вершинами», потом — только в разные, а в центре щитка появляется крестообразная фигура. Хотя один и тот же вариант щитка могли соединять с разной длины держателем, в целом видно, что изменения держателя и щитка протекали параллельно и взаимосвязанно (рис. 2,1) и потому были объективными процессами.

Большие двупластинчатые фибулы с рельефными накладками у основания дужки в Суук-Су делятся на четыре подварианта (рис. 1, *11—14*). Фибулы с рельефными накладками очень похожи друг на друга, их удалось разделить лишь по длине (без учета средней головки, нередко отсутствующей): 1-й подвариант — не менее 20—22 см (рис. 1, *11*); 2-й — не более 17—18,5 см (рис. 1, *12*). Естественно, что деление по размеру не абсолютно, новые находки могут внести уточнения. Фибулы 3-го подварианта (длиной 9—18 см) имеют упрощенную полукруглую головку с тремя вырезанными выступами вместо приклепанных (рис. 1, *13*). У них встречаются гладкие накладки и подкладки снизу. Фибулы 4-го подварианта самые маленькие (не более 8 см), ножка треугольная, головка, как у 3-го подварианта (рис. 1, *14*) или с выступами в виде шариков. Некоторые маленькие фибулы литые. Постепенно шла деградация дорогих дунайских фибул и обычая их ношения: утоньшение с заменой части серебра медью, уменьшение размеров, упрощение декора и формы; большие фибулы, согласно традиции, еще носят парами, а вот маленькие с треугольной ножкой уже встречаются в могилах и по одной.

В комплексах погребений двупластинчатые фибулы 1-го подварианта сопутствовали орлиноголовым пряжкам с держателем не более 2 см (рис. 2, *II*). Самые большие фибулы (более 20 см, подвариант Iа) сочетались в Суук-Су дважды с пластинчатым держателем в 1 см (погребения 56/5 и 46): раз — в 2 см (погребение 77/1) и еще раз — со щитком 5-го варианта (погребение 61). Чуть более короткие (19—19,5 см, вариант Iб) — с держателем в 1,4 см (погребение 56/3) и с новой формой пряжки со львом на щитке (погребение 91). Уже здесь видно, что еще незначительное укорочение фибул сопровождается слабым удлинением держателей. Со временем держатель орлиноголовых щитков достиг в длину 2 см, т. е. его необычное для других пряжек удлинение стало вполне заметным для глаза. Два погребения Суук-Су с такими держателями зафиксировали тот краткий переходный период, когда произошел как бы стык разновременных форм щитков и фибул: в погребении 124 щиток 4-го варианта с архаичными широкими диагоналями и фибула нового 3-го подварианта; в погребении 77/1 щиток 5-го варианта с новыми узкими диагоналями и архаичные длинные (20,5 см) фибулы с накладками. Чтобы особо подчеркнуть принципиальное значение этого пере-



I



II

Рис. 2. Сопоставительные таблицы

I — соотношение 1—10 вариантов орнаментации щитка пряжек на рис. 1, *1—10* (по горизонтали) и длины пластинчатого держателя рамки (по вертикали)
1 — Керчь, Фундэтура, Арнесп; *2* — Суук-Су, могилы 46, 56 и случайная находка; *3* — Суук-Су, могилы 82, 193; *4* — могила 124; *5* — Суук-Су, могилы 77, 86, 61, 89, 28, 131. Скалистое, могила 420; *6* — Никополь; *7* — Суук-Су; *8* — Суук-Су, могилы 78, 154; *9* — Суук-Су, Кореиз, Артек, Чуфут-Кале; *10а* — Артек, Суук-Су, Чуфут-Кале, Скалистое; *10б* — Аромат, Суук-Су, Артек, Чуфут-Кале. Незакрашенные кружки — пряжки, известные по упоминанию.
II — основы периодизации погребений юго-западного Крыма VI—VII вв. По горизонтали указаны номера могилы и костяка (56/5 и т. п.), буквами обозначены могильники: *Ч* — Чуфут-Кале, *Э* — Эски-Кермен, *К* — Кореиз, без буквы — Суук-Су. Обозначения значками: *а* — длина держателя рамки; *б* — вариант щитка пряжки; *в* — двупластинчатая фибула; *г* — днепровская фибула; *д* — большие щитки пряжек со львом и крестом; *е* — мелкие византийские пряжки; *ж* — серьги с крючком; *з* — нательный крест. По вертикали: *1* — длина держателя 1 см; *2* — фибула с накладками длинее 20 см; *3* — щиток 2-го варианта; *4* — длина держателя 1,4 см; *5* — фибула с накладками немного короче 20 см; *6* — щитки 3-го и 4-го вариантов; *7* — длина держателя 2 см; *8* — фибулы с тремя плоскими выступами (рис. 1, *13*); *9* — щиток 5-го варианта; *10* — пряжки со львом; *11* — пряжки с искаженным мотивом креста; *12* — пряжки с пятью крестами; *13* — фибулы с накладками короче 18.5 см; *14* — длина держателя около 2,5 см; *15* — длина держателя 2,6—3,8 см; *16* — маленькие фибулы с треугольной ножкой; *17* — днепровские фибулы; *18* — щитки 7—9-го вариантов; *19* — щитки 10-го варианта (ромбические); *20* — мелкие византийские пряжки; *21* — серьги с крючком; *22* — нательный крест

лома, начавшегося отхода от исходных форм фибул и пряжек, генетически наиболее связанных с дунайскими традициями V и первой половины VI в., указанные два погребения 77/1 и 124 выделены мной в особый переходный II период. Типологически предшествующие им по находкам погребения 56/5, 46, 56/3, 82, 193 представляют исходный для Суук-Су I период.

Фибулы 2-го подварианта сопровождались орлиноголовой пряжкой с более длинным держателем в 2,5 см (погребение 89) и пряжкой со львом (погребение 67,1), большинство фибул 3-го подварианта — такими же пряжками со львом или с крестами в середине гладкого щитка (рис. 1, *19, 20*; погребения 198, 196, 169/1, 90/1 в Суук-Су и 21 в Чуфут-Кале). Тенденция, наметившаяся во II периоде, здесь явно продолжается, но она станет гораздо виднее, если обратиться к орлиноголовым и ромбощитковым пряжкам с самым длинным держателем в 2,6—3,8 см, связанным уже с фибулами новой формы — литыми пальчатыми и зооморфными среднеднепровских типов (рис. 1, *16—18*). Они встречены вместе четыре раза, кроме того, в погребении 154 длина держателя неизвестна, но щиток позднего 8-го варианта, а в погребении 86/1 найдены архаичный для комплексов с днепровскими фибулами держатель в 2,4 см и щиток промежуточного 5-го варианта. Как считает Б. А. Рыбаков, появление здесь днепровских фибул связано с изменением местной моды, вырождением и постепенным исчезновением готского обычая вводить в женский костюм две совершенно одинаковые большие двупластинчатые фибулы. Днепровские фибулы здесь тоже носят парами, но обычно составленными из вещей разной формы и даже величины [3]. Днепровские фибулы, попавшие в юго-западный Крым уже в сложившемся виде, не выстраиваются в эволюционные ряды и, видимо, употреблялись здесь совсем недолго. Трижды в эту комбинацию входили и маленькие импортные византийские пряжки типов Сиракузы (рис. 1, *29*; погребение 154) и крестовидные (рис. 1, *32*; могилы 55 и кореизская). В свою очередь пряжка типа Сиракузы встречена с самой поздней маленькой двупластинчатой фибулой 4-го подварианта (погребение 32), причем костяк с пряжкой захоронен раньше и потом сдвинут к задней стенке подбоя, чтобы дать место погребению с фибулой. Следовательно, фибулы 4-го подварианта синхронны днепровским и знаменуют конец эволюции местных двупластинчатых фибул. В том же периоде появились нательные христианские кресты (рис. 1, *33*) и крестовидные фигуры на традиционных местных пряжках с «языческой» орнаментикой (рис. 1, *7—10*).

Таким образом, для периодизации погребений эпохи нижнего слоя Суук-Су наиболее показательны украшения парадного женского костюма. Комбинация этих вещей обрисовывает четыре периода (рис. 2, *II*). Суук-Су, раскопанное в начале века, до сих пор сохраняет ведущее положение, так как прочие раскопанные и опубликованные могильники, как правило, разграблены в средние века и не дают такой цельной картины, как Суук-Су. К сожалению, и в Суук-Су опубликованы далеко не все находки. Поэтому отбор комплексов для таблицы (рис. 2, *II*) намеренно ограничен наиболее показательными, составляющими основу периодизации. Как показала практика, включение в нее со справочной целью менее показательных комплексов и типов вещей (как было сделано в 1971 г.) может лишь затруднить восприятие самого существенного и повести к недоразумениям.

Труднее всего абсолютно датировать выделенные периоды. В I периоде (рис. 1, *2, 3, 11, 21—23*) найдена монета Юстиниана I (527—565 гг.),

по которой начало могильника Суук-Су принято относить ко второй половине VI в. Но правильнее брать только дату начала выпуска монеты: не весь отрезок между 527 и 565 гг., а только 527 г., раньше которого монета не могла попасть в землю. Орлиноголовые пряжки I периода имеют ближайшие аналогии в пряжках дунайских гепидов, представляя их упрощенный и удешевленный вариант. Королевство гепидов погибло в 567 г., следовательно, прообразы для южнокрымских пряжек были заимствованы, скорее всего, до этой даты. В Керчи склеп 152/1904 г. был полузасыпан землей и через некоторое время использован для нового захоронения с парой местных пальчатых фибул и двумя местными орлиноголовыми пряжками, подражающими гепидским. В засыпи уцелели от первоначальных погребений гепидская пряжка (рис. 1, *1*) и канделябр VI в. Этим подтверждается дата гепидских пряжек первой половиной VI в. и возникновение местных подражаний в более позднее время.

Детали наборных мужских поясов (рис. 1, *21—23*) можно условно синхронизировать с женскими украшениями лишь в немногих случаях, когда те и другие найдены на соседних костяках в небольшом семейном склепе. Наборный пояс из такого склепа 56 (с монетой) не имеет прямых аналогий, но одна бляшка редкой формы (рис. 1, *21*) встречена также на поясе из погребения 54/1 (рис. 1, *22*), в свою очередь имеющем прямую аналогию в византийском поясе из крепости Садовско-Кале в Болгарии, который датируется концом VI в. Наконец, большие фибулы с накладками (рис. 1, *11*) не характерны для Крыма и безусловно восходят к дунайским прообразам, исчезнувшим после V в. Следовательно, не позднее рубежа V—VI вв. южнокрымские мастера вступили в тесный контакт с подунайскими и в течение первой половины VI в. ими был создан местный набор украшений, представленный в I периоде Суук-Су. Не исключено, что начало этого периода может быть сдвинуто на середину или вторую треть VI в.

II переходный период (рис. 1, *4, 11—13*) датирован монетой Маврикия Тиберия. Среди нумизматов нет единства мнений, относить ли ее ко всему царствованию (582—602 гг.) или ограничить 597—602 гг. Опорные даты здесь 582 или 597 г. с разницей в 15 лет. Сложность датирования по монетам в том, что неизвестно, как сочетаются монета и могильный инвентарь: попали они в землю в начальный или в заключительный период ношения таких вещей. К сожалению, никакие умозрительные или статистические «ухищрения» здесь не помогут, попадание в могилу той или иной монеты, ее выбор из суммы имеющихся подчинялся только случайности. Просмотр могил с монетами и монет в ювелирных изделиях убеждает, что, как правило, древние не обдумывали, монету какого царя использовать, а брали ее совершенно произвольно из суммы имевших одновременное хождение монет, отчеканенных за последние несколько столетий. По сумме данных наиболее вероятно отнести II период к десятилетиям около рубежа VI—VII вв. Было ли это в 590—610 гг. или в 580—600 гг., можно только гадать. Но едва ли это было намного раньше. Так что с конца VI или рубежа VI—VII вв. началось заметное удлинение держателей орлиноголовых пряжек и появились признаки упрощения фибул с накладками (рис. 1, *4, 5, 12, 13*). Эта веха чрезвычайно важна для всей хронологии Суук-Су.

III период (рис. 1, *5, 12, 13, 19, 20, 24—26*) не содержит показаний для абсолютного датирования. В склепах 67, 90, 169 поясной набор и пряжечки у мужчин отличаются от встреченных в I периоде. У В-образных пряжек стала шире (массивнее) рамка и уже щель для продевания

конца ремня, бляшки набора отличаются от ранних (византийских), знаменуя сложение восточноевропейской разновидности поясных наборов. Это подтверждает относительно-хронологическое место III периода после I и II.

Для IV периода (рис. 1, *6—10, 14—18, 27—33*) благодаря раскопкам А. И. Айбабина в Эски-Кермене появились первые датирующие монеты: Ираклия (630—641 гг.) в погребении 257/6 и Константина IV (668—685 гг.) в погребении 257/4. С первой из них найдены поздняя орлиноголовая пряжка (рис. 1, *9*) и две днепровские пальчатые фибулы (одна с орнаментом из S-видных завитков: рис. 1, *16*). Это лишний раз опровергает ходячее заблуждение, что достаточно наличия таких завитков для отнесения имеющих их днепровских фибул к самым ранним. До этой находки на ту же дату указывали сами днепровские фибулы: в Мартыновке, Судже, Колоскове, Блажках им сопутствовали пояса с псевдопряжками или их элементы, датируемые по находкам в Перещепине и Келегеях с монетами 641—668 гг. Встречающееся мнение, что более дешевые среднеднепровские псевдопряжки древнее перещепинских, ни на чем не основано: скорее те подражают степным псевдопряжкам, днепровские мастера явно приспосабливают привычные пряжки к новому назначению в качестве декоративных блях (Хацки). В Крыму поясов с псевдопряжками не было, но влияние нового более декоративного стиля заметно по появлению бляшек с особенно широкими прорезями (рис. 1, *27, 28*). Хуже датируются мелкие привозные византийские пряжки (рис. 1, *29—32*). Не касаясь спорных вопросов византийской хронологии, подчеркну, что в Суук-Су пряжки связаны с IV периодом. К середине и второй половине VII в. относятся найденные с монетами аналогии для нательных крестов. Рельефные ромбощитковые пряжки явно отличаются от своих гораздо более древних прототипов хотя бы очень длинными держателями — это очень интересный пример необычайно долгого и бережного сохранения старинных заимствованных мотивов.

По сумме данных IV период должен датироваться примерно второй половиной VII в. Его начало ограничено тем, что между ним и II периодом лежит не менее обильный погребениями III период, не позволяя глубоко сдвигать эту дату в первую половину VII в. Любые попытки «уточнить» дату периода на имеющемся материале сведутся к умозрению, предлагать ли 650—700 гг. или 630—680 гг. (а для III периода — 610—650 или 590—630 гг.): реальных данных для этого еще нет. Но уже вполне ясно, что конец нижнего слоя Суук-Су нельзя ограничить серединой VII в., как это делалось раньше. Соответственно сдвигается вверх и дата верхнего слоя. Как я уже отмечал в печати, уточнения в хронологии Суук-Су не безразличны для изучения множества памятников на территории СССР и Подунавья, при датировании которых использованы были археологами ссылки на Суук-Су и Керчь в качестве эталонов.

Изложенная периодизация сделана методом сопоставления. Тем важнее замечательное открытие А. И. Айбабиным ненарушенных многоярусных склепов в Лучистом близ Алушты, где рассмотренные выше III—IV периоды многократно встречены в стратиграфической последовательности [4], реально подтверждая намеченную здесь периодизацию. Публикациями А. И. Айбабина в принципе подтверждена на новом материале и необходимость существенного омоложения даты верхнего слоя Суук-Су. С его работ начинается сейчас новый этап в изучении раннесредневековых могильников юго-западного Крыма.

[1] *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. № 1.
[2] *Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // КСИА. 1968. Вып. 113; *Он же.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2; *Он же.* [Рецензия] // СА. 1973. № 2. Рис 1.– Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino; *Он же.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв.: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1974; *Он же.* О двупластинчатых фабулах с накладками // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982; *Веймарн Е. В., Амброз А. К.* Большая пряжка из Скалистинского могильника: (Склеп 288) // СА. 1980. № 3.
[3] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 65, 66.
[4] *Айбабин А. И.* Раскопки раннесредневековых могильников в горном Крыму // АО 1980. М., 1984; *Он же.* Раскопки раннесредневекового могильника у с. Лучистое в Крыму // АО 1983. М., 1985.

В. Д. Баран

СЛАВЯНСКАЯ ДЕРЕВНЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(по материалам поселения V—VII вв. у с. Рашков)

В 1975–1978 гг. произведены исследования двух раннесредневековых поселений у с. Рашков Хотынского р-на Черновицкой обл. Оба поселения (Рашков II и Рашков III) расположены на правом берегу Днестра, занимая узкую полосу берега, ограниченную с противоположной от русла реки стороны высоким крутым склоном, поднимающимся на 30–40 м над уровнем воды. Он завершается вверху ровным плато, известным под названием «Щовб». Отсюда название урочища, на котором расположились славянские поселения «Под Щовбом». Поселение Рашков III начинается у небольшой речки Бридок, впадающей в Днестр. Оно тянется вверх по берегу Днестра на 490–500 м, шириной 8–14 м. Дальше начинается незастроенный участок длиной 470 м, который, по-видимому, использовался под огороды (в шурфах встречены единичные фрагменты лепной посуды пражского типа), а за ним начинаются постройки поселения Рашков II, протяженностью около 800 м. В 1 км к северо-востоку от поселения Рашков III, вниз по Днестру, находится еще одно, более позднее, славянское поселение (конца VII–IX в.) Рашков I.

Поселение Рашков II в значительной части покрыто лесом, что ограничило наши возможности его исследования. На свободном от деревьев участке открыто 14 полуземляночных жилищ и две хозяйственные постройки. В некоторых из них лепная посуда сочеталась с сероглиняной гончарной керамикой, что позволяет датировать поселение начиная со второй половины V в.

Поселение Рашков III исследовано полностью. Раскопаны 92 жилища и 53 хозяйственные ямы. Кроме того, установлено, что на участке длиной 42 м, непосредственно примыкающем к речке Бридок, культурный слой был полностью уничтожен земляными работами. На этом участке, исходя из общего количества открытых жилищ, могли располагаться 8–10 полуземлянок. Таким образом, поселок состоял из 100 или несколько больше жилищ (рис. 1).

Все жилища имели в основном квадратную или прямоугольную в плане форму, ровные отвесные стенки и хорошо утрамбованный материковый пол. В одном из жилищ, погибшем в пожаре, прослежены на полу следы деревянного настила. Жилища небольшие — размерами от 4,4 до

Рис. 1. Один из участков раскопок поселения Рашков III

12,3 кв. м. Большинство полуземлянок ориентированы стенами к руслу Днестра, 33 жилища — стенами, а 5 — углами — по сторонам света. Стены жилищ срубные. Лишь в одном из них открыты ямки от столбов, свидетельствующие о столбовой конструкции стен.

В каждой полуземлянке имелась печь-каменка. Местом печи мог быть любой угол полуземлянки. Стенки печи сложены из каменных плит, купол также перекрыт плитой и сверху дополнен более мелкими кусками камня. Одна печь сохранилась полностью. Ее форма подковообразная, размеры топки 0,34×0,7 м. В нескольких жилищах открыты хозяйственные ямы диаметром 0,7—1,3 м, глубиной 0,4—1,4 м от уровня пола.

Большинство хозяйственных ям находилось за пределами жилищ. В плане они округлые или овальные, в профиле — конические, цилиндрические, бочковидные, грушевидные. Они довольно большие — глубиной от 0,9 до 2,95 м от современной поверхности. На свободных от построек площадках на уровне древней поверхности обнаружены открытые очаги. расположенные всегда вблизи хозяйственных ям.

Керамический комплекс поселения Рашков III, с одной стороны, имеет в своем составе формы с несомненными признаками, свойственными керамике позднеримского и гуннского времени на этой территории (гончарная сероглиняная керамика, лепные формы сосудов, сделанные по образцу гончарных) и, с другой стороны — лепные сосуды с развитыми профилированными венчиками, характерные для позднего этапа пражской культуры. Наряду с этим следует отметить, что на поселении отсутствуют сосуды, украшенные пальцевым орнаментом по краю венчика

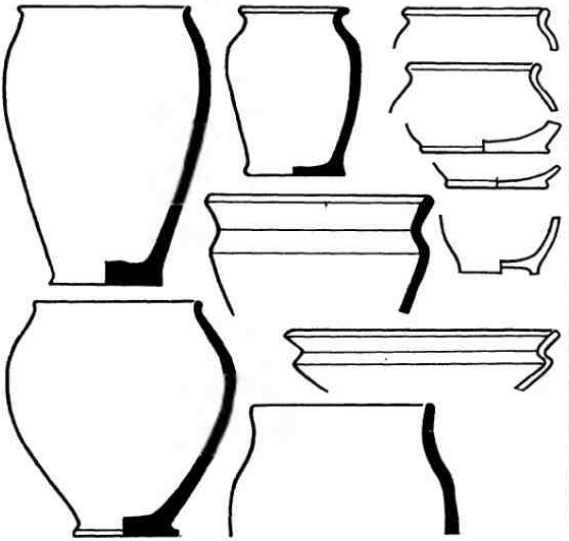
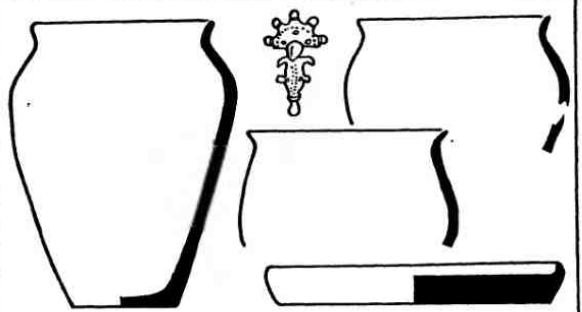
Рашков III	Керамика	Стратиграфия	Количество жилищ с археомагнитной датировкой	Количество жилищ
I период Вторая половина V века – начало VI века		×	Вторая половина V века – начало VI века 8 жилищ	21
II период VI век		×		23
III период VII век			VII век 11 жилищ	35

Рис. 2. Основные данные, характеризующие три последовательных периода в развитии поселения Рашков III

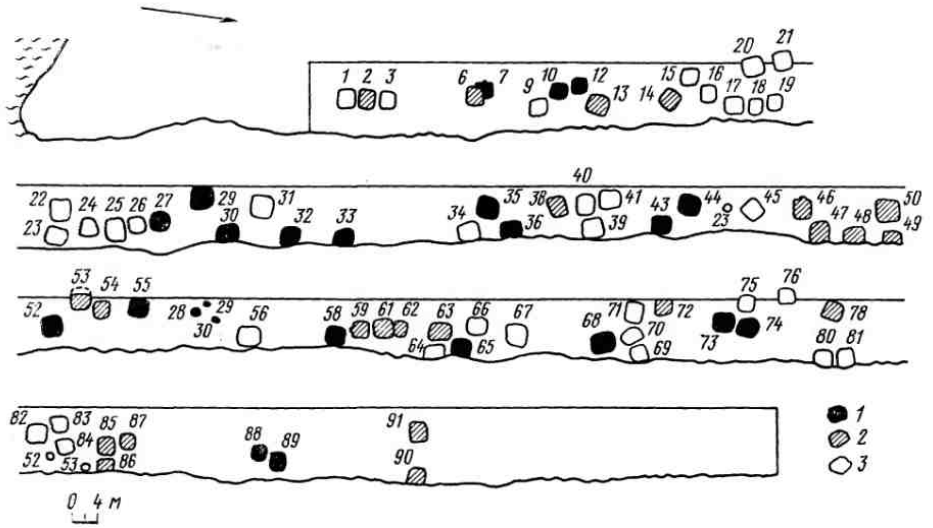


Рис. 3. Расположение определенных хронологически жилищ на поселении Рашков III

1 — постройки первого периода; *2* — постройки второго периода; *3* — постройки третьего периода

конические миски и другие формы, характерные для этапа Луки-Райковецкой, которые на Днестре появляются уже в начале VIII в. Таким образом, наиболее реальные крайние даты поселения — вторая половина V — конец VII в.

Взаимовстречаемость и количественное соотношение вариантов сосудов в жилых и хозяйственных комплексах и их корреляция с данными стратиграфии, планиграфии и археомагнитной датировки, а также с датирующими находками (фибула, браслеты и др.) позволяет подразделить открытые объекты поселения Рашков III на три хронологические группы, отвечающие трем периодам существования поселения (рис. 2).

К I периоду относится 21 жилище и две хозяйственные ямы; ко II — 23 жилища и одна яма; к III — 35 жилищ и одна яма. Датировку остальных объектов определить не удалось. Полагаем, что они распределяются соответственно между выделенными группами, несколько увеличивая их, но не меняя хронологической схемы.

Изучение плана застройки поселения Рашков III показывает, что большинство жилищ и хозяйственных ям построены в определенном порядке. Полуземлянки всех трех хронологических периодов расположены группами и чередуются с группами хозяйственных ям (рис. 3). В пределах этих трех периодов, по-видимому, имеются еще и определенные строительные фазы, плохо различаемые по вещественному материалу. И хотя в основном это не меняет порядка групповой застройки поселения, все же вносит определенные уточнения. В каждом хронологическом периоде, кроме объектов, расположенных группами, включавшими от двух до семи жилищ, имеются постройки, стоявшие отдельно (рис. 3).

Следует обратить внимание еще на одну деталь застройки поселения. Уже в первом хронологическом периоде постройки занимают почти всю площадь, занятую селищем, располагаясь довольно редкими, но весьма регулярными группами. Удаленность групп и отдельных жилищ друг от друга составляет от 10 до 30 м. Во втором периоде застройка северо-

западного конца поселения отодвинула его прежнюю границу лишь на 10 м, когда там были построены еще две полуземлянки, № 90 и 91. В третьем хронологическом периоде, несмотря на значительное увеличение количества жилых построек по сравнению с предыдущими (не менее, чем на 12), появляются лишь две новые группы, а застройка не выходит за границы поселения. Жилища II и III периодов строятся, как правило, на площадках, уже занятых раньше под жилые объекты, не перекрывая мест старой застройки. Иногда они расположены и на новых участках, но при этом групповая структура планировки поселения не нарушается.

Таким образом, поселение Рашков III с начала возникновения и до запустения застраивалось на всей отведенной для него площади. Жилища расположены группами, чередуясь с группами хозяйственных ям, также сооруженных на специально отведенных для этого участках. На поселении имеются места, свободные от застройки, возможно, площади, места собраний. Во время раскопок не просматривались улицы. Однако предположительно угадывается улица по краю поселения у самого русла реки, по краю берега, в настоящее время обвалившегося в результате его подмыва.

Таким образом, можно констатировать определенную систему застройки поселения, соответствовавшую социальной структуре славянского общества в середине I тысячелетия н. э. Исследования Рашкова показали, что старые взгляды на славянские поселения, как на маленькие общинные поселки с беспорядочной застройкой, требуют существенных корректив. Рашков III — это значительное, существовавшее длительное время селище. Его исследование убедительно подтвердило преобладание групповой застройки на славянских селищах V—VII вв., уже известной по раскопкам в Дессау-Мозиккау и на других поселениях [1]. Все жилые и хозяйственные одновременные постройки расположены группами по два, пять, а то и семь жилищ, составляя один двор, одну хозяйственную единицу с общими подсобными сооружениями. Наряду с этим наблюдается зарождение тенденции к выделению индивидуальных жилищ-дворов, хорошо просматривающихся на плане, представляющих застройку поселения по отдельным хронологическим периодам (рис. 3).

Обращает на себя внимание еще одна особенность, характерная для славянских памятников V—VII вв., также довольно четко выраженная на нашем поселении. Это количественное преобладание жилищ над хозяйственными ямами, которые в числовом выражении соотносятся, как 2 : 1, т. е. на два жилища приходится одна хозяйственная яма.

Определенные нами черты поселения: групповая застройка, количественное нарастание жилищ в группах, традиция не тревожить места старых построек новыми объектами (лишь дважды перекрываются жилища), количественное преобладание жилищ над хозяйственными ямами, небольшие размеры жилищ и значительные объемы хозяйственных ям — все это отражает определенную форму социальной организации жителей рашковского селища, систему семейных и хозяйственных отношений.

Исходя из этих данных, основной экономической ячейкой славянского общества в V—VII вв. можно считать большую патриархальную семью. В нее на поселении Рашков III входило от двух до семи малых семей, определяемых количеством жилищ в группе. Каждая большая патриархальная семья представляла собой отдельную хозяйственную единицу — со своим двором и хозяйственными постройками, в которых преимущественно содержались продукты питания. Последние использовались коллективно, всей семьей, о чем говорит всегда меньшее количество ям, чем жилищ в группе.

Исходя из такой социальной структуры, можно полагать, что патриархальная семья имела в своем пользовании определенный участок пахотной земли, которая обрабатывалась сообща всеми ее членами, сельскохозяйственный инвентарь, скот, хозяйственные помещения. Леса, луга, пастбища были общими, находясь во владении всей сельской общины. Однако жилища, судя по их незначительным размерам, находились в пользовании малых семей, входивших в патриархальную семью. По-видимому, каждая малая семья, получая из общего семейного амбара продукты, сама готовила себе пищу.

Наблюдается процесс выделения малых семей в отдельные самостоятельные хозяйственные единицы. Их количество с развитием поселения, хотя и медленно, но последовательно увеличивается, составляя в разные периоды существования поселения приблизительно 1—5% количества жилищ. Все это позволяет рассматривать славянские селища раннего средневековья (V—VII вв.) типа Рашкова III как переходную форму от первобытно-соседской к соседской общине. В ней большие патриархальные семьи выступают в экономической области как соседи. Внутри они еще сохраняют черты родово-общинного строя как в хозяйственной, так и в семейной жизни, представляя собой замкнутые коллективы людей, ведущих натуральное хозяйство. Довольно ярко просматриваются кровнородственные узы, выражающиеся в традициях строить жилища в пределах семейной группы, не нарушая при этом мест старой застройки своих сородичей. Процесс выделения внутри большой патриархальной семьи малых семей выражается в постройке жилищ для каждой из них, а в дальнейшем — в выделении их в самостоятельные хозяйственные единицы. Но этот процесс на славянских поселениях V—VII вв. находился на этапе зарождения и проходил еще довольно медленно. Большая патриархальная семья сохраняет ведущее положение на поселении в рамках сельской общины. Экономическая взаимозависимость больших патриархальных семей и выделившихся малых определяется уровнем развития производительных сил. Можно предположить, что некоторые крупные хозяйственные ямы на поселении находились в собственности сельской общины в целом. В них хранились общинные запасы зерна или других продуктов, которые в случае нужды (голод, мор, засуха) разделялись между ее членами.

Следует отметить еще одну черту славянского селища в Рашкове — отсутствие признаков имущественной дифференциации. Ни одно из исследованных жилищ не выделялось своими размерами, конструктивными особенностями или богатством инвентаря. К этому следует добавить, что и на всех других славянских поселениях V—VII вв. эти признаки не наблюдаются. В то же время на синхронном славянском городище у с. Зимно на Волыни найден богатый инвентарь: орудия труда, оружие, конская сбруя, более сотни украшений, изготовленных из цветных металлов и из серебра, а также византийская монета [2]. Городище как по своему местоположению на высоком материковом мысу и укреплениям, так и по богатству находок выделяется среди славянских памятников V—VII вв. Это был, по всей вероятности, центр одного из славянских племен (возможно, дулебов) [3], место пребывания дружины и племенной знати. Из этого можно сделать вывод, что имущественная дифференциация славянского общества в V—VII вв. прослеживается археологически только на уровне выделения дружинной и племенной верхушки. На более низких уровнях, в том числе на уровне сельской общины, она не прослеживается.

Исходя из материалов Рашкова, а также исследований Б. А. Тимощука в Северной Буковине [4], с учетом всех других широко исследованных поселений, можно заключить, что славяне в конце V—VII в. находились на этапе перехода от первобытно-соседской к соседской общине. Славянские селища состояли из определенного количества патриархальных семей (на рашковском поселении в различные периоды их насчитывалось от семи до девяти), представлявших собой родственные коллективы из малых парных семей, жилища и хозяйственные постройки которых располагались группами, составляя отдельные дворы, а вместе — сельскую общину. Они отчетливо прослеживаются по планировке поселений.

Наряду с большими селищами, по данным исследований Б. А. Тимощука, существовали и малые, расположенные гнездами на близком расстоянии друг от друга. Их могло быть от двух до пяти и больше. На каждом из них проживала лишь одна большая патриархальная семья — семейная община, а вместе они составляли «...большое селище — группу семейных общин» [5]. На малых поселениях в отличие от больших типа Рашкова III признаки выделения индивидуальных хозяйств пока не прослежены.

Социальная структура славянского общества V—VII вв. определялась уровнем развития производства. Его экономической основой было подсечно-пашенное и переложное земледелие, а также скотоводство [6].

[1] *Krüger B.* «Zoberberg» in Dessau–Mosigkau // Schr.-R. Mus. Naturk. und Vorges. Dessau. Dessau, 1967. H. 2. S. 18. Abb. 7.
[2] *Ауліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. э. в Західній Волині. Київ, 1972. С. 4—100.
[3] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дніпром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 79.
[4] *Тимощук Б. А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв.: (По археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1983. С. 14—24.
[5] Там же. С. 14—15.
[6] *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1969. С. 17—19.

Д. А. Беленькая, Л. С. Розанова

НОЖИ С КЛЕЙМАМИ ИЗ ЗАРЯДЬЯ

В 1955—1962 гг. в г. Москве на территории западной части Зарядья в слоях конца XIV — начала XVII в. была собрана коллекция ножей с клеймами на лезвиях. Всего в коллекции 24 ножа и две пары ножниц [1]. Из 26 предметов с клеймами 21 найден в пределах одной усадьбы.

Ножи с клеймами встречаются и в некоторых других средневековых городах нашей страны: в Новгороде в слоях XIV—XV вв., в Переяславле-Рязанском в слое XV в. В Государственном Историческом музее среди уваровских материалов с территории бывшей Владимирской губернии хранится пластинчатый нож с клеймом [2]. При раскопках Старого Орхея собрана коллекция клейменых ножей с 36 разновидностями клейм [3].

Клейма на всех упомянутых ножах расположены на левой стороне лезвия и выполнены способом вдавливания или вбивания штампа. Типы клейм, их разнообразие, множество аналогий среди клейм западноевропейского черного металла, технология их нанесения на полотно ножа — все это включает зарядьевскую коллекцию в общий круг проблем запад-

ноевропейского ремесла и международной торговли XIV—XVI вв. Одна из главных функций ремесленных цехов запада — борьба за монополию на общую ремесленную специальность. Путь этой борьбы лежит, в частности, через контроль за качеством товара, чему в первую очередь и служит институт клеймения изделий [4]. Косвенным подтверждением западноевропейского происхождения зарядьевских ножей с клеймами служит скопление их на большой купеческой усадьбе.

Все 26 предметов с клеймами на основе данных стратиграфии делятся на четыре хронологические группы: конец XIV в.— 3 экз.; XV в.— 5 экз.; XVI в.— 10 экз.; первая половина XVII в.— 5 экз. Из 24 ножей только 2 экз. (из слоя второй половины XIV в. и из слоя XV в.) были черешковыми, остальные 22 ножа имели пластинчатые черенки.

По форме лезвия ножи коллекции делятся на восемь типов. Для трех ножей первого типа (конец XIV в.) характерна конусовидная форма лезвия: широкое лезвие у основания, спинка прямая, нос заострен (рис. 1, *6*). Ко второму хронологическому периоду (XV в.) относятся пять ножей двух типов: ножи второго типа небольшие по размерам, лезвие не имеет выступа у рукояти (рис. 1, *1, 8, 11*). Ножи третьего типа имеют довольно широкое лезвие, выступ у рукояти, прямую спинку, заостренный нос (рис. 1, *12*).

На третий хронологический период приходится 10 ножей трех типов: четвертый тип — полотно лезвия средней ширины, нос ножа тупой, образован плавной линией спинки (рис. 1, *2, 9, 16*). Пятый тип — широкое полотно лезвия, нос тупой, образован тремя линиями: срез полотна сверху, снизу и с торца (рис. 1, *15*). Шестой тип ножей имеет узкое лезвие с заостренным концом (рис. 1, *13*). Постепенный переход от лезвия расширенной формы к более узким в середине XVI в. известен по эволюции форм английских ножей [5].

К третьему периоду (первая половина XVII в.) относятся пять ножей двух типов. Тип седьмой — широкое полотно лезвия, нос образован плавным изгибом вверх нижней линии и четкой линией верхнего среза (рис. 1, *5, 10*). Тип восьмой имеет среднее по ширине полотно, нос заострен с помощью верхней плавной дугообразной линии (рис. 1, *4*).

О рукоятках привозимых в Россию ножей Н. И. Костомаров в «Очерках торговли Московского государства XVI—XVII вв.» пишет: «...ножи стырские с желтыми черенками, чацкие (датские) с черными черенками, свицкие (шведские) разносторонние: одна сторона сандальная, другая белая» [6]. Из 24 ножей московской коллекции только у 11 сохранились рукоятки: семь деревянных и четыре костяные. Латунные детали рукояти (навершия, заклепки) сохранились на двух рукоятках XV в., одной — XVI в. и одной — XVII в. Подобные рукоятки (дерево или кость, латунные детали) встречаются у английских ножей первой половины XV в.[7]

Из 26 предметов с клеймами 15 ножей были подвергнуты металлографическому анализу, чтобы раскрыть технико-технологические приемы, используемые для производства ножей, и выяснить на основе сравнения сходство и различие этих приемов с приемами изготовления ножей без клейм, встречающихся на древнерусских памятниках в слоях того же времени.

Металлографическое изучение проведено в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Пробы для изготовления шлифов брались с рабочей части изделия. Ниже приводятся характеристики ножей четырех хронологических групп, о которых говорилось выше.

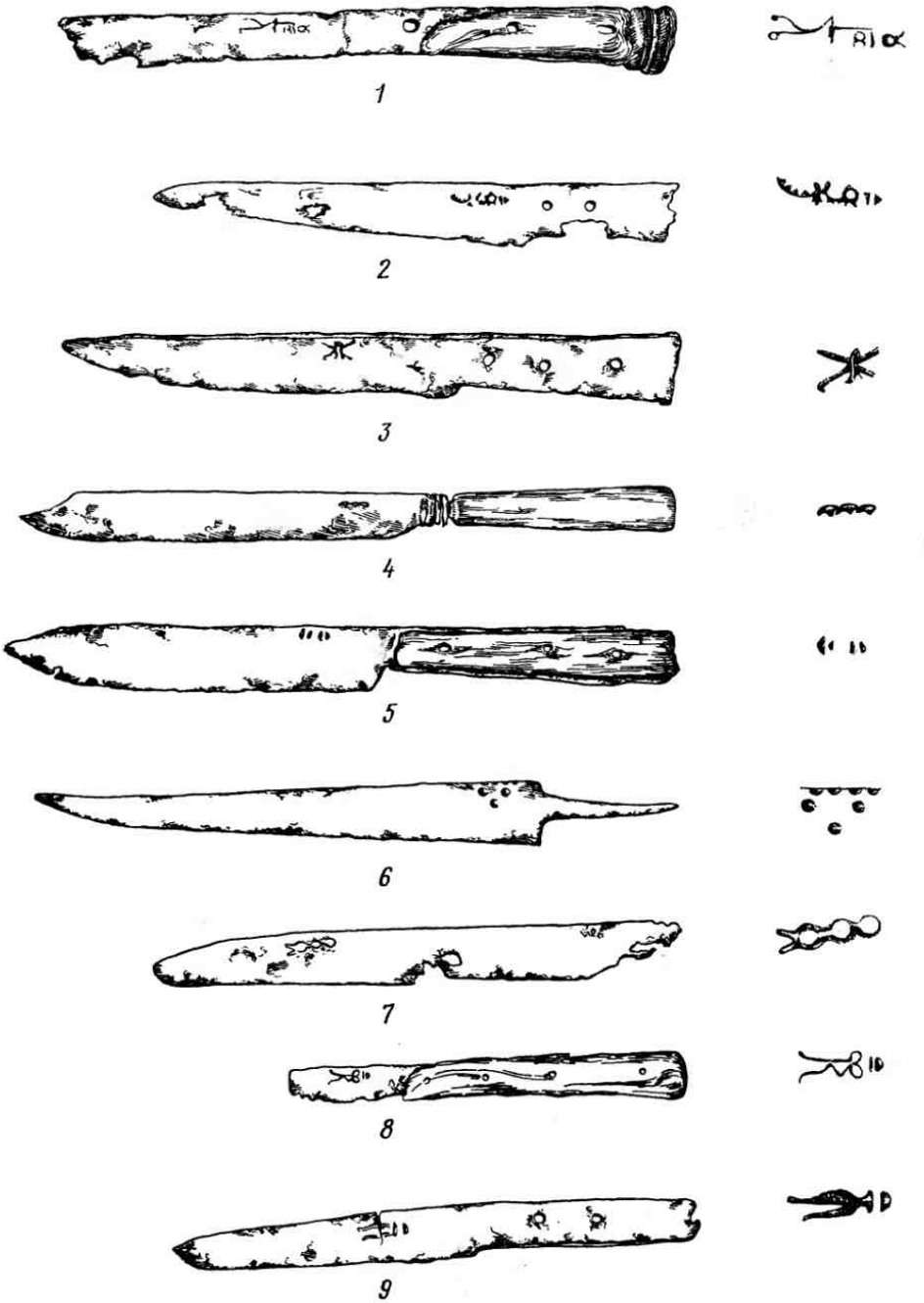
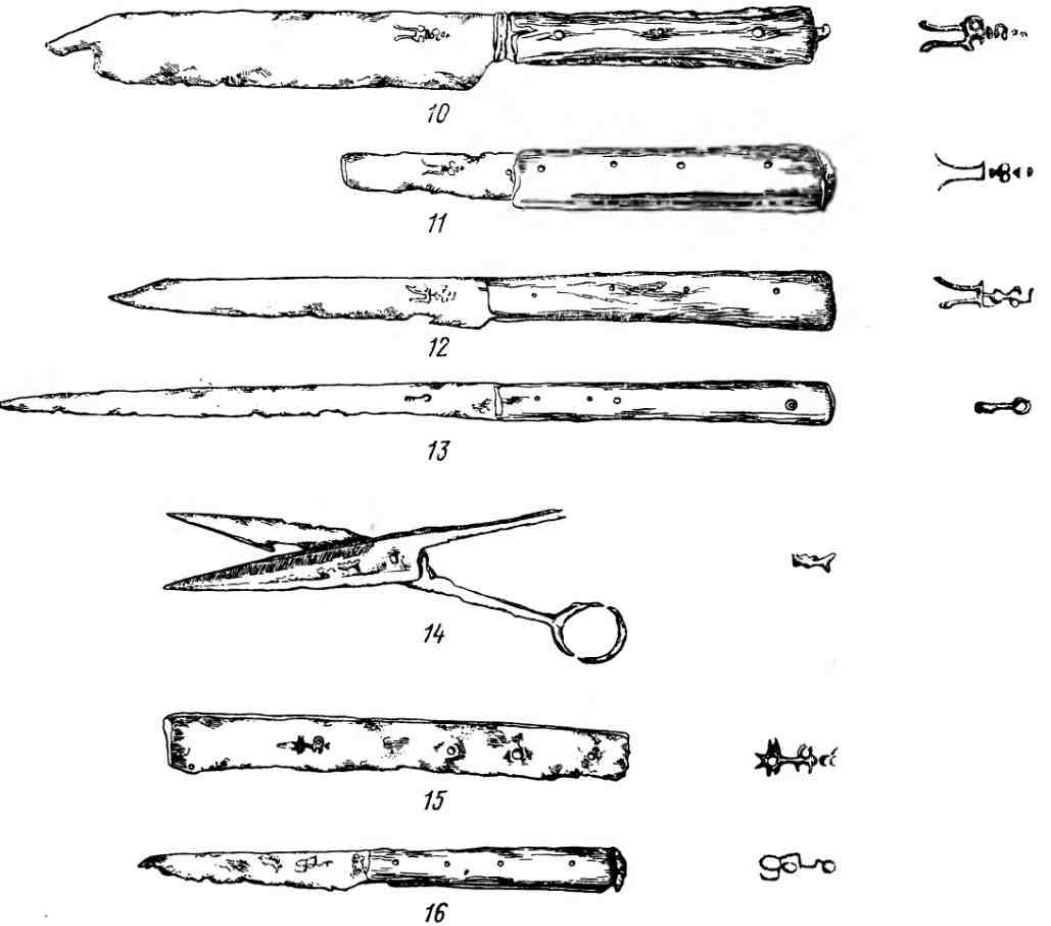


Рис. 1. Ножи с клеймами с территории Зарядья



10

11

12

13

14

15

16

Все три ножа первой группы (конец XIV в.) выполнены в близких вариантах одной технологической схемы — наварки стального лезвия. Клинки двух ножей изготовлены косой боковой наваркой, клинок третьего ножа — торцовой наваркой. Заготовкой для основы черешкового ножа первой группы явилась полоса металла невысокого качества. Невысокого качества и кузнечная сварка, о чем свидетельствует расслоение сварочного шва. Два других ножа группы изготовлены из загрязненного шлаками мягкого железа. Близость форм и свойств металла, а также технологии изготовления ножей первой группы позволяют предположить, что они изготовлены в одном ремесленном центре или в близко расположенных центрах.

Ко второй хронологической группе (XV в.) относятся пять ножей, металлографическому анализу подвергнуто 4 экз. Изготовлены ножи по двум технологическим схемам: три ножа имеют цельнометаллические клинки, один нож изготовлен методом сварной технологии с применением боковой наварки стального лезвия на железную основу. Сварочный шов тонкий, но недостаточно четкий.

Третья группа ножей (XVI в.) состоит из 10 экз., три из которых были металлографически исследованы. Два ножа были изготовлены в тех-

нологии цельностальной конструкции клинка, один — наваркой стального лезвия, которая осуществлена в виде латинской буквы V.

Из пяти ножей четвертой группы (XVII в.) анализу подвергнуты 3 экз. В результате получены две технологические схемы изготовления ножевых лезвий: технологическая конструкция цельностального клинка и технология наварки, причем у одного ножа обнаружена наварка в виде латинской буквы V, а другой имел косую боковую наварку.

Итоги технологического анализа можно свести к следующему: в процессе исследования не удалось проследить связь отдельных типов ножей с какими-то определенными, только им свойственными технологическими схемами изготовления. Четко проступает тенденция к упрощению технологии: в XV в. появляются ножи с цельностальными клинками.

Технология производства ножей с клеймами близка к древнерусской. Упрощение технологии на русских материалах прослеживается примерно в те же периоды. По-видимому, уровень технического развития железообрабатывающего производства Восточной и Западной Европы был одинаков.

Качественный уровень ножей коллекции не всегда одинаков и не всегда отвечает требованиям, предъявляемым к режущему инструменту. Наряду с высококачественными изделиями, составляющими подавляющее большинство, есть серия ножей, клинки которых откованы из низкосортной мягкой стали или железа. Такой нож обладает невысокими рабочими качествами. Существование изделий такого уровня в эпоху развитого средневековья можно объяснить потребностями рынка: они, видимо, относились к числу самой дешевой продукции.

Обратимся к описанию клейм.

№ 1. Клеймо в виде кузнечных клещей. Стратиграфически датируется концом XIV в. Полной аналогии не найдено. Изображение клещей присутствует на одном из английских ножей XVI в.[8]

№ 2. Клеймо в виде трех точек (рис. 1, *6*). Дата — конец XIV в. Близкие аналогии: клеймо в виде двух точек на чешском ноже XV в.[9]; в книге о военном оружии Аугуста Деммана подобное клеймо отмечено на нюрнбергских мечах конца XV в. и на итальянских алебардах XVI в.[10]

№ 3. Клеймо, напоминающее изображение ножниц (рис. 1, *3*). Дата — конец XIV в. Самая близкая аналогия — клеймо на стволе немецкого ружья XVIII в.[11]

№ 4. Клеймо в виде буквы «П» с непонятным дополнительным изображением (рис. 1, *11*). Дата ножа — XV в. Близкое по облику клеймо украшает железный серп Будапештского музея этнографии.

№ 5. Клеймо в виде усложненного начертания буквы «Р» (рис. 1, *8*). Дата — XV в. Близких аналогий не обнаружено.

№ 6. Клеймо неясное, плохо сохранилось. Кажется, сочетание букв (рис. 1, *1*). Дата — XV в.

№ 7. Клеймо в виде буквы «П», обнаруженное на ноже из слоя городища Кузнечик Московской обл., аналогичное клейму № 4. Дата — XV в. Два подобных клейма обнаружены на ножах участка VIII в Зарядье на берегу Москвы-реки.

№ 8. Клеймо на ножницах в виде лилии. Дата — XV в. Близкой аналогией является одно из дрезденских клейм XVI в. и клеймо на стволе немецкого ружья XVIII в.[12]

№ 9. Клеймо не сохранилось. Дата — XV в.

№ 10. Клеймо плохо сохранилось, изображение неясное. Дата — XVI в.

№ 11. Клеймо в виде какого-то инструмента типа клещей (рис. 1, *9*). Дата — XVI в. Аналогий нет.

12. Клеймо плохо сохранилось, изображение не читается (рис. 1, *2*). Дата — XVI в. Детальное сходство есть с клеймами на польских мечах конца XV—XVI в.[13]

№ 13. Клеймо в виде двух рядом расположенных подков. Дата — XVI в. Близкая аналогия — изображение конской подковы на стволе английского ружья XVIII в.[14] Известны подобные клейма на английском серебре XV в.[15]

№ 14. На месте клейма изображение инструмента ювелиров (рис. 1, *7*). Дата — XVI в. Аналогий не обнаружено.

№ 15. Клеймо неясных очертаний (рис. 1, *15*). Детально близко нескольким клеймам из Старого Орхея. Дата — XVI в.

№ 16. Клеймо в виде двух шестиконечных звездочек с овалом в центре. Дата — XVI в. Аналогией являются восьмиконечные звездочки из коллекции Старого Орхея. Подобные звезды есть на польских мечах XVI в.[16] и на боевом топоре из Военного музея Будапешта.

№ 17. Клеймо в виде ключа (рис. 1, *13*). Дата — XVI в. Близким является клеймо из Дрездена, хотя там изображен ключ другого типа[17]. Есть изображения ключа на английских ножах XVIII в.[18] и на английском серебре XV в.[19]

№ 18. Клеймо не сохранилось. Дата — XVI в.

№ 19. Клеймо плохо сохранилось. Дата — XVI в.

№ 20. Клеймо плохо сохранилось. Дата — XVII в.

№ 21. Клеймо не сохранилось. Дата — XVII в.

№ 22. Клеймо в виде буквы «П» с неясным дополнительным изображением (рис. 1, *10*). Аналогично клеймам № 4 и № 7.

№ 23. Клеймо в виде буквы «П» с неясным дополнительным изображением. Дата — XVII в. Аналогично клеймам № 4, 7, 22.

№ 24. Клеймо в виде короны (рис. 1, *14*). Дата — XVII в. Подобного рода клейма встречаются на самых разных изделиях, в частности близкая аналогия — клеймо на английском ноже второй половины XVII в.[20] Шведский исследователь Бринольф Хеллнер считает, что клеймо имеет общее сходство с клеймом на шведской рапире середины XVI в. в Арбоге.

№ 25. Клеймо в виде трех полукружий (рис. 1, *4*). Дата — XVII в.

№ 26. Клеймо в виде трех небольших окружностей, нанесенных пуансоном. Форма ножа, типичная для слоя древнерусского города, позволяет предполагать местную имитацию распространенного клейма. Дата — XV в.

Аналогий с полным совпадением очертаний клейм, как видим, нет, за исключением одного-двух (клейма № 4, 7, 8). Им аналогичны клейма с изделий, найденных в Старом Орхее, в Венгрии, клеймо немецкого ружья XVII в.

По мнению Блейера, сотрудника лондонского «Музея Виктории и Альберта», в московской коллекции нет английских ножей и самое вероятное место их производства — Германия. Доктор Улеманн из Золингена считает, что некоторые из клейм коллекции связаны с Юго-Восточной Европой. Среди центров, производивших изделия из черного металла на вывоз, упоминаются Фландрия и Австрия (Инсбрук)[21]. Очень интересно сообщение, приведенное в работе Штефана Паску «Экономические отношения между Молдавией и Трансильванией во время Стефана Великого». Согласно таможенной описи трансильванского города Брашова, в 1503 г. молдавскими купцами здесь закуплено 25 232 ножа из Штирии (Австрия). В 1503 г. купец Хануш из Бани (Молдавия) приво-

зит из Брашова 1000 ножей штирийского происхождения, а купец Никула из Сучавы (Молдавия) привез 3000 ножей штирийских [22].

На русском рынке ножи издавна фигурируют как статья ввоза из стран Западной Европы. Среди ввозимых ножей фигурируют стырские (видимо, из Штирии — Австрия), чацские (датские), свицкие (шведские), угорские (венгерские), чешские и силезские [23].

Различные источники (включая сюда и аналогии клеймам на ножах) подчеркивают возможность существования среди ножей московской коллекции прежде всего изделий Венгрии, Чехии, Австрии, южных немецких городов.

До 1475 г. важнейшим направлением русской европейской торговли было южное, т. е. торговля через Каффу [24]. В. Е. Сыроечковский в работе «Гости-сурожане» писал, что ранний расцвет московской торговли определялся не столько западными, сколько юго-восточными ее связями [25]. В конце XV в. чешско-русские связи в торговле сменились на русско-польские. Отправной точкой в контактах с Польшей и Германией являлся Вильнюс. Это направление торговли охватывает Польшу, юг Литвы, Молдавию и Венгрию. О торговых контактах с Венгрией свидетельствуют известные на Руси угорские золотые. В начале XVII в. через Польшу венгерская медь шла на Русь [26]. Долгое время посредниками в другом направлении торговли — торговли северо-восточной Руси с Ганзою — были Новгород и Псков.

С внешней торговлей в самой Москве была непосредственно связана целая группа купцов, и прежде всего купцов-сурожан. Коллекция ножей с клеймами, собранная с территории усадьбы, расположенной на склоне к Москве-реке в западной части Зарядья, имеет прямое отношение к купцам-сурожанам. Судя по описанию пожара 1468 г.[27], этот район Великого посада занимали дворы купцов. О рассматриваемой усадьбе (площадь ее около 2000 кв. м) нам уже приходилось писать в связи с небольшой шиферной иконкой, найденной здесь. Иконка позволяет связать усадьбу с крупными московскими купцами Тараканновыми [28]. По мнению исследователей, Тараканновы занимались южной торговлей и входили в группу московских, а затем и новгородских сурожан [29]. О восточном направлении торговли Тараканновых говорят отдельные факты и группа находок с территории усадьбы, таких, как среднеазиатские терракотовые фляги со штампованным орнаментом, фрагменты иранской поливной посуды, китайских селадоновых чаш. Вместе с тем в 1547 г. Новгородский Софийский Дом покупает у Петра Тараканова семь поставов «сукон тюпинских» [30]. В 1524 г. Василий Никитич Тараканов — «поминки» турецкому послу, что, по мнению А. А. Зимина, также говорит о связи с восточной торговлей [31].

Однако, кроме восточного импорта, на усадьбе Тараканновых найдены и предметы западного происхождения, причем отдельные находки известны в Москве только с территории этой усадьбы. Среди находок из слоя конца XV в. происходит круглая крышечка небольшой (диаметр 3,3 см) плоской коробочки из биллона с изображением на лицевой стороне дракона. Аналогичные предметы обнаружены в Новгороде (6 экз.) и Пскове (9 экз.) [32] и датируются XIV—XV вв. Исследователи единодушно связывают подобные находки с западноевропейским импортом [33]. Существует предположение, что коробочки были предназначены для хранения восковых печатей [34].

В слое первой половины XVI в. найдено несколько слипшихся стеклянных кружков, диаметр каждого 4,4 см. По мнению Ю. Л. Щаповой,

изделия эти западноевропейского производства и предназначены для небольших овальных медальонов [35].

В слое XVI в. найден кожаный переплет с орнаментом, сохранившим кое-где позолоту [36]. В «Каталоге интересных переплетов из немецких музеев» опубликован переплет XVI в., очень близкий по орнаменту зарядьевскому [37].

В слое конца XVI — начала XVII в. найдена свинцовая со следами позолоты английская булла, на лицевой стороне которой изображен герб английских королей, на обороте — герб Шотландии [38]. Этим же временем датируются два счетных жетона, изготовленные нюрнбергским мастером Гансом Краувинкелем (1580—1611 гг.) [39]. К XVI в. относится и товарная свинцовая пломба, а также и фрагменты так называемой рейнской керамики.

Часть перечисленных находок, такие, как счетные жетоны, торговая булла, скопление стеклянных вставок для медальонов и, наконец, коллекция ножей с клеймами, подчеркивают характер занятий хозяев усадьбы. Свидетельствуют эти находки и о том, что Таракановы, видимо, как и другие семьи крупного купечества, активно продолжая в конце XV—XVI в. заниматься восточным импортом, не менее активно участвовали в то же время в торговле с западными государствами, используя чешское и польское посредничество и непосредственно сталкиваясь с западными купцами в Новгороде и Пскове.

[1] На прибрежных участках Зарядья (раскопки 1949—1951 гг. под руководством М. Г. Рабиновича) были найдены еще три ножа с клеймами. Два из них имеют клейма, идентичные обнаруженным на лезвиях ножей с северных усадеб Зарядья.
[2] ГИМ. Отдел древнерусской археологии. Р. 2950. Оп. 59. N 3703. Ед. Хр. р10/19а.
[3] Благодарим П. П. Бырню за сообщение этих сведений.
[4] *Сванидзе А. А.* Некоторые вопросы истории цехового строя Стокгольма (Конец XIV—XV в.) // СВ. 1964. Вып. 25. С. 136.
[5] *Hayward J. F.* English culture, sixteenth to eighteenth century. L., 1956. P. 4.
[6] *Костомаров Н. И.* Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII вв. СПб., 1853. С. 337.
[7] *Hayward J. F.* English culture. P. 4.
[8] Ibid. P. 22.
[9] Экспозиция музея замка Девин.
[10] Dies Kriegswaffen in ihren Geschichtlichen Entwickelungen von den Altesten zeiten bis auf die Gegenwart eine Encycklopädie der Waffenkunde von August Demmin. Leipzig. 1891. S. 1014. 1017.
[11] *Ленц Э. Э.* О клеймах мастеров на оружии. СПб., 1911. С. 148, № 972.
[12] Там же. № 964.
[13] Экспозиция Вавеля. Краков.
[14] *Ленц Э. Э.* О клеймах мастеров... С. 158. № 1017.
[15] *Jeckson Ch. J.* English Goldsmiths and their marks. L., 1921. P. 79.
[16] Экспозиция Вавеля. Краков.
[17] Dies Kriegswaffen... S. 1018.
[18] *Hayward J. F.* English culture. P. 39.
[19] *Jeckson Ch. J.* English Goldsmiths... P. 79.
[20] *Hayward J. F.* English culture. P. 22.
[21] Ibid. P. 13.
[22] *Pascu S.* Relatiile economice dintre Moldova si Transilvania in timnul lui Stefan cel Mare // Studii cuprivire la Stefan ce Mare. 1955. P. 206. 211, 212.
[23] *Костомаров Н. И.* Очерки торговли... С. 337; *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. // Зап. ист.-филол. фак. Петербург. ун-та. СПб., 1878. ч. III. С. 166; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений. М., 1980. С. 40.
[24] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 47.
[25] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 9.
[26] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 51.

[27] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 319.
[28] *Беленькая Д. А.* Шиферная иконка из Зарядья // СА. 1983. № 2. С. 196.
[29] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 149; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 151.
[30] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород... С. 133.
[31] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 219.
[32] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 168; *Сергина Т. В.* Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 102.
[33] *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 170; *Рыбина Е. А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 219.
[34] *Рыбина Е А.* Готский раскоп. С. 219.
[35] Благодарим Ю. Л. Щапову за консультацию.
[36] *Беленькая Д. А.* О грамотности московских горожан в XIV–XVII вв. // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 51.
[37] Katalog der in germanischen Museum vorhandennen interessanten Ruchenbänden und Teile von solchen. Nürnberg, 1889. S. 69.
[38] *Беленькая Д. А.* Английский двор в Москве // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 314.
[39] *Дубинин А. Ф.* Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИА. 1959. Вып. 77. С. 99.

А. З. Винников

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА р. ВОРОНЕЖЕ

В исследованиях Б. А. Рыбакова, посвященных Киевской Руси, памятникам донских славян уделяется немало места. Рассматривая этот район как восточные рубежи славянского мира, он, с одной стороны, подчеркивает их своеобразие, связанное с окраинным положением, с другой — отводит немалую роль этой группе славянского населения и их соседям в общеисторическом процессе, протекавшем в восточноевропейской лесостепи в последних веках I тысячелетия н. э. Особое внимание Б. А. Рыбаков уделяет памятникам, расположенным на р. Воронеже, рассматривая один из них — городище у Михайловского кордона как город Вантит в стране вятичей — пограничный торговый пункт на пути из Волжской Болгарии в Киев [1].

Исследования памятников донских славян показали, что они в целом являются неотъемлемой частью восточнославянского мира. Обладая многими общими чертами материальной и духовной культуры с другими восточнославянскими группировками, сами они не представляют по многим показателям полного единства. В этом отношении особый интерес представляют поселения и могильники, расположенные на р. Воронеже, специфика которых уже отмечалась исследователями [2] (рис. 1).

Археологическое исследование этих поселений началось в конце 20-х годов экспедицией ГАИМК, которая в 1928 г. провела небольшие раскопки на городище у Михайловского кордона [3]. Были раскопаны две полуземлянки. Получена небольшая коллекция керамики, главным образом славянской, а также фрагменты гончарного красноглиняного кувшина и гончарного горшка с линейно-волнистым орнаментом салтово-маяцкой культуры.

Небольшие работы были проведены и на Кузнецовском городище, где заложено два раскопа общей площадью 135 кв. м. Открыты жилые поме-

щения и металлообрабатывающие мастерские, обнаружены новые виды посуды [4]. Затем в 30-х годах сотрудниками Воронежского областного краеведческого музея на данном городище были осуществлены охранные раскопки во время строительства санатория им. М. Горького. Было исследовано около 30 построек различного характера: жилые, производственные, хранилища. Собрана интересная коллекция вещей, которая, к сожалению, почти вся пропала в годы Великой Отечественной войны, а результаты этих работ получили лишь частичное освещение в литературе [5].

В 50-х — начале 60-х годов археологами на р. Воронеже были открыты некоторые новые памятники и сделаны интересные наблюдения на уже известных. На территории Лысогорского могильника в обнажении берега был прослежен незначительный культурный слой и остатки полуземлянки с печью-каменкой [6]. Курганному могильнику предшествовало неукрепленное поселение. Керамика, найденная в полуземлянке, отличается архаичностью: орнамент по тулову в виде налепных шишечек, слабая профилированность форм. На Лысогорском курганном могильнике [7] отмечено и бескурганное погребение, вероятно связанное с более ранним селищем. Палеоботаническое исследование подкурганных погребенных почв на Лысогорском могильнике было сделано Б. П. Ахтырцевым. Он определил, что эти почвы подвергались сельскохозяйственной обработке, в них даже были обнаружены угольки, возможно связанные с подсечно-огневым земледелием. В верхнем течении реки Воронеж у с. Ярлуково в Липецкой обл. открыто полуземляночное жилище с керамическим комплексом, предшествующим боршевской керамике [8].

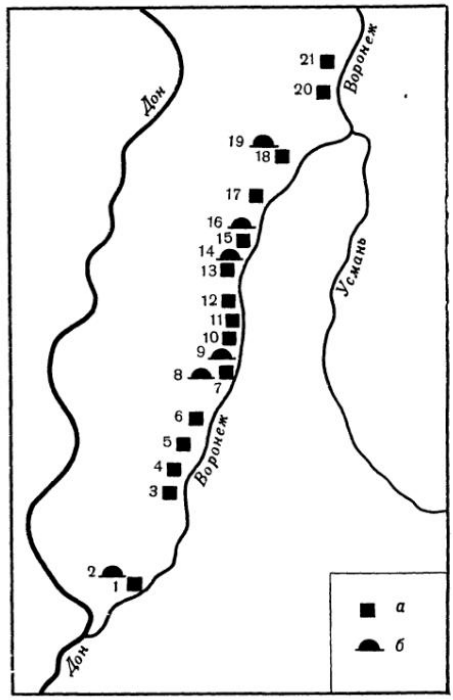


Рис. 1. Поселения и могильники

1, 2 — с. Шилово; *3, 4* — г. Воронеж (южная окраина); *5* — г. Воронеж («Акатова поляна»); *6* — г. Воронеж (стадион «Динамо»); *7, 8* — санаторий им. М. Горького («Кузнецова дача»); *9—11* — г. Воронеж (урочище Лысая гора); *12* — г. Воронеж (урочище Михайловский кордон); *13—16* — г. Воронеж (урочище Белая гора); *17* — с. Чертовицкое; *18—19* — с. Староживотинное; *20, 21* — Рамонь; *а* — поселение; *б* — могильник

Ранние волны славянского заселения прослеживаются не только на р. Воронеже, но и в более восточных районах. Из поселения Дрониха на р. Битюге в Таловском р-не Воронежской обл. получена очень интересная коллекция славянской керамики, орнаментированной только по верху венчика вдавлениями палочки, пальца. По общему облику она близка к ранним типам керамики Луки-Райковецкой [9]. В 1983 г. у хутора Ендовский в Волгоградской обл. на Хопре Г. Е. Афанасьев обнаружил бескурганное погребение по обряду трупосожжения в сосуде, форма которого близка к керамике донских славян и находит аналогии в керамике памятников типа Луки-Райковецкой. Одно поселение со славянской кера-

микой, близкой к найденной на поселении Дрониха, обнаружено К. Ю. Ефимовым в 1983 г. на р. Карачан у д. Васильевки в Грибановском р-не Воронежской обл.

Таким образом, начало освоения славянами бассейна Дона, в том числе и р. Воронеж, было положено выходцами с Днепровского Правобережья, вероятно, в VIII в. Это были незначительные проникновения отдельных групп. Массовое заселение славянами р. Воронеж, принесшими и курганный обряд погребения, происходило несколько позднее — в IX в. Об этом свидетельствуют раскопки городищ и курганных могильников, проведенные в последние годы.

Интересные результаты дали исследования I Белогорского городища [10]. Оно расположено на высоком мысу размером 110×370 м и имеет три линии оборонительных сооружений. Раскопки внутренней (первой) линии выявили остатки деревянной оборонительной стены, снаружи присыпанной землей. Впереди был выкопан ров. Деревянная стена имеет сходную с аналогичными сооружениями на других славянских памятниках конструкцию [11]. На городище раскопана одна наземная жилая постройка, девять полуземляночных жилищ, более 20 ям хозяйственного назначения. Почти все полуземлянки имеют каркасно-столбовую конструкцию стен. В жилищах отопительные устройства двух типов: печи, сложенные из глины и камней, характерные для славянских жилищ, и открытые очаги, обложенные камнями, составляющие одну из особенностей жилищ населения салтово-маяцкой культуры.

На городище обнаружена металлообрабатывающая мастерская, где найдены кузнечные клещи, точильные камни, костяное острие, массивная каменная наковальня. Находки с I Белогорского городища представлены изделиями из металла (топор, пробойник, серп, обломок наральника, рыболовные крючки, ножи, наконечники стрел, долота и т. д.), кости (иглы, проколки, амулеты, лощило), а также украшениями (бронзовый перстень со стеклянной вставкой, височное перстнеобразное колечко с несомкнутыми концами, серебряный гребешок с двумя лошадиными головами, повернутыми в противоположные стороны).

Заслуживает специального рассмотрения керамический комплекс I Белогорского городища. Он представлен посудой лепной, гончарной и лепной правленной на круге. Лепная посуда — обычная славянская (горшки, миски, сковородки, противни), аналогии которой можно найти как на памятниках донских славян, так и на поселениях Поднепровья, включая памятники Луки-Райковецкой. Но процент керамики, орнаментированной веревочным штампом, значительно меньший по сравнению с донскими поселениями [12]. Гончарная керамика в основном салтово-маяцкая (горшки, кружки, кувшины, амфоры). На I Белогорском городище представлены как салтовские кухонные горшки, так и некоторые формы горшков, заимствованные у алано-болгарского населения. Полуземлянки с открытыми очагами, салтовская кухонная керамика свидетельствуют о наличии населения салтово-маяцкой культуры на славянском городище. Алано-болгары не изменили коренным образом технологию изготовления славянской посуды, но оказали определенное воздействие на керамическое производство славянского населения.

В 1976 г. небольшие раскопки были проведены на II Белогорском городище, расположенном в 1 км к югу от I Белогорского. В культурном слое и в выявленной полуземляночной постройке встречена в основном славянская керамика без веревочного орнамента. Салтовской кухонной керамики нет, но имеется несколько фрагментов от гончарных кувшинов.

В последние годы ведутся раскопки на Животинном городище у с. Староживотинное Рамонского р-на Воронежской обл. Городище занимает мыс правого берега р. Воронежа. Здесь исследовано более 30 жилищ, 100 хозяйственных ям и погребов. Жилища представляют собой полуземлянки прямоугольной или квадратной формы размером 9—30 кв. м. В материк углублены на 0,25—1 м. Печи трех типов: каменки; комбинированные — нижняя часть сделана на материковом останце, а верх из камня; целиком из глины. Почти все жилища имеют столбовую конструкцию, материковый пол, лишь в некоторых случаях (там, где материк — песок) покрыт деревянными плахами, от которых сохранились угольные прослойки.

На городище собрана большая коллекция вещей из металла (ножи, рыболовные крючки, долота, пробойники, наконечники стрел, копий и т. д.), глины (пряслица, грузила, различные поделки), кости (проколки, кочедыки, амулеты, изделия из обработанного рога), стекла (бусы, браслеты), из цветных металлов (перстни, обломки браслетов, серьги и т. д.).

В коллекции керамики из Животинного городища очень мало сосудов с веревочным штампом (менее 1%); кухонная салтовская посуда представлена лишь несколькими фрагментами тарной посуды (кувшины, амфоры, пифосы). Здесь впервые на славянских памятниках Донского бассейна выявлена раннегончарная керамика, которая является результатом эволюционного развития местного керамического производства.

Некоторые элементы использования донскими славянами примитивного гончарного круга, а точнее, поворачивающихся подставок отмечались и ранее, но только на Животинном городище имеется керамика, которую и типологически и по технологии производства можно отнести к ранней круговой посуде, которая датируется концом X — началом XI в.

Славянская керамика с Животинного городища очень близка керамике типа Луки-Райковецкой.

Подводя итоги исследования славянских поселений на р. Воронеже, необходимо подчеркнуть определенное своеобразие каждого из них в отличие от донских городищ, в культуре которых наблюдается значительно большее единство. На всех поселениях на р. Воронеже имеется салтово-маяцкая керамика, но лишь на I Белогорском встречены кухонные салтовские горшки, изготовленные в домашних условиях, свидетельствующие о проживании алано-болгарского населения и славян на каком-то этапе совместно. На других городищах (Кузнецовском, II Белогорском, Михайловский кордон, Животинном) выявлена, за редким исключением, только тарная посуда: кувшины, пифосы, амфоры, свидетельствующие о торговых связях славян с отдельными районами алано-болгарского мира, в том числе, возможно, и с Волжской Болгарией. Незначительный процент славянской керамики с веревочным штампом на I Белогорском городище и почти полное ее отсутствие на Животинном городище дают возможность говорить о некотором своеобразии славянской керамики воронежских городищ. П. Н. Третьяков, основываясь на материалах раскопок славянских поселений на Дону, определил веревочный штамп на посуде как один из главных этнографических признаков донских славян, выделяющих их керамику из раннесредневековых синхронных славянских древностей [13]. Этот тезис остается верным в известной степени только для донских городищ (Большое и Малое Боршевские, Титчихинское («Трудень»)).

Славянское население на воронежских городищах по составу отличалось от собственно донских славян, известных нам по раскопкам Боршев-

ских городищ и могильника, Титчихинского городища. Отличия весьма рельефно проявляются прежде всего в погребальном обряде. Для Боршевского могильника характерны деревянные погребальные конструкции в виде камеры и оградок, которые прослежены почти во всех курганах. Они позволяют связывать происхождение этой группы населения с верхнеокскими вятичами. В воронежских курганах нет такой стабильности погребального обряда. Здесь он представлен различными вариантами. Не останавливаясь подробно на характеристике этих вариантов, так как они освещены в литературе [14], отметим, что курганы с деревянными конструкциями здесь составляют в среднем лишь около 12%, а на отдельных могильниках их вообще нет. Но даже там, где они есть, они значительно отличаются своей более упрощенной конструкцией. При этом многие черты погребального обряда, выявленные в воронежских курганах, близки к особенностям славянских курганов Днепровского Правобережья типа Луки-Райковецкой [15]: большинство содержит одиночные захоронения, даже те, которые имеют деревянные камеры; помещение остатков кремации на погребенной почве независимо от того, где было трупосожжение — на стороне или на месте; захоронения в ямках; наличие в основании насыпи золисто-угольных площадок как свидетельство специального ритуала, иногда вместо костра в основании насыпи разбросаны угли и зола, вероятно принесенные с погребального костра.

Таким образом, районом, откуда в последней четверти I тысячелетия н. э. неоднократно осуществлялось перемещение славян на р. Воронеж, являлось Днепровское Правобережье. Не исключается и наличие вятического населения в рассматриваемом регионе. Погребальные камеры в ряде воронежских курганов более поздние по сравнению с камерами Боршевского могильника и появились они на р. Воронеже в результате переселения сюда части населения с р. Дон, которое могло произойти во второй половине X в. в связи с отходом славян с Дона под давлением кочевников. Были здесь и отдельные группы салтово-маяцкого населения, появившиеся, вероятно, в начале X в.[16]

[1] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 183, 259.

[2] *Москаленко А. Н.* К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения среднего и верхнего Дона // МИА. 1970. № 176. С. 109–110; *Винников А. З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

[3] *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 107–109.

[4] Там же. С. 91–101.

[5] Там же. С. 102–109; *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону. Воронеж, 1981. С. 31–35.

[6] *Москаленко А. Н.* Изучение славянских археологических памятников в бассейне верхнего и среднего Дона // Славянский сборник. Воронеж, 1958. № 1: Выпуск исторический. С. 143.

[7] *Винников А. З.* Славянские курганы... С. 49–50.

[8] *Комаров К. И.* Находка раннеславянской керамики на верхнем Дону // КСИА. 1972. Вып. 129.

[9] *Синюк А. Т.* Отчет к Открытому листу № 584 о раскопках поселения Дрониха Таловского р-на Воронежской обл. в 1980 г. // Арх. ИА АН СССР.

[10] *Винников А. З.* Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.

[11] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976. С. 82.

[12] *Винников А. З.* Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

[13] *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4. С. 83.

[14] *Винников А. З.* Славянские курганы... С. 45.

[15] *Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв. // СА. 1981. № 2; *Русанова И. П.* Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории северо-западной Украины // КСИА. 1973. Вып. 135; *Тимощук Б. А.* Слов'яни Північної Буковини... С. 94.

[16] *Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 94.

Л. А. Голубева

ДЕВОЧКИ-ЛИТЕЙЩИЦЫ

Находки инструментов для литья в женских погребениях Подболотьевского могильника муромы позволили В. А. Городцову предположить, что «многие из металлических украшений, к которым так неравнодушны были древние подболотьевские женщины, изготовлены их же руками» [1].

Б. А. Рыбаков объяснил интерес финно-угорских женщин к литейному делу распространением на северо-востоке Европы «стиля шумящих подвесок», которые изготовлялись в технике литья по восковой модели. Приготовление последней из провощенных нитей было близко исконным женским рукоделиям: вязанью, плетению и вышиванию; сам процесс литья происходил в домашних условиях, на очаге. Эти обстоятельства обеспечили в определенный период монополию женщин в литейном производстве. Б. А. Рыбаков впервые поставил вопрос о женском ремесленном литье как социальном явлении и определенном этапе в истории литейного ремесла у финно-угров, который он датировал VIII—X вв.[2]

Известный в настоящее время обширный археологический материал позволяет расширить хронологические рамки этого этапа в пределах второй половины I тысячелетия н. э.— первых веков II тысячелетия [3].

Погребения женщин-литейщиц известны на территории веси, мери, мари, муромы, мордвы; обнаружены они и у камских финнов. У финнов Поволжья археологами выявлено более 100 погребений женщин-литейщиц (табл. 1). Любопытно, что на рассматриваемой территории вплоть до X в. мужские погребения с орудиями литья неизвестны, хотя погребения кузнецов встречались неоднократно. Погребения мужчин-литейщиков появляются только в X—XI вв. Используя более прогрессивную технологию — литье в специальных сооружениях — кузнечных или литейных горнах, мужчины начали вытеснять женщин из сферы литейного ремесленного производства.

Наряду с погребениями взрослых литейщиц на территории муромы, мордвы, мари и мери открыты и погребения девочек с орудиями литья. Их известно пока 10. Несмотря на малочисленность, эти погребения впервые позволяют поставить вопрос об ученичестве в эпоху распространения женского ремесленного литья. Общеизвестно, что обучение девочек рукоделию происходило в семье с малолетства. Погребения девочек с льячками и формочками — несомненные свидетельства раннего приобщения к литейному делу — это погребения учениц. Можно думать, что в условиях домашнего производства женщины-ремесленницы готовили помощниц и будущих мастериц прежде всего из членов семьи.

Наиболее ранние погребения девочек-литейщиц датируются VI—VII вв. Одно из них обнаружено А. Ф. Дубыниным в 1947 г. при раскопках Малышевского могильника в Селивановском р-не Ивановской

Таблица 1

Погребения женщин-литейщиц VI — начала XIII в.

Время захоронения (век)	Весь	Меря	Мари	Мордва	Мурома	Количество погребений в могильниках
XII — начало XIII			1	1		2
X — XI			3	24	6	33
X	3	4	4	32	8	51
IX — X				4		4
IX				5	5	10
VI — VIII		3	6	3	2	14
Итого	3	7	14	69	21	114

обл.— земле муромы. В могиле 76 было два захоронения — мужчины и девочки-подростка. У головы девочки были льячка и шило. Датирующими находками являются красные пастовые бусы и пряжка «готского типа» *.

Второе погребение открыто А. Х. Халиковым в 1951 г. при раскопках могильника у д. Мари-Луговое (Марийская АССР). В могиле 35 было также двойное захоронение: женщины и девочки-подростка. У тазовых костей девочки положена льячка. Датируют погребение принадлежавшие девочке красные пастовые бусы [5].

Пять погребений девочек-литейщиц, относящихся к IX — началу XI в., обнаружены в могильниках муромы — Подболотьевском и Малышевском. В Подболотьевском могильнике В. А. Городцовым раскопаны два детских погребения с орудиями литья. В погребении 69, принадлежавшем, по определению исследователя, девочке лет 12, слева от черепа лежали тигель, половинка литейной формы и льячка [6]. В могиле 149 была захоронена девочка лет 10 с льячкой у ног [7]. Оба погребения относятся к X в.

При раскопках Малышевского могильника было открыто четыре погребения маленьких литейщиц. Об одном, самом раннем (погребение 76) мы говорили выше. Погребение 17, датированное А. Ф. Дубыниным IX в., принадлежало девушке-подростку. У ее головы были положены разбитые глиняные формочки, опрокинутая льячка, нож, шильце [8]. Погребение 193 — трупосожжение. По размерам обгоревших костей А. Ф. Дубынин определил его принадлежность девушке-подростку. Вместе с костями лежали льячка с застывшим металлом, две формочки, три шила. Среди украшений был серебряный дирхем-подвеска. Дата погребения — X в.[9]

В краткой публикации о раскопках могильника в 1947 г. А. Ф. Дубынин сообщил, что было открыто четыре женских погребения с льячками и формочками, «из них одно детское» [10]. По отчету устанавливаем, что детское погребение с льячкой находилось в могиле 72. Судя по украшениям, погребение принадлежало девочке.

По изданиям и полевым отчетам удалось установить одно погребение девочки-литейщицы у мордвы. В могиле 7 Крюково-Кужновского могильника находились кости двух трупосожжений, совершенных на стороне — женщины и девочки (кости последней лежали слева). Кости той и другой были уложены отдельно и в определенном порядке: к юго-востоку и наверху лежали черепные, плечевые кости, к северо-западу и ниже — бедреные, берцовые. В таком же порядке были расположены и украшения.

У девочки они состояли из бус, двух кольцевидных пряжек и подвески. Тут же находились маленький глиняный тигель и половинка глиняной формочки для отливки оловянных пуговиц (именно в этой формочке были отлиты пуговицы, украшавшие подол одежды женщины). В «головах» (девочки?) лежал сломанный и согнутый слиток олова [11]. Дата погребения — X в.

Все погребения, о которых говорилось выше, были совершены в грунтовых могилах. Еще два захоронения девочек-литейщиц известны в курганах. В Михайловском могильнике под Ярославлем, курган 6, раскопанный в 1938 г., содержал два погребения. Более раннее, на материке, принадлежало молодой женщине, труп которой был сожжен на месте. В насыпи кургана были захоронены сожженные на стороне кости девочки и льячка. В. А. Мальм отнесла это погребение к финским и датировала X в.[12]

Отражением финских традиций является и захоронение девочки с литейными формочками в кургане XIII в. близ г. Вереи у д. Митяево Московской обл.[13] Пять каменных формочек предназначались для отливки крестиков, круглой подвески, трехбусинного височного кольца и др. Среди славянских древностей это погребение аналогов не имеет.

Как можно себе представить процесс обучения девочек-литейщиц? Вероятно, он был длительным и главное значение в нем имела наглядность. Под руководством опытных мастериц девочка осваивала как изготовление моделей для литья из провощенных нитей, так и процессы сборки мелких металлических деталей для украшений, выполнявшихся в технике филиграни. Полагаю, что учениц не держали только на подсобных работах. Со временем они осваивали также секреты плавки металла и разливки его в формы, участвуя, таким образом, в получении конечного продукта — готового изделия. В этом нас убеждает то обстоятельство, что льячки и формочки из погребений 10—12 учениц — это рабочие инструменты. Их набор и расположение в погребениях совпадают с деталями погребального обряда взрослых литейщиц.

Можно предположить, что самый ранний период приобщения девочек к литейному делу начинался с игры. При раскопках Крутика — поселения веси X в. в верхнем течении Шексны — у очагов, где работали женщины-литейщицы, вместе с рабочими тиглями и льячками найдены миниатюрные тигельки и льячки, не бывшие в огне [14]. Вероятно, они служили игрушками или своего рода наглядными пособиями для девочек — будущих литейщиц.

[1] *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. // Древности. 1914. Т. 24. С. 32.
[2] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 90—94.
[3] *Голубева Л. А.* Женщины-литейщицы: (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75—89.
[4] *Дубынин А. Ф.* Отчет археологической экспедиции Ивановского государственного педагогического института, 1947 г. // Арх. ИА АН СССР. 1948. Р — 1, 35.
[5] *Халиков А. Х.* Мари-Луговской могильник // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 168.
[6] *Городцов В. А.* Археологические исследования... С. 95, 96.
[7] Там же. С. 116.
[8] *Дубынин А. Ф.* Отчет об археологических исследованиях в Ивановской области в 1938 г. // Арх. ЛОИА АН СССР. 1938/34. Ф. 35.
[9] *Дубынин А. Ф.* Отчет археологической экспедиции...
[10] *Дубынин А. Ф.* Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 95.

[11] *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952. С. 13–14.
[12] Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 33, 139.
[13] *Арциховский А. В.* Митяевские литейные формы // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
[14] *Голубева Л. А.* Женщины-литейщицы. С. 86, 87, рис. 4.

А. Н. Кирпичников

ДРЕВНЕРУССКОЕ СВЯТИЛИЩЕ У ПСКОВА

В 1590 г. немецкий путешественник Иоганн Давид Вундерер побывал в России. Его дневниковые записи под названием «Путешествие в Московию» изданы много позже — в 1812 г.[1] Особый интерес представляют сведения Вундерера о Пскове. Он осматривал город, и его записи, созданные под свежим впечатлением всего увиденного, вполне достоверны. Правда, в дальнейшем, при обработке рукописи автором, кое-что было прибавлено, появились заимствования из других источников. Однако описание Пскова в основном переделке не подверглось, а было лишь дополнено некоторыми подробностями, почерпнутыми из существовавшей тогда литературы о России. Дописки эти заметны, их можно вычленить. Подлинные же сведения о Пскове таковы, что их мог сообщить только человек, видевший этот город собственными глазами.

Впервые «Путешествие в Московию» было переведено с немецкого языка и опубликовано в обстоятельном пересказе Ф. Аделунгом[2]. Автор этих строк и И. Н. Хлопин (при участии Л. С. Дименштейна) ныне осуществили целостный перевод дневника Вундерера и убедились в давно известной истине о том, что только полное знание текста литературного памятника превращает его в полноценный исторический источник.

Среди сообщений Вундерера о средневековом Пскове, неизвестных по другим источникам, выделяется следующее. Привожу перевод этого отрывка: «Перед городом (Псковом.— *А. К.*) видели мы двух идолов, поставленных в давние времена жрецами, которые им поклонялись, а именно Услада, каменное изваяние которого в руке имеет крест, (и) Хорса, который стоит на змее, с мечом в одной руке и молнией (буквально огненным лучом.— *А. К.*) в другой. Поблизости от них [виден] полевой лагерь Стефана (Батория.— *А. К.*), который в 1581 г. осаждал Псков, и там же остатки относящихся к нему башен»[3].

Ф. Аделунг с доверием отнесся к этому известию. Однако большинство историков сочли его баснословным или сомнительным[4], тем более что речь шла о неких славянских божествах, сохранявшихся будто бы возле крупнейшего города Восточной Европы столетия спустя после принятия христианства. По мнению В. И. Мансикки, Вундерер, если и видел какие-то статуи, то произвольно приписал им мифологический смысл, назвав их именами богов, заимствованных в труде о Московии С. Герберштейна[5].

Действительно, в «Записках» Герберштейна при перечислении славянских богов названы Услад и Корса. Их имена и были, по-видимому, перенесены Вундерером на виденные им статуи. Здесь он повторил ошибку Герберштейна, который при использовании русской летописи (скорее

всего свода 1518 г.) «ус злат», относящийся к наружности Перуна, превратил (или это уже было в рукописи) в самостоятельное имя Услад [6]. Бога с таким именем в русском пантеоне никогда не существовало.

Примыслив своим изваяниям некие имена, Вундерер, таким образом, не знал, как назывались они на самом деле. А существовали ли псковские кумиры в действительности? Их словесные портреты, по деталям уникальные во всей культурной истории восточного славянства, так и остались бы неразрешимой загадкой, если бы не выявился ряд случайных подтверждающих обстоятельств.

Вундерер, к счастью, не забыл отметить, что поблизости от статуй находился полевой лагерь осаждавшего в 1581—1582 гг. Псков короля Стефана Батория. Эта привязка (в пересказе Ф. Аделунга она опущена) позволяет восстановить забытую и, казалось, бесперспективную для разысканий топографическую ситуацию.

Небесполезно определить место у южных подступов Пскова, где находился основанный 18 августа 1581 г. и просуществовавший четыре с половиной месяца лагерь польского короля. Сооружение было значительным, вмещало около 40 тыс. солдат и располагалось по обеим сторонам речки или ручья Промежицы [7]. Эта речка, удаленная от стен Окольного города Пскова «за три версты», отделяла предградную более или менее равнинную местность от лесистых холмов и гор, простиравшихся к р. Черехе. Здесь по течению Промежицы (тянется на 2,5 км) на границе двух природных ландшафтов и находился лагерь осаждающих, а поблизости от него виднелись каменные статуи, поставленные, как пишет Вундерер, в давние времена, скорее всего на какой-то возвышенности.

Остатки военных сооружений под названием Баториево становище распознавались еще в XIX в. Ныне у древней дороги Псков — Остров, на северном более высоком правом берегу Промежицы заметно поросшее лесом углубление в песке — возможно, след лагерной постройки.

Местонахождение идолов в районе упомянутой речки и осадного лагеря неожиданно подтвердилось одной, только теперь ставшей понятной находкой. Речь идет о так называемой каменной бабе, которую случайно обнаружили в 1897 г. при земляных работах между речкой Промежицой и заводом купца Г. Ф. Викенгейзера [8]. По положению остатков завода (существовал до конца 1920-х годов) и русла речки удалось уточнить то, что «бабу» обнаружили в пойме р. Великой к северу от устья Промежицы. Вероятнее всего, изваяние откопано не на своем первоначальном месте, а было откуда-то перемещено. Следует подчеркнуть, что находка, где бы ни находилось ее первоначальное место, оказалась в ближайшем соседстве с остатками упомянутого лагеря.

Промежицкая статуя в годы минувшей войны, увы, утрачена из собрания Псковского музея, но в фотоархиве ЛОИА АН СССР, по счастью, сохранились ее фотографии, выполненные в 1928—1929 гг., что и позволяет составить представление об этом произведении [9]. Сохранились торс и голова общей высотой примерно 100 см (рис. 1). На груди заметны следы поврежденного рельефного крестообразного знака, явно сделанного одновременно со скульптурой. Изваяние носит следы преднамеренного разрушения: обколот торс, отбит кончик носа, отсутствует нижняя часть фигуры и руки. Удовлетворительно сохранилась лишь голова.

Промежицкая фигура относится к числу каменных антропоморфных изваяний, связанных, в чем нет сомнений, с древнеславянским язычеством. И место находки рассматриваемого идола, и похожий на крест знак на его груди поразительно совпадают с тем, что описал Вундерер. Все

Рис. 1. Идол, найденный у р. Промежицы

Фотография 1928—1929 гг.

это дает основание считать, что рассматриваемая «каменная баба» и является одной из тех языческих статуй, которую немецкий путешественник видел в окрестностях Пскова.

Отличительный признак фигуры — крест — древний символ солнца. Поэтому речь, должно быть, идет о солнечном божестве Хорсе или Дажьбоге. Как полагает Б. А. Рыбаков, божества солнца заметно различались. Дажьбог был богом вселенной и солнца, а Хорс — только одного светила [10]. В пору принятия христианства или несколько позже могло произойти слияние обоих небесных владык. Как бы не называть промежицкого идола, он, судя по символическому знаку, является пока единственным дошедшим до нас опознанным антропоморфным изваянием восточнославянского небесного божества.

Опознание одного промежицкого идола свидетельствует в пользу реальности оставшегося неразысканным второго. Изваяние наугад наименовано Вундерером Хорсом, но в нем, судя по находящимся в руках мечу и молнии, узнается высший бог славянского пантеона Перун — творец грома и молнии, небесного огня, одновременно покровитель князя, дружины и оружия. К обычным атрибутам Перуна относят упомянутые в письменных источниках топор, дубину, палицу, иногда лук и стрелы [11]. Думается, что бог дружины и оружия, каким предстает Перун по летописным известиям X в., должен наделяться не только обычным топором, палицей и луком, но и каким-то престижным оружием — в данном случае мечом. Тем самым облик Перуна — воителя времен первых русских князей может быть дополнен недостающей и вполне правдоподобной воинской принадлежностью. Ведь клинковое оружие всегда подчеркивало высокое иерархическое положение своего владельца.

В качестве непривычной детали скульптуры предстает и змей, согласно Вундереру, попираемый идолом. Такая особенность вовсе не вымысел немецкого путешественника, конечно не знавшего, что она подтверждена индоевропейскими сказаниями и будет обосновываться историками, лингвистами и этнографами. Имеется в виду миф о борьбе бога-громовика со змеем. Змееборцем выступает и «двоеверный» наследник Перуна — Илья Пророк.

Таким образом, описанные Вундерером кумиры, судя по всему, реально существовали и, несомненно, относились к одному капищу, которое условно называем древнепсковским. Оно обслуживало свою округу, путешествующих по р. Великой и, вероятно, сам раннесредневековый го-

род. По своему расположению данное святилище очень напоминает устроенное в 4 км к югу от Новгорода в урочище Перынь [12]. Оба они располагались близко у воды, на заметных местах, на границе разных ландшафтов и были видны издалека. Роднит два капища и парность их главных небесных божеств. Полагаю, что парные промежицкие кумиры подсказывают разгадку перынских как посвященных Перуну и солнечному богу [13].

Каменное изваяние Перуна следует отнести ко времени не позже X в. и раньше официальной даты крещения Руси в 988 г.

В 1590 г. рассматриваемые кумиры все еще стояли на своих местах, но о жрецах Вундерер упоминает в давно прошедшем времени. Очевидно, ко второй половине XVI в. святилище было заброшено или казалось таковым. Тогда же церковь развернула широкое наступление на далеко не изжитое русское и чудское язычество. Патриарх Иов хвалил царя Федора Ивановича за то, что он на севере России сокрушил идолов и «идежа быша ельинская капища, тамо (воздвигал.— *А. К.*) божественные церкви» [14]. В округе р. Промежицы существовало несколько церквей и монастырей, правда, построены они были в большинстве еще до XVI в. Возможно, что промежицкие идолы, переживпие расцвет в округе церковного строительства и наиболее значительную в этих местах осаду Пскова в 1581—1582 гг., были, наконец, низвергнуты, разбиты и где-то по соседству зарыты вскоре после путешествия Вундерера в Россию, в пору ужесточения борьбы христианства с языческими верованиями.

Итак, сообщение Вундерера о кумирах под Псковом позволяет реконструировать святилище, которое, возможно, почти семь веков находилось в окрестностях города. Перед нами своеобразный, во многих отношениях пока не имеющий прецедента в других городских местах Северной России (отчасти за исключением Новгорода) культурно-исторический феномен. Проделанный поиск открывает, думается, новые возможности в изучении культовых сооружений, связанных со славянорусским язычеством.

[1] Johan David Wunderer Reisen nach Dennemarct, Rußland und Schweden 1589 und 1590 // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte. Frankfurt a. M., 1812. T. 2. S. 180–255.

[2] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧОИДР. 1863. Кн. 2: 1863. С. 269 и след.

[3] Johan David Wunderer Reisen... S. 203.

[4] *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 118.

[5] *Mansikka V. J.* Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922. S. 358.

[6] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. XXI и 9.

[7] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 205; Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952. С. 61.

[8] *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. Псков. археол. о-ва. 1913/1914. Вып. 10. С. 248.

[9] Один из снимков с неточным указанием о том, что идол найден в ручье, опубликован: *Гуревич Ф. Д.* Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 178 и рис. 78.

[10] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 433–434.

[11] *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. С. 20.

[12] *Седов В. В.* Древнерусское святилище в Перыне // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 93–103; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 105–108.

[13] У белорусского г. Рогачева открыто еще одно двучастное культовое сооружение (см.: *Куза В. В., Соловьева Г. Ф.* Языческое святилище в земле радимичей // СА. 1972. № 1. С. 146—153).

[14] ПСРЛ. СПб, 1910. Т. 14. С. 9–10.

Д. А. Крайнов

О РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПЛЕМЕН ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В III и начале II тысячелетия до н. э. на огромной территории Русской равнины, от р. Волхова на западе и до р. Вятки на востоке расселились энеолитические племена волосовской культуры [1]. Для поселений этой культуры характерно широкое распространение разнообразных кремневых и костяных скульптур, изображающих людей, животных, птиц, рыб и др.[2] Наряду с этим реалистическим искусством развивается и усложняется орнаментика на сосудах, на костяных и каменных изделиях, носящая символический характер. Следует отметить, что среди кремневых и костяных скульптур особое место занимают изображения медведя и основных промысловых животных. Некоторые так называемые антропоморфные фигуры с искривленными ногами изображают медведя, когда он стоит на задних лапах. Они найдены в значительном количестве в разных регионах волосовского ареала [3] и связаны с культом медведя. Широкое распространение подобных фигурок, а также амулетов из клыков, зубов, когтей и фаланг медведя и основных промысловых животных, птиц и рыб указывает на усложнение религиозных представлений волосовцев, что подтверждается и могильниками со сложным обрядом погребения.

В результате исследований последних лет получены новые данные о религиозных представлениях волосовцев, в частности из раскопок стоянок Сахтыш I, II, VIII в Тейковском р-не Ивановской обл. На многослойной стоянке Сахтыш VIII исследован волосовский поселок и могильник, около которого были обнаружены так называемые клады вещей [4]. На стоянке Сахтыш I также около волосовских жилищ обнаружены погребения, в которых найдены также кости и челюсти медведя [5]. Недалеко от погребений был исследован «жертвенник» (каменная плита), расположенный в центре небольшого сооружения из столбов, стоявших по углам, и тлена от перекрытия (рис. 1). Около «жертвенника» вскрыта ямка с черепами куниц (около 20 черепов) [6]. На многослойном поселении Сахтыш II многолетними раскопками был исследован большой поселок из жилищ, соединенных узкими переходами. На его восточном крае открыто «святилище» [7] и за ним волосовский могильник. Всего за годы исследований здесь было открыто 21 целое и частично разрушенных погребения. Из них три — коллективные [8].

Среди погребений, открытых в 1984—1985 гг., особое место занимает коллективное погребение 15. В нем были захоронены, вероятно одновременно, 16 человек, среди которых мужчины, женщины и дети. Почти все они были положены в два слоя вытянуто, на спине, в два ряда, головами друг к другу. Костяки сопровождались украшениями в виде подвесок из янтаря, камня, кости и зубов разных животных. На черепе одного из костяков лежала голова змеи (гадюки) и около черепа костяка мужчины, захороненного несколько в стороне, была обнаружена челюсть медведя (рис. 2).

Рядом с погребениями располагалась «ритуальная площадка», на которой были прослежены следующие детали: 1) каменная плита с развалами волосовских сосудов вокруг нее; 2) кости жертвенных животных; 3) остатки небольших кострищ и 4) «скопления» («клады») изделий из кремня, камня. Они были обнаружены на глубине от 35 до 50 см.

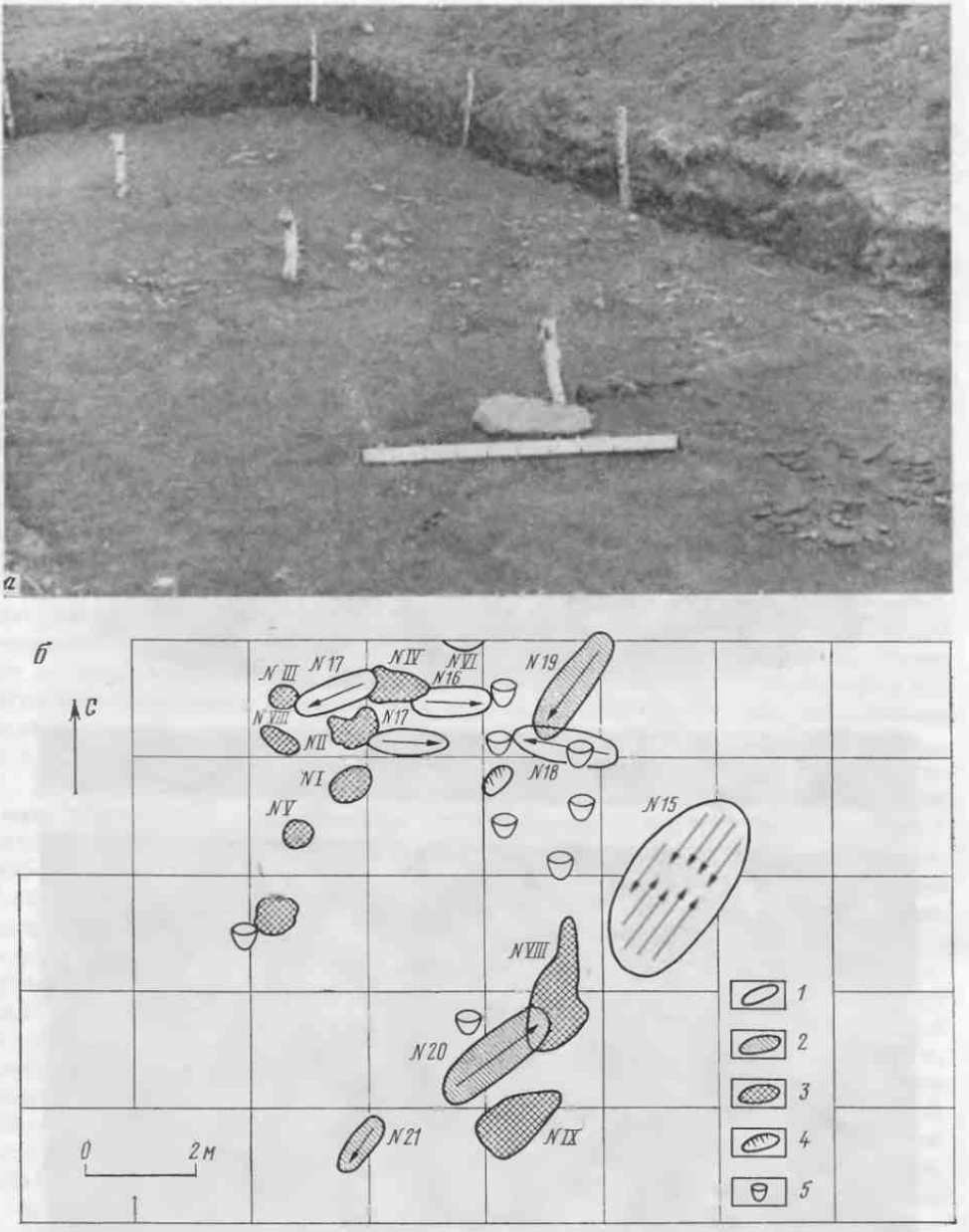


Рис. 1. Ритуальная площадка на стоянке Сахтыш II. Раскопки 1984 г.

а — фото; *б* — план; *1* — погребения на глубине 30—50 см; *2* — погребения в материке; *3* — клады; *4* — каменная плита; *5* — развал сосуда

Каменная плита имела длину 48 см, ширину 31 см и толщину 11 см. Она плоская, зеленоватого цвета и не могла иметь какого-либо хозяйственного назначения, так как на ней нет следов от работы. Плита была специально принесена сюда и, очевидно, служила «жертвенником» при исполнении каких-то обрядов на могильнике. Около нее полукругом

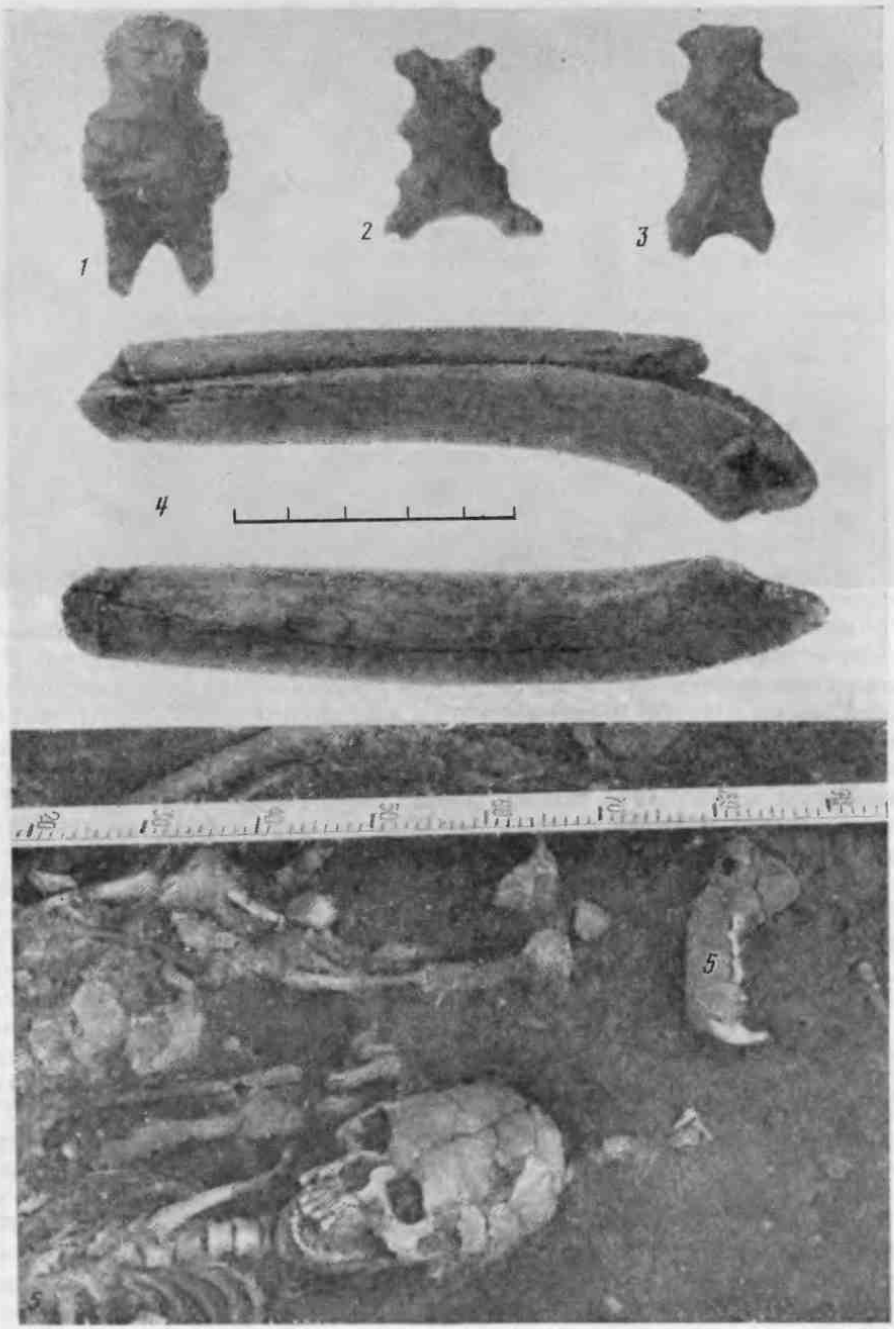


Рис. 2. Находки со стоянок Сахтыш II (1, 3, 4) и Сахтыш VIII (2) и часть погребения 15 с медвежьей челюстью (5)

1, 2, 3 — кремень; *4* — кость

лежали шесть развалов волосовских сосудов. Судя по количеству обломков, размеры их были разные — от небольших до крупных. В одном большом сосуде находился второй меньшего размера. Большая часть этих сосудов стояла вверх дном.

В самом большом сосуде были обнаружены кости животных (лось, куница, медведь). Под сосудом лежал большой, разбитый на три части колун. В другом сосуде найдены угли, обожженные кости животных, ожерелье из зубов куницы, янтарная подвеска и янтарные пуговицы. Очевидно, сосуды вокруг жертвенника служили атрибутами «поминальных тризн» или каких-то обрядов около погребений сородичей. Присутствие здесь же большого количества обломков от разбитых волосовских сосудов также можно связать с погребальным или поминальным обрядом.

Второй деталью ритуальной площадки является наличие большого количества обломков костей животных, в частности лося, бобра, куницы и медведя. Третьей деталью этой площадки являются небольшие кострища, расположенные на той же глубине. Они имеют ритуальный, а не хозяйственный характер. Диаметры этих кострищ не превышали 50 см, мощность слоя небольшая. Они были заполнены мелкими углями и золой. Вероятно, эти кострища играли в обряде роль «очистительной» силы.

Особое место на ритуальной площадке занимают так называемые «клады», или «скопления» кремневых, каменных и костяных изделий. Все 10 «скоплений» обнаружены на той же глубине, что и погребения. Диаметры ям различны: от 40—50 см до 100—110. В каждом скоплении имеются основные виды кремневых орудий и частично костяные и каменные изделия. Среди предметов и сломанные и целые кости перемешаны и побывали в огне, а часть кремневых изделий оплавлена от сильного обжига. В скоплении 1 наряду с вещами были обнаружены: кости медвежьей лапы, лежавшие в анатомическом порядке; пережженная (скипевшаяся) масса, состоявшая из кремневых отщепов, жженых камней, костей и какой-то органики и 10 обломков костей бобра. Все эти находки сопровождались углями и вкраплениями охры. В скоплении 3 вместе с разными изделиями из кремня, камня и кости, встречены кости основных промысловых животных, лося, бобра, куницы. В скоплении 10 также вместе с кремневыми и костяными изделиями, костями и пр. была обнаружена медвежья лапа (пястные кости и фаланги в анатомическом порядке) и рядом был найден развал большого округлодонного сосуда со сложным, необычным орнаментом в виде повторяющихся изображений дисков «солнц» (или небесной сферы), заполненных внутри сплошь плотной спиралью, нанесенной отпечатками тонкого шнура и зигзагообразными отпечатками зубчатого штампа. Рядом шли вкрапления красной краски, зольник и кости разных животных (лось, куница и др.). Кроме того, в «кладе» обнаружены обломки костяных изображений фаллосов.

Самое большое скопление обнаружено около коллективного погребения 15.

Наличие в скоплениях набора основных кремневых орудий в особых ямках, часто в поломанном и обожженном виде, а также костей основных промысловых животных, в частности костей медведя, медвежьих лап, углей, следов огня, вкраплений охры и расположения этих своеобразных «кладов» около погребений свидетельствует о ритуальном назначении этих «кладов». Подобные «клады» и «ритуальные площадки» встречены и на других волосовских памятниках, как, например, на окских поселениях Володары, Волосово, Владычинская-Береговая и др.[9]

Наряду с сахтышскими крупные могильники волосовской культуры открыты сейчас во многих местах ее ареала, как, например: Языковская стоянка [10], Репище [11], Кончанское [12], Володары [13], Владычинская-Береговая [14] и др. На всех могильниках наблюдается сходство обряда погребения. Большинство погребенных лежит на спине, вытянуто, редко на животе — вытянуто, но встречаются и в скорченном положении. Ориентировка различна (север, северо-восток, восток, юго-восток, запад, юго-запад и др.). Такое разнообразие ориентировки, иногда на одном и том же могильнике пока трудно объяснить. Не исключено, что хоронили в разное время дня и года (зависимость от солнца) или хоронили головой к реке (Сахтыш VIII). Встречаются как одиночные, так и коллективные погребения [15]. Вероятно, в коллективных погребениях похоронены или убитые, или умершие от эпидемии.

Красная краска, обнаруженная во многих погребениях, играла большую роль в обряде погребения волосовцев. Возможно она, как и огонь, являлась символом очищения или оживления. В «кладах», сопровождающих погребения, также имеются вкрапления красной краски. Найденные в «святилище» стоянки Сахтыш II остатки частей туш бобра, куницы, лося и оленя также лежали на густом слое красной краски. Здесь красная краска могла служить символом оживления основных промысловых животных. Большое значение в обряде погребения волосовцев имел и огонь. Кострища над погребенными прослежены па ряде волосовских памятников. Они, как правило, сопровождают и «клады» на ритуальных площадках.

Сломанные вещи, по-видимому, надо считать «умершими». Сосуды поставлены на ритуальной площадке вверх дном, а в жилищах у очагов — на дно. Может быть, этот обряд символизирует подземное существование умерших.

Как в жизни, так и в погребальном обряде волосовцев большую роль играл культ медведя. Б. А. Рыбаков ярко и убедительно доказал его большую древность и широкое распространение у народов Евразии. Он отнес его возникновение к палеолитическому (мустьерскому) времени — к дошаманскому периоду в истории религиозных верований [16]. Возникнув в глубокой древности, медвежий культ развивался, видоизменялся. В пережиточном виде он до недавнего времени существовал у многих сибирских народов.

В жилищах и погребениях волосовцев часто встречаются челюсти и черепа медведей. Около погребений 2 и 3 стоянки Сахтыш I на той же глубине найдены кости и челюсти медведя. Около них лежал кремневый нож и обломок волосовского сосуда [17]. Остатки медвежьих черепов и тазовые кости медведя были найдены рядом с коллективным погребением 4 на могильнике стоянки Сахтыш II. Скопление костей медведя было вытянуто на северо-восток и сопровождало погребение. Около черепов медведей были найдены колотушки из рога лося [18]. Челюсть медведя была обнаружена около черепа мужчины коллективного погребения 15 на стоянке Сахтыш II.

Головы и челюсти медведя являются центральными объектами медвежьего праздника у сибирских народов [19]. Голову прятали в медвежьи амбары [20]. В шкуру медведя наряжались шаманы. У сибирских народов наряду с культом медведя существовал и культ лосихи [21]. Этот культ был, очевидно, и у волосовцев. На волосовских стоянках неоднократно находили фигурки лося и скульптуры головы лося. Одна из таких скульптур головы лося была найдена на стоянке Модлона. На горле фигурки

есть изображение солярного знака [22], указывающего на связь лося с небесной сферой. Культ лося, по-видимому, предшествовал культу медведя.

К культу медведя относятся и находки на стоянках Сахтыш II и Сахтыш VIII. У сибирских народов медвежья лапа служила «талисманом», «оберегом», над ней давали клятву. В медвежьем культе она служила символом медведя. У эвенков лапы медведя как «обереги» имелись в каждой семье [23].

Такое же значение, как и лапы, имели шкуры медведя. Изображение медвежьей шкуры из кремня было обнаружено в волосовском слое стоянки Сахтыш VIII [24]. Шкура медведя, очевидно, хранилась в волосовском «святилище» стоянки Сахтыш II.

Очевидно, у волосовцев медведь был и жертвенным животным, так как кости его встречаются на ритуальной площадке. Вкушение медвежьего мяса происходило у многих сибирских народов во время «медвежьих праздников» [25].

Рассмотренные нами факты безусловно свидетельствуют о существовании медвежьего культа у волосовцев, нашедшего отражение и в погребальном обряде и в произведениях искусства. Этот медвежий культ связан с идеей добывания зверя — с идеей плодовитости [26], что находит подтверждение при анализе «святилища», открытого у восточного края волосовского поселка на стоянке Сахтыш II [27]. Это «святилище» в виде большого подземного сооружения находилось на глубине 40—95 см. В центре помещения — кострище длиной около 4 м и шириной 1 м 60 см, ориентированное юго-восток—северо-запад. Края его были окаймлены углистой прослойкой толщиной 10—15 см. Вокруг кострища прослеживались темные пятна от столбов диаметром от 6 до 30 см. Под кострищем была большая яма, перекрытая настилом из бревен. В яме обнаружено деревянное сооружение типа «гробовище» длиной 2 м и шириной 0,5 м, сделанное из узких горбылеобразных дощечек, связанных между собой деревянными вертикальными палочками изнутри. Под гробовищем находился слой углей и тонкая темная прослойка сгнившей органики.

В яме были обнаружены обломки керамики волосовского времени, а также кости разных животных (бобра, лисицы, куницы, лося, оленя, кабана, медведя), вкрапления красной краски. Все эти находки попали в яму после ее разрушения. У северо-западного края ямы был обнаружен развал волосовского сосуда с раковинной примесью в тесте и с зубчатым орнаментом. Он был заполнен красной краской. Под сосудом лежали два обломка кремневых пластинок и челюсть бобра. В сосуде найдены: на дне — лопатка оленя, выше — предмет из полой кости, обработанной в виде фаллоса, внутри его, как в футляре, находилась плотно пригнанная часть os penis медведя, обработанная соответствующим образом (рис. 2, *4*). Б. А. Рыбаков упоминает о находках подобной «модели человеческого фаллоса и медвежьей os penalis» [28]. Рядом с сосудом располагалось овальное пятно размерами 130×100 см, заполненное толстым слоем красной краски, ориентированное, как и яма, с юго-востока на северо-запад.

В этом пятне рядом с сосудом были обнаружены: часть скелета бобра (позвоночник, ребра) в анатомическом порядке, кости куницы и несколько ниже — скопление крупных костей лося, и около них раздробленные кости животных.

В том же пятне красной краски был найден «клад», состоящий из 60 кремневых, каменных и костяных изделий. Среди них скребки, копье, ножи, наконечники стрел, топоры, долото, отщепы и др. Орудия почти все в сломанном виде.

У юго-западного края ямы встречены еще два развала ранневолосовских сосудов и недалеко еще пятно, заполненное краской. К северу за ямой располагалось большое костище из разложившихся крупных костей животных.

Выход из ямы был с юго-восточной стороны. Весь этот комплекс находился в центре большого помещения типа жилища. Это святилище связано с культом медведя. Находка здесь фаллического предмета объединяет человека и медведя. Кстати, рядом со святилищем была найдена «антропоморфная» кремневая фигурка и недалеко обнаружена еще такая же, трактуемая нами как изображение человека-медведя.

Сочетание в святилище фаллического предмета, красной краски — символа крови и жизни и находка рядом частей скелетов основных промысловых животных — оленя, лося, бобра и куницы — отражают, вероятно, сложный обряд, связанный с медвежьим культом — с размножением основных промысловых животных. «Фаллические обряды, сопровождающие медвежьи праздники, свидетельствуют о том, что культ медведя мыслится как культ возрождения животных, как культ плодовитости объектов охоты» [29].

Рассмотренные нами факты свидетельствуют о религиозных представлениях волосовцев, связанных с медвежьим культом.

[1] *Крайнов Д. А.* К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2. С. 17, рис. 6.
[2] *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 101–110.
[3] Там же. С. 101–102.
[4] *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 50–54.
[5] *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 37–38.
[6] Куницы были основным промысловым пушным зверем у волосовцев, и, вероятно, служили «меновой единицей» в обменной «торговле» с соседями.
[7] *Крайнов Д. А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 82–86.
[8] *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 38; *Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 79–82.
[9] *Цветкова И. К.* Погребения стоянки Володары // КСИИМК. 1948. Вып. 20; *Она же.* Погребения на стоянке Владычинская-Береговая // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 8–14 и др.
[10] *Портнягин И. Г., Урбан Ю. Н.* Работы Калининского отряда // АО 1981. М., 1982. С. 51–54.
[11] *Зимина М. П.* Могильник на стоянке «Репище» // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 63–71.
[12] *Зимина М. П.* Работы Северо-Западной экспедиции // АО 1984. М., 1986.
[13] *Цветкова И. К.* Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древней истории Евразии. М., 1975. С. 102–111.
[14] *Цветкова И. К.* Стоянка и могильник у д. Владычино // АО 1970. М., 1971. С. 59–60; *Цветкова И. К., Фролов А. С.* Стоянка на р. Пре у д. Владычино // АО 1974. М., 1975. С. 87.
[15] *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 38; *Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 79–82.
[16] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 99–102.
[17] *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования...
[18] Там же. С. 38.
[19] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 103.
[20] *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье // Краеведческие записки. Ярославль. 1960. Вып. 4. С. 48–62.
[21] *Рыбаков Б. А.* Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 57–63.
[22] *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978. С. 128, рис. 19.
[23] *Золотарев В. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934. С. 26.

[24] *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья. С. 101.
[25] *Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 82–86.
[26] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 108.
[27] *Крайнов Д. А.* Новые исследования... С. 82–86.
[28] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 103.
[29] Там же. С. 100.

Т. Н. Никольская

РЕДКАЯ НАХОДКА ИЗ СЕРЕНСКА

В 1983 г. коллекция древнерусского города Серенска (Мещовский р-н Калужской обл.), раскопки которого велись Верхнеокской экспедицией Института археологии АН СССР в течение многих лет[1], пополнилась еще одной замечательной находкой, расширившей наши представления о внешних культурных связях этого небольшого «вятичского» городка.

На территории большого селища (теперь частично распаханного), расположенного за валом окольного города, в комке черной земли была обнаружена стеклянная иконка-литик в форме овала (размером 3,1×2,7 см), довольно хорошей сохранности (утрачена только рамка) с великолепным изображением Федора Стратилата на коне, пронзающего мечом крылатого дракона (рис. 1). Голова всадника слегка повернута вправо, по обеим ее сторонам надпись: Ο (Ψιος) ΘεωΔορε (Святой Федор)[2]. Литик представляет собой искусно выполненное изделие тончайшего художественного ремесла: одежда воина, его вооружение и снаряжение коня (видны не только меч и щит, но даже стремя и детали конской упряжи) отлиты рельефно, четко и чрезвычайно реалистично. Выразительна и фигура поверженного дракона, в пасть которого вонзает свой меч Федор Стратилат.

Несомненно, что такое выдающееся произведение прикладного искусства не могло быть изготовлено мастерами Серенска и попало в этот город вместе с другими предметами импорта. Однако сам факт, что эта вещь была найдена не в детинце и даже не в окольном городе Серенска, а по-видимому, в одном из пригородных сел, возвышает в нашем мнении значение не только самого города, но и его сельской округи.

Рис. 1. Стеклянная иконка из Серенска

Рис. 2. Иконка из Государственного Русского музея

Немецкий ученый Г. Вентцель посвятил стеклянным иконкам-литикам, в том числе с изображением св. Федора, специальное исследование (им собраны сведения о 171 иконке из различных музеев мира). Он считает эти предметы христианского культа знаками паломников и датирует их XIII в.[3]

К моменту выхода в свет книги Вентцеля (1959 г.) на территории СССР было известно 16 подобных находок. Однако теперь к этому количеству надо прибавить еще шесть экземпляров, считая и серенскую иконку. Сведения о пяти из них собраны Ф. Д. Гуревич[4].

Иконки хранятся в Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже в Ленинграде, а также в музеях некоторых других городов (Новгород, Киев, Москва)[5]. Однако место находки многих литиков. к сожалению, неизвестно. Подавляющее большинство иконок, так же как и серенская, имеют овальную форму, реже — прямоугольную. Изображения святых различны: св. Георгий[6], св. Димитрий[7], богоматерь с младенцем[8], Христос с двумя предстоящими фигурами и, наконец, на найденной в древнерусском Новогрудке литике — сцена рождества[9].

Г. Вентцель упоминает 12 экз. литиков с изображением Федора Стратилата; одна из таких иконок, хранящаяся в Эрмитаже, им издана[10]. Подобные же предметы, известные из коллекций Думбартон Окса, введены в научный оборот Марвином Россом[11]. Наше особое внимание привлекли две иконки с изображением Федора Стратилата на коне, пронзающего мечом дракона, найденные, по данным М. Росса, в Константинополе и датированные им XIII в. Как можно судить по фотографиям этих предметов, иконка из Серенска по размерам и композиции совершенно идентична камее из собрания Думбартон Окса[12]. Следует отметить, что найденный в Серенске стеклянный литик до мельчайших деталей повторяет также и иконку овальной формы с изображением св. Федора из коллекции Государственного Русского музея (рис. 2)[13]. Нет никакого сомнения, что эти три предмета были изготовлены в одной литейной форме.

Марвин Росс отмечает, что из 12 изданных Вентцелем иконок с изображением св. Федора, хранящихся в собраниях различных музеев (Венеции, Афин, Грузии и др.), 11 также подобны литикам коллекции Думбартон Окса и происходят из Константинополя. По мнению этого ученого, вопрос о центре изготовления этих стеклянных изделий еще окончательно не решен. В то время как одни исследователи (О. Дальтон) считали, что иконки-литики являются продукцией западных, венецианских мастеров[14] и что только некоторая их часть может быть византийского происхождения (Г. Вентцель)[15], М. Росс склоняется к мнению, что стеклянные пасты, подобные рассмотренным выше, чаще изготовлялись в Константинополе, чем в Венеции[16]. Произведением византийского искусства XII—XIII вв., по-видимому, является и стеклянный литик, найденный в Серенске[17].

[1] О результатах раскопок в Серенске см.: *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 108–116; *Она же.* Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 73–81; *Она*

же. К исторической географии Земли вятичей // СА. 1972. № 4. С. 158; *Она же.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 136–141, 282–283; *Она же.* Новые данные к истории древнерусского Серенска // КСИА. 1986. № 187.

[2] По преданию, Федор Стратилат происходил из города Евхаит. Храбрость этого воина стала известна после того, как он убил громадного змея, жившего в пропасти в окрестностях города и пожиравшего людей и животных. За отвагу Федор был назначен военачальником (по-гречески стратилатом) в городе Геракле.

[3] *Wentzel H.* Das Medallon mit dem hl. Theodor und die venezianischen Glaspasten in bysantinischen Stil // Festschrift für Erich Meyer zum 60. Geburtstag. Hamburg, 1959. S. 50–67.

[4] *Гуревич Ф. Д.* Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. Т. 43. С. 178.

[5] Иконка из Серепска сдана на хранение в Музей Московского Кремля.

[6] *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1907. С. 44, табл. XXXVIII, 1323.

[7] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 291.

[8] *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 53–54.

[9] *Гуревич Ф. Д.* Новые данные... С. 180.

[10] *Wentzel H.* Das Medallon... S. 65, Fig. 5.

[11] *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and early mediaeval antiquities in the Dumbarton oaks collection. Wash., 1962. Vol. 1.

[12] Ibid. P. 90, pl. LVII, 107. Иконку М. Росс датирует XII в., однако золотая оправа, в которую она заключена, по его мнению, относится к XIII в.

[13] Отличие состоит только в том, что на иконке из Русского музея сохранилась серебряная оправа с ушком. Фотография этого предмета была мне любезно предоставлена Т. В. Николаевой. По мнению исследовательницы, культ Федора Стратилата был характерен для Константинополя. На Руси этот воин изображался в мелкой каменной пластике и чаще совместно с Георгием (*Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. 1983. Вып. Е1-60. Табл. 33. № 188, 189).

[14] *Dalton O.* Catalogue of early Christian antiquities in the British Museum. L., 1901. P. 136.

[15] *Wentzel H.* Das Medallon... S. 50–67.

[16] М. Росс утверждает, что в период, когда эти «стеклянные пасты» изготовлялись, культ Федора не был популярен в Венеции, в то время как в Константинополе этот святой был особенно почитаем, судя по количеству церквей, названных его именем (см.: *Ross M. C.* Catalogue... P. 89–90).

[17] Спектральный анализ серенского литика, к сожалению, не производился; анализ стекла иконки из Новогрудка, выполненный в лаборатории ЛОИА, показал, что она изготовлена из натриевого стекла с большим содержанием марганца.

Л. Д. Поболь

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕМ МЕНЕСКЕ (МИНСКЕ)

Менеск впервые упоминается в летописи под 1067 г.[1] Через 17 лет, в 1084 г., Менеск был разрушен Владимиром Мономахом.

Есть основания первоначальный город связывать с сохраняющимся до настоящего времени городищем у д. Городище, на берегу р. Менки, при впадении в нее р. Дуная, в 16 км на запад от более позднего Замчища, второго Минска, находящегося при впадении р. Немиги в Свислочь. При раскопках первоначального города обнаружены археологические материалы XI в. и более раннего периода, а также небольшое количество позднейших находок.

О том, что на берегах Немиги—Свислочи располагался поздний Менеск, убедительно свидетельствуют материалы 1984 г.

Раскопки второго Менеска носили спасательный характер и проводились на месте планируемой станции метро «Немига» второй очереди Минского метрополитена, которая частично проходит по территории Замчища, и древней городской застройки конца XI—XVII в., примыкающей к укреплению. На Замчище вскрыта площадь свыше 1000 кв. м (50×22 м). Оказалось, что здесь имеется хорошей сохранности культурный слой мощностью до 5—7 м.

Обнаруженные здесь деревянные сооружения имеют хорошую сохранность и являются уникальными, поэтому их решено музеефицировать по типу Берестья.

Археологические исследования показали, что Замчище в дельте Немиги площадью 3—4 га было окружено валом, который насыпан по краю острова и имел длину не менее одного километра. Деревянные конструкции вала располагаются на относительно большой глубине от поверхности и в сильно увлажненном культурном слое. Это их хорошо сохранило, поэтому в дальнейшем могут вскрываться и музеефицироваться большие участки укрепления с прилегающей к нему городской застройкой. Пригодным к исследованию может быть не менее 80% общей длины вала.

Вал состоял из двух частей, которые условно могут быть названы подсыпками: первая наружная и вторая внутренняя. Ширина первой у основания равняется 15—20 м, возведена она из обработанных сосновых бревен диаметром до 0,25 м. Бревна были засыпаны глиной, речным илом, гравием. Насчитано до 20 продольных и поперечных накатов, имеющих общую высоту до 3—4 м от материка (рис. 1). Бревна перед укладкой были очищены от коры и обработаны в виде кругляков, шести- и восьмигранников. Внутренняя часть вала имела другую конструкцию. Она состояла из дубовых клетей, заполненных речным песком и глиной, ее ширина 10—11 м. При сооружении клетей внутренней стороны вала были горизонтально положены одно на другое бревна диаметром 0,4—0,5 м (хорошо сохранились три нижних ряда бревен, верхние сгнили и прослеживались в профиле восточной стенки).

Каждое бревно вала удерживалось плоскими плахами длиной 2,5—3 м, которые имели крюки — выступы. В противоположном конце плах имелись одно-два прямоугольные отверстия, в которые забивались дубовые колья длиной 1—1,2 м.

Внутренняя часть вала возводилась следующим способом от самого низа: вначале через равное расстояние в 3—5 м друг от друга перпендикулярно к валу укладывались плахи крюками-выступами («галками») в сторону площадки Замчища, в отверстие забивались колья. После этого сверху укладывались горизонтальные бревна впритык одно к другому. Крюки удерживали бревна от их выпадения из общей системы нижнего ряда. Это был первый горизонт внутренней части вала. Сверху все это засыпалось слоем земли на толщину бревна в 0,4—0,5 м. Выше таким же способом клался второй горизонт со смещением на 10—20 см концов плахи с отверстием вправо или влево по отношению к нижнему. В отверстия забивались колья, которые проходили возле краев нижележащих плах, сверху опять все засыпалось землей. Так сооружение возводилось и выше. Плахи и забитые в отверстия колья создавали большую надежность крепления. Места стыков бревен в торцах смещались одно по отношению к другому. В плане бревна располагались одно над другим, а поддерживающие их плахи с забитыми в отверстия кольями имели веерообразный вид. В профиле раскопа внутренняя часть вала четко прослеживалась на высоту 6—7 м от материка вплоть до уровня

Рис. 1. Минское Замчище. Раскопки оборонительного вала в 1984 г.

современной поверхности. Она была возведена в сравнительно короткий период времени, находок не имелось.

Можно заметить, что еще в 60-х годах был вскрыт небольшой участок внутренней части вала, обнаружена одна клеть, которая была принята за одну из башен въездных ворот Замчища. При раскопках в 1984 г. этот объект вскрыт повторно.

Площадь под внутренней частью вала практически изучена до материка и установлено, что эта часть вала сооружена позднее наружной, так как успели подгнить торцы бревен до закрытия их второй подсыпкой. Это равнялось примерно 5—6 годам (рис. 1). Под нижним горизонтом засыпки внутренней части вала имелась прослойка в 5—10 см гумусированной земли с большим количеством скопления смятой луговой травы. В верхней части стеблей находилось большое количество зрелых семян. У самой стенки вала на площадке Замчища лежало большое количество камней, видимо подготовленных для обороны. Исходя из вышеизложенного, есть основания считать, что городское укрепление начало возводиться во второй половине лета, когда трава созрела. В гумусированной прослойке лежали кора, древесные щепки от бревен. Выявлено небольшое количество фрагментов гончарных сосудов конца XI — начала XII в., обломки орудий труда из железа, а также тесло, кости животных и некоторые другие предметы.

Таким образом, судя по вскрытой части Замчища, Менеск имел продуманную со всех точек зрения фортификацию — прочную и надежную систему укрепления. Умело использовалась речная сеть, русла и заболоченность поймы рек. Именно все эти факторы вместе с мощным укреплением позволили выдержать осаду и отстоять город в 1104 г.

Есть основания считать, что ко времени сооружения укреплений относится и небольшой по размерам каменный храм с остатками облицовочных плиток из ракушечника в восточной части Замчища[2]. Судя по аналогии с Полоцким, Витебским и другими архитектурными культовыми сооружениями, он относится ко времени не ранее начала XII в.

В прилегающей к валу изнутри городской застройке прослежено до 15 ярусов деревянных уличных настилов с остатками частокола около них и деревянных домов, от которых сохранились один-два венца, остатки хозяйственных построек, дворовые вымостки. Многие из этих сооружений до конца еще не расчищены, работы по их изучению будут производиться параллельно с консервацией. По своему типу эти конструкции близки вскрытым в восточной части Замчища[3]. Под уличными мостовыми выявлена дренажная деревянная система (в частности, в виде деревянного желоба).

Археологические данные свидетельствуют, что в XIV—XV вв. происходила реконструкция некоторых частей Замчища. В южном направлении была проложена улица, сооружены городские ворота, по сторонам которых в специальных помещениях размещалась стража (рис. 2). За пределами Замчища эта улица (бывшая Козьмодемьянская, теперь переулок Демьяна Бедного), видимо, сохраняется до настоящего времени. Через правый рукав р. Немиги и по территории ее поймы был возведен мост. От всего этого сооружения при раскопках обнаружены дубовые обгорелые сваи. Вместе со сваями лежали части обгорелых настилов и упавшие в воду остатки одной из дренажных систем. Ко времени указанной выше перепланировки города относится светлая прослойка земли в культурном слое застройки. На высоте около 2 м от материка хорошо прослеживалась выброшенная сюда песчаная часть вала. В профиле она имеет толщину в 20—30 см и постепенно выклинивается к краям. В указанный период перепланировки города происходит и разрушение каменного храма, о котором говорилось выше. Он функционировал в XII, XIII, XIV вв., а возможно и в XV в. Поэтому предположение, что храм не был достроен, вызывает сомнение. На значительном пространстве на материке близ храма лежали отходы строительных материалов. На высоте более метра от строительного мусора в культурном слое на сравнительно большой площади выявлены обломки, связанные с разрушением культового сооружения[4]. Вне всякого сомнения, строительство храма было завершено и он функционировал длительное время. Не исключено, что этот православный храм был разрушен в связи с перемещением центра города на территорию современной площади Свободы.

В XV — начале XVI в. происходила еще одна, возможно, частичная перепланировка Замчища. Городские ворота, о которых говорилось выше, были закрыты, было возведено сооружение из вертикально забитых вплотную в два ряда дубовых заостренных бревен. Многие из них оказались на месте мостовых и дренажных систем. Позднее эта постройка погибла в огне. В культурном слое сохранилось несколько десятков нижних частей свай высотой до 1,5—2 м, их диаметр 0,3—0,4 м. Они ко времени пожара были уже на значительной глубине в культурном слое. Можно отметить, что пожары в XVI в., по историческим данным, зафиксированы в 1552, 1569 гг. и позднее.

Изыскания в 1984 г. позволили сделать заключение, что возвести за сравнительно короткий период времени укрепление и другие городские постройки жителям Менеска своими силами было невозможно.

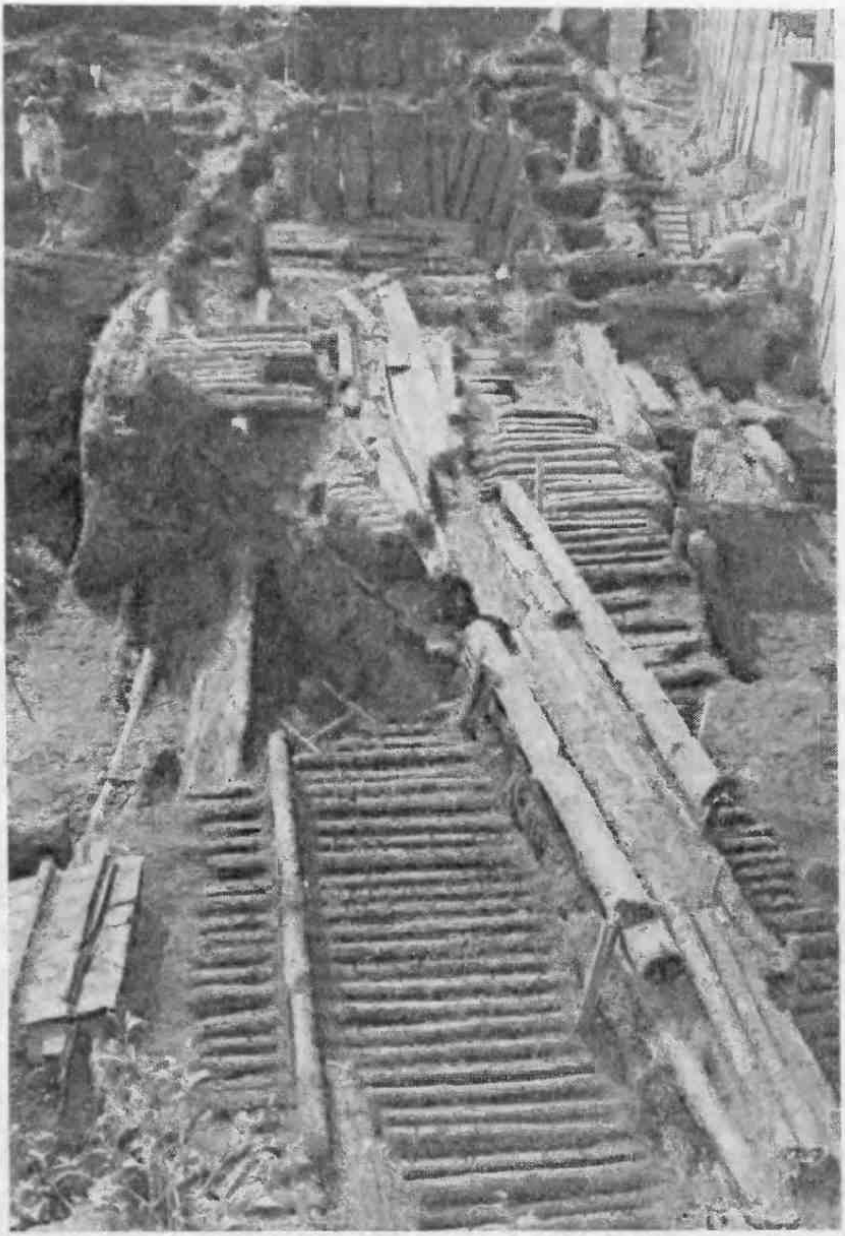


Рис. 2. Минское Замчище. Уличные мостовые с дренажной системой XIV—XV вв. Раскопки 1984 г.

В этих работах должно было участвовать население близких и дальних окрестностей — волостей, которые несли определенную повинность.

Вблизи от Менеска и в более отдаленных землях по опубликованным и архивным сведениям известно 211 курганных некрополей, из них в пределах правобережной части бассейна Свислочи, фактически в гра-

ницах современного Минска, 91. Обследование территории белорусского Поднепровья показало, что возле каждого такого курганного могильника располагался ему предшествующий бескурганный могильник I тысячелетия н. э. В свою очередь близ указанных памятников находились одновременные им поселения. Эти данные свидетельствуют, что территория вокруг первоначального и более позднего Менеска была весьма густо заселена и хорошо освоена человеком.

[1] ПСРЛ. Т. 2. С. 155–156.
[2] *Тарасенко В. Р.* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1. С. 213–232.
[3] *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 3–357; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 72 и след.
[4] *Тарасенко В. Р.* Древний Минск. С. 222.

М. Д. Полубояринова

КРЕСТ С ЭМАЛЬЮ ИЗ БОЛГАРА

Многовековые взаимоотношения Руси с ее восточным соседом — Волжской Болгарией — находят свое отражение и в археологическом материале. Широко развернувшиеся в последние десятилетия археологические исследования на территории Болгарского государства дают все новые свидетельства существования торговых, военных и политических связей между двумя государствами. Находки русских вещей рассеяны по всей площади Волжской Болгарии, в то время как болгарскую керамику и другие предметы встречают археологи на территории Руси, в основном Северо-Восточной.

Большая часть русских предметов, найденных на болгарских памятниках, сосредоточена на Болгарском городище. Это объясняется местонахождением города Болгара на Волге — крупнейшем торговом пути, связывающим обе страны, а также тем, что город Болгар на протяжении нескольких столетий был столицей Волжской Болгарии.

Из всех находок, фиксирующих различные стороны контактов, одна категория вещей безусловно свидетельствует о проживании среди болгарского населения какого-то числа русских. Это предметы православного культа, которые в мусульманском городе могли принадлежать только русским жителям. В основном это дешевые медные и бронзовые крестики и иконки, каменные крестики, предметы церковной утвари. Среди этой массовой продукции русских ремесленных мастерских выделяется бронзовый энколпион, украшенный цветными эмалями (рис. 1).

Энколпион (вернее, обломок одной его створки без нижнего конца) был найден случайно в 1954 г. около так называемой «Греческой палаты» на территории армянской колонии, т. е. вне основной площади города, но поблизости от его валов [1].

Композиция изображения обычна — большая фигура в центре и маленькие поясные изображения святых в верхнем и боковых концах, заключенные в круглые медальоны, у их нимбов — следы неразборчивых надписей. Святой в верхнем конце держит левой рукой перед грудью Евангелие, а правой благославляет. Эта деталь, а также две читаемые буквы ЛА слева от святого заставляют предположить, что здесь изображен св. Николай. Изображения в боковых концах не определяются.

В центре помещено изображение св. Николая типа Зарайского, т. е. стоящего с воздетыми руками. В левой руке святой держит Евангелие, а правой благославляет. Исследователи толкуют эту иконографию святого как символ защитника русской земли от иноземных захватчиков. Возникновение ее относят к XIII в., а широкое распространение к XIV—XVI вв. Ее связывают преимущественно с Рязанской землей [2]. По обе стороны головы святого помещены буквы N и H, а остальная часть имени помещена ниже, справа от фигуры в виде колончатой надписи:

NH К
О
ЛА

Рис. 1. Крест-энколпион с эмалью из Болгара. Конец XIII — начало XIV в.

Слева от святого, под Евангелием, надпись завершают два знака ƨ. Подобное завершение колончатых надписей знаком ƨ или его зеркальным отображением отмечено В. Л. Яниным на Большом новгородском сионе, на серии новгородских епископских печатей XII в., а также на некоторых новгородских иконах, датированных В. Н. Лазаревым второй половиной XIII в.[3]

Изображение и по рисунку и по окраске довольно примитивное. Оно выполнено в технике выемчатой эмали. Фигура большеголовая, руки непропорционально короткие, плечи узкие. На высоком лбу три морщины в виде дуг, небольшая бородка окаймляет лицо. Святой одет в крещатые ризы. Он помещен на фоне, залитом белой эмалью, на котором выделяются буквы. Белым цветом залиты кресты и часть узорной каймы на одежде святого. Лицо целиком окрашено красной эмалью, а нимб и частично одежда — зеленовато-желтой.

Св. Николай в верхнем медальоне также одет в зеленовато-желтые одежды, лицо окрашено красной, нимб — белой, а фон — бирюзовой эмалью. Святые в боковых концах креста также помещены на бирюзовом фоне, нимбы у обоих белые, а лицо у одного красное, а у другого бирюзовое с красной бородой или воротником.

В целом и отливка и окраска довольно грубые, но тем не менее крест очень наряден. Сюжетные изображения, выполненные в технике выемчатой эмали, на Руси были, по-видимому, необычно редки. Примером такого изделия, возможно, мог бы служить утерянный энколпион XII в. из окрестностей Кисловодска. Судя по фотографии, необычное для креста конное изображение святого выполнено выемчатой эмалью [4]. Орнаментальные мотивы в технике выемчатой эмали, встречаются на крестах с территории Руси, Прибалтики и Приуралья в X—XIII вв.[5] Центром их производства считается Киевщина, но, по-видимому, их изготовляли и в Прибалтике.

В «Древностях русских» помещена фотография лицевой стороны энколпиона, абсолютно точно совпадающая по размеру и форме с болгарской находкой [6]. На ней в центре помещена фигура богоматери в рост с младенцем на руках. В описании не упомянуты эмали на этом

энколпионе, но, насколько можно судить, он был расцвечен эмалями, возможно отколовшимися. Датируется он авторами книги XII—XIII вв. Можно предположить, что эти две найденные створки принадлежали энколпионам, отлитым в одной форме. Это предположение подкрепляется тем, что изображению на оборотной стороне Николая, в том числе Зарайского, обычно соответствует помещение на лицевой стороне богоматери как двух защитников людей перед богом [7].

Первая публикация половинки эмалевого энколпиона из Болгара в черно-белом рисунке сопровождалась ссылкой на датировку надписи М. В. Щепкиной XII в.[8] Представляется, что по иконографии святого, пропорциям фигуры, форме энколпиона, характеру надписи, способу употребления эмали эта находка должна быть отнесена ко времени не ранее второй половины XIII — начала XIV в. Б. А. Рыбаков отмечает упадок эмальерного искусства на Руси XIV—XV вв., а также редкость вещей, украшенных эмалью, притом только выемчатой одноцветной, не составляющей полихромного рисунка [9].

Т. В. Николаева в своей книге о прикладном искусстве Московской Руси специально останавливается на поздних русских эмалях [10]. Она прослеживает развитие этого вида художественного ремесла после полной утраты техники перегородчатой эмали в связи с монголо-татарским нашествием. Все поздние эмали выемчатые; они наносились в углубления, сделанные резцом и исчерченные штриховкой для лучшего скрепления стекла с металлом.

Золотые вещи с такими эмалями неизвестны; обычно употреблялось серебро и медь.

Немногие сохранившиеся предметы с эмалями XIV—XVI вв. дают возможность определить два центра их изготовления — Новгород и Москву, причем новгородские эмали отличаются более высоким качеством.

М. М. Постникова-Лосева считала, что эта техника применялась в основном в Новгороде [11]. Характерным именно для новгородского искусства является использование эмалей не только для заливки фона, но и как красок, которыми пишется изображение. Подобный прием рассмотрен Т. В. Николаевой на примере дробниц конца XIV в. на епитрахили Сукина из Загорского музея и потира начала XVI в. из церкви Жен Мироносиц в Новгороде [12]. Новгородские мастера употребляли преимущественно одноцветные (черные) эмали, но на потире, например, присутствуют эмали разных цветов. Подобный способ употребления эмалей характерен для энколпиона из Болгара. Вероятно, его следует признать новгородским изделием конца XIII — начала XIV в., притом изделием уникальным.

[1] *Мерперт Н. Я., Смирнов А. П.* Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 87, рис. 26. Крест хранится в ГИМ.
[2] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960. С. 28–30.
[3] *Янин В. Л.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в. // СА. 1957. № 1. С. 22.
[4] *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 127, рис. 45, *2*.
[5] *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968.
[6] *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности русские. Киев, 1900. Вып. II. Табл. XXVI, № 295.
[7] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики... № 21, а, б (XIV в.); № 122, а, б (XVI в.).
[8] *Мерперт Н. Я., Смирнов А. П.* Куйбышевская археологическая экспедиция... С. 87.
[9] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948. С. 647.

[10] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси (XIII–XVI вв.). М., 1976. С. 38, 64–71.
[11] *Постникова-Лосева М. М.* Новгородская серебряная чаша // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 183–184.
[12] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики... С. 66, 71.

Е. А. Рябинин

ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРИВЕСКИ-АМУЛЕТЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Яркой особенностью металлического женского убора Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. являлось обилие разнообразных подвесок, многие из которых имели не только декоративное, но и определенное магическое значение. Часть таких амулетов бытовала на ограниченных территориях и была тесно связана с племенными традициями многоэтнического населения северорусских областей. Вместе с тем начало II тысячелетия н. э. ознаменовано появлением языческих подвесок, уже не имевших заметно выраженной племенной локализации и широко представленных в памятниках восточных славян и их соседей.

Б. А. Рыбаков, выделивший амулеты в самостоятельный раздел древнерусской мелкой пластики, особо отметил среди них группу миниатюрных изображений предметов быта и оружия, а также определенные разновидности зооморфных украшений, связанные по преимуществу с кругом собственно славянских древностей. На основе сравнительного анализа археологического и этнографического материалов им была раскрыта семантика этих изделий, служивших символами добра, благоденствия и счастья (коньки-подвески), сытости и довольства (ложки, ковши), сохранности, целости (ключи) и т. д., определено их назначение в качестве оберегов[1]. Б. А. Рыбаков установил стандартный характер массовых разновидностей амулетов, свидетельствующий о весьма ограниченном числе мест их производства, и вместе с тем необычайно широкую область распространения таких оберегов, документирующую размах торговли языческими привесками в X—XIII вв.[2] Эти положения получили впоследствии дополнительное подтверждение и дальнейшее развитие в разработках ряда других исследователей[3].

Изучение общераспространенных форм привесок-оберегов позволяет не только осветить важные стороны восточнославянских языческих верований, но и проследить процесс взаимодействия идеологических представлений в разноэтничной среде северных областей Киевского государства, вызванный все более возраставшим культурным влиянием Руси на «иных языцей». Последнему аспекту этой проблемы и посвящена настоящая работа.

Самую массовую серию привесок-оберегов XI—XIII вв. составляют пластинчатые изображения животных, обычно украшенные кружковой (солярной) орнаментацией; в литературе они известны под названием «коньки-подвески» (рис. 1, *1*, *10 б*). В общей сложности насчитывается 147 стандартных изделий этого типа, 104 из которых найдено на территории Руси[4]. Основная их часть встречена в погребениях сельского населения, но пластинчатые коньки составляют наиболее представительную разновидность зооморфных украшений, происходящих из городских

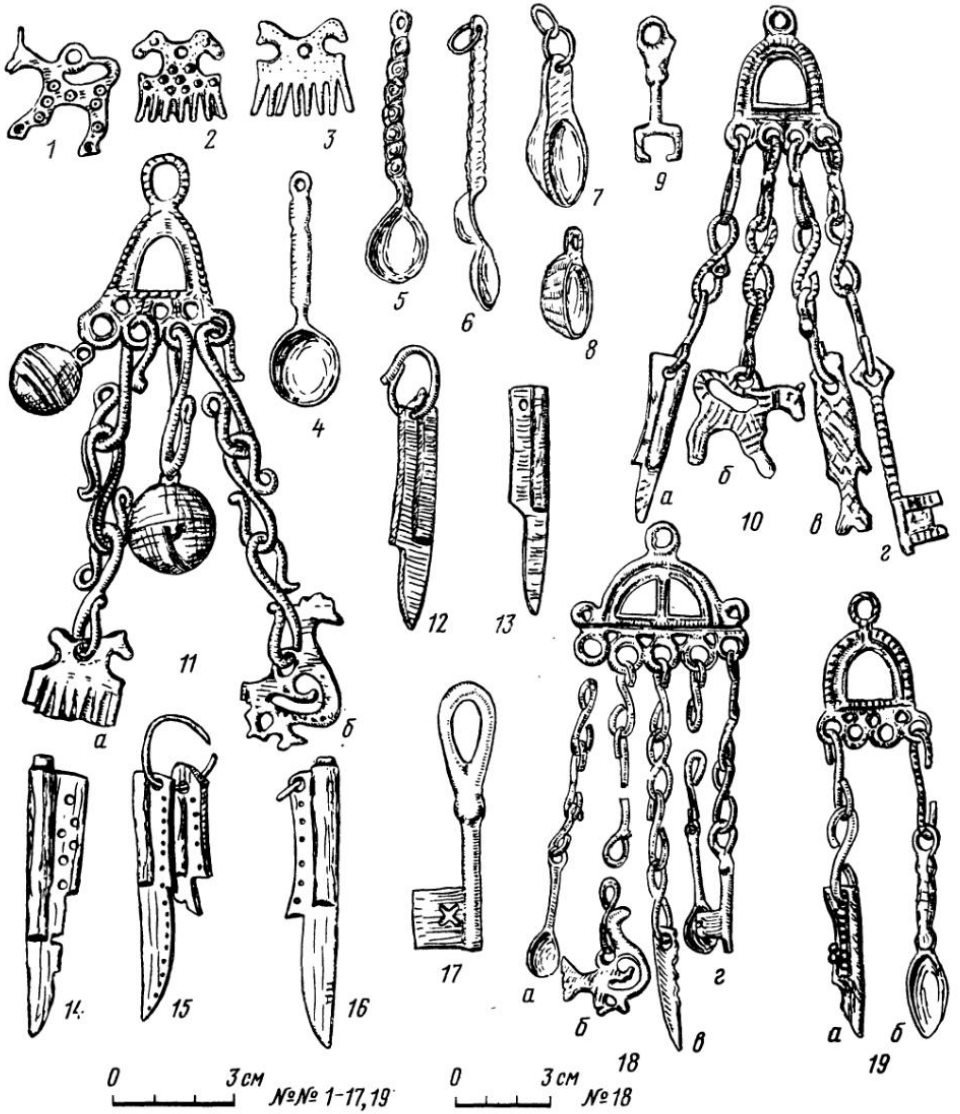


Рис. 1. Языческие привески-амулеты

1 — Саки, курган 55; *2* — Бочарово, курган 8; *3* — Новоселки, курган 2; *4* — Грозивица, курган 1; *5* — Исаково, курган 443; *6, 7* — погребения ливов; *8* — Бочарово, курган 5; *9* — Низинка, случайная находка; *10* — Смяличи, курган 1; *11* — Бочарово, курган 21; *12* — Приедес, курган 14; *13* — Цесисский район ЛатвССР, случайная находка; *14* — Колчино, курган 56; *15* — Лашковицы, курган 38; *16* — городище Лыхавере; *17* — Кузнецы и Чалых, курган 1; *18* — Коханы, курган 11; *19* — Беседа, курган 145

центров. Ареал амулетов охватывает Смоленскую, Полоцкую, Новгородскую, Ростово-Суздальскую земли и юго-восточную Прибалтику, а отдельные их образцы зафиксированы даже на севере Скандинавии и в древней Перми (рис. 2). На территории древней Руси наибольшая концентрация находок наблюдается в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, с явным их тяготением к Смоленскому Поднепровью. Очевид-

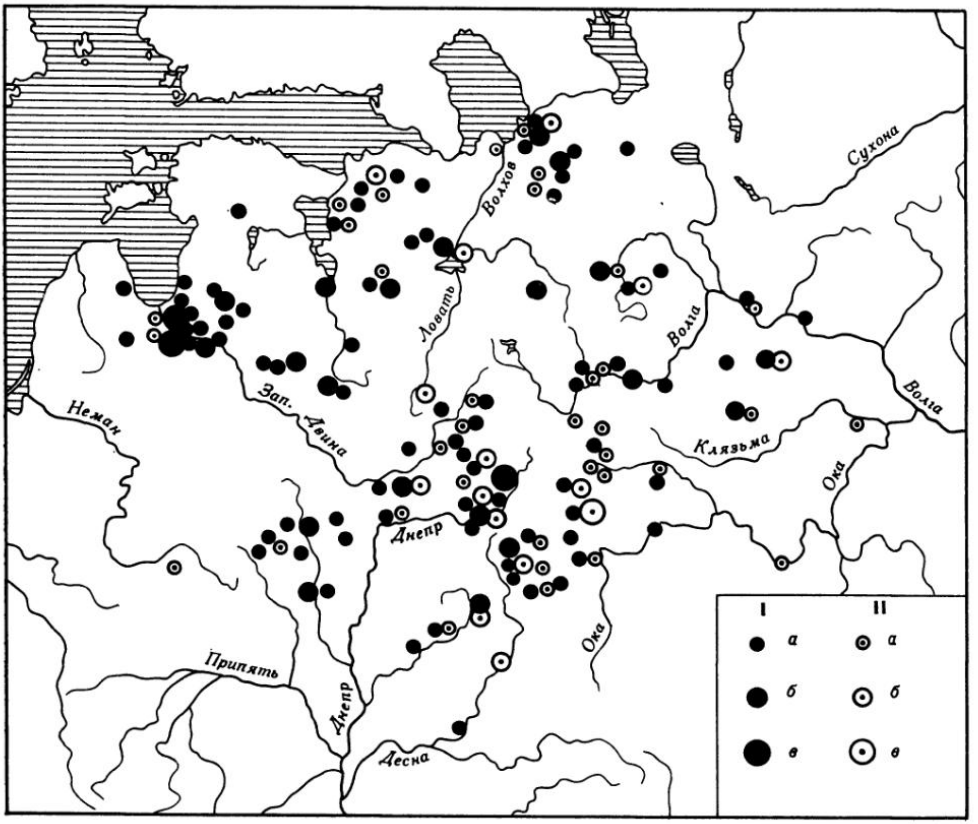


Рис. 2. Распространение языческих привесок-амулетов

I — пластинчатые коньки; *II* — привески в виде ложек и ковшиков (*а* — 1 экз.; *б* — 2—3 экз.; *в* — свыше 3 экз.)

но, как это и предполагал Б. А. Рыбаков, именно на Смоленщине находились основные центры изготовления коньков-подвесок, снабжавшие своей продукцией население всей Северо-Западной и Северо-Восточной Руси [5].

Вместе с тем имеющиеся данные свидетельствуют о наличии еще одного очага производства таких амулетов, располагавшегося в нижнем течении Западной Двины (возможно, таким центром было городище Даугмале). По некоторым крайне незначительным особенностям даугавской серии изделий можно заключить, что район преимущественного сбыта последних охватывал земли древнелатышских племен и ливов; кроме того, отдельные их образцы проникали в Полоцкую и Новгородскую земли. Устанавливается и обратное направление связей, выражающееся в появлении типично смоленских отливок коньков в памятниках юго-восточной Прибалтики.

В XI—XII вв. аналогичные изделия проникают на север Восточной Европы, в области, еще занятые в основном финно-угорским населением. Здесь они органично вошли в металлический убор местного женского костюма, характеризующийся обилием разнообразных, в том числе и зооморфных, подвесок. Не вызывает сомнения, что широкая популяр-

ность коньков-оберегов в разноэтничной среде обусловлена той важной ролью, которую играл образ «солнечного коня» в восточнославянских, балтских и финно-угорских идеологических представлениях, обеспечивший и сходное понимание семантики самых амулетов. Однако в районах обитания чудских группировок, переживавших в рассматриваемый период расцвет собственной культовой пластики, продукция древнерусских мастеров не могла вытеснить местные формы коньковых украшений, послужив лишь заметным добавлением к последним.

Вторую по численности группу амулетов составляют миниатюрные подвески в виде ложек и аналогичных им по семантике изображений ковшиков (рис. 1, *4—8*, *18 а*, *18 г*, *19 б*). На территории Руси найдено не менее 75 привесок-ложек, изготовленных из бронзы (в единичных случаях — из низкопробного серебра), а также 10 литых бронзовых ковшиков. В отличие от коньков амулеты в виде предметов быта более разнообразны по характеру исполнения, хотя и среди них можно выделить довольно крупные стандартные серии находок. В целом же типологическое сходство всех рассматриваемых изделий (за исключением оригинальной привески-ложечки из Кветунского курганного могильника, ручка которой оформлена в виде антропоморфной фигурки) [6] представляется очевидным. Можно с уверенностью утверждать также, что они едины и по своему происхождению.

Область распространения амулетов-ложек на древнерусских территориях полностью совпадает с ареалом коньковых подвесок, их наибольшая концентрация также фиксируется в междуречье Днепра, Западной Двины и Волги. Находки немногочисленных привесок-ковшиков локализованы преимущественно в этом последнем районе. Вместе с тем в юго-восточной Прибалтике рассматриваемая группа оберегов не получила распространения, а появление там единичных привесок в виде ложек и ковшей связано с проникновением на запад изделий древнерусских ремесленников.

Подавляющая часть таких находок происходит из погребений сельского населения Руси XI—XII вв. Лишь изредка они встречаются в северных городских центрах (Новгород, Серенск, Ярополч-Залесский, Рязань). Можно согласиться с высказанным в литературе мнением об изготовлении амулетов в виде предметов быта сельскими ювелирами Смоленской земли [7]. Последнее не исключает, однако, производства оберегов на широкий внешний рынок.

Это заключение подтверждается изучением распространения стандартных серий изделий, изготовленных по единой модели. Так, полностью совпадающие по форме ложечки, ручки которых покрыты рельефным узором, встречены в Смоленском Поднепровье (Колчино, курган 41; Саки, курган 55) [8], на северо-западе Новгородской земли (Калихновщина, курган 348) [9], в Суздальской земле (Исаково, курган 443) [10] и в бассейне р. Мологи (курган у с. Борисовское) [11]. Их территориальная разбросанность достаточно наглядно иллюстрирует размах торговли славянскими амулетами, производившимися мастерами Поднепровья.

Массовые формы привесок-амулетов образуют устойчивые наборы украшений в женских захоронениях: из 55 документированных погребальных комплексов с миниатюрными ложечками и ковшами свыше половины (30 захоронений) содержали и пластинчатые коньки распространенного типа. Наблюдается также их устойчивая корреляция с бубенчиками, привесками из клыков животных и менее многочисленными разновидностями оберегов, изготовленных из бронзы или кости.

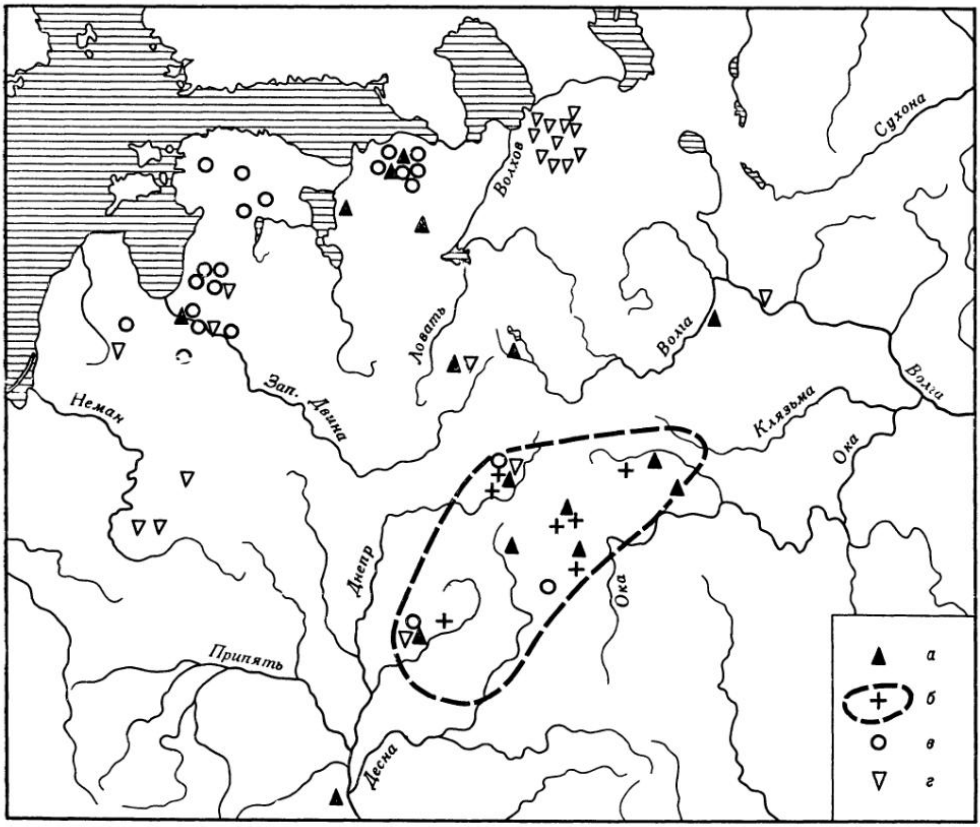


Рис. 3. Распространение языческих амулетов и арочных держателей привесок

а — арочные держатели привесок; *б* — миниатюрные гребни славянского типа и ареал их находок; *в* — ножевидные привески; *г* — привески-ключи

К языческим привескам-оберегам относится группа миниатюрных бронзовых гребней, украшенных двумя стилизованными головками коней, смотрящими в разные стороны. Костяные и бронзовые подвески-гребни с изображениями парных конских голов широко известны и в финно-угорской среде, но они имеют заметные отличия от славянских амулетов[12], представленных несколькими вариантами одного и того же типа (рис. 1, *2*, *3*, *11 а*). На территории Руси обнаружено не менее 16 экз. гребней, происходящих из девяти сельских кладбищ и одного городского центра — Серенска (рис. 3). В 7 из 12 погребений они найдены совместно с коньками-подвесками. Не вызывает сомнения, что миниатюрные привески-гребни по своему происхождению связаны именно с той культурной средой, мастера-ювелиры которой наладили производство общераспространенных форм амулетов. Поэтому особенно интересным представляется устанавливаемый на основе картографического анализа довольно ограниченный ареал зооморфных гребней в полосе между Верхним Поднепровьем, р. Угрой и р. Москвой. Эта зона, очерченная находками локальной разновидности оберегов, не рассчитанных на широкий внешний сбыт, и должна в основном соответствовать территории формирования славянских привесок.

Значительно более сложным представляется вопрос о происхождении ряда других амулетов, происходящих из ограниченного числа восточнославянских памятников и вместе с тем обнаруживающих определенное сходство с изделиями аналогичного характера из областей балто-финно-угорского расселения (ключи, ножевидные и прорезные птицевидные подвески).

В землях, плотно освоенных в XI—XII вв. славянскими племенами, находки бронзовых привесок-ключей весьма немногочисленны. Они обнаружены в Верхнем Поднепровье (Харлапово, курган 11; Смяличи, курган I (LXIV), в бассейне Верхней Оки (Серенск), окрестностях Торопца (Низинка) и на Верхней Волге (Хрипелево, курган 2; Воздвиженье, курган 3). В целом эта территория совпадает с зоной преимущественного распространения древнерусских амулетов. Более того, обнаруживается и их постоянная встречаемость с последними в курганных захоронениях. Однако какого-либо стандартного, серийного образца привесок-ключей здесь выработано не было, фактически каждое изделие является продукцией индивидуального творчества (рис. 1, *9*, *10 г*, *18 д*). Таким же разнообразием отличаются амулеты в виде бронзовых ключей, неоднократно встреченные в памятниках ливов, древнелатышских и литовских племен, в каменных могилах ятвягов Понеманья.

Иная картина наблюдается на северной периферии Древнерусского государства, в юго-восточном Приладожье, где в XI—XII вв. еще продолжала сохраняться яркая и самобытная культура местного финно-угорского населения. Во второй половине XI — начале XII в. здесь получила распространение однотипная и лишь в некоторых случаях проявляющая незначительные различия форма бронзовых ключей-амулетов, характеризующаяся наличием прямоугольной бородки с крестообразной прорезью и петлевидной головки (рис. 3, *17*). 23 таких подвески обнаружены в курганах Приладожья, три — на северо-восточном побережье Онежского озера (Челмужи, курган 5), по одной — в бассейне Северной Двины (грунтовый могильник Корбала) и в отмеченном выше курганном захоронении у с. Воздвиженье в Ярославском Поволжье.

Финно-угорская принадлежность подавляющей части комплексов с «приладожской» формой ключей-подвесок не вызывает сомнений. Она подтверждается и характером погребального обряда и общим набором курганного инвентаря, и, наконец, самим ареалом этой явно местной, не имеющей прямых аналогий в славянском и прибалтийском материале серии изделий. Тем более интересным представляется отчетливо выявляемая связь таких находок с идеологическими традициями восточных славян.

Прежде всего обращает на себя внимание частая встречаемость привесок-ключей в тех немногочисленных комплексах Приладожья, которые содержали другие разновидности амулетов — пластинчатые коньки и ложечки. Из 15 документированных погребений с бронзовыми ключами в семи были найдены славянские обереги, причем дважды они составляли наборы из указанных форм подвесок. Это наблюдение может быть дополнено еще одним интересным фактом. Отмечая широкое распространение на севере Руси украшений с языческой символикой, Б. А. Рыбаков писал: «С юга, как бы в противовес этой языческой стихии, двигались массы вещей христианского культа — многочисленные образки, тельники, крестики и т. д.» [13]. В Приладожье такие находки единичны и представлены лишь восемью экземплярами крестиков [14]. Но,

как выясняется, пять из них встречены в комплексах с привесками-ключами (причем в трех случаях — совместно с привесками-коньками и ложечками).

Все вышесказанное убеждает в том, что формирование серийной формы языческих амулетов в финно-угорской среде юго-восточного Приладожья было обусловлено южным импульсом и происходило под прямым воздействием восточнославянских идеологических и культурных традиций. Очевидно, здесь имелись благоприятные условия для быстрого усвоения чужеродных по происхождению элементов, приобретших вторую жизнь в новых условиях.

Еще одну группу языческих оберегов составляют миниатюрные воспроизведения ножей или ножен (так называемые ножевидные подвески) (рис. 1, *10а*, *12—16*, *18в*, *19а*). В литературе они рассматриваются, как правило, суммарно, без дифференцированного анализа. В действительности же вся масса изделий, относимых к числу ножевидных привесок, четко подразделяется по функциональному назначению на две группы. Первая группа включает полые литые имитации ножен, использовавшиеся, по-видимому, в качестве игольников. Такие вертикальные игольники имели прибалтийско-финское происхождение и были распространены в XII — начале XIII в. на северо-западе Новгородской земли, в Приладожье и Костромском Поволжье [15].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет группа ножевидных подвесок из бронзы или кости, лишенных внутреннего канала и вследствие этого имевших лишь символическое значение. Именно такие амулеты и встречаются в собственно славянских памятниках.

На территории древней Руси выделяются два района с находками ножевидных оберегов XI — начала XIII в. Один из них локализуется в Верхнем Поднепровье, где обнаружено три бронзовых (Смяличи, кург. 1 (LXIV); Харлапово, курганы 17 и 31) и одна костяная (Колчино, кург. 56) подвески. Второй район включает северо-запад Новгородской земли и характеризуется преобладанием костяных амулетов (Прологи, курган 44; Калитино, курганы 37 и 50; Выра, курган 22, Лашковицы, курган 38); бронзовые имитации ножен встречены только в могильниках у д. Беседа (курган 145) и Пежовицы (группа А, курган 8). За пределами Руси данная разновидность амулетов широко представлена в средневековых, преимущественно финно-угорских (древнеэстонских и ливских) памятниках Прибалтики; в последних выявляются и ближайшие аналогии древнерусским находкам.

Малочисленность рассматриваемых изделий в славянских землях при их очевидной популярности у иноязычных группировок, казалось бы, свидетельствует о случайном, заносном характере таких амулетов, об отсутствии их связи с древнерусским язычеством. Такое заключение, однако, не соответствует действительности.

Б. А. Рыбаковым было отмечено, что в погребениях славян встречаются не только отдельные обереги, но и «целые комплекты амулетов, надетых на одну основу» [16]. При создании целостных наборов мастера, несомненно, исходили из ясного понимания символики языческих подвесок и отражения в последних присущих именно их среде идеологических представлений. В состав комплектов амулетов входили как распространенные у славян привески, так и изделия, не имеющие четкого этнокультурного «паспорта». Поэтому особенно важно установить, в каком именно регионе могли сложиться условия для соединения разнотипных оберегов в единую систему языческой символики.

Изучение комплектов амулетов показывает, что последние всегда крепились к держателям выработанной арочной формы, представленной двумя вариантами (рис. 1, *10*, *11*, *18*, *19*). Примечателен ареал таких держателей (независимо от наличия или отсутствия привесок к ним). Он охватывает преимущественно зону плотного славянского расселения и в целом совпадает с территорией распространения ведущих форм оберегов [17]. Не вызывает сомнения, что рассматриваемая литая основа для языческих украшений была выработана в славянской среде и использовалась при компоновке амулетов русскими мастерами.

Однако составные элементы древнерусской языческой пластики оказываются явно неоднородными по происхождению. Наряду с амулетами, возникшими в славянской среде и получившими в ней наибольшую популярность, выделяются обереги, в большей степени связанные с балто-финно-угорским миром. К ним, по-видимому, относятся не только ножевидные подвески, но и привески-ключи, и прорезные птицевидные фигурки, неоднократно встречепные в комплектах славянских амулетов; последние типологически соотносятся с серийными зооморфными украшениями прибалтийско-финских племен, несмотря на определенную их переработку древнерусскими ювелирами [18] (рис. 1, *11б*, *18б*). Что касается единичных привесок в виде рыб, крепившихся к арочным держателям, то такие изделия явно являются продукцией славянского ремесленного производства (рис. 1, *10в*).

Признавая наличие в составе древнерусских амулетов некоторых форм, особенно характерных для соседних народов, следует иметь в виду, что устанавливаемый культурный обмен имел двусторонний характер. Очевидно, под славянским воздействием было налажено местное производство коньков-подвесок в Прибалтике, импульс с юга привел к созданию чудским населением Приладожья собственной разновидности ключей-амулетов. Этот процесс не ограничивался заимствованием или передачей материальных элементов язычества, он неминуемо должен был сказаться и в сближении идеологических представлений разноэтнических группировок.

[1] *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 399–404; *Он же.* Искусство древних славян // История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 39, 68, 69.

[2] *Рыбаков Б. А.* Сбыт продукции городских ремесленников в X–XIII вв. // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 93. С. 94, 95; *Он же.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 458.

[3] *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. 1961. № 2. С. 122–140; *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 88–99; *Седов В. В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151–157.

[4] См.: *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1–60. С. 28–31.

[5] См.: *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. С. 458.

[6] *Падин В. А.* Материалы из раскопок Кветунских курганов X–XIII вв. // СА. 1958. № 2. С. 222, рис. 4.

[7] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески. С. 97, 98.

[8] ГИМ. III археол. отд. Инв. 42 215; Гос. Эрмитаж. ОИПК. Инв. 812/559.

[9] *Спицын А. А.* Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова // МАР. СПб., 1903. № 29. С. 105, табл. XXI, *3*.

[10] *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 157, рис. 400.

[11] Сведения автора раскопок И. Г. Портнягина (раскопки 1973 г.).

[12] *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59. С. 61, рис. 22, *4*.

[13] *Рыбаков Б. А.* Сбыт продукции... С. 95.

[14] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 33.

[15] О подвесках этой группы см.: *Голубева Л. А.* Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 200–202, рис. *1*, *2*, *4*.

[16] *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура. С. 400.

[17] Арочные держатели найдены в Киевской (Киев, Ковали), Смоленской (Харлапово, Бочарово, Коханы), Брянской (Смяличи), Калужской (Серенск), Московской (Ивановское, бывш. Серафимо-Знаменский скит), Калининской (Низинка, городище Никола-Рожок), Ярославской (Кирьяново), Псковской (Забредняжье), Новгородской (Удрай) и Ленинградской (Беседа и депаспортизованный экземпляр из раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато) областях. За пределами Руси аналогичная находка встречена в ливском могильнике Мартыньсала.

[18] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения... С. 17, 18, 100, 101. Табл. III, *5*; IV, *6*.

В. В. Седов

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ДРЕВНЕРУССКИХ КРЕСТОВ

В статье рассматриваются нагрудные кресты с так называемым грубым изображением распятого Христа. Они сравнительно крупные (от 3,2×2 до 5×4,5 см), изготовлялись чаще из серебра, реже из бронзы и, по-видимому, не были предметами массового производства, вышедшими из одной-двух мастерских. Тем не менее распространены рассматриваемые кресты очень широко, помимо территории древней Руси, они найдены в среднедунайских землях, а также в Финляндии и Скандинавии. Таким образом, эти находки являются важным показателем культурных и торговых взаимоотношений Руси со странами и народами Северной Европы и Подунавья.

Высота характеризуемых крестов всегда несколько больше их ширины. Лопасти их слегка расширяются. На лицевой стороне крестов имеется рельефное изображение распятого Христа, одетого в длинный хитон, на груди — крестовидная перевязь. Грубо, но отчетливо переданы кисти рук, они несколько преувеличены, пальцы раздвинуты, на запястьях во многих случаях имеется спиральный орнамент. Большинство крестов имеют изображение только на одной стороне, но есть и двухсторонние. На оборотной стороне последних помещалась женская фигура в рост — очевидно, дева Мария.

Первые находки таких крестов были сделаны в Скандинавии и введены были в научный оборот шведскими исследователями. Б. Салин, анализируя подобные кресты из коллекции Исторического музея в Стокгольме, утверждал, что они появились в Северной Европе как подражание византийским энколпионам. По мнению этого исследователя, спирали на запястьях распятого Христа являются признаком нордического стиля, поскольку подобные известны и на других, в том числе и на более ранних, украшениях Скандинавии [1].

К этой точке зрения присоединились многие исследователи [2]. Крестики рассматриваемого типа, обнаруженные в памятниках Финляндии, сопоставляются обычно со скандинавскими [3]. К крестам скандинавского происхождения были отнесены подобные находки в среднем Подунавье венгерским археологом А. Кишем [4]. Эта мысль проскальзывает и в некоторых публикациях находок подобных крестов на территории древней Руси. Эти представления в значительной степени обусловлены отсутствием в историко-археологической литературе полной сводки находок крес-

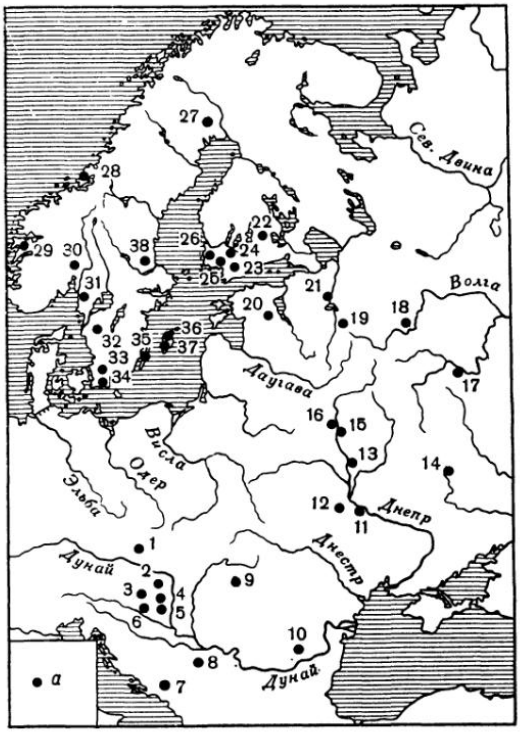


Рис. 1. Распространение крестов с «грубым» изображением распятого Христа

1 — Микульчицы; *2* — Ва; *3* — Немешхань. Кестхей; *4* — Цеце-Меньёдпуста; *5* — Цико; *6* — Майш; *7* — Бугойно; *8* — Ритопек; *9* — Янкафалва; *10* — Румыния; *11* — Родень — Княжа Гора; *12* — Новгород Малый; *13* — Любеч; *14* — Гочево; *15* — Шапчицы; *16* — Колодезная; *17* — Старая Рязань; *18* — Глинники; *19* — Демян — Княжая Гора; *20* — Юрьев — Тарту; *21* — Новгород; *22* — Юоненнурми; *23* — Вирусмяки; *24* — Таскула; *25* — Хейниккала; *26* — Унтала; *27* — Унна Сайва; *28* — Тронхейм; *29* — Берген; *30* — Хукоен (Скьоервой); *31* — Квилле; *32* — Вастергётланд; *33* — Аспинге; *34* — Иоханнисхус; *35* — Рыд Глёмминге; *36* — Сандегарда; *37* — Лилла Клинтегарда; *38* — Аллмённинге

тов рассматриваемого типа. Цель настоящей статьи восполнить этот пробел (рис. 1).

Прежде всего нужно заметить, что эти кресты, по-видимому, происходят не непосредственно от византийских энколпионов, а ведут свое начало из Великой Моравии. В памятниках этого славянского государства имеются наиболее ранние находки подобных крестов, которые и послужили прототипами обширной группе предметов, рассматриваемых в настоящей статье. Так, в Микульчицах найдено несколько крестиков из цветного металла с грубым изображением ряспятого Христа. На крестике, обнаруженном здесь при раскопках одноапсидной трехнефной базилики IX в., имеется и спиральный орнамент на запастьях распятого Христа [5], как и на более поздних скандинавских находках.

Из Великой Моравии, нужно полагать, кресты рассматриваемого типа распространились в древнерусских землях — находки X в. до сих пор обнаружены только на территории древней Руси. Два таких крестика со слегка расширяющимися концами найдены при раскопках Новгорода Великого. Один из них происходит из Неревского раскопа, где встречен в промежутке между настилами 27-й и 26-й мостовой Великой улицы. Следовательно, этот крест надежно датируется периодом между 972 и 989 гг. Второй крест найден на Буяном раскопе в отложениях конца X в. [6] Рубежом X и XI вв., по-видимому, может быть датирован крест из городища Заречье на р. Стугне (Киевщина), отождествляемого Б. А. Рыбаковым с летописным городом Новгородом Малым [7].

Основная масса крестов анализируемого типа на территории древней Руси датируется XI в. Таковы, в частности, кресты из курганов Глинники, Гочево, Колодезная и Щапицы, надежно датируемые на основе сопровождающих находок этим столетием [8]. К концу XI в. относится и крест Старорязанского городища [9].

Кресты рассматриваемого типа неоднократно встречены в памятниках среднего и нижнего Подунавья XI—XII вв. Они не могут быть вы-

ведены непосредственно из великоморавских, прежде всего по хронологическим мотивам. Между великоморавскими и позднейшими дунайскими находками выявляется заметный хронологический разрыв. Значительная близость среднедунайских крестов XI—XII вв. с древнерусскими допускает предположение о восточноевропейском происхождении первых. В пользу этого говорит и тот факт, что в тех же землях нижнего и среднего Подунавья, где найдены кресты с грубым изображением распятия в значительном количестве встречены нагрудные крестики иных типов древнерусского происхождения. На карте, составленной М. Барань-Обершалл, только на территории современной Венгрии зафиксировано свыше 40 пунктов находок крестов древнерусско-византийского происхождения [10]. Энколпионам XII — начала XIII в. киевского типа, получившим распространение в дунайских землях, посвящена специальная работа румынских исследователей В. Спиней и Г. Королюк [11]. В ряде случаев, например в могильнике Майш [12], находки крестов с грубым изображением распятого Христа коррелируются с другими предметами древнерусского происхождения.

Распространение крестов древнерусских типов на территории Молдавии и Румынии вполне понятно, поскольку здесь имело место греко-византийское христианство, как и в древней Руси. Исторически объяснимо и распространение крестов древнерусского происхождения на территории Венгрии. Известно, что до принятия христианства венгерским королем Иштваном I в среднедунайских областях получило распространение византийское религиозное воздействие. Залавар в западной Венгрии был центром славянской литургии. Греко-византийское направление в христианстве сохранялось в ряде мест Венгрии и позднее. В бассейнах Мароша и Тисы в XI—XII вв. и позднее господствовала религия греко-византийского начала. Естественно, что в венгерские земли со значительным славянским населением, как и на территорию Румынии, поступали предметы христианского культа, прежде всего из Руси и в меньшей степени из Византии. Распространению древнерусских крестов в какой-то мере способствовали и политические связи венгерских королей с Галицкой Русью [13]. М. Барань-Обершалл допускает, что в распространении киевских крестиков в Венгрии какую-то роль сыграли династические связи венгерских королей с древнерусскими княжескими семьями [14].

О древнерусском происхождении крестов с изображением распятого Христа, найденных в археологических памятниках Финляндии, где они датируются XI — первой половиной XII в., мне уже приходилось писать [15]. Об этом говорят и сходство финских находок с древнерусскими и относительно широкое распространение других предметов христианского культа древнерусского происхождения в южных землях Финляндии. Анализ последних вместе с отдельными лингвистическими наблюдениями дают все основания утверждать, что начало распространения христианства в области расселения прибалтийско-финских племен суми и еми связано с культурно-политическим воздействием древней Руси и датируется XI — началом XII в. Можно с определенностью утверждать, что финская знать познакомилась с христианской религией первоначально от восточных славян. Начавшиеся в середине XII в. «крестовые походы» шведских королей были уже следующим этапом христианизации населения Финляндии.

Многие из крестов рассматриваемого типа, обнаруженные в различных местах Скандинавии, имеют также древнерусское происхождение. В Скандинавии нет крестов с грубым изображением распятого Христа,

датируемых X и началом XI в. Наиболее ранний из них — крест из Аспинге относится к 40-м годам XI в. Находки в Аллменнинге и Иоханнисхусе датируются уже 60—80-ми годами, а из Сандегорда — 80—90-ми годами того же столетия. В пользу транспортировки рассматриваемых нагрудных крестиков в Скандинавию из восточнославянских земель, помимо заметного сходства, свидетельствуют вещевые находки, их сопровождающие. Так, в Унна Сайва (Швеция) крест с изображением распятия найден был в комплексе большого количества других вещей древнерусского происхождения. Это — бронзовый крестик с эмалевыми вставками, весьма распространенный на Руси [16], круглая привеска-иконка с изображением богородицы, косорешетчатая привеска, прорезные зооморфные привески и витой бронзовый браслет с обрубленными концами, имеющий многочисленные аналогии в Новгородской земле и не без основания причисляемый к характерным украшениям словен ильменских. В публикации этого комплекса автор ее закономерно относит все эти предметы к древнерусским [17].

В Сандегарда вместе с крестом с «грубым» изображением распятия найден крест с расширенными концами, завершающимися тремя выпуклыми дисками (так называемые привески-крестики скандинавского типа), древнерусское происхождение которых ныне представляется несомненным [18].

Не следует, конечно, полагать, что все кресты с изображением распятого Христа, найденные в средневековых памятниках Скандинавии, происходят из древней Руси. Так, серебряный крест из Тронхейма (Норвегия), на котором изображение распятого Христа отделано филигранью с элементами ригерикского стиля [19], несомненно, принадлежит к произведениям скандинавских ремесленников. Не исключено, что и некоторые другие скандинавские находки рассматриваемой группы крестов выполнены местными мастерами. Несомненным представляется только то, что корни этих предметов культа находятся не в Византии, а на Руси и какая-то часть этих крестов привезена была в Скандинавию из Восточной Европы.

[1] *Salin B.* Några krucifix och kors i Statens Historiska Museum // Sven. forminnesfören. tidskr. 1893. Bd 28. S. 277—279.

[2] *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Uppsala; Lund, 1955. Bd 1. S. 177—178; *Serning I.* Lapska offerplatsfynd fran Jårnålder och Medeltid i de svenska lappmarkerna. Uppsala, 1956. S. 51—52.

[3] *Kivikoski E.* Christliche Einflüsse in dem archäologischen Material der Wikingerzeit und der Kreuzzugszeit Finnland // Acta Visbyensia. 1969. Bd 3. S. 37; *Racz I.* Early finnish art. Helsinki, 1961. N 150.

[4] *Kiss A.* Baranya megye X.—XI. századi sirleletei. Bp., 1983. Old. 173.

[5] *Poulik J.* Mikulčice: Sidlo a pevnost knižat velkomoravských. Pr., 1975. Tab. 73, *2*, *3*; *Dekan J.* Vel'ka Morava: Doba a umenie. Br., 1976. Obr. 124, 126.

[6] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 49, 50, рис. 13, *2*, *4*.

[7] *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 127, 128.

[8] *Равдина Т. В.* Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975. № 3. С. 223; *Риер Я. Г.* Изучение курганов в Могилевском Поднепровье // СА. 1976. № 2. С. 188—191.

[9] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 187.

[10] *Barany-Oberschall M.* Byzantinische Pektoralkreuze aus ungarischen Funden // Wandlungen christlicher Kunst im Mittelalter. Baden-Baden, 1953. S. 207—252, Fig. 78.

[11] *Spinei V., Coroliuc G.* Date cu privire la circulaţia unor obiecte de cult din secolele XII—XIII // Stud. şi cercet. ist. veche şi arheol. Buc., 1976. Vol. 3. P. 319—330.

[12] *Kiss A.* Baranya megye... Old. 173.

[13] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968. С. 167–182.
[14] *Barany-Oberschall M.* Byzantinische Pektoralkreuze... S. 232.
[15] *Седов В. В.* Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 34, 35; *Sedov V. V.* Old Russia and Southern Finland: (Finds of Old Russian origin in Finland) // Suomen muinaismuistoyhdistys. ISKOS. Helsinki, 1984. Vol. 4. P. 20–22, fig. 4.
[16] *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113–117.
[17] *Serning I.* Lapska offerplatsfynd... S. 126.
[18] *Фехнер М. В.* Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. С. 210–214.
[19] *Wilson D., Klindt-Jensen O.* Viking art. N. Y., 1966. P. 141. pl. LXIV.

З. М. Сергеева

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ КУРГАНОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БЕЛОРУССИИ

Исследователи давно обратили внимание на то, что древние погребальные насыпи на различных территориях имеют свои местные названия. Собирая сведения о таких памятниках в восточной части Витебской обл. по опубликованным материалам и во время полевых обследований, удалось сделать некоторые наблюдения над распространением отдельных народных названий курганов.

В пределах изучаемого региона население называет их горками, бугорками, могилками; почти повсеместно известно название курганы. Имеется несколько случаев, когда народ связывает такие насыпи с событиями 1812 г. Так появились названия «французские могилки», известные в бассейне Лучесы для курганов у деревень Высочаны [1] и Узварцы [2] и в окрестностях г. Толочина у д. Конопельчицы; «наполеоновские курганы» у д. Придворье на Лучесе. Одиночный курган на берегу Западной Двины у д. Илово известен в народе как «французская гора». Отмечено сочетание старых терминов с более поздними событиями, например «наполеоновская волотовка» — название одиночной насыпи на берегу Лучесы у д. Кучиновичи [3]. В бассейне Оболянки у д. Малюши зафиксировано название одиночного кургана, связанное с древним легендарным народом асилками, или осилками,— «осилкова могила» [4]. О существовании последнего бытует много легенд, но на данной территории значительная часть их увязывается с городищами, где якобы жили осилки.

Наибольший интерес с археологической точки зрения представляют три местных названия — сопки, волотовки, концы. На севере региона в Городокском и частично Витебском районах наряду с указанными названиями погребальных насыпей распространен термин «сопка». Происхождение его связывается исследователями со словом сыпать [5]. В работе учтено 17 пунктов, где местные жители называют курганы сопками (рис. 1). Они расположены главным образом в пограничье с Псковской областью, в верховьях Ловати, в бассейне Овсянки, в верховьях Оболи. Захватывая верховья правых притоков Западной Двины, эти названия не доходят до самой реки и на уровне среднего течения Оболи, районного центра Городок и оз. Вымно встречаются с другим термином — «волотовка». В этой пограничной зоне зафиксировано и двоякое название погребальных насыпей — сопки и волотовки (д. Заречье) [6]. Южнее

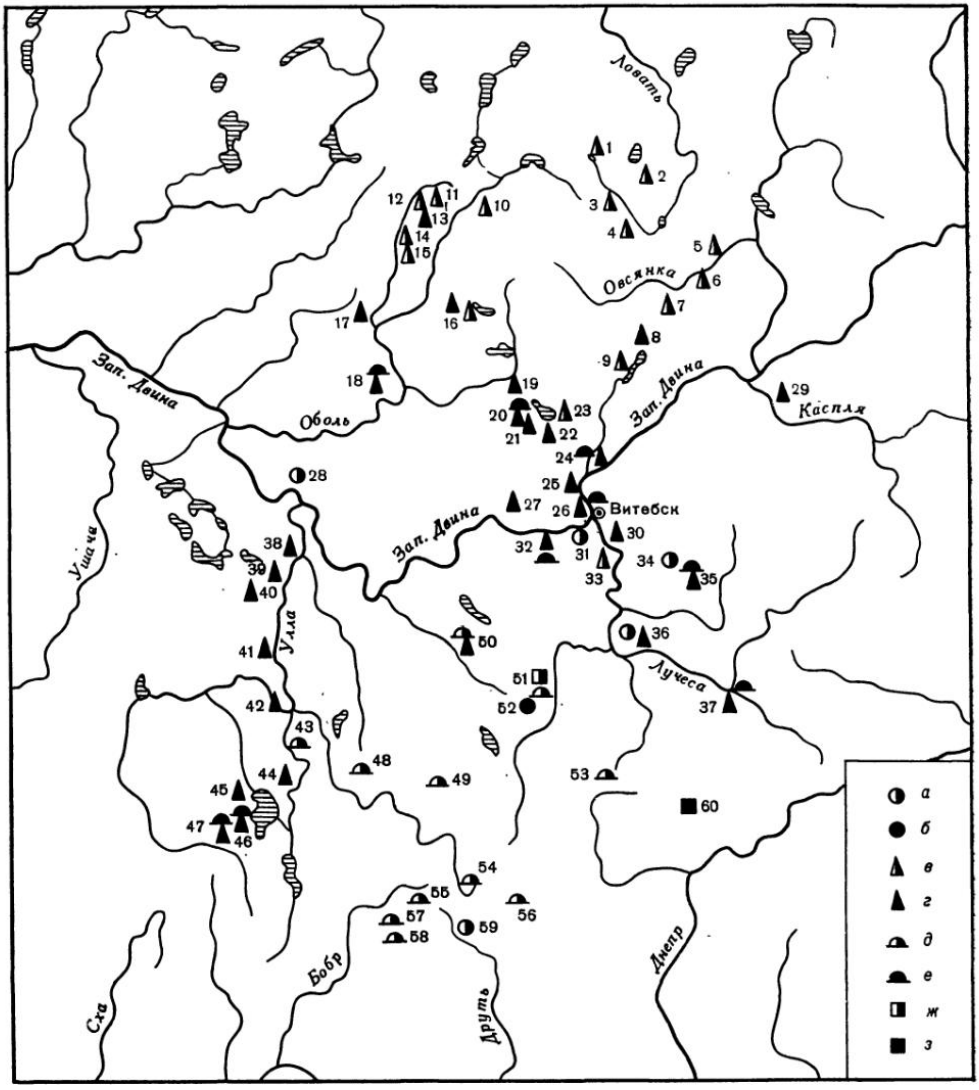


Рис. 1. Распространение народных названий курганов на северо-востоке Белоруссии

а — названия, связанные с событиями 1812 г.; *б* — «осилкова могила»; *в* — «сопка»; *г* — «волотовка»; *д* — «концы»; *е* — топонимы, производные от термина «волотовка»; *ж* — топонимы, производные от термина «концы»; *з* — топонимы «Колотовка»; *1* — Межа; *2* — Дорохи; *3* — Старнов; *4* — Борисоглеб; *5* — Алексеево; *6* — Большое Заборочье; *7* — Хатейка; *8* — Болецк; *9* — Хоботы; *10* — Свиридовка; *11* — Копна; *12* — Владимирово; *13* — Холомерье; *14* — Осмот; *15* — Прудок; *16* — Заречье; *17* — Красомай; *18* — Волотовки; *19* — Боровые; *20* — оз. Лосвидо; *21* — оз. Утво; *22* — Заборцы; *23* — Герасимово; *24* — Каховка; *25* — Боровляне; *26* — Витебск; *27* — оз. Летцо; *28* — Илово; *29* — Слободка; *30* — Лятохи; *31* — Узварцы; *32* — Комары; *33* — Городняны; *34* — Высочаны; *35* — Жерносеки; *36* — Кучиновичи; *37* — Волотово; *38* — Жданово; *39* — Стрижево; *40* — Демидовичи; *41* — Бочейково; *42* — Трилесино; *43* — Вятеры; *44* — Лукомль; *45* — Слободка; *46* — Столбцы; *47* — Забоенье; *48* — Новины; *49* — Старая Белица; *50* — Закратунь; *51* — Капцы; *52* — Малюши; *53* — Ледневичи; *54* — Ясновщина; *55* — Кузьки; *56* — Узгой; *57* — Латыговка; *58* — Новинки; *59* — Конопельчицы; *60* — Колотовка

Западной Двины пока известен один пункт у д. Городняны, где местные жители называют сопками два больших кургана [7]. Название «сопка» относится и к одиночным насыпям — одна сопка у д. Герасимово [8], и к малочисленным курганным группам — две сопки у д. Прудок; пять сопок у д. Большое Заборочье; и к большим могильникам — 20 сопок у д. Старнов; 70 сопок у д. Борисоглеб [9]. По имеющимся материалам можно заметить, что, чем ближе к границе с Псковской областью, тем чаще группы, разные по количеству и размерам курганов, называются сопками; южнее же этот термин преимущественно применяется к одиночным крупным насыпям. Большинство курганов-сопок располагается по берегам рек и озер. Несмотря на незначительность сведений о раскопках, можно сказать, что захоронение в них совершалось как по способу трупоположения, так и трупосожжения. Например, при распахивании некоторых насыпей у д. Осмот находили человеческие кости [10]. При раскопках у д. Борисоглеб Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич обнаружил трупосожжение без вещевого материала [11]. У д. Хоботы по сведениям 1873 г. во время распахивания курганов-сопок, расположенных на площадке городища-убежища, тоже встречены человеческие кости [12]. При исследовании здесь одной насыпи в 1933 г. обнаружено трупосожжение и фрагменты лепной керамики, близкой к керамике длинных курганов [13].

Массовое распространение термина «сопка» известно на Новгородчине. Здесь, по В. В. Седову, всякие курганные насыпи называются сопками [14]. В исследуемом регионе пока не зафиксировано ни одной насыпи, которая бы обладала рядом признаков, типичных для новгородских сопок: высота, крутобокость, уплощенность вершины, кольцо из валунов у основания, многоярусность погребений и т. д. Одиночные крупные насыпи, по размеру соответствующие новгородским сопкам, пока еще раскопками не изучались, но отсутствие у них типичных внешних признаков сопок позволяет говорить о них лишь как о сопковидных курганах. Распространение термина «сопка» в северной части региона свидетельствует, что он проник с новгородско-псковской территории. Пока трудно сказать, связано ли это с движением населения или с заимствованием названия, но примечательно, что топонимов, производных от этого названия, здесь пока не зафиксировано. Аналогичная картина наблюдается и в западных районах Витебщины (Россонский и Верхнедвинский), где термин «сопка» отмечен только на северных их окраинах.

Вдоль Западной Двины, включая основную часть бассейнов рек — Лужесянки, Оболи, Лучесы, Березы, Лукомки, правых и левых ее притоков, распространен другой термин для погребальных насыпей — «волотовка» (рис. 1). Всего учтено 30 пунктов, где народ называет курганные могильники волотовками [15]. Наибольшая концентрация таких названий отмечается в Витебском районе, в округе г. Витебска и в бассейне Лукомки. Большинство насыпей имеет полусферическую форму, но среди курганов-волотовок встречаются длинные и овальные. Довольно часто они располагаются на берегах водоемов.

На северной окраине своего распространения термин «волотовка», как уже отмечалось, встречается совместно с термином «сопка». К югу от Западной Двины бытуют два названия — курганы и волотовки, и даже, например у д. Лятохи, местные жители чаще называют погребальные насыпи курганами, чем волотовками [16]. К юго-западу от верховьев Лучесы (в Сенненском и Оршанском районах) распространен термин «копцы», но не известно ни одного случая совместного употребления названий курганных насыпей — волотовки и копцы.

Интересно отметить, что больше всего известно топонимов, производных от термина волотовка. При этом следует сказать, что почти всегда рядом с таким пунктом зафиксированы и сами курганы, которые у местных жителей называются волотовками. В бассейне р. Оболи у д. Волотовки (рис. 1, № 18) раньше были курганы-волотовки, теперь распаханы [17].

На берегу оз. Лосвидо у д. Волотовки (рис. 1, № 20) имеется курганный могильник из полусферических и удлиненных насыпей [18]. Урочища Волотовки, где имеются и курганы, зафиксированы в низовьях Лужесянки у д. Каховка [19] (рис. 1, № 24); южнее Западной Двины у д. Комары [20] (рис. 1, № 32); к западу от Лукомского озера у деревень Забоенье и Столбцы [21] (рис. 1, № 46 и 47). В верховьях Лучесы отмечено название хутора Волотово [22] и название дороги — Волотова гребля (рис. 1, № 37). Восточнее Лучесы, у д. Жерносеки, имеется урочище под названием «Волотовки» или «Колотовки», где также есть курганы [23] (рис. 1, № 35). На р. Березе у д. Закратунь (рис. 1, № 50) существовала пристань, называвшаяся Волотовка. Рядом с этим местом сохранился один полусферический курган [24]. Возможно, население перенесло название кургана на пристань.

В бассейне Оршицы есть д. Колотовка, но сведений о курганах возле нее не имеется (рис. 1, № 60).

Примечательны топонимы в бывших окрестностях Витебска XVII—XVIII вв., где упоминаются «слобода Волотовка за Двиною» и затем «урочище Волотовки». Курганы здесь названы «волотовки великие» [25].

Из раскопанных или случайно разрушенных курганов-волотовок известно, что захоронения в них совершались как по способу трупосожжения (курганы у д. Лятохи), так и трупоположения (курганы у д. Каховка).

Название «волотовка» происходит от слова «волот», которое объясняется в словаре устаревших слов XVI в. как великан, исполин, а волотовки — это могилы великанов [26]. Исследователи связывали волотов с велетами или вельтами Птолемея и высказывали предположение об обитании их на побережье Балтийского моря [27].

Термин «волотовка» и топонимы от него неоднократно встречены в Полоцком Подвинье; единично указаны в восточных районах Латвии, обильно зафиксированы к югу от Западной Двины, включая северные районы Минской области [28]. Кроме этого, единично они отмечены к северу от региона (бывший Луцкий и Невельский уезды) [29] и в некоторых районах Смоленской обл.[30] Так, в бывшем Бельском уезде Смоленщины курганы были известны под именем «волотовок или колотовок», но более распространено, как указывается в литературе, название «лотовки» [31].

Местные названия с основой «волот» или «велет», кроме Белорусского Подвинья, встречаются и в других районах Восточной Европы. Некоторые из них, такие как Волотово поле, Волотова улица у Новгорода, упоминаются в летописи с XIV—XV вв., что свидетельствует о древности таких названий [32]. По-видимому, предания о волотах относятся к древнейшим эпическим произведениям восточных славян.

Основываясь на густоте распространения термина волотовка и топонимов, связанных с ним в Белорусском Подвинье, Л. В. Алексеев сделал предположение о расселении в этих пределах полоцкой группы кривичей [33]. Не анализируя в данном случае материал с широкой территории, трудно привлекать его к историческим выводам, но имеющиеся данные

по исследуемому региону не противоречат такому наблюдению. Кажется, в пользу этого свидетельствует и распространение браслетообразных височных колец особого типа, наиболее широко представленных в памятниках Полоцкого Подвинья — тонкопроволочных с плохо завязанным концом [34].

На юге региона (Чашниковский, Сенненский, Толочинский районы) для погребальных насыпей известен термин «копец», или «капец». Исследователи считают, что он происходит от литовского слова kapas — могила [35]. Это название зафиксировано в верховьях левых притоков Западной Двины — Усвейки, Свечи, Оболянки, Моши и в верховьях правых притоков Днепра — Кривой, Друти, Бобра (рис. 1). Всего известно 12 пунктов. Наибольшее количество курганных могильников с местным названием «копцы» приходится на Толочинский р-н. Так, в литературе указано, что ряд курганов по старой почтовой дороге из Шклова в Кохановo (курганы у деревень Кузьки, Голошево, Староселье, Дымово и др.) у местного населения называются «копцами» [36]. Этот термин применяется как к одиночным насыпям, так и к группе курганов; высота их при этом бывает различной: от самых низких до 3 м. В регионе такие могильники, как правило, состоят из полусферических курганов, а у д. Латыговка копцами называются и небольшие круглые курганы с каменным венцом у основания. Из раскопанных курганов-копцов видно, что захоронение в них совершалось по обряду кремации (Дымово) [37] и ингумации (Новинки) [38]. В Сенненском районе зафиксирован один топоним с таким названием — на р. Оболянке д. Капцы и рядом одиночная насыпь-копец [39].

Наибольшее количество курганов-копцов и топонимов, производных от этого названия, приходится на центральные районы Белоруссии [40]. На других территориях они единичны. Интересно отметить, что при уточнении границ Витебской и Могилевской губерний в 1648 г. очень часто употреблялось слово копец в смысле межевого искусственно сооруженного холмика. Во всех случаях там, где проходила граница и не было естественных опознавательных предметов, «был насыпан копец» [41].

В. В. Седов полагает, что ареал термина «копцы» соответствует основной территории распространения культуры штрихованной керамики [42]. По исследованному региону это предположение пока подтверждается.

Для юго-восточной части региона (Оршанский и Дубровинский районы), по имеющимся данным, наиболее употребительно для погребальных насыпей название курган.

На основании рассмотренных материалов создается впечатление, что наиболее древним является термин «копец», связанный с балтским этносом; за ним следует термин «волотовка», сопоставляемый с расселением славян в Подвинье и с бытованием у них древних мифологических представлений о волотах-великанах; и более поздним среди них, надо полагать, является термин «сопка», проникающий с новгородских земель.

[1] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971. С. 60.
[2] Там же. С. 41.
[3] Там же. С. 90.
[4] *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907. С. 61.
[5] *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 357.
[6] Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИАК. СПб., 1903. Вып. 5. С. 10.
[7] Там же. С. 8.
[8] Там же. С. 9.
[9] Там же. С. 9–11.

[10] Там же. С. 10.
[11] *Лазаревич-Шепелевич Л. Ю.* Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губернии // ИАК. СПб., 1904. Вып. 6.
[12] Сведения 1873 г. ... С. 8.
[13] *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск, 1983. С. 150.
[14] *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. Е1–8. С. 5.
[15] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Сведения о местных назначениях курганов в Витебской области собраны во время разведочных обследований Витебским областным отрядом ИА АН СССР.
[16] *Супінскі А. К.* Магільнік каля весткі Лятох Віцебскага райену и акругі // Віцебшчына. Віцебск, 1925. Т. 1. С. 18–21.
[17] *Романов Е. Р.* Заметка о дополнительных археологических местонахождениях // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС. Вильна, 1893. С. 44.
[18] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 48.
[19] *Романов Е. Р.* Раскопки в имении Каховка Витебского уезда // Древности. М., 1900. Т. 16. С. 76–80.
[20] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 39.
[21] Там же. С. 87–88.
[22] *Сяргинка Я., Галкоускі В.* Бабынаускае и Зеляноуское вазеры // Наш край. 1926. № 11. С. 41.
[23] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 419.
[24] Сведения по ряду восточных районов Витебской области собраны во время разведок 1969–1971 гг.
[25] Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1891. Вып. 22. С. 144 (акт 1714 г.), 460–461 (акт 1628 г.); 1892. Вып. 23. С. 469 (акт 1716 г.).
[26] *Шафарик П.* Славянские древности. М., 1898. Т. 2, кн. 3. С. 94.
[27] Там же. С. 87, 97; *Булаев Ф. И.* Этнографические вымыслы наших предков // Сборник археологических и антропологических статей о России и странах ей прилежащих // ОЛЕАЭ. 1868. Т. 7. С. 96.
[28] *Сапунов А. П.* Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906; *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии; *Романов Е. Р.* Заметка о дополнительных археологических месторождениях // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС.
[29] *Сапунов А. П.* Список населенных мест...; Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1872. Вып. 3. С. 275.
[30] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966. С. 58.
[31] *Горбачев К. А.* О раскопках в Смоленской губернии // ИОЛЕАЭ. 1890. Т. 51, вып. 1: Протоколы. С. 27.
[32] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 62; 1853. Т. 6. С. 213.
[33] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 60.
[34] *Седов В. В.* Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 62, рис. 7.
[35] *Седов В. В.* Дреговичи // СА. 1963. № 3. С. 119; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 58.
[36] *Турбин Н. М.* Раскопки 1885 г. // Древности. М., 1886. Т. 11. С. 83–86.
[37] *Турбин Н. М.* Раскопки 1885 г. С. 86.
[38] *Сергеева З. М.* Курганы у д. Новинки // КСИА. 1975. Вып. 144.
[39] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. С. 79.
[40] *Романов Е. Р.* Заметка о дополнительных археологических местонахождениях. С. 19–124; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. Рис. 10; *Седов В. В.* Дреговичи. Рис. 3.
[41] Историко-юридические материалы...
[42] *Седов В. В.* Дреговичи. С. 119.

А. Т. Смиленко

КЕРАМИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ IX в. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДЕЛЬТЫ ДУНАЯ

В 1983—1984 гг. Днестро-Дунайской экспедицией Института археологии АН УССР исследовалось средневековое поселение, расположенное у с. Богатое Измаильского р-на Одесской обл., на южном берегу оз. Катлабух, вблизи Килийского гирла Дуная. Поселение занимало значительную площадь — 1300×200 м. Раскопками в его северо-западной части обнаружены керамическая и кузнечная мастерские, а также юртообразное жилище.

Керамическая мастерская состояла из гончарного горна, предгорновой ямы и помещения, где работал гончар с помощью гончарного круга. Гончарный горн, выкопанный в материковом суглинке, был двухъярусный, почти правильной круглой формы, диаметром 1,8 м. Стенки верхней обжигательной камеры, обмазанные слоем глины, сохранились до высоты 0,36 м. Под обжигательной камеры толщиной в центре 0,34 м и у стен до 0,6 м (за счет утолщения снизу) имел 13 сквозных отверстий — люфтов: 10 по периметру и 3 в центре. Опорного столба или опорной перегородки под верхней камеры не имел.

Нижняя топочная камера имела такую же форму и размеры, как и верхняя. На стенках и своде топки сохранились отпечатки деревянного каркаса — жердей, установленных в вертикальном положении, а вверху согнутых полукругами, на которые был уложен глиняный свод топки Его ровная верхняя поверхность служила подом верхней камеры. Высота топки в центре достигала 0,8 м, а у стен уменьшалась до 0.6 м. Поверхность нижнего пода, стен и свода топки была ошлакирована, а материковый суглинок вокруг — прокален до красного цвета. Устье горна длиной всего 0,25 м выходило в предгорновую яму, примыкавшую к горну с юго-запада (рис. 1).

Предгорновая яма подпрямоугольной формы имела размеры 3×2,1—2,6 м и была углублена от древнего уровня до 1 м. У трех ее стенок сохранилась ступенька шириной 0,5 м, служившая, возможно, для сидения или поклажи необходимых в работе предметов. У северо-западной стенки находилась яма от массивного столба, служившего, вероятно, центральной опорой перекрытия всей гончарной мастерской. С юга к предгорновой яме примыкало помещение, углубленное до 0,3 м от древнего уровня. Контуры его четко проследить не удалось. Можно лишь предполагать, что в южном направлении оно имело протяженность до 3 м от предгорновой ямы.

Наиболее интересной деталью этого помещения был отпечаток в его земляном полу нижней части гончарного круга в виде ямки неправильной овальной формы размерами 0,5×0,42 м, в центре которой находилась меньшая более глубокая ямка диаметром 0,4 м. Отпечатки кругов в земляном полу построек известны и на других поселениях. Следы от кругов были обнаружены на Дмитровском поселении салтовской культуры в полу некоторых жилищ. Это были круглые ямки диаметром 0,15 м с углублением в центре от вбитого массивного квадратного кола, интерпретированные как места подставок примитивных ручных кругов [1]. Отпечатки ручных, закопанных в пол кругов были зафиксированы и в гончарных мастерских на балке Канцерке в степном Поднепровье [2]. Лучше

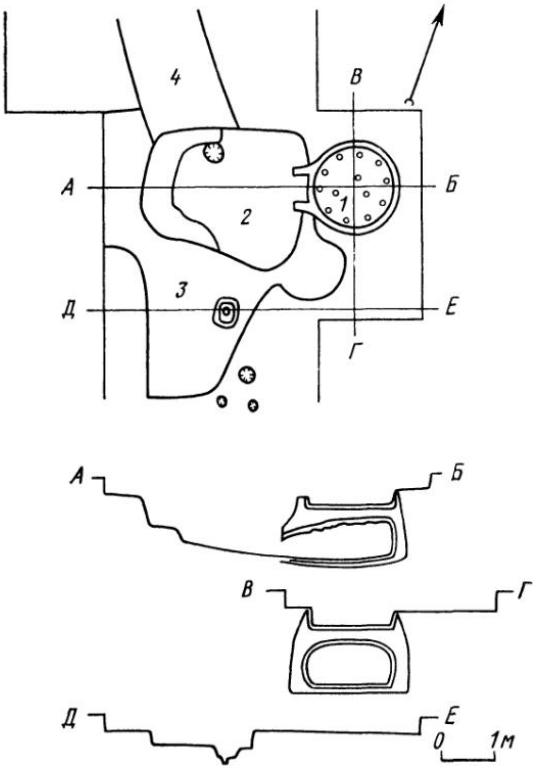


Рис. 1. С. Богатое. Керамическая мастерская

1 — гончарный горн; *2* — предгорновая яма; *3* — помещение гончара; *4* — отрезок канавы, примыкающий к мастерской

сохранившиеся отпечатки имели вид ям, «трехступенчатых» в разрезе. Верхняя часть ямы, широкая и неглубокая, была отпечатком деревянной подставки, через которую проходила ось круга, закопанного в земляной пол. Средняя часть ямы, более узкая и глубокая, нередко заполнялась плотным материалом, закреплявшим ось круга (глиной, кусочками печины, черепками). Центральная, наиболее узкая и глубокая часть ямы, была следом конца оси круга. Ямы, контуры которых сохранились хуже, имели вид «двуступенчатых» (как в описываемой мастерской) или конусовидных в разрезе.

Целых сосудов в горне не сохранилось. Однако довольно значительный фрагментарный материал, найденный в заполнении горна и его окружении, может дать представление о типах сосудов, изготовлявшихся в мастерской. Почти все найденные обломки, за исключением нескольких, происходят от сосудов, изготовленных на круге. Количественно значительно преобладают обломки столовой посуды салтовского типа (см. таблицу). Она сделана из отмученной глины, с добавлением растительных примесей и шамота, имеет гладкую серую или черную поверхность, лощеную либо украшенную лощеным орнаментом — вертикальными и лощеными полосами, косой сеткой, волной.

Таблица

Количественное и процентное соотношение обломков кухонной и столовой керамики в мастерской и культурном слое раскопа 1

Место находки	Кухонная керамика	Столовая керамика	Общее количество обломков
Заполнение обжигательной камеры горна	12	87	99
Под обжигательной камеры горна	2	31	33
Топка горна	22	39	61
Предгорновая яма	32	650	682
Раскоп 1, культурный слой	125	1107	1232
В целом	193 (9%)	1914 (91%)	2107 (100%)

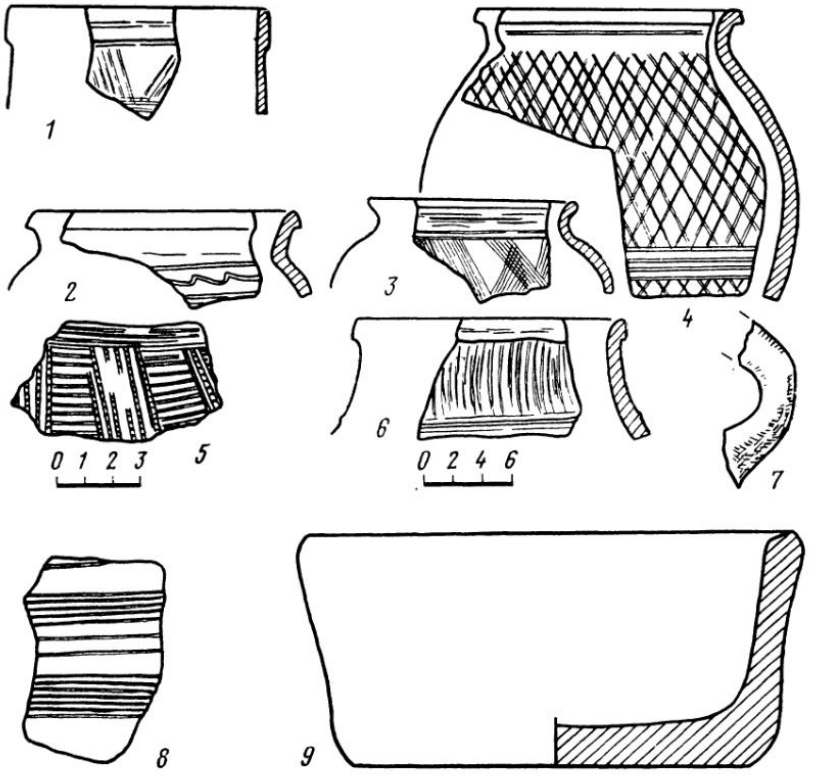


Рис. 2. Находки из мастерской

Обломки сосудов: *1* — ведеркообразного; *2*, *5*, *8* — кухонных горшков; *3*, *4*, *6* — столовых горшков; *7* — ручки горшка; *9* — ступа для измельчения примесей

Преобладающая форма — округлобокие горшки с отогнутыми валикообразными венчиками (рис. 2, *3*, *4*, *6*). Диаметр венчиков сосудов 14—19 см, тулова — 19—26 см. Вероятно, горшкам принадлежали небольшие полукругло изогнутые ручки (рис. 2, *7*).

В числе находок в заполнении горна встретилось два обломка венчиков цилиндрических сероглиняных сосудов. Один из них диаметром 18 см имел гладкую поверхность, украшенную бороздками и косыми лощеными полосами (рис. 2,*1*). Другой обломок диаметром 24 см с шероховатой поверхностью был украшен снаружи бороздками, а внутри — бороздками и волной. Возможно, оба обломка происходят от ведеркообразных сосудов, поскольку в культурном слое встретились более выразительные обломки ведеркообразного сосуда.

В горне обжигались и кухонные горшки салтовского типа, но в меньшем количестве, судя по фрагментарному материалу. Горшки были грубого изготовления, толстостенные, с крупными примесями в глине (толченой ракушки, песка, шамота). Форма горшков округлобокая, с отогнутыми венчиками, валикообразными или имеющими косо срезанный край. Поверхность шероховатая, серого или желтоватого цвета, украшена бороздками, иногда волной или косыми отпечатками гребенки (рис. 2, *2*, *5*, *8*).

В заполнении предгорновой ямы, у ее дна, найдены обломки очень большого, массивного, толстостенного сосуда, кругового, цилиндрической формы, диаметром 36 см высотой 16 см. Поверхность сосуда серая, шероховатая, внутри на дне заметны глубокие выщерблины. Это позволяет предположить, что сосуд служил ступой, в которой измельчали примеси, добавлявшиеся в глиняное тесто при изготовлении сосудов (рис. 2, *9*).

К северу от мастерской сохранились остатки легкой наземной постройки, на что указывают несколько скоплений обожженной глиняной обмазки, золы, углей, черепков, залегавших на древнем уровне поверхности поселения. Обмазка сохранила отпечатки деревянных конструкций — тонких столбиков, прутьев, досок, а также стеблей камыша. В этой части раскопа найдено около 1500 обломков сосудов, в том числе некоторое количество необожженных. Возможно, в постройке хранились сосуды как обожженные, так и необожженные, поставленные для просушки.

В этом же месте обнаружена древняя канава конусовидная в разрезе шириной до 1,8 м и глубиной 1,5 м от современной поверхности. Канава примыкала к мастерской, шла в северо-западном направлении, проходя по площади с остатками наземной постройки, и на расстоянии 9 м поворачивала под прямым углом к берегу озера. В заполнении канавы также было большое количество салтовской керамики.

Открытые на поселении объекты имеют аналогии в салтовском круге памятников. На салтовских поселениях известны глиняные двухъярусные гончарные горны, в частности без нижней опоры пода обжигательной камеры (Суворовская, Подгаевка)[3], большие прямоугольные предгорновые ямы и сточные канавы у гончарных мастерских (Маяцкое городище) [4]. На других салтовских поселениях канавы трактовались как части обширных хозяйственных построек (Карнауховское поселение) [5]. Канавы у мастерской с. Богатого могли иметь на разных отрезках различное назначение. Отрезок канавы у горна, проходивший на месте постройки-хранилища, мог служить в ней проходом, что позволяло сооружать стенки и крышу постройки низкими; ближе к берегу канава могла быть сточной, служа для отвода частых здесь ливневых вод.

Характерной для салтовской культуры постройкой является открытая в Богатом юрта с углубленным в землю основанием и центральным столбом, а также легкие наземные постройки, сооруженные из дерева и тростника и обмазанные глиной [6]. К салтовскому типу керамики относятся круговые сероглиняные, кухонные и столовые горшки, округлобокие, с валикообразными и косо срезанными снаружи венчиками, украшенные частыми бороздками (кухонные) или лощеными полосами (столовые) [7].

И открытые постройки, и керамический материал позволяют относить поселение у с. Богатое к салтово-маяцкому кругу древностей. Вместе с тем следует отметить в керамике поселения и некоторые местные, дунайские черты, характерные для болгарской керамики Правобережья Дуная. К ним относятся: обилие столовых горшков, форма цилиндрических ведеркообразных сосудов, орнамент в виде косых насечек [8]. Эти южные элементы в керамике указывают на существование контактов между обитателями левобережных и правобережных дунайских поселений.

Датировать поселение можно предположительно на основании характера керамического материала. Почти полное отсутствие лепных сосудов, грубые кухонные горшки и простая профилировка их венчиков позволяют относить существование поселения в основном к IX в. Однако отдельные находки представляют более поздние типы сосудов. Так, к X в.

относит Л. Дончева-Петкова появление в болгарской керамике цилиндрических ведеркообразных сосудов [9]. Среди обломков кухонных горшков поселения в Богатом встречаются венчики сложной профилировки (манжетовидные, фигурные), характерные для X в.[10] Большие размеры поселения позволяют предположить его длительное существование и доживание до X в., по крайней мере до начала X в., учитывая немногочисленность поздних находок. В частности, в керамической мастерской найдено всего три обломка сосудов, относимых исследователями к X в. (общее количество находок 875).

Существование поселения с салтовскими чертами культуры на Левобережье дельты Дуная в IX — начале X в. может быть объяснено определенными историческими событиями. В начале IX в. предполагается движение болгарских родов на запад, на нижний Днестр и в Дунайскую Болгарию вследствие восстания кабаров — смуты в Хазарском каганате в связи с принятием иудейской религии [11]. Одна из групп этого населения при движении могла осесть к северу от Килийского гирла Дуная.

Обитатели поселения у с. Богатое, вероятно, не были этнически однородными. Наличие среди кухонных горшков некоторого количества венчиков сложной профилировки, характерных для славянской керамики X в., позволяет предположить обитание на поселении в поздний период его существования групп славянского населения.

Мастерская, исследованная на поселении у с. Богатое, является первой средневековой керамической мастерской, открытой на Левобережье дельты Дуная. Ремесленный характер мастерской и значительное количество керамических находок в ней и вблизи нее указывают на производство, рассчитанное на сбыт продукции обитателям левобережных поселков низовий Дуная. Можно полагать, что мастерская специализировалась на производстве сероглиняной столовой посуды, главным образом столовых горшков. Грубые кухонные горшки, найденные в мастерской в меньшем количестве, изготовлялись, возможно, для потребностей населения этого же большого поселка. Столовая посуда, обладавшая более высоким качеством изготовления и обжигавшаяся в значительном количестве, предназначалась, можно полагать, для более широкого ареала поселений Левобережья Дуная.

В керамическом материале средневековых поселений Днестро-Прутского междуречья и приморской части Днестро-Дунайского междуречья (так называемой балкано-дунайской культуры) столовая салтовская посуда составляла довольно значительный процент — на отдельных поселениях от 20 до 40. До сих пор предполагался привоз сероглиняной столовой салтовской посуды из древнеболгарских городов Правобережья Дуная, где были исследованы керамические мастерские [12]. В частности, в с. Топола Толбухинского округа в НРБ был обнаружен горн, где обжигалась столовая посуда с лощеным орнаментом [13]. Исследования на поселении в с. Богатое показали, что и на Левобережье низовий Дуная существовала керамическая мастерская, в которой производилась в значительном объеме столовая сероглиняная салтовская посуда и в меньшем количестве кухонные сосуды.

[1] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 112–114.
[2] *Сміленко А. Т.* Слов"яни та їх сусіди в Степовому Подніпров"ї (II–XIII ст.). Київ, 1975. С. 142–144.
[3] *Ляпушкин И. И.* Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. 1958. № 62. С. 331–335.

[4] *Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267–279.
[5] *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение // МИА. 1958. № 62. С. 288–296.
[6] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 68.
[7] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 106, 118, рис. 25, 26, 29.
[8] *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средневековие. С., 1977. С. 53–57, 93, 117.
[9] Там же. С. 94, 107.
[10] *Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V–X вв. // СА. 1981. № 2. С. 92.
[11] *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2. С. 17, 18.
[12] *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа – городище VIII–X вв. на Днестре. Кишинев, 1973. С. 23.
[13] *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика... С. 29.

Б. А. Тимощук, И. П. Русанова

ВТОРОЕ ЗБРУЧСКОЕ (КРУТИЛОВСКОЕ) СВЯТИЛИЩЕ
(по материалам раскопок 1985 г.)

Продолжая исследования на р. Збруч, Прикарпатская экспедиция Института археологии АН СССР обнаружила в 5 км к северу от городища-святилища Богит [1] второе городище-святилище возле с. Крутилов Гусятинского р-на Тернопольской обл. (рис. 1). Так же как и первое, второе городище-святилище расположено в лесу на одном из высоких холмов возвышенности Медоборы (высота холма над уровнем р. Збруч около 100 м), окружено синхронными селищами. Городище ограничено долиной р. Збруч и глубоким оврагом «Слепой Яр», по которому протекает ручей. У подножия городища имеется несколько источников, считающихся у местного населения целебными, а на вершине холма около городища сохранились выбитые в скале келья и часовня отшельника.

Сложная система валов и рвов Крутиловского городища окружает площадь с наибольшими размерами с севера на юг—около 700 м и с запада на восток—до 450 м (рис. 2). Эта площадь разделена валами на несколько частей. На плоской вершине холма почти прямоугольная площадка (размерами 180×250 м) ограничена и разделена пополам невысокими земляными валами раннежелезного века. Здесь в X–XII вв. находилось большое поселение, от которого сохранилось не менее 160 западин — углублений жилых и хозяйственных построек и остатки древнерусских валов. Сейчас эта часть городища называется «Замчище». Само городище-святилище, называемое «Звенигород», расположено на довольно крутом склоне холма и отделено от Замчища высоким дугообразным валом и рвом. Еще один дугообразный вал, имеющий несколько ответвлений, отстоит от внешнего вала на 100—150 м и ограничивает центральную часть городища.

Изучение валов показало, что они сооружались в разное время. Древнейший вал, сильно расплывшийся (его высота 0,5 м и ширина не более 5 м), полукругом охватывал восточную часть Замчища. Основой этого вала служила деревянная стена, с внешней стороны усиленная откосом из глины и камней. С внутренней стороны к стене примыкал наземный дом, горизонтальная площадка которого имела ширину 9 м, а пол был

выложен камнями. Судя по находкам керамики, этот дом и соответственно связанный с ним вал относятся к концу эпохи бронзы — началу раннежелезного периода. По-видимому, в это время здесь находилось городище-убежище.

Два дугообразных вала, спускающихся по склону, сооружены позднее, в скифское время, но использовались славянами и перестраивались в последующие периоды. Основанием этих валов, имеющих и сейчас внушительные размеры (высота 4—6 м) и крутые склоны, служили большие каменные плиты и завал более мелких камней. Поверхность внутреннего вала в VI — VII вв. н. э. была выровнена, на образовавшейся горизонтальной площадке шириной около 3 м прослеживаются следы огня — зола, уголь и среди них обожженные кости животных и черепки посуды пражского типа. Материал этого времени пока больше нигде на городище не обнаружен, но, во всяком случае, вал в это время использовался славянами и, вероятно, тоже в культовых целях. На самой вершине вала находилась такая же горизонтальная площадка со слоем такого же состава, но с черепками XII в.— времени наиболее активного функционирования городища как святилища. Внешний дугообразный вал был также два раза уплощен и особенно интенсивно горизонтальная площадка на нем использовалась в XII в.

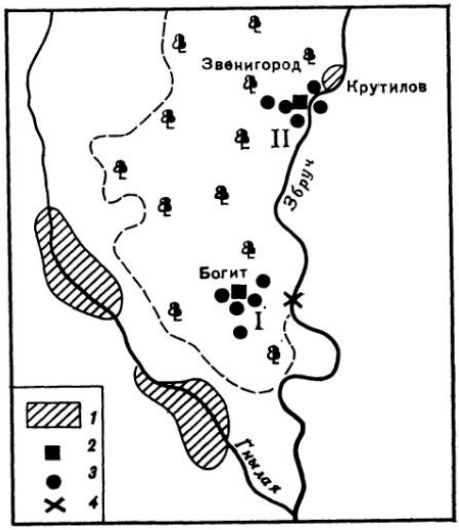


Рис. 1. Древнерусские поселения на Збруче

I — Городницкое гнездо поселений; *II* — Крутиловское гнездо поселений; *1* — территория современных сел; *2* — городища-святилища; *3* — селища X—XIII вв.; *4* — место находки Збручского идола

С внешней стороны обоих каменных валов проходят рвы, крутые склоны которых хорошо сохранились в каменистой почве. Рвы были выкопаны также в скифское время, но в древнерусский период при реконструкции городища на дне рвов были выложены из камней горизонтальные площадки, поверхность которых сильно обожжена и на ней найдены кости животных, обломки посуды XII — начала XIII в. Такие же культовые площадки во рвах были выявлены на городище Богит и на других городищах-святилищах (Кулешевка, Ржавинцы).

Позднее скифского времени были сооружены еще дополнительные валы. Один из них — земляной отходил в западной части городища от внешнего дугообразного вала и подходил к внутреннему валу, ограничивая часть городища между дугообразными валами. В этом дополнительном валу был сделан один из входов на городище. В первой половине XIII в. было начато и не закончено строительство оборонительных валов на Замчище (валы насыпаны лишь на отдельных участках).

В древнерусское время культовые и общественные сооружения были расположены на всей площади городища Звенигород, ограниченной дугообразными валами. Как уже говорилось, городище занимает неровные и местами очень крутые склоны холма. Перепад высот на участке между валами доходит до 60 м, а на центральном участке, отделенном внутренним валом,— до 35 м. Кроме того, вся площадь городища покрыта

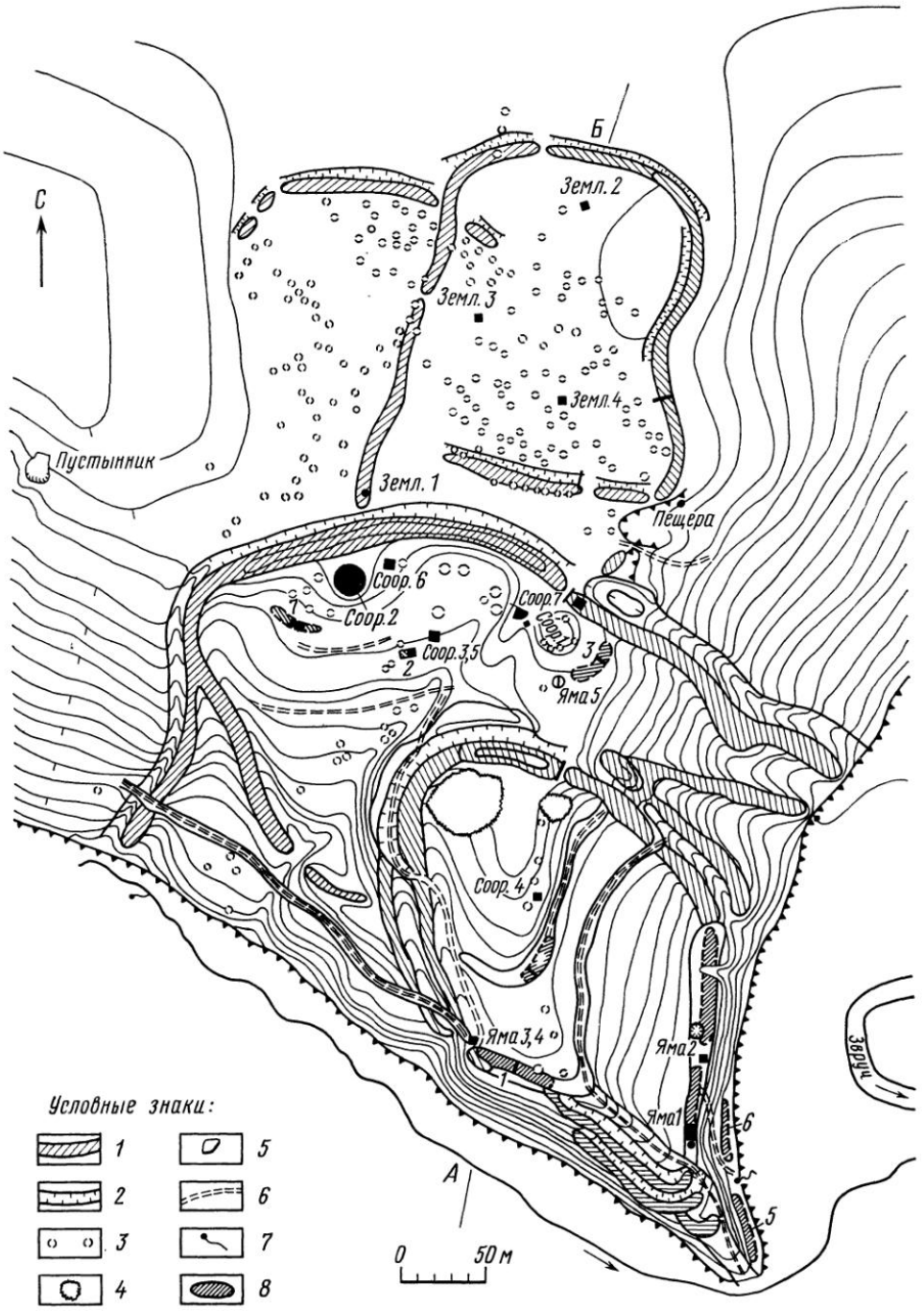


Рис. 2. План Второго Збручского (Крутиловского) святилища

1 — вал; *2* — ров; *3* — западины на месте древних построек; *4* — современные карьеры; *5* — каплица XVII в. в скале; *6* — дорога; *7* — источник; *8* — длинный дом

густым лесом, который, с одной стороны, не дает возможности проводить раскопки широкой сплошной площадью, но, с другой стороны, деревья задерживают оползни и благодаря этому на поверхности сохранились следы древних сооружений в виде горизонтальных площадок и углублений. Некоторые из этих сооружений, в том числе три жертвенные площадки-капища, девять длинных домов, пять культовых углубленных сооружений, были полностью или частично исследованы.

На площади между дугообразными валами (ее размеры 100—160×200 м) в самой ее высокой части около внешнего вала выделяются три возвышения, на которых просматриваются округлые горизонтальные площадки. Первая из этих площадок (капище 1), находящаяся в восточной части городища, была перерезана с севера на юг траншеей. Оказалось, что площадка имела диаметр около 17 м, ее поверхность была выложена камнями, на которых отложился тонкий культурный слой, насыщенный углями и золой. Площадка окружена небольшим валиком (высота 0,4—0,5 м), около него находятся корытообразные углубления. В культурном слое на площадке и особенно в углублениях около валика найдено несколько ножей, серебряная и стеклянные бусины, стрела, трубчатый замок и крест-энколпион, побывавший в огне. Дальнейшие раскопки этой площадки затруднены, так как она заросла большими деревьями, но по аналогии с другими сооружениями такого же типа можно считать, что здесь находилось капище, на котором приносились жертвы. Это подтверждается тем, что на вершине каменного дугообразного вала, возвышающегося над капищем, находилась жертвенная площадка (размером 3×6 м), горизонтальная поверхность которой выложена каменными плитками и сильно обожжена. Здесь обнаружены обломки посуды XII—XIII вв., кости животных, три трубчатых замка и обломки еще нескольких замков, ключ, наконечник копья, пряжки, часть удил, медная чашечка-черпак, обломки бронзового котла, обломки стеклянных браслетов.

Кроме того, рядом с капищем 1 на склоне возвышения находился длинный дом. От него сохранилась горизонтальная площадка длиной около 25 м и шириной до 5 м. Удалось раскопать лишь центральную часть дома. Деревянные стены дома имели столбовую конструкцию и, вероятно, были обмазаны глиной. Пол дома вымощен камнями и местами обожжен. Здесь найдено большое количество фрагментов посуды XII—XIII вв., побывавших в огне, кости животных, восемь переплетенных между собой проволочных височных колец, серебряная звездчатая подвеска, костяная стрела, топор, обломки бронзового сосуда. На дне небольшой ямки, вырытой в полу (диаметр и глубина 30 см), лежали завернутые в материю четыре серебряных трехбусинных кольца, также соединенных между собой (рис. 3, *11*). На месте длинного дома 8, вероятно после его разрушения, была выкопана жертвенная яма овальной формы (2,10×2,5 м) и глубиной около 30 см, в которой на разной глубине лежали разрозненные кости не менее чем от четырех детских скелетов, в том числе обломки черепов (возраст детей до 7 лет), отдельные кости взрослых людей, частично обожженные кости животных, фрагменты посуды XII—XIII вв. и довольно большое количество вещей: две железные шпоры, удила, три наконечника стрел, железный пробойник, цилиндрический замок, перстнеобразное височное серебряное кольцо, костяной перстень, обломки вторично обожженных стеклянных браслетов. Сверху яма забита камнями. По-видимому, и длинный дом, и позднейшая яма

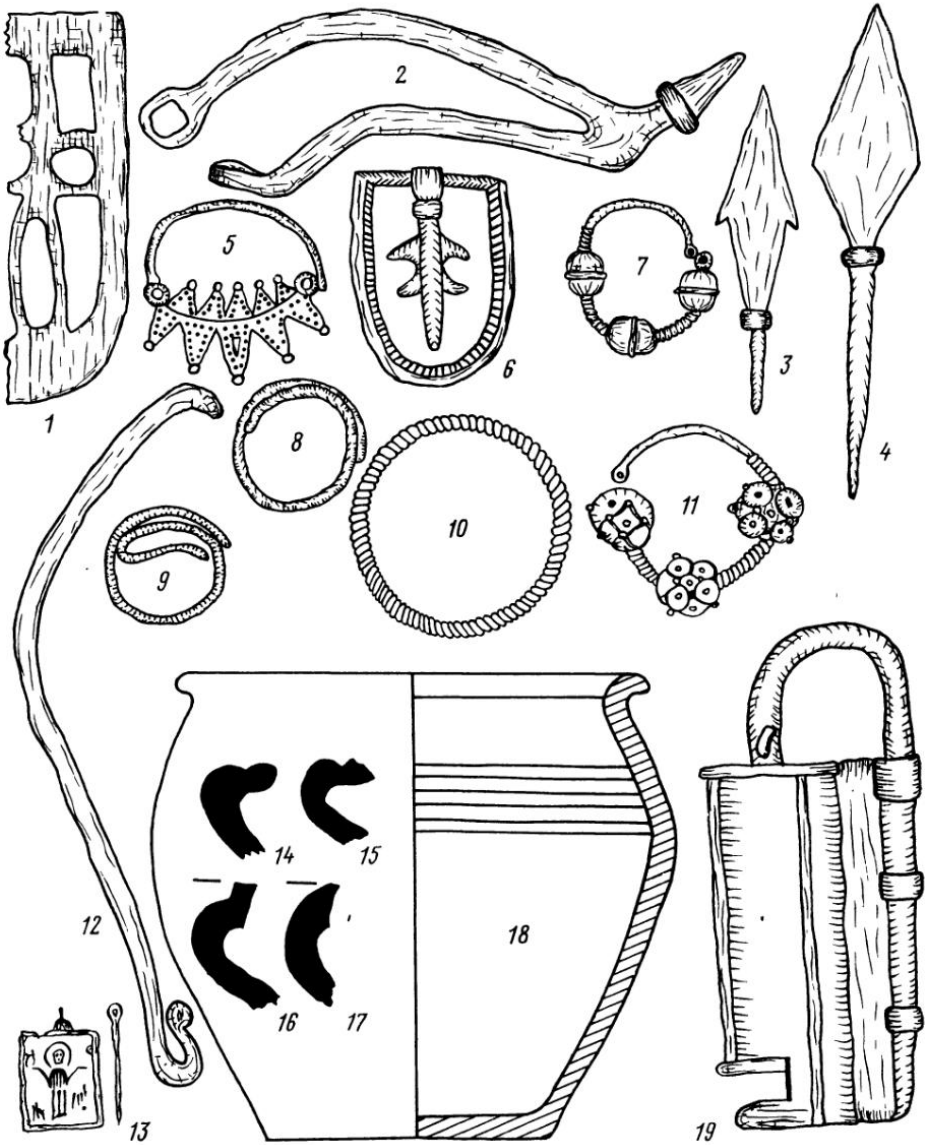


Рис. 3. Второе Збручское святилище

1 — металлическая оковка ножен; *2* — шпора; *3—4* — стрелы; *5, 8, 9, 11* — височные кольца; *6* — бронзовая пряжка; *10* — стеклянный браслет; *12* — ключ-отмычка; *13* — серебряный образок; *14—18* — керамика; *19* — железный замок

на его месте использовались для жертвоприношений и для хранения дорогих предметов.

Вторая жертвенная площадка — капище 2, находящаяся на возвышении в северо-западной части городища, была раскопана полностью (за исключением нескольких участков с большими деревьями) (рис. 4). В центре округлой площадки диаметром 10 м выступает материковая скала со слегка выпуклой гладко подтесанной поверхностью. Выступ

скалы имеет овальную форму и размеры 2,4×3,20 м. Площадка кругом скалы горизонтально выровнена и покрыта каменной вымосткой, местами, особенно с западной стороны, сильно обожженной. Среди камней на самой площадке выделяются пять небольших ямок, но более крупные ямы располагаются по краю площадки — четыре в южной ее части, одна в северной и одна в восточной. Одна из ям в южной части площадки имела правильную круглую форму и ее стенки и чашевидное дно выложены камнями. Рядом находилась вторая яма, также округлой формы, заполненная костями животных. Яма в восточной части капища, к сожалению, раскопанная не полностью из-за деревьев, была выбита в материковой скале, имела овальную форму (1,20×2,80 м), вертикальные стенки (высотой 15—20 см) и дно, выложенное каменными плитками. Здесь найдены трубчатый замок, куски бронзового котла, ножа и косы-горбуши. На каменной вымостке капища найдены в большом количестве фрагменты посуды XII — первой половины XIII в., побывавшие в огне, обломки стеклянных браслетов (около 150), шесть проволочных перстневидных височных колец (рис. 3, *8*, *9*), пятилучевое кольцо (рис. 3, *5*), серебряная иконка с изображением Оранты (рис. 3, *13*), бронзовая (рис. 3,*6*) и железная пряжки, осколки стеклянного сосуда и бронзового котла, четыре трубчатых замка и части замков, два ключа, три наконечника стрел (рис. 3,*3*), шпора, шарнирные ножницы, два топора, куски косы-горбуши, ножи, обручи деревянного ведра, пряслица. На камнях лежали кости животных и несколько кусочков черепа человека.

Капище 2 окружено невысоким валиком, образовавшимся при выравнивании площадки. В южной части, где, вероятно, находился вход на жертвенник, вал прерывается и склон возвышенности также вымощен камнями. В целом, по-видимому, план и конструкция обоих жертвенников-капищ 1 и 2 были однотипными, но раскопанное капище было меньшим по площади. Исследование третьего жертвенника только начато.

С капищем 2 связан длинный дом 7, расположенный на горизонтальной террасе склона возвышенности в 30 м от капища. Длина этого дома около 20 м, ширина 5,5 м, раскопан он в длину на 10 м. Так же как у дома 8, стены помещения были столбовой конструкции, пол вымощен камнями. В центре дома находился глинобитный очаг и рядом с ним лежали кости животных, фрагменты посуды XI—XIII вв., часть меча, топор, ножи, замки и их части (рис. 3, *19*), ключ, удила, коса-горбуша, пряслице, два полуторооборотных серебряных височных кольца, обломки стеклянных браслетов, зерненая бусина минского типа, части фигурных бронзовых накладок от шкатулки. По расположению около капищ, по конструкции, по богатству и разнообразию находок длинные дома 7 и 8 идентичны, вероятно, и функции этих домов были сходными.

Около капищ на пространстве между ними и в более низких местах северной части городища, ограниченной дугообразными валами, видны западины разных размеров и глубины. Во всех раскопанных западинах обнаружены культовые сооружения. В центре этой части городища культовое сооружение 5 было построено на месте более ранней постройки, в которой находились три нишеобразные округлые печи, предназначенные для выпечки хлеба (рис. 5). Такие печи, обнаруженные во многих постройках на городище, по-видимому, имели не только производственное, но и какое-то культовое значение.

Сооружение 5 прямоугольной формы (3,60×2,40 м) имело наибольшую глубину от современной поверхности — 1,40 м, неровный пол и

слегка покатые стенки. В его северо-западном углу была устроена такая же нишеобразная округлая печь на сильно обожженном глиняном полу, на которой лежал горшок XII в. В центральной части помещения на сильно прожженных участках пола были насыпаны обожженные зерна ржи и проса и рядом положены два перекрещивающихся серпа. Третий серп лежал несколько в стороне. Здесь же на прокаленном участке пола находились частично обожженные кости человека — части черепа, ребра, кости ног и рядом с ними серебряное проволочное височное кольцо, нож, шило, два кабаньих клыка и развал глиняного сосуда XII в. Вдоль западной стены помещения головой к нишеобразной печи лежали части скелета человека — череп и рука. Около черепа также было насыпано обгоревшее зерно, лежал развал горшка и клык кабана.

Пол сооружения 5 был засыпан слоем глины толщиной 10—15 см, в котором попадаются угли, черепки XII в. и в двух местах над скоплениями костей человека находились массивный серебряный витой браслет (в центре помещения) и четыре трехбусинных золотых височных кольца, соединенных между собой (над костями у западной стены). Слой глины

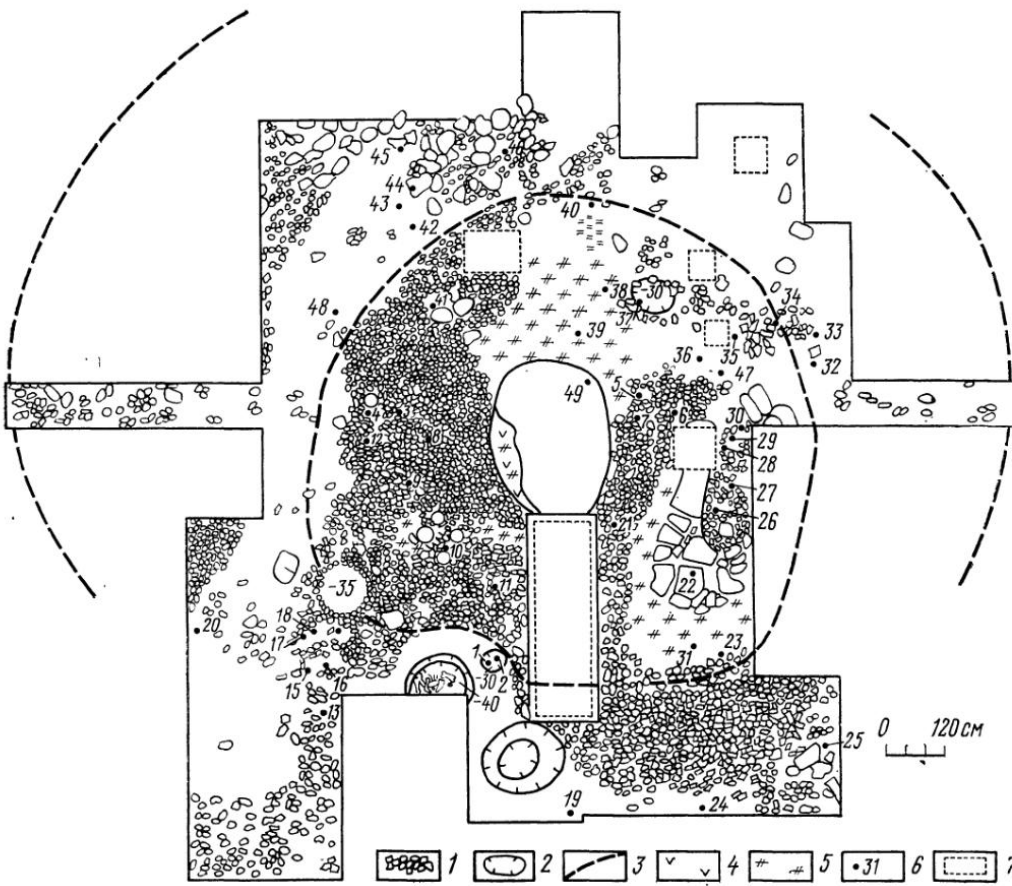


Рис. 4. План капища

1 — камни; *2* — яма; *3* — граница капища; *4* — угли; *5* — щебенка; *6* — места находок; *7* — деревья

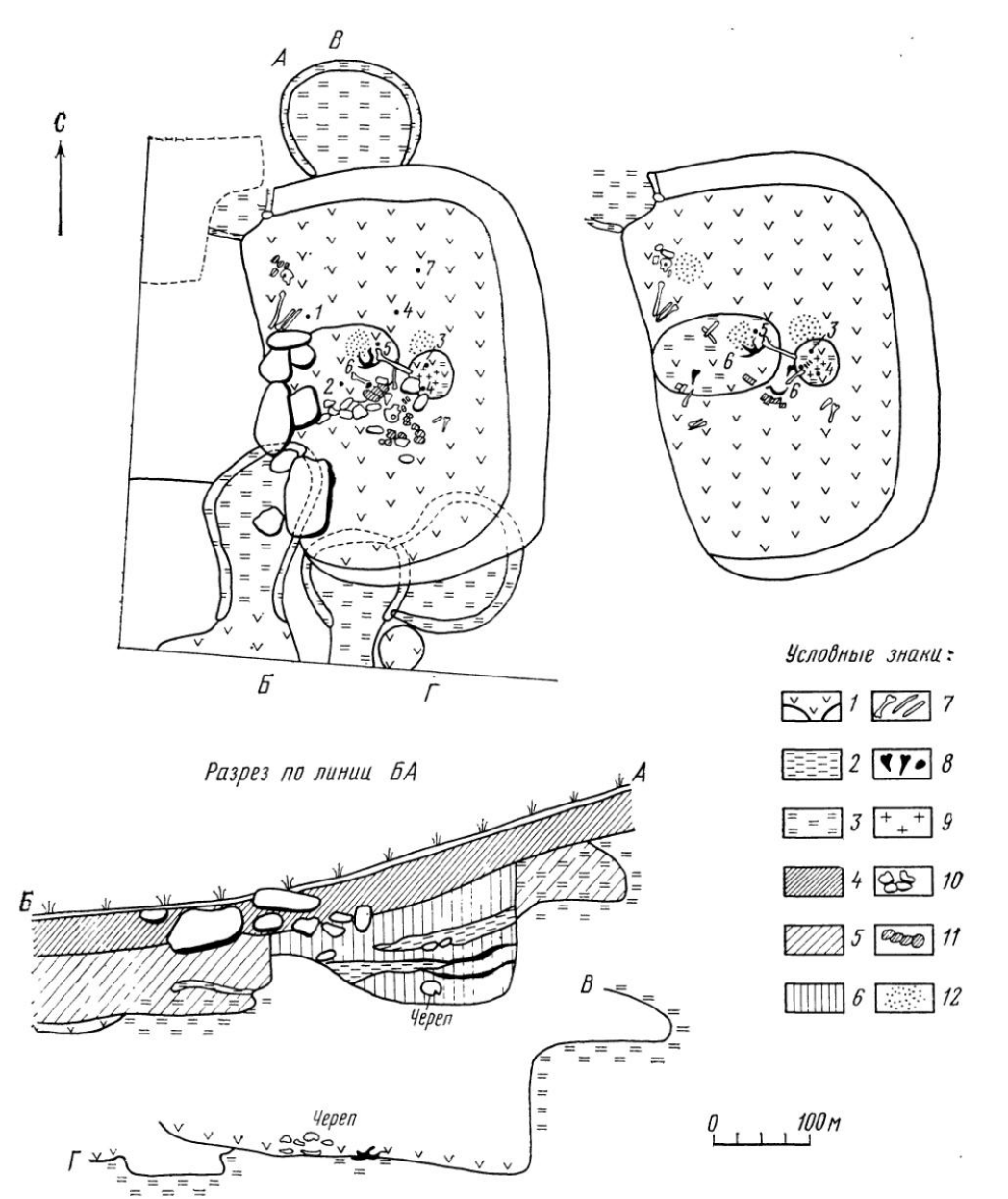


Рис. 5. Культовое сооружение 5

1 — уголь; *2* — глина; *3* — обожженная глина; *4* — черная земля; *5* — серая земля; *6* — коричневая земля; *7* — кости человеческие; *8* — обожженные человеческие кости; *9* — кальцинированные кости; *10* — камни; *11* — развал горшка; *12* — зерна

был засыпан углем и в центре помещения камнями вымощена площадка диаметром 0.80 м. На камнях положен череп человека и рядом с ним миниатюрный трубчатый замок, обломки стеклянных браслетов, развал горшка и частично обожженные кости животных. Все помещение засыпано глиной с углистыми прослойками и затем в его северной стенке

была вырезана круглая нишеобразная печь. После прекращения функционирования этого сооружения оно было завалено крупными камнями.

Помещение 6 с такими же нишеобразными печами находилось в 20 м от капища 2 у подножия дугообразного вала. Оно прямоугольное, не совсем правильной формы (2,8×2,8 м) углублено в материк на 30—40 см. Его стены сделаны из горизонтальных бревен, укрепленных вертикально стоявшими столбами. В восточной стене вырезаны две нишеобразные печи, которые использовались не одновременно. Более ранняя печь, заполненная черепками сосудов XII в., была частично перекрыта позднейшей печью. Неровный пол помещения покрыт углистым слоем и в его центре находилось очажное пятно. На полу найдены обломки сосудов XII—XIII вв., иногда сильно закопченные, обожженные кости животных, а также трубчатый замок, серебряная пряжка, два серебряных перстнеобразных кольца и оселок. Все помещение забросано камнями. Это помещение не было жилым и, вероятно, использовалось для приготовления ритуальной пищи.

Еще одно культовое сооружение раскопано рядом с предполагаемым капищем 3 около центрального возвышения. Эта небольшая прямоугольная постройка (1,8×2 м) углублена от современной поверхности на 0,5 м, ее перекрытие поддерживалось большим столбом, яма от которого находилась в центре северо-западной стены помещения. Глиняный пол постройки покрыт слоем угля и в центре сильно обожжен — очажное пятно круглой формы имело диаметр 30 см. Сверху пол был засыпан глиной и на ней выложена каменная площадка, также сильно обожженная. У юго-западной стены помещения на каменной вымостке положен расчлененный на две части костяк взрослого человека. Его череп и верхняя часть туловища лежали в анатомическом порядке, а таз и кости ног в том же направлении, но за черепом. Около таза насыпаны обгоревшие зерна и положен серп. Здесь же находились серебряный браслет со змеевидными головками на концах, две железные шпоры (одна из них детская), два трубчатых замка, топор, три ножа, железная оковка лопаты, обломки стеклянных браслетов, большой железный ключ от врезного замка, черепки посуды XII в., кости животных, иногда обожженные. Помещение также забросано камнями.

Все сооружения, раскопанные на участке городища между дугообразными валами, служили для жертвоприношений и содержали большое количество вещей, иногда очень дорогих. По-видимому, эта часть святилища была наиболее важной и почитаемой. Она тщательно охранялась и, помимо высокого вала, была защищена с севера большим поселением Замчище, вокруг которого в последний период существования святилища начали сооружать дополнительный вал. С юго-западной стороны эта часть городища была ограждена еще одним валом и с этой же стороны за глубоким оврагом Слепой Яр находилось большое поселение Бабина долина. С западной стороны на подступах к городищу находилось еще одно поселение в урочище Хаща. С восточной стороны эта часть городища защищена крутым склоном и несколькими валами, круто опускающимися вниз. С юга подступы к этой важнейшей части городища перекрыты внутренним дугообразным валом и второй частью городища, вход на которую был сильно укреплен.

На второй части городища, центральной, также находились длинные дома и помещения для жертвоприношений, но они не содержали такого обилия вещей. К сожалению, самая высокая площадка этой части городища повреждена многочисленными современными ямами для добыва-

ния камня. На центральной площадке есть тонкий культурный слой, в котором встречаются обломки посуды X—XII вв., кости животных, найден обломок косы-горбуши. Вдоль края площадки видны пять западин, при раскопках одной из которых обнаружено жилище. Его котлован размерами 2,8×3 м и глубиной до 1,2 м был выбит в материковой скале. Часть материковых камней была оставлена на месте, и они служили с одной стороны стенками для печи-каменки, другие ее стенки и свод сложены из больших каменных плит. В жилище найдены два обломка и целый стеклянный браслет (рис. 3, *10*), ключ, раздавленный горшок (рис. 3,*18*) и черепки сосудов XI—XII вв., кости животных и обгоревшие зерна ржи. В верхней части заполнения жилища среди камней найдены обломки посуды XII—XIII вв. Находки в жилище и его стратиграфия свидетельствуют, что оно было заброшено не позднее первой половины XII в.

Довольно крутые склоны центральной части городища опоясаны несколькими горизонтальными террасами, имеющими ширину от 2—3 до 8—10 м. На наиболее широких участках этих террас находились наземные длинные дома. Всего здесь выявлено четыре дома, и на их территории проведены пробные раскопки. Дома имели длину от 30 до 50—70 м при ширине 5—6 м. Их стены сложены из горизонтальных бревен, укрепленных столбами-стояками. Дом 3 имел вход в виде тамбура шириной 1,5 м, также укрепленный столбами. В этом же доме около входа находился глинобитный очаг с невысокими бортиками. Пол дома 3 вымощен камнями и на нем отложился культурный слой толщиной 15—20 см, в котором находились обломки посуды XII в. и раздробленные кости животных. Находки развалов горшков и разбитых костей (в основном крупного рогатого скота и свиней) позволяют предположить, что в домах периодически происходили ритуальные пиршества.

Рядом с длинными домами расположены помещения для жертвоприношений. На площадке около длинного дома 1 были выкопаны две культовые ямы (3 и 3а). Яма 3 находилась в прямоугольном помещении и занимала его южную часть. Яма корытовидной формы и размерами 2,3×1,5 м была углублена от современной поверхности до 80 см. Пол ямы обожжен и выложен камнями, на которых лежал скелет человека в скорченном положении. Костяк был уложен на правом боку и его колени и кисти согнутых рук находились около черепа. Все дно ямы покрыто слоем костей животных, частично сохранивших анатомическое расположение, т. е. в яму были положены части туш — позвоночник с ребрами, целые ноги в основном крупного рогатого скота (не менее чем от семи особей), кости свиньи (от двух особей), а также по одной кости лошади и собаки. На краю ямы в один ряд уложены нижние челюсти коровы. В яме найден наконечник стрелы и черепки посуды XI—XII вв. Сверху яма была забросана большими камнями. В западной стороне яма 3 была перерезана ямой 3а, дно которой тоже было покрыто крупными костями животных.

Целый комплекс построек открыт на горизонтальной террасе в нижней части городища. Длина террасы около 130 м, ширина приблизительно 10 м и на ней расположены два длинных дома (3 и 4) и три сооружения для жертвоприношений. У края длинного дома 3 находится яма 1, круглая в плане (диаметром 3 м), углубленная на 1 м. На ее плоском дне в анатомическом порядке помещен костяк коровы, уложенный на правом боку головой к востоку. Возле скелета найдена керамика XI—XII вв. и обломки стеклянных браслетов, побывавших в огне.

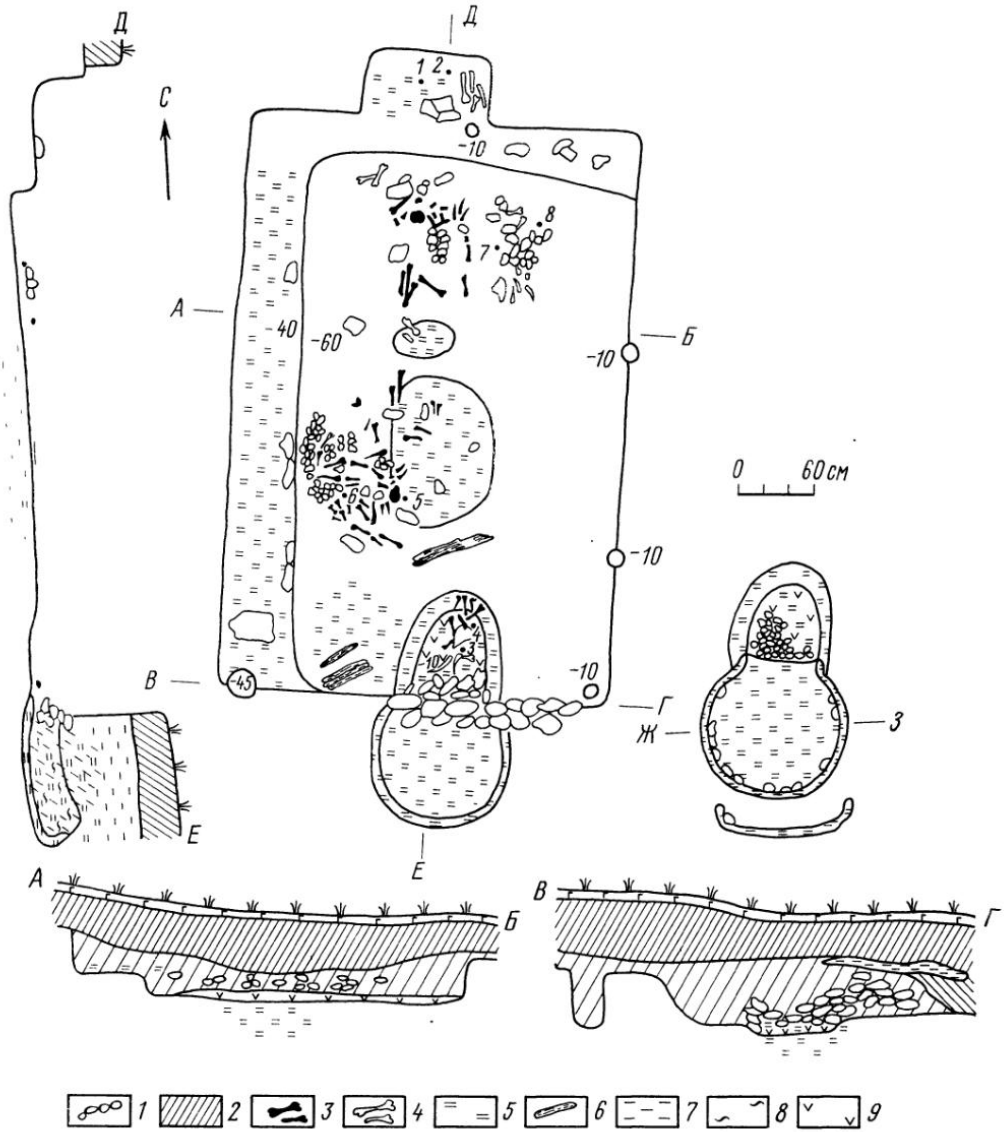


Рис. 6. Культовое сооружение 2

1 — камни; *2* — серая земля; *3* — человеческие кости; *4* — кости животных; *5* — обожженная глина; *6* — обгоревшие бревна; *7* — смешанная земля; *8* — зола; *9* — уголь

На этой же террасе между длинными домами раскопано прямоугольное помещение 2, имеющее размеры 4,40×3 м, углубленное в материк на 0,5 м и вытянутое в направлении с севера на юг (рис. 6). Вход в помещение в виде выступающей за его пределы ступеньки, вымощенной каменными плитками, находился посредине северной стены. Стены помещения были деревянными и поддерживались вертикальными столбами, расположенными по периметру постройки. Вдоль северной и западной стен оставлен ровный материковый выступ-прилавок шириной

0,5 м и высотой над полом 20 см. Поверхность выступа обожжена до образования твердого покрытия, местами еще выложена плоскими камнями, так что на этом выступе можно было стоять или сидеть, возвышаясь над полом помещения. В середине южной стены, противоположной входу, в материке сделана большая нишеобразная печь (диаметр 1 м), под и стенки которой сильно прожжены. От устья печи в помещение выдается предпечная яма, также с обожженным дном, выложенным камнями. В яме лежали разрозненные кости рук и ног ребенка, а также частично обожженные кости животных, черепки XII в., обломки стеклянных браслетов и стеклянная бусина-пронизка. Пол помещения в центральной части прокален, здесь лежали разрозненные детские кости — череп, кости рук и ног и между костями черепки XII в., побывавшие вторично в огне, бусина-пронизка и тонкое проволочное колечко.

Вся поверхность пола была засыпана серой землей на толщину 10 см и сверху покрыта слоем угля. На подсыпке в северной части помещения были разбросаны кости человека — череп, ребра, кости ног. В этой части помещения найдены металлическая скоба и обруч от деревянного ведра. По всему помещению встречались кости животных, обломки посуды XII в., в засыпке входа найдены бусины и полуторооборотное височное кольцо. Все сооружение сверху было завалено камнями.

Около длинного дома 4 расположена огромная западина диаметром около 13 м и глубиной до 3 м. Пробный шурф показал, что здесь находился колодец, забитый камнями и глиной. В его центре на глубине 0,7 от современной поверхности найден скелет человека в полном анатомическом порядке, положенный на левом боку в скорченном состоянии, голова его ориентирована к западу. Рядом находились черепки посуды XI—XII вв., угли, топор и железная оковка лопаты. Дальнейшие раскопки колодца не проводились, но он, конечно, тоже связан с ритуальными жертвоприношениями.

В 30 м ниже по склону городища от описанного комплекса ритуальных построек из-под скалы вытекает «целебный» источник, который, вероятно, почитался и в древности. От длинного дома 3 по крутому склону к источнику проложена дорога шириной 2 м, вымощенная камнем. По обе стороны от источника в самом подножии городища в скале выбиты горизонтальные площадки шириной 6 м и длиной около 40 м каждая. На площадках обнаружен культурный слой XII в. и, возможно, здесь тоже стояли длинные наземные дома, непосредственно связанные с источником.

Главная дорога на городище проходила по довольно крутой южной оконечности мыса. Вдоль дороги тянутся два оборонительных вала и рвы. Валы, поворачивая под углом, пересекают вход на городище в трех местах. Дальше дорога прослеживается в обход центральной площадки городища, идет мимо длинного дома 1 и расположенных рядом с ним жертвенных ям, поднимается с наружной стороны вдоль внутреннего дугообразного вала и выходит к самой высокой и священной части городища.

Городище Звенигород, исследования которого только начаты, может дать в дальнейшем богатые и неожиданные материалы. Но уже сейчас можно считать, что на городище не было стационарных жилищ, за исключением нескольких необычных (как будто временных, небрежно построенных) землянок на центральной площадке, где, возможно, жили обслуживавшие святилище люди, как это прослеживается и на святилище Богит. Все раскопанные на обоих частях городища сооруже-

ния носили культовый и общественный характер. В северной наиболее священной части городища приносились и хранились богатые жертвы, тогда как южная его часть скорее предназначалась для общественных собраний и пиров. Характерно различие в остеологическом материале из жертвенных сооружений и общественных длинных домов — в жертву приносили большие части туш животных с крупными костями, часто нерасчлененными, среди жертвенных животных, помимо рогатого скота, встречались лошадь и собака, в то же время в длинных домах попадаются раздробленные кости и только от животных, мясо которых употреблялось в пищу (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи) и в основном молодых особей.

Городище-святилище окружено пятью селищами X—XII вв. В 0,5 км к востоку находится селище Стадна, часть территории которого распахивается и дает много подъемного материала раннежелезного века и X—XII вв., а в лесистой части селища сохранились западины жилищ. Поселение Сиванка расположено в 0,5 км к югу от городища на противоположном, левом берегу р. Збруч. На селище Замчище раскопаны четыре западины, в двух из них обнаружены обычные для этой территории полуземляночные жилища с печью-каменкой, в двух других западинах находились остатки ремесленных мастерских с очагами в центре помещения, относящихся к XI—XII вв.

На селище Бабина долина, вытянутом вдоль ручья на 700 м, насчитывается больше 80 западин, четыре из которых были раскопаны. Две из них представляли собой остатки вполне обычных для X—XII вв. жилищ-полуземлянок с печами-каменками в углу помещения. Третье сооружение являлось ремесленной мастерской, вся центральная часть которой занята каменной рабочей площадкой, неоднократно ремонтировавшейся и перестраивавшейся. Мастерская датируется X—XI вв. по находкам керамики и бытовых предметов. В четвертом раскопанном сооружении совершались жертвоприношения. На полу этого прямоугольного сооружения (его размеры 2,3×2,8 м, глубина в материке около 30 см) находился костяк женщины, лежащий в полном анатомическом порядке, но без головы. Туловище было в одежде — сохранились подковки от обуви, пряжка и долото на поясе. Оно было небрежно брошено около стены помещения и при этом сильно изогнулось, согнуты и разбросаны в разные стороны кости рук и ног. Кроме того, на полу помещения лежали кости ребенка, в том числе кисти рук в анатомическом порядке, многочисленные кости животных, иногда обожженные, в разных местах найдено пять проволочных височных колец и их обломки, серебряный пластинчатый браслет, серебряный колт и довольно большой обрывок кольчуги. В северном углу помещения устроена круглая нишеобразная печь, на сильно прокаленном поду которой была оставлена жертва — череп маленького ребенка и с обоих его сторон ноги теленка, направленные копытцами к детскому черепу. Судя по развалам глиняных сосудов из печи, жертвоприношение относится к XII в. Наличие на селище культовых построек, в которых так же, как и на городище, существенную роль играли нишеобразные «хлебные» печи, возможно, связано с поклонением священным источникам, вытекающим из-под горы рядом с раскопанным культовым помещением.

На селище Хаща, которое расположено на высоком берегу оврага, сохранилось более 30 западин-жилищ. Раскопки здесь не проводились.

Таким образом, Крутиловское городище-святилище являлось центром довольно густо заселенной местности. Второе такое же гнездо поселе-

ний находится в 5 км ниже по правому берегу Збруча около городища-святилища Богит. На пространстве между этими скоплениями поселений, а также в широкой окрестности по возвышенности Медоборы следов обитания не обнаружено. Эта территория и сейчас пустынна и трудно достигаема из-за отсутствия дорог, высоких холмов и болот, тем более в древности здесь было глухое и изолированное место.

Исследования сооружений и стратиграфии городища-святилища Звенигород позволяют сделать вывод, что городище наиболее интенсивно использовалось восточными славянами во второй половине XII — первой половине XIII вв. Жертвоприношения совершались здесь вплоть до середины XIII в. Материалы святилища показывают возрождение язычества в XII в. и этим подтверждают выводы Б. А. Рыбакова, сделанные на основании изучения письменных источников, о ренессансе язычества в XII—XIII вв.[2] Восточные славяне унаследовали от первобытной эпохи языческое культовое место, устроили здесь свое главное святилище, которое в период двоеверия удовлетворяло религиозные потребности населения значительной территории.

[1] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Збручское святилище: (Предварительное сообщение // СА. 1986. № 4. С. 90—99.

[2] *Рыбаков Б. А.* Старые мысли, устарелые методы // Вопр. лит. 1967. № 3. С. 160—161; *Он же.* Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. 1974. № 1 С. 25—29.

Е. А. Шмидт

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СМОЛЕНСКИХ КРИВИЧЕЙ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

XI—XIII вв. характеризуются большими изменениями в жизни всех восточных славян. В то время окончательно ломались родо-племенные структуры и заканчивался процесс феодализации. Одновременно шла смена язычества христианством. Вполне очевидно, что эти процессы не проходили гладко и синхронно на всех территориях. Борьба старого и нового была длительной. Пережитки языческих представлений уживались с новыми, христианскими и сохранялись долгое время. Было бы неправомерно считать, что с принятием в Киеве христианства в 988 г. изменились сразу идеологические представления в пределах всей древней Руси. Есть основание предполагать, что даже крещение в городских центрах северных областей происходило в начале XI в., так, например, крещение в Смоленске, видимо, имело место в 1013 г.[1] Христианизация сельского населения отдельных районов, отдаленных от городов, еще более затянулась.

Проследить особенности этих процессов на земле смоленских кривичей, используя только письменные источники, практически невозможно. Определенную роль в решении вопросов, связанных с идеологией сельского населения XI—XIII вв., могут играть материалы раскопок сель-

ских курганных могильников. Конечно, курганные погребения не дают полного представления о языческой религии кривичей. Но на примере курганных древностей четко прослеживается культ мертвых, включавший элементы культов предков, природных сил и других явлений. Устройство самого кургана (домика мертвых), помещение туда вместе с умершими различных предметов, проведение тризн — все это имеет глубокие корни в языческой первобытности и свидетельствует об устойчивости традиции.

Пока нет данных о некоторых деталях погребальной обрядности трупосожжений IX—X вв. в сельской среде кривичей. По археологическим данным можно проследить лишь общую картину сожжения умершего на костре, сопровождаемого некоторыми вещами. Однако неизвестно, как ориентировали умершего на костре, каково было положение его рук, какую конструкцию имел костер и т. д. Поэтому судить о языческой погребальной обрядности IX—X вв. можно, лишь опираясь на сведения из ранних курганов с трупоположениями XI в.

Как известно, существенными элементами в погребальной обрядности смоленских кривичей для ранних трупоположений были: разведение огня на месте погребения, помещение умершего на кострище преимущественно головой к западу, устройство для него домовины из бревен или обкладки из древесной коры, строго обязательное положение рук вдоль туловища, помещение вместе с умершим различных вещей, украшений и пищи в сосуде [2]. Эти особенности устойчивы в погребениях XI в., и их следует считать языческой традицией сельского населения. Полное тому подтверждение дают материалы целиком исследованной курганной группы у д. Харлапово, где курганы, датированные по находкам монет или вещевому комплексу XI в. и даже началом XII в., не имели исключения из этой языческой традиции [3]. В курганной группе у д. Харлапово Дорогобужского р-на изучено 84 погребения (43 — мужские, 41 — женское) XI — начала XIII в. Из них 21 погребение относится к XI в. Эти погребения не содержат каких-либо признаков, связанных с христианством, если не считать сам факт трупоположения. Языческие элементы проявляются в полной мере как в мужских, так и в женских погребениях: многочисленный инвентарь, иногда включающий орудия труда, оружие (21 погребение — 100%), положение рук вдоль туловища при западной ориентировке (100%), наличие сруба или обкладки из коры (16 погребений — 76%), трупоположение на кострище (13 погребений — 62%).

После исчезновения курганного обряда уже в христианских погребениях XIV в. обязательны: погребальная яма, деревянный гроб или колода, западная ориентировка умершего при положении рук на груди или животе, отсутствие сопровождающего инвентаря, исключением могут быть некоторые украшения. В земле кривичей у с. Микулино в типичных христианских грунтовых могилах погребения имели все вышеуказанные признаки и только в отдельных женских погребениях были височные разомкнутые круглопроволочные кольца, тройные витые и ложновитые литые браслеты и бусы, т. е. вещи, датируемые концом XIII—XIV в.[4] Это различие в погребальной обрядности между XI и XIV вв. позволяет проследить эволюцию погребального обряда, выраженную в исчезновении одних признаков и появлении других, и время изживания язычества и начала утверждения христианства. Для решения особенностей этого процесса использованы материалы курганных групп Шумячка, Кубарки, Колпеница в Рославльском р-не [5]; Харлапо-

во в Дорогобужском р-не [6]; Туринщина в Смоленском р-не [7]; Черкасово, Грязивец в Оршанском р-не [8]. Данные по этим курганным группам приведены в табл. 1.

Материалы табл. 1 показывают, что в XII — первой половине XIII в. количество инвентаря не только уменьшилось, но и появилось значительное число безынвентарных погребений (19,2%); уменьшилось количество погребений на кострище (18,5%), но зато появились погребения вводные и в подкурганных ямах (39,2%), происходит изменение положения рук (18,5%). Эти изменения не так явственны в курганных группах, удаленных от городов (Черкасово, Кубарки, Колпеница, Харлапово), по сравнению с курганными могильниками, находившимися в непосредственной близости от городских поселений (Шумячка, Грязивец, Туринщина). Так, в первых погребения на кострище составляли еще 21,6%, а во вторых — они не обнаружены. Соответственно: погребения в яме — 30,6 и 94,7%, руки вытянуты вдоль туловища — 76,6 и 15,8%. Это дает основание предполагать, что разрушение старых традиций и внедрение новых элементов в погребальный обряд происходили быстрее у населения, жившего в непосредственной близости от городов.

Рассмотреть детально динамику процесса смены обрядов в XII—XIII вв. на каждом отдельном поселении при современном состоянии археологических материалов весьма затруднительно; но все-таки кое-какие наблюдения, касающиеся отдельных курганных могильников, весьма любопытны.

Курганная группа у д. Колпеница находится в 20 км от г. Рославля. В 1920-х годах она состояла из 70 насыпей, из которых С. М. Соколовским раскопано 32 [9]. Общая датировка курганной группы, судя по полученному в результате раскопок вещевому комплексу и обряду погребения, определяется XII — первой половиной XIII в. Во время раскопок С. М. Соколовским в девяти курганах либо не были обнаружены остатки погребений, либо были такие незначительные следы костей, которые делают какую-нибудь атрибуцию практически невозможной. Поэтому нами для анализа взяты только данные из 23 курганов (табл. 2). В этих курганах во время раскопок определены как женские 12 погребений (52%), а как мужские — лишь четыре; но если учесть, что семь погребений, пол умерших которых не определен, не имели инвентаря (как правило, все женские погребения XII—XIII вв. содержат какие-то вещи), то скорее всего мужских погребений было 11 (48%). Сопровождающий инвентарь содержали 13 погребений (56,5%), в том числе было одно мужское, остальные 10 мужских погребений (43,5%) были безынвентарными. Здесь еще сохраняется как пережиток погребение на выжженном материке (13%), но господствует положение умершего на чистом материке (82,6%) и только однажды встречена подкурганная яма (4,4%). В большинстве курганов зафиксирована восточная ориентировка (65,2%), при этом в таком положении хоронили как мужчин, так и женщин и в течение всего периода насыпания курганов. Однако женские погребения чаще имели западную ориентировку (21,7%), чем мужские (4,4%). Преобладает стандартное положение рук вдоль туловища (82,6%), но иногда руки помещаются на груди или животе (13%). Рассмотренный материал показывает, что внедрение новых христианских признаков (яма, положение рук на груди) здесь только начиналось и существенной роли не играло, хотя представление, что в потустороннем мире мужчина может обойтись и без вещей, распространилось широко.

Таблица 1

Элементы погребального обряда в курганах XII — начала XIII в.

Название курганной группы и количество изученных курганов	Наличие инвентаря	Безынвентарные	Погребение на кострище	Погребение на чистом материке	Погребение в яме или вводное	Наличие колоды или гроба	Наличие сруба или обкладки из коры	Западная ориентировка	Иная ориентировка	Обе руки вытянуты вдоль туловища	Руки в ином положении	Положение рук не выяснено
Харлапово, 63	60 * / 95,2	3 / 4,8	16 / 25,4	19 / 30,2	28 / 44,4	5 / 7,9	16 / 25,4	63 / 100	— / —	61 / 96,8	2 / 3,2	—
Черкасово, 17	14 / 82,4	3 / 17,6	5 / 29,4	11 / 64,7	1 / 5,9	1 / 5,9	— / —	17 / 100	— / —	3 / 17,6	4 / 23,5	10 / 58,6
Кубарки, 8	7 / 87,5	1 / 12,5	— / —	/ 50,0	3 / 37,5	3 / 12,5	— / —	4 / 50,0	3 / 37,5	2 / 25,0	3 / 37,5	3 / 37,5
Колпеница, 23	13 / 56,5	10 / 43,5	3 / 13,0	19 / 82,6	1 / 4,4	— / —	— / —	7 / 28,6	16 / 71,4	19 / 82,6	3 / 13,0	1 / 4,4
Шумячка, 3	1 / 33,3	2 / 66,7	—	1 / 33,3	2 / 66,7	—	—	3 / 100	—	—	3 / 100	—
Грязивец, 4	2 / 50	2 / 50	—	—	4 / 100	—	—	4 / 100	—	1 / 25	1 / 25	2 / 50
Гуринщина, 12	8 / 66,7	4 / 33,3	—	—	12 / 100	2 / 83,3		10 / 83,3	2 / 16,6	2 / 16,6	8 / 66,7	2 / 16,7
Всего 130	105 / 80,8	25 / 19,2	24 / 18,5	54 / 41,5	51 / 39,2	9 / 6,9	16 / 12,3	108 / 83,1	22 / 16,9	88 / 67,7	24 / 18,5	18 / 13,8

* В числителе указано количество, в знаменателе — проценты.

Таблица 2

Элементы погребального обряда в курганах у д. Колпеница

№ кургана	Пол погребенного	Погребение с инвентарем	Безынвентарное погребение	Погребение на выжженном материке	Погребение на чистом материке	Погребение вводное или в яме	Западная ориентировка	Иная ориентировка	Обе руки вытянуты вдоль туловища	Руки в иной положении
2	Жен.	+		+			СЗ		+	
14	Жен.	+		+				СВ	+	
9	Муж.		+	+				СВ	+	
1	Жен.	+			+		СЗ		+	
8	Жен.	+			+			СВ	+	
10	Жен.	+			+			СВ		
11	Жен.	+			+		СЗ		+	
28	Жен.	+			+			СВ	+	
22	Жен.	+			+			СВ	+	
13	Жен.	+			+		ЮЗ		+	
12	Жен.	+			+			СВ	+	
3	Муж.	+			+			ЮВ	+	
4	Жен.	+			+		СЗ			+
6	Жен.	+			+			СВ		+
21	Муж.		+		+			СВ		+
7	Муж.		+		+			СВ	+	
16	?		+		+				+	
20	?		+		+			СВ	+	
23	?		+		+			СВ	+	
29	?		+		+			СВ	+	
31	?		+		+			СВ	+	
5	?		+		+		СЗ		+	
19	?		+			+				
Всего в %		56,5	43,5	13	82,6	4,4	26,1	65,2	82,6	13

Более чем в 20 км от Рославля отстоит и курганная группа у д. Кубарки, насчитывавшая 60 насыпей, из которых С. М. Соколовским раскопаны 14, но характеристика обряда приведена всего для восьми курганов[10]. Суммарные данные, приведенные в табл. 1, показывают, что языческие признаки и здесь преобладают. Такую же картину дает курганная группа у д. Харлапово Дорогобужского р-на. Из 52 погребений XII в. этой группы на кострище было 16 погребений, 15 — имели обкладку из коры; появляются новые элементы: на чистом материке совершено 19 погребений и только два — в подкурганной яме. В начале XIII в. в Харлапове происходят быстрые изменения: из 11 курганов, относящихся к этому времени, в 10 были подкурганные ямы и в пяти из них обнаружены деревянные колоды.

Совсем иной характер имели курганные группы, расположенные рядом с городами. Так, у г. Рославля засвидетельствованы три группы, но количество насыпей в них невелико[11] (Воронки — пять, Шумячка — четыре, Шилы — шесть). По всем признакам они не могут датироваться временем ранее XII в., т. е. они синхронны курганам у Колпеницы и Кубарок. К сожалению, в свое время эти курганные

Таблица 3

Соотношение разных признаков с нестандартным положением рук

Название курганной группы	№ кургана и погребения	Пол погребенного	Наличие инвентаря	Безынвентарные	Погребение на чистом материке	Погребение в яме или вводное	Наличие колоды или гроба	Одна рука вытянута, вторая — на животе	Одна рука вытянута, вторая — на тазе	Обе руки на тазовых костях	Одна рука вытянута, вторая — на груди	Одна рука на животе, вторая — на груди	Обе руки на груди или животе	Ориентировка умершего
Шумячка под г. Рославлем	1	Муж.		+	+								+	ЮЗ
	2	Жен.	+			+		+						ЮЗ
	3	Муж.		+		+		+						ЮЗ
Кубарки, Рославльский р-н	7	Жен.	+		+			+						СЗ
	8	Муж.	+		+		+					+		СЗ
	14	Муж.	+		+				+					ЮЗ
Колпеница, Рославльский р-н	4	Жен.	+		+						+			СЗ
	6	Жен.	+		+						+			СВ
	21	Муж.		+	+			+						СВ
Харлапово, Дорогобужский р-н	1	Жен.	+		+				+					З
	60	Муж.		+	+								+	З
Туринщина под г. Смоленском	2	Жен.	+			+						+		ЮЗЗ
	3—1	Муж.	+			+						+		ЮЗЗ
	3—2	Жен.		+		+						+		С
	3—3	?	+			+				+				С
	7—1	Муж.	+			+						+		ЮЗЗ
	39	Муж.		+		+	+					+		ЮЗЗ
	4	Жен.	+			+							+	ЮЗЗ
	6	Жен.	+			+						+		З
Черкасово под г. Оршей	8—2	Муж.	+		+				+					З
	11—2	Жен.	+			+			+					З
	11—3	Жен.	+			+			+					ЮЗ
	14	Муж.	+		+			+						ЮЗ
Грязивец под г. Оршей	2	Муж.	+			+					+			З
Всего, в %			70,9	29,1	45,8	54,2	8,3	20,8	20,8	4,2	12,5	25,0	16,6	

группы не были целиком раскопаны. У д. Воронки раскопан всего один курган, в котором в подкурганной яме обнаружено безынвентарное мужское погребение, ориентированное головой к северо-востоку. У д. Шумячка исследованы три кургана из четырех (табл. 1 и 3). Два из них мужские без инвентаря, а одно — женское с вещами второй половины XII — начала XIII в. Одно мужское и одно женское захоронения совершены в подкурганных ямах. Во всех случаях здесь нарушено традиционное положение рук вдоль туловища. В этих курганах наблюдаются те же особенности, которые отмечались для Колпеницы или Кубарок (немногочисленный поздний инвентарь в женских погребениях, а в мужских — отсутствие вещей), но здесь в меньшей степени сохраняются элементы языческого погребального обряда, а резче выступают элементы, связанные с христианизацией. Малое количество курганов в каждой из этих групп может рассматриваться как свидетельство быстрого исчезновения курганного обряда, обусловленного непосредственным воздействием близко расположенного города. Это же относится и к курганным группам у Орши (Черкасово, Грязивец) и у Смоленска (Туринщина, таблицы 1 и 3).

Если в XI в. положение рук вдоль туловища было обычным явлением, то в XII в. засвидетельствовано положение одной или обеих рук на животе или груди. Это новое (нестандартное) положение рук не встречено в сочетании с захоронением на выжженном материке или в деревянном срубе или с обкладкой корой; но такое положение рук сочетается с захоронением на чистом материке (45,8%) или с вводными погребениями и погребениями в яме (54,2%), т. е. с элементами погребений XII—XIII вв. (табл. 3).

Более 50 лет назад Б. А. Рыбаков, изучая древности радимичей, отметил, что XI и первая половина XII столетия прошли на территории радимичей под знаком старой религии, что христианством были только частью затронуты районы с более интенсивной феодализацией [12]. Как видно из материалов данной статьи, такая картина характерна не только для радимичей, но и для смоленских кривичей, у которых только начиная с XII в. в погребальном обряде более явственно выступают элементы, связанные с христианством.

[1] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 355.
[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 115; *Шмидт Е. А.* О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии. М., 1972. С. 146. и след.
[3] *Шмидт Е. А.* К хронологии курганов XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 75—81.
[4] *Шмидт Е. А.* Исследования в междуречье Днепра и Западной Двины // АО 1982. М., 1984. С. 102.
[5] *Ляўданскі А.* Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне: (Археолёгічныя досьледы С. М. Сакалоўскага у былым Рослаўскім павеце) // Працы сэкцыі археолёгіі. Менск, 1932. Т. 3. С. 9—15.
[6] *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII веков у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 184—280.
[7] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960. С. 130—132. Кроме того, использованы материалы раскопок Е. А. Шмидта 1984 г.
[8] *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2. С. 33—36; *Он же.* Курганны магільнік каля в Черкасова, Аршанскай акругі // Там же. С. 57—70.
[9] *Ляўданскі А.* Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. С. 11.
[10] Там же. С. 14.
[11] Там же. С. 11, 12.
[12] *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі. Менск. 1932. Т. 3. С. 126.

К. Яждевский

О ЗНАЧЕНИИ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ РЖИ В КУЛЬТУРАХ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНАХ ОДРЫ И ВИСЛЫ

В течение последних десятилетий археология пользуется помощью природоведческих наук. Так и в рассмотрении вопроса локализации самых древних славян, особенно западных, специальная роль принадлежит палеоботанике, а прежде всего — исследованиям хлебных культур. Среди них особенное внимание заслуживает рожь (Secale cereale). На протяжении последних двух с половиной тысячелетий она сыграла важную роль в культурах бассейнов Одры и Вислы: сперва в лужицкой, потом в выросшей из нее восточнопоморской, затем в переходной стадии от этой культуры к пшеворской группе и в этой последней, и в раннесредневековой культуре западных славян, и даже в культурах западных и восточных славян позднего средневековья и нового времени [1].

Рожь появляется на территории Польши уже в периодах раннего и развитого неолита, т. е. в V и IV тысячелетиях до н. э., в культуре линейно-ленточной керамики, связанной с культурами Подунавья, а также в культуре воронковидных кубков, имеющей более северные связи. В первой половине I тысячелетия до н. э. она занимала видное место среди хлебов, возделываемых населением лужицкой культуры, а затем — племенами восточнопоморской культуры.

Следует добавить, что рожь уже в начале железного века возделывали западные балты — извечные соседи славян, но она не встречается даже в латенском периоде в пределах ясторфской культуры, отождествляемой с волной континентальных германцев, которая из земель, расположенных к западу от Одры, перемещалась на восток. Не отмечено в это время ржи у скандинавских германцев на территории Дании. В тех краях издавна преобладал ячмень (Hordeum vulgare и другие сорта) среди небольшого количества нескольких сортов пшеницы (Triticum), овса (Avena sativa) и проса (Panicum miliaceum).

В римском периоде и в начале периода переселения народов, т. е. в первой половине I тысячелетия н. э., на территории пшеворской культуры отмечаются следующие пропорции разных хлебов: первое место занимает рожь (22% всех хлебов), второе — просо посевное (16,4%), третье — ячмень (16,3%), а также разнообразные сорта пшеницы, овес и щетинник (Setaria glauca). Совсем по-другому представляется в это же время соотношение хлебов на землях к западу от Одры — на территории теперешних ГДР и ФРГ, населенных в то время в основном германскими племенами. Здесь рожь составляла едва несколько процентов возделываемых хлебов, а на первое место выступал ячмень (34,2—40,6% всех хлебов). Следует отметить, что к востоку от границ пшеворской группы, на восточнославянской территории, рожь не встречалась, либо почти не встречалась среди зерновых культур до VI или VII в. н. э. Она начала распространяться в лесостепной полосе в течение VIII в. и стала более распространенной лишь в X—XI вв.

На землях, расположенных к западу от Одры (т. е. на территории ГДР), занятых славянами до Эльбы и даже западнее ее, рожь состав-

ляет 33% всех хлебов, и занимает первое место, второе — просо, третье — ячмень.

Таким образом, на землях, расположенных к востоку от Одры и в бассейне Вислы, прежде всего на территории, занятой племенами культур лужицкой и восточнопоморской, а также пшеворской группой венедской культуры, с середины I тысячелетия до н. э. постепенно повышалось значение возделывания ржи, а в течение I тысячелетия н. э. и позже оно стало первостепенным в отличие от земель к западу от Одры и на восток от бассейна Вислы. Вместе с расселением славян на запад и на восток расширяется ареал возделывания ржи. Германцы, у которых долгое время доминировал ячмень, переняли с течением времени выращивание ржи от своих восточных соседей — славян. Свидетельством того может быть сравнительно высокий процент ее среди зерна, найденного на германском поселении позднеримского периода в Каблеве (Kablow) (в 35 км к юго-востоку от Берлина). Это поселение находилось недалеко от западной границы территории пшеворской группы венедской культуры и в зоне ее влияний.

В раннем средневековье на польских землях среди зерновых злаков видное место занимало просо наряду с рожью и пшеницей. С течением времени просо уступает место ржи. В научной литературе издавна было принято называть рожь «славянским хлебом». Стоит упомянуть, что слово «рожь» (на древнепольском языке «рэж» — «rez») является старинным общеславянским названием (русское — «рожь», сербское — «raz», чешское — «rez»), родственным литовскому (балтийскому) «rugys», «rugiai» (определение ржаного зерна и ржи), древненордийскому «rugr» и германскому «Roggen» (вероятно, заимствованному из славяно-балтийской территории). Древние, праславянские формы названий, связанные с рожью, сохранившие первобытное «ги» («gi») вместо «ж» («z»), удержались до сего времени в западной и центральной Польше, в бассейне Одры, в названиях местностей: «Rgielsko», «Rgilew». Можно упомянуть, что приведенный Rgilew расположен на речке Rgilowka. Эта речка, правый приток Средней Варты, берет начало возле водораздела бассейнов Одры и Вислы. В Польше имеются еще и другие местности, названия которых связаны со словом «рэж» — «rez» (например, «Rzaniec» около г. Остролэнки на севере; Rzaka — часть Подгожа, квартала г. Кракова; три местности «Rzyska» около Бохни и др.).

Возделывание ржи, с давних времен преобладающей у нас зерновой культуры, можно признать одним из значительных аргументов, свидетельствующих в пользу славянской принадлежности основных предысторических культур, развивающихся в бассейне Одры и Вислы с поздних периодов эпохи бронзы и в железном веке.

Я уверен, что эти эскизные замечания помогут доказать будущим исследователям правоту того мнения, что самые древние местопребывания славян находились в бассейнах Одры и Вислы и в бассейне Среднего Днепра.

[1] Słownik etymologiczny jezyka polskiego. Warszawa, 1970. S. 458; Słownik starozytności słowianskich. T. VII (Y–Z). Cz. 1. Wroclaw, 1982, S. 277–278; *Jażdżewski K.* Pradzieje Europy Środkowej. Wrocław, 1981, S. 167, 216, 450, 496; *Jażdżewski K.* Urgeschichte Mitteleuropas. Wrocław, 1984. S. 122, 154, 365; *Kostrzewski J.* Kultura prapolska. Warszawa, 1962. C. 32–33.

ИСТОРИЯ

Л. В. Алексеев

ИГНАТИЙ КУЛЬЧИНСКИЙ — ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Подробная история русской археологии еще не написана. Начинать ее нужно будет с вопроса о том, как древнее население нашей страны смотрело на окружающие ее памятники прошлого? Когда народная память еще сохраняла истинное представление о них, а когда стала его утрачивать и в свои права вступила легенда. Наконец, кто и когда снова понял их первоначальное назначение и стал добираться до истины, превращая тем самым памятник в исторический источник? Настоящая заметка призвана содействовать разработке последнего вопроса и посвящена в свое время известному, ныне забытому историку белорусских древностей архимандриту гродненского Коложского монастыря ордена Базилиан Игнатию Кульчинскому (1707 — около 1747).

Эпоха грандиозного бездумного коллекционирования польских магнатов XVI—XVII вв., когда музеи при дворцах и замках Радзивиллов, Сапегов, Любомирских, Понятовских, Потоцких ломились от художественных и исторических ценностей, в XVIII в. постепенно стала сменяться периодом более глубокого интереса к наукам, к истории, в частности к местным памятникам. Эльсбета Огиньска (ум. 1767), например, основывает в Вильне обсерваторию и всемерно поддерживает ее средствами [1], историческими древностями (и даже раскопками курганов) интересуется польский король Станислав Август Понятовский [2]. К истории христианских древностей обращается мысль, естественно, прежде всего деятелей церкви.

Перед нами «Инвентарь Гродненского Коложского базилианского монастыря, основанного в древние времена со тщанием и в надлежащем порядке составленный в 1738 году доктором богословия римского, ныне гродненским архимандритом монахом (...) Игнатием Кульчинским» [3], труды которого являются часто основным источником по истории гродненской Коложской церкви XII в.[4]

Об ученом монахе известно крайне мало. Он родился в окрестностях Гродно в 1707 г., 1727—1735 гг. провел в Риме, где много писал и издавал различных, чаще богословских, трудов, а также усиленно занимался церковной историей [5]. В 1735 г. он покинул Рим и, став архимандритом гродненского Коложского монастыря, погрузился в изучение местного

монастырского архива. Его «Инвентарю» предшествует любопытное введение:

«Коложская церковь стоит на высокой горе над Неманом. Песчаная гора с давних пор начала осыпаться и теперь осыпается, от чего самой церкви грозит опасность. В предотвращение этой опасности я велел построить у подошвы горы забор, привалить его навозом, а также велел посадить тут же разные деревья. Церковь во имя святых мучеников Бориса и Глеба построена старинным образом. Относительно древности этой церкви я не видел ни одного документа, однако я думаю, что Коложская церковь построена в то самое время и в том столетии, когда воздвигнут был полоцкий кафедральный храм, т. е. во время удельных русских князей и до обращения Литвы в святую веру. Думаю, что церковь эта основана и построена примерно около лета господня 1200. Главное доказательство состоит в том, что эта церковь кирпичом и известкой похожа на кафедральную полоцкую церковь...» [6] Как видим, просвещенного архимандрита Коложского монастыря беспокоило не только то, что храму его обители грозит разрушение (и его необходимо было укрепить), но и интересовал вопрос о его древности, для решения которого он искал доказательств. Тщательно пересмотрев монастырский архив, он не нашел там соответствующих письменных данных и его пытливая мысль обратилась к источникам *вещественным*, что для нас особенно интересно — наблюдения этого рода в западнорусских землях производились впервые! И. Кульчинский вспомнил о «кафедральном» соборе в Полоцке, кладка которого ему была хорошо известна. Это был не храм Евфросиньевского монастыря, как иногда полагают исследователи: там, по свидетельству иезуита Ростовского (XVI в.), еще при нем обосновались иезуиты, которые владели монастырем в 1820-х годах, когда этот храм посетил П. И. Кеппен [7].

Кафедральный собор в Полоцке, это, несомненно, полоцкая София, принадлежавшая тогда Базилианам (в ней хранился в то время и знаменитый крест Евфросинии Полоцкой 1161 г.). Как известно, до перестройки Флорианом Гребницким в 1750 г. этот храм был более чем в плачевном положении, его кладка была обнажена, и И. Кульчинский заключил, что плинфа Коложской церкви, как и связующий ее раствор, полностью идентичны плинфе и цемянке Софии. А так как последняя, по его представлениям, была выстроена в 1200 г., то к этой дате он и отнес строительство гродненского храма. Мысль о том, что памятники, выложенные из плинфы, скрепленные цемянкой, относятся к одной эпохе, была абсолютна верна, но нельзя было, как мы теперь знаем, кладку Opus mixtum с квадратной плинфой (XI в.) сравнивать с порядовой кладкой и удлиненной плинфой (XII в.) Коложского храма. Этого ученый коложский архимандрит в XVIII в. знать, конечно, не мог. Итак, Игнатий Кульчинский был первым, кто использовал вещественный материал — кирпичную кладку храма как датирующий признак, и это для истории науки крайне ценно. Он тем самым открыл новый вид исторических источников — памятники вещественные.

В «Инвентаре» И. Кульчинского описывается храм в целом, его внешний и внутренний вид, алтари. Кроме того, весь текст делится еще на 11 параграфов (без наименования). В первом разделе в трех параграфах речь идет о том, где расположен памятник, как укреплен для того, чтобы не быть подмытым рекой, и, наконец, решается вопрос о его дате. Переходя к внешнему описанию церкви, автор отмечает, что она «построена (почти) квадратом — ширина меньше длины» (размеры не отме-

чаются) и затем вновь обращается к сравнению с полоцким храмом. «По своему виду и постройке не отличается от полоцкой кафедральной церкви, только гораздо меньше последней». Это указание на то, что «кафедральная церковь» в Полоцке больше (гораздо!) Коложской, лишь подтверждает нашу мысль о том, что речь идет о Софийском соборе, а не об Евфросиниевской церкви, ибо Коложская по площади (21,5×13,5 м) почти равна Евфросиниевской (17,2×14,8 м). София же действительно больше (31,5×26,4 м) [8]. Не оставил без внимания И. Кульчинский и декоративное убранство Коложи майоликой: «Снизу в стенах крестообразно вделаны разной величины и разных цветов камни. Немного выше также крестообразно вделаны в стены кресты из полированных желтых и зеленых кирпичей...». При внутреннем описании он говорит о дверях, окнах (при составлении «Инвентаря» южная стена еще существовала и окон было 10), полах, выложенных кирпичом, о «каменном потолке», который обрушился, «когда в первый раз страна была занята московским войском» (по преданию, москвичи будто бы на закомарах храма поставили пушки и обстреливали замок). Подробно изучены колонны: вблизи «больших дверей» — две кирпичные четырехгранные, а в центре — четыре круглые. Упомянув о двух внутренних лестницах, ведущих на хоры, автор говорит и о голосниках. «Достойно удивления, что в этом древнем храме во всех стенах находится множество отверстий, кажущихся маленькими и узкими, ибо только руку можно просунуть в них, но внутри стен расширяющихся в большие и широкие горшки». Особенно тщательно исследует ученый-монах, естественно, алтари, причем отмечает, что «Деисуса, или иконостаса, в церкви не имеется, но остались следы несомненного его существования...» Кончается «Инвентарь» описанием икон.

Читая это произведение И. Кульчинского, поминутно чувствуется, что автор рассматривает памятник как «древний», как объект глубокой старины. Он внимателен ко всему, отмечает даже форму столбов, поражается устройству голосников, тщательно обследует стены и находит следы древнего иконостаса, присмотревшись к которым, приходит к выводу, что он был «великолепен» в древности. Столь подробное описание исторического памятника в Белоруссии мы встречаем впервые, оно для нас тем более драгоценно, что в ночь с 1 на 2 апреля 1853 г. вся южная стена и часть стены западной обрушились в Неман, а в 1889 г. та же участь постигла и апсиду диаконника [9].

Продолжая работать в монастырском архиве, И. Кульчинский составил еще одно сочинение по истории Коложского монастыря, так называемую «Хронику игуменов, архимандритов, ктиторов и покровителей Гродненского Коложского монастыря». Начиная этот справочник, он писал:

«Составляя сей Инвентарь с надлежащим тщанием и не без труда, разбирал я монастырский архив; в старых бумагах вычитал я имена древних игуменов и архимандритов и эти имена считаю полезным делом описать в хронологическом порядке и не только имена первых игуменов и архимандритов, но и ктиторов и покровителей Гродненского Коложского монастыря...» [10] Автор, несомненно, скромничал — фактически он писал весьма подробную историю монастыря, составленную на материале коложского архива, историю, написанную с большим знанием дела, с частыми цитатами из источников, а иногда и с приведением их полного текста. Хроника написана с обилием латинизмов («церковным» языком), со многими логическими рассуждениями автора, с его комментариями к излагаемому (правда, как отметил издатель «Хроники», не всегда верными [11]).

Исходя из документов, которыми он располагал, И. Кульчинский начинает текст с игуменства Калиста (1480—1492) и доводит его до своего собственного вступления в должность архимандрита (12 октября 1736 г.). К источникам, особенно древним, он относится с большим пиететом, часто жалуется на их плохое состояние [12], указывает, что тот или иной документ ему пришлось подклеить, отмечает неясные места изложения в нем, либо места, которые из-за потертости, он не смог прочесть. Крайне показательно, что тексты документов, которые цитируются, всегда приводятся на том языке, на котором они написаны, чем достигалась, видимо, по его убеждению, большая достоверность. Среди сообщений о дарениях монастырю в те или иные времена, тяжбах его с наследниками дарителей, в «Хронике» мы находим крайне важные сведения о состоянии Коложской церкви в разные эпохи ее существования.

Итак, перед нами большой исторический труд, написанный в 1730-х годах и посвященный домонгольской церкви в Гродно. Он создан на базе детального изучения монастырского архива и, что для нас особенно существенно, с привлечением данных, которые могут дать памятники вещественные. Подобная работа в истории страны проводилась впервые.

Имея склонность к историческим реалиям, И. Кульчинский, можно полагать, интересовался и другими древностями. Какое-то время он жил в Полоцке, в монастыре при св. Софии, где в то время хранился взятый базилианами из Евфросиниевского монастыря при вселении туда иезуитов в XVI в. знаменитый крест Евфросинии Полоцкой 1161 г., и эта реликвия не могла его не заинтересовать. Действительно, в одной из книг И. Кульчинский уделил внимание и ей: «Будучи доктором философии в нашем монастыре, я часто наблюдал, как чтут память этой святыни инокини нашего базилианского монастыря и жители полоцкие, а также (и жители) довольно обширного (Полоцкого.— *Л. А.*) воеводства. В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест великолепной работы с разными мощами, надпись на нем: „Hans crucem ego famula Christi Parascevia templo S. Salvatoris in perpetum donavi", т. е. „Я, раба христова Параскева, отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса" [13].

Такой надписи на кресте Евфросинии, как мы знаем, не было [14]. Еще А. П. Сапунов отмечал, что это вольный перевод надписи с заменой имени Евфросинии на Параскеву [15]. Как могло случиться, что такой ревнитель, казалось бы, исторической истины, каким был И. Кульчинский, судя по его труду, о котором только что говорилось, который в Полоцке не мог не видеть уникальнейшей реликвии 1161 г., вдруг оказался не только не точным, но даже исказил эту самую историческую истину?

Имя Параскевы Полоцкой, якобы сестры Евфросинии, мы находим в источниках не ранее XVI в. Вот, что написано в так называемой «Летописи Быховца» (XVI в.): «...а потом князь Борис Полоцкий умер. А после себя оставил в Полоцке сына своего Рогволода, называемого Василием, и тот князь Василий Полоцкий жил немало и в Полоцке и умер. А после себя оставил сына Глеба и дочь Прасковию, и та дочь обещала сохранить свою девственность до смерти, и постриглась в монахини у святого Спаса в монастыре над Полотой, и жила там семь лет, служа богу, переписывая книги на церковь. А потом собралась в Рим, и, находясь в Риме, служила богу усердно, и жила там несколько лет, и стала святой, которую зовут святой Пракседой, а по-русски Прасковией, которой в Риме и церковь построили в честь ее святой и похоронили...» [16]

Борис (Всеславьич) Полоцкий (ум. 1129), его сын Рогволод Борисович (он же Василий) — тот самый, который был выслан в 1128—1129 гг. в Византию, вернулся около 1140 г., правил в Полоцке, Друцке (на границах Друцкого княжества высек надпись на так называемом «Рогволодовом камне» в 1171 г.), наконец, князь Глеб Рогволодич Друцкий — все это имена, известные нам по летописям. Источники сообщают нам также о Евфросинье Полоцкой [17], но молчат о ее «сестре» Параскеве. Евфросинья, правда, в миру носила имя Предславы, и, может быть, католики ее путали с Пракседой. «Западнорусские летописи обычно путают известия, чтобы сделать полоцких князей потомками литовского великокняжеского рода. Князь Борис оказывается Гинвиллом, сыном Мингайла, Борис строит в Полоцке собор Софии, церковь Спаса и монастырь в Бельчицах. Дочь его, Парасковия, постриглась в монахини и позже уехала в Рим»,— писал М. Н. Тихомиров и отмечал, что здесь явно искажена биография Прасковии-Евфросинии (точнее, Предславы-Евфросиньи), умершей в Полоцке. Но была и другая Прасковия, или Пракседа, русская княжна, вышедшая замуж за Генриха IV и враждовавшая с ним [18]. Ей, полагает ученый, в Риме и была посвящена церковь. А. И. Рогов подметил, что все эти искажения источников в литовских летописях характерны для XVI в.: это были «лишние» доводы, «оправдывающие литовское владычество в Белоруссии». Появление таких идей в эпоху Ливонской войны, считает он, вещь вполне понятная [19]. Так было в эпоху Ливонских войн (1558—1583), но почему же это повторял в 1730-х годах И. Кульчинский — историк, видевший, как мы сказали, подлинный крест Евфросиньи и, несомненно, читавший надписи на нем (где ясно указано имя Евфросиньи)?

Легенда о Параскеве (в том же XVI в. была сделана даже подделка: в Евфросиниевской церкви Полоцка появился второй крест, якобы принадлежавший ее сестре Параскеве [20]) была нужна католикам и униатам, очевидно, потому, что действительно, как было сказано выше, делала полоцкую княжну, умершую якобы в Риме, католичкой. С ее помощью удавалось с большим успехом бороться с популярностью имени Евфросиньи у православных.

Как и следовало ожидать, благодаря И. Кульчинскому крест «Евфросиньи-Параскевы» немедленно стал известен на Западе. Его надписи были воспроизведены в известном многотомнике боландистов Acta sanctorum (Жития святых), а оттуда перепечатывались в других изданиях (например, в Риме, у И. С. Ассемани) [21].

Возвращаясь к нашей теме, остается заключить, что для первого историка белорусских древностей униатского священника Игнатия Кульчинского соображения идеологического порядка были выше столь излюбленной им исторической истины и он считал своей обязанностью поддерживать официальную версию, даже вопреки историческим фактам. Недостоверность перевода надписей на кресте Евфросинии Полоцкой была опротестована лишь много позднее другим ученым и тоже базилианином Игнатием Стебельским, опубликовавшим в 1781 г. сравнительно верный текст [22].

[1] См.: Encyklopedija Powczechna. W-wa, 1865. T. 21. В костеле имения Огинских Лучай (Белоруссия) не так давно мне удалось обнаружить, а затем опубликовать портрет этой замечательной просвещенной деятельницы (см.: *Алексеев Л. В.* По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М., 1974. С. 77—78).

[2] *Mienicki W.* Wykopalisko w Mosarzu // Wiad. numizmatyczno-archeol. 1892. T. 1/2. S. 285—289.

[3] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1870. Т. 9.
[4] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41. С. 76.
[5] *Kulczyński I.* Specimen Ecclesice Ruthenice. Roma, 1733. См. также его посмертное издание: *Kulczyński I.* Menologium Basialianskie. Wilno, 1771.
[6] Археографический сборник документов... С. 409.
[7] П. И. Кеппен был в Полоцке для ревизий почтовых станций в 1819 г. и затем заезжал в этот город в 1821 г., чтобы рассмотреть и описать крест Евфросинии. См.: *Аляксееу Л.* Пачатак вывучэння помнікаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Минск, 1984. № 4. С. 32–33. После изгнания иезуитов из Полоцка (1820 г.) и до 1832 г. Евфросиньевская церковь была в ведении Пиаров (см.: *Сапунов А. П.* Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск, 1903. С. 9).
[8] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников // САИ. 1982. Вып. Е1–47. С. 93–99.
[9] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. С. 83.
[10] Археографический сборник документов... С. 412.
[11] Там же. С. 421, примеч. 1.
[12] Плохой сохранности архива удивляться не приходится: «Не имея столь сильных блюстителей, какими были Ходкевичи для Супрасльского монастыря, Коложский монастырь переходил от одного светского покровителя к другому, имения его расхищались, братия изгонялась и монастырю недоставало часто средств для покупки хлеба; приходилось продавать церковные сосуды...», а охрану зданий поручали посторонним (см.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1539).
[13] *Kulczyński I.* Specimen Ecclesice Ruthenice. S. 56–57.
[14] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966. С. 224–244.
[15] *Сапунов А. П.* Католическая легенда о Параскеве – княжне полоцкой. Витебск, 1888.
[16] Хроника Быховца/Предисл. и коммент. Н. Н. Улащика. М., 1966. С. 39.
[17] Житие Евфросиньи Полоцкой датируется XVI в. (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых. М., 1971. С. 262).
[18] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 365, примеч. 4.
[19] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 141.
[20] *Пуцко В. Г.* Мнимый крест Параскевы Полоцкой // Беларускія старажытнасці. Минск, 1972. С. 210–219. (Ныне крест обнаружен этим автором в Ярославско-Ростовском музее-заповеднике).
[21] *Assemani I. S.* Kalendaria Ecclesae universae. Romae, 1755. T. 5. P. 121–122.
[22] *Stebelski J.* Dwa wielkia swiatla na horyzoncie Polozkim. Wilno, 1781.

В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий

ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Печати конца XI – начала XIII в. из Пскова пока немногочисленны, хотя за последние годы число известных экземпляров заметно возросло: если к 1970 г. было учтено три моливдовула [1], то на 1985 г. известно уже 15 печатей от 13 пар матриц [2].

Среди домонгольских печатей из Пскова особое внимание привлекает булла, переданная в фонды Псковского музея-заповедника псковским коллекционером В. Г. Кольцовым. Она была найдена в 1983 г. на левом берегу р. Великой близ церкви Климента XVI в.[3] Аверс: изображение св. Георгия в рост с копьем и щитом. Реверс: погрудное изображение св. Николая Мирликийского (рис. 1). Размеры буллы 19–23 мм. Вес 7,9 г.

Булла принадлежит к сфрагистической группе, объединенной изображениями святых на обеих сторонах. Такие печати были широко распро-

Рис. 1. Печать Игоря Святославича Новгород-Северского из фондов Псковского музея-заповедника

странены в домонгольской Руси и в большинстве своем принадлежали князьям. Смысловое значение изображений, сводящееся к передаче крестильных имен владельца печати и его отца, было объяснено еще Н. П. Лихачевым [4].

Сочетание на псковском моливдовуле изображений св. Георгия и Николая Мирликийского указывает на то, что владельца печати в крещении звали Николаем Георгиевичем или Георгием Николаевичем. Учитывая редкость среди русских князей крестильного имени Николай [5], круг вероятных владельцев печати определяется достаточно отчетливо: булла могла принадлежать Святославу-Николаю Ярославичу-Георгиевичу, одному из его сыновей или одному из сыновей Святослава-Николая Ольговича-Михайловича [6].

Святослав Ярославич (+ 1076), сын Ярослава Мудрого, князь черниговский, а позднее — великий князь киевский, мог иметь печать с изображениями св. Георгия и Николая Мирликийского. Однако отнесение печати с изображением двух святых к XI в. нереально: в это время русские князья пользовались совершенно иными печатями — буллами грекорусского типа и так называемыми «печатями архаической традиции» [7]. В частности, Святославу Ярославичу были атрибутированы пять моливдовулов от четырех пар матриц, относящихся к группе «печатей архаической традиции» [8], что, видимо, справедливо.

Среди сыновей Святослава Ярославича также не удается обнаружить вероятного владельца псковской печати: Роман (+ 1079) и Давыд (+ 1123) Святославичи находились под патронатом соответственно св. Романа и св. Давида [9]; Олег Святославич (+ 1115) был крещен Михаилом [10]; Ярослав Святославич (+ 1129) носил крестильное имя Панкратий [11]. Теоретически мог быть крещен Георгием Глеб Святославич (+ 1078), родившийся около середины XI в., когда имя Глеб еще не являлось крестильным [12]. Однако деятельность этого князя целиком относится к XI в., что для псковского моливдовула представляется слишком ранним временем.

Таким образом, владельца печати следует искать среди сыновей Святослава Ольговича. Этот поиск особого труда не составляет: единственный из сыновей Святослава Ольговича, известный по крестильному имени — Игорь-Георгий Святославич-Николаевич [13]. Предъявляемым требованиям он отвечает полностью: христианские имя и отчество

князя могут быть переданы изображениями св. Георгия и Николая Мирликийского, деятельность князя приходится на вторую половину XII в., т. е. на тот период, когда печати с изображениями святых на обеих сторонах получили широкое распространение. Ближайшими аналогиями изображению св. Николая на псковской печати являются изображения на печатях, атрибутированных отцу Игоря Святославича — Святославу Ольговичу [14], что подтверждает хронологическую приуроченность моливдовула из Пскова.

Связывая печать из Пскова с деятельностью Игоря Святославича (1151—1202), мы неизбежно вынуждены поставить вопрос о причинах попадания в Псков буллы этого князя. Биография Игоря — центрального персонажа поэмы «Слово о полку Игореве» — детально изучена несколькими поколениями исследователей. В своей деятельности князь был связан с черниговскими землями: с 1180 г. он занимал новгород-северский и путивльский столы, в 1185 г. пытался «поискати града Тьмутороканя... испити шеломом Дону», а с 1198 г. стал «главой всех Ольговичей и Черниговским великим князем» [15].

О деятельности Игоря Святославича в период, предшествовавший 1180 г., известно крайне мало. В Ипатьевской летописи отмечено, что в 1164 г. он остался без удела после захвата Чернигова Святославом Всеволодовичем [16]. По сведениям В. Н. Татищева, Игорь получил удел в Северской земле от старшего брата Олега [17], занявшего новгород-северский стол по договору 1164 г. со Святославом Всеволодовичем [18], но эти данные другими источниками не подтверждаются; в летописи отмечено только, что Игорь получил новгород-северский княжеский стол после смерти Олега Святославича [19].

Таким образом, нельзя исключить, что в период между 1164 и 1180 гг. Игорь Святославич мог княжить в Пскове. Сведения о псковских князьях скудны. Так, для периода между 1140 и 1178 гг. в летописях о них вообще нет никаких сведений. В. Л. Янин, в частности, считал, что в 70-е годы XII в. в Пскове не было своих отдельных от Новгорода князей. Он связывал известные на 1960 г. находки домонгольских печатей в Пскове с деятельностью князей Новгорода [20]. И. К. Лабутина, опираясь на наблюдения С. И. Колотиловой [21], отмечала, что Псков имел особое положение в составе Новгородской земли [22]. Однако дальше указания на то, что «находка печати... киевских князей (Изяслава Мстиславича или Мстислава Изяславича по В. Л. Янину.— *Авт.*) ставит вопрос о характере псковско-киевских связей», она не пошла [23] и объясняла «присутствие новгородской княжеской сфрагистики в Пскове рассматриваемого периода, естественно, в связи с административным подчинением Новгороду» [24].

Последнее положение, на наш взгляд, отнюдь не «естественно». Подавляющее большинство домонгольских печатей из Пскова либо принадлежит матрицам, неизвестным новгородской сфрагистике, либо атрибутируется князьям, никогда не княжившим в Новгороде. Это позволяет считать, что исторические процессы, материализовавшиеся в сфрагистических памятниках, протекали в Новгороде и Пскове не в одном русле, а параллельно, развивались независимо друг от друга. Иными словами, сфрагистические находки не дают оснований для вывода о вхождении Пскова в XII — начале XIII в. в юрисдикцию Новгорода Великого: сфрагистическая серия Пскова формировалась самостоятельно, без участия представителей новгородской администрации, хотя, вероятно, по тем же законам складывался и сфрагистический комплекс Новгорода.

Обращает на себя внимание топография находок домонгольских печатей в черте Пскова. Из 15 известных на 1985 г. булл сведения о месте находки имеются для 13. 11 печатей найдено в разных местах в пределах территории Пскова XII в. Один моливдовул обнаружен при раскопках бастиона начала XVIII в. у Покровской башни окольного города, куда он мог попасть случайно вместе с землей, привезенной для насыпи бастиона. И только одна булла найдена на левом берегу р. Великая, на территории, освоенной под городскую застройку самое раннее в XV в. Именно эту печать мы связываем с Игорем Святославичем Новгород-Северским.

Место находки печати примечательно. Она обнаружена всего в нескольких сотнях метров к северу от знаменитого Спасо-Мирожского монастыря — одного из первых христианских монастырей на Руси, основанного в начале XI в.[25] Весь период средневековья Спасо-Мирожский монастырь являлся крупнейшим культурно-просветительным центром в Псковской земле. Находка печати Игоря Святославича вблизи от монастыря интересна в первую очередь тем, что со Спасо-Мирожским монастырем связывают еще один памятник, имеющий отношение к новгород-северскому князю — протограф мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве».

Особенности мусин-пушкинского списка «Слова» как памятника псковской письменности отмечены давно. По мнению Л. А. Творогова, мусин-пушкинский список «Слова» был переписан в 1510—1512 гг. в псковском Елеазаровском монастыре. Оригиналом для писца послужил список второй половины XIII в., переписанный в Спасо-Мирожском монастыре с рукописи киевского происхождения конца 80-х годов XII в. В основе последней лежал текст поэмы из сборника, принадлежавшего князю Святославу Всеволодовичу[26].

Если реконструкция Л. А. Творогова верна, то в руках псковичей второй половины XIII в. был список поэмы, сделанный еще при жизни основных героев «Слова». Не исключено, что этот список хранился в Спасо-Мирожском монастыре, а в конце XIII в. потребовалось обновление ветхого оригинала, что и привело к созданию протографа мусин-пушкинского списка.

Таким образом, можно полагать, что «Слово о полку Игореве» стало известно среди псковских книжников уже вскоре после написания поэмы. Конечно, в XIII—XV вв. «Слово» было достаточно популярно, и псковское происхождение единственного списка можно объяснить случайными причинами: в равной мере до нас могли дойти списки любого другого происхождения. Однако заметная концентрация именно в Пскове свидетельств знакомства с поэмой не может не навести на мысль о том, что судьба Игоря Святославича привлекала к себе повышенное внимание псковичей и эта традиция сохранялась на протяжении всего периода средневековой истории города.

Если предположить, что печать Игоря Святославича скрепляла документ, находившийся, как и список «Слова», в архивохранилище или библиотеке Спасо-Мирожского монастыря, то место находки моливдовула объясняется очень легко. Во время частых наводнений на р. Великая территория монастыря подвергалась затоплению[27]. Наиболее крупные из половодий наносили большой ущерб городу[28], и вероятность гибели какой-то части монастырской библиотеки во время одного из наводнений не исключена. Церковь Климента, близ которой найдена печать, находится ниже по течению от Спасо-Мирожского монастыря. Во время поло-

водья документ, скрепленный печатью, мог быть унесен водой по течению до того места, где находится церковь Климента, а здесь либо булла оторвалась от грамоты, либо вместе с ней была выброшена на берег, где и пролежала до 1983 г.

Печать Игоря Святославича из Пскова, таким образом, свидетельствует, что интерес псковичей к судьбе новгород-северского князя и к поэме «Слово о полку Игореве» не был случаен. В своей деятельности Игорь был связан с далеким от черниговских земель Псковом или по крайней мере со Спасо-Мирожским монастырем Пскова.

Вопрос о том, занимал ли Игорь Святославич псковский княжеский стол, или же печать попала в Псков вместе с документом, доставленным сюда за тысячи километров и осевшим в архиве Спасо-Мирожского монастыря, следует оставить открытым до анализа всей серии домонгольских печатей Пскова.

[1] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1. № 170, *1*, 214, *2*, 243, *2*.
[2] *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Печати Пскова: Конец XI — начало XVI в.: Свод.
[3] Псковский объединенный музей-заповедник. Инв. № 14620. Пользуемся случаем поблагодарить сотрудников музея В. И. Лабутина и А. А. Александрова, оказавших большую помощь во время работы в фондах музея над изучением актовых печатей.
[4] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 12–58, 67–102.
[5] *Янин В. Л.* Актовые печати... С. 104.
[6] Связывать печать с деятельностью неизвестных по письменным источникам сыновей Святослава-Николая Давыдовича (Святоши), скончавшегося в 1130-е годы, не приходится. Имя Николай князь получил при пострижении, следовательно, он не мог носить это же имя в крещении до пострига. Случаи, когда отчество сыновей определялось по монашескому имени отца, нам неизвестны.
[7] *Янин В. Л.* Актовые печати. С. 14–41.
[8] Там же. С. 34, 35, № 10–13.
[9] Там же. С. 32.
[10] Там же. С. 25.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 152.
[13] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 422.
[14] *Янин В. Л.* Актовые печати... С. 104, 105, № 140, 141.
[15] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 278.
[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524.
[17] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 79.
[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523.
[19] Там же. Стб. 613.
[20] *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 239, 240.
[21] *Колотилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2.
[22] *Лабутина И. К., Волочкова О. К., Лабутин В. И.* Новые сфрагистические находки в Пскове // СА. 1985. № 1. С. 221.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Традиционное мнение о том, что монастырь был основан в середине XII в., нуждается в пересмотре. Синодик первой четверти XVI в. из Стефановской церкви Спасо-Мирожского монастыря называет среди вкладчиков группу князей начала XI в. К сожалению, единственное воспроизведение выдержек из Стефановского синодика крайне неточное (*Соболева М. Н.* Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря // Древнерусское искусство. М., 1968. С. 40, 41), и это привело комментатора к неверному отождествлению князей, перечисленных в списке: ошибка в персонификации достигает полутора столетий. Историографическим курьезом стала попытка интерпретировать данные Стефановского синодика в работе И. И. Лагунина, который, судя по опубликованным тезисам, к источнику вообще не обращался, а пользовался сведениями о нем «из вторых рук» (*Лагунин И. И.* К вопросу о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985.

Вып. 5). В настоящее время подготавливается издание полного текста Стефановского синодика.

[26] *Творогов Л. А.* «Слово о полку Игореве»: О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». Новосибирск, 1942; *Он же.* К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве» XIII в. Псков, 1946; *Он же.* Новое доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала мусин-пушкинского списка текста «Слова о полку Игореве». Псков, 1949.

[27] Именно из-за этих разливов реки сильно пострадала нижняя часть росписей храма Спаса-Преображения XII в.

[28] Одно из таких наводнений подробно описано в псковских летописях: «В лето 6987 ... Бысть вода велика месяца ноября въ 13, и много чхоты оучинилося по Великои реке, по берегом около города, и по Завеличью, и по волостем, а мимо город несло вниз по Великои реки запас и дрова и сенныя стоги, да в другои ряд лед стал; по том времени, тоя же осени, месяца декабря въ 7 день, бысть оттеплие вода велика, больши первои, да и лед снесло, и въ 3 ряд лед стал в борзе, неровне, как хоромы до оустеи и до озера» (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 76; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 58, 218).

Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский

СКИФЫ И СЛАВЯНЕ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Проблема скифо-славянских связей неоднократно привлекала внимание исследователей — лингвистов, историков, археологов. К этой тематике не раз обращались представители русской культуры — древние летописцы, затем М. В. Ломоносов, историки России М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, поэты В. Я. Брюсов и А. А. Блок. Интерес к скифам во многом определялся поисками древних истоков культуры славян и их прародины. В конкретных деталях эти построения большей частью не соответствуют строгим критериям современной науки, но тем не менее они отразили реальный исторический факт — взаимосвязи скифских и древнеславянских племен.

Скифы, как известно, по языку принадлежали к «иранской» ветви индоевропейских народов (в отечественной науке это положение было подробно аргументировано Вс. Ф. Миллером). Генетическое родство, восходящее к эпохе индоевропейской общности, было самым ранним этапом длительной истории контактов предков славян и скифов. Позднее связи продолжались в эпоху формирования индоиранской (арийской), а затем собственно иранской группы племен, с одной стороны, и славян — с другой. О таких связях свидетельствуют многие арийско- и ирано-славянские языковые изоглоссы [1].

Следующая эпоха контактов относится уже к собственно скифской эпохе. Не случайно, «скифский материал» античных историков и надписей из греческих городов Северного Причерноморья был объектом изучения не только иранистов и скифологов, но и славистов. Так, М. Фасмер — автор широкоизвестного «Этимологического словаря русского языка» свое исследование о прародине славян начал с рассмотрения данных о скифо-иранском языковом элементе в Северном Причерноморье [2]. Важные данные о языковых контактах племен «скифского мира» с предками славян зафиксированы в осетинском языке — наследнике скифо-сарматских диалектов. В осетинском обнаружены характерные сходства с рядом индоевропейских языков Европы — балтийскими,

германскими и некоторыми другими. Совпадения со славянским, как отмечает исследовавший эти сходства В. И. Абаев, значительно превосходят сепаратные связи осетинского с любым иным индоевропейским языком [3].

Разные по времени свидетельства лингвистики документируют связи ираноязычного населения южнорусских степей с другими индоевропейскими племенами Европы, и прежде всего со славянами, связи, которые отражают широкий спектр материальной и духовной культуры. Значительно сложнее выявить факты таких сходств на нелингвистическом материале — по данным археологии, фольклора, религии и мифологии, и тем более соотнести предполагаемые совпадения с конкретными историко-культурными реалиями и определенной исторической эпохой.

Основные данные о скифах и их культуре сохранились в античной литературе, и прежде всего в трудах Геродота. Важное место в его «скифском логосе» занимает легенда о происхождении скифов (IV. 5—7), которая многократно привлекала внимание исследователей [4]. Отдельные сюжеты и детали этой легенды нашли отражение и у ряда других античных авторов (Диодор, Валерий Флакк, Алкман и др.), но у Геродота она представлена, как единое целое и является своего рода фольклорной записью, сделанной античным ученым со слов скифов. В любом случае этот рассказ Геродота служит первоклассным источником для изучения местной скифской традиции.

Согласно Геродоту, скифы утверждают, что у первого человека — сына Зевса и дочери речного потока родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший — Колаксай. Однажды с неба упали золотые предметы; братья увидели их, но лишь младшему удалось овладеть золотом; и тогда старший согласился отдать ему царскую власть. Далее у Геродота говорится, что от старшего брата Липоксая произошли скифы, которые называются авхатами, от среднего — Арпоксая — катиары и траспии, а от младшего — Колаксая — паралаты. Колаксай стал первым царем Скифии и считался предком всех скифских царей. Когда он разделил владения на три царства между своими сыновьями, золото стали хранить в главном, самом большом из них, как священную реликвию берегли и особо почитали.

Ученые предлагали самые различные толкования легенды о происхождении скифов, ее общего сюжета и отдельных мотивов, в том числе о трех братьях — сыновьях первочеловека и происходивших от них «родах» (γένος, Геродот IV. 6). В этих «родах» обычно видели скифские племена и часто отождествляли их с основными племенами, или народами, Скифии (в том числе с царскими скифами), о которых Геродот рассказывает в другом месте своего труда (IV. 17—20; по отношению к этим племенам, или народам, употреблен термин ἔθνος). Согласно другой интерпретации [5], в легенде о происхождении скифов речь идет о происхождении социальных групп скифского общества, являвшихся потомками упомянутых трех братьев.

Этническая интерпретация базировалась, в частности, на изменении, которое в течение долгого времени вносилось в рукописный текст Геродота. Исходя из этого исправления, Геродоту приписывали положение о том, что, согласно утверждению скифов, от Колаксая произошли «царские (скифы), которые называются паралатами», что как бы документировало мнение об идентичности паралатов с царскими скифами и соответственно «родов», ведущих начало от братьев Колаксая, с другими племенами, или народами, Скифии. Однако предлагаемое изменение ори-

гинального текста Геродота не имеет под собой ни текстологического, ни реальных исторических оснований. Напротив, все содержание этого рассказа Геродота свидетельствует в пользу дошедшего до нас рукописного текста, в котором говорится, что от самого младшего из братьев — Колаксая произошли «цари, которые называются паралатами» (к тому же «паралаты» греческого текста также соответствуют обозначению царей, царской династии в иранской традиции: «парадаты») [6].

Данное прочтение служит одновременно еще одним подтверждением правильности социальной трактовки всего этого сюжета и роли Колаксая в легенде как основателя царской власти и династии скифских царей.

Пристальное внимание исследователей привлекали также имена Колаксая и его братьев. Уже давно было установлено, что вторая часть их имен передает иранское слово «хшай»: повелитель, владыка, царь (К. Мюлленхоф, Вс. Миллер и др.). Но в целом значение имен интерпретировалось по-разному. Нам представляется наиболее убедительной трактовка, согласно которой в этих именах отражено представление о трех сферах космоса: верхней (небесной, солнечной), средней и нижней (земной, подземной); каждый из братьев выступал, таким образом, как «владыка» одной из них. Имя младшего, Колаксая, при этом этимологизируется как «Солнце (или небо) — царь» [7].

Такая интерпретация, основанная на данных иранистики, может быть подтверждена славянской традицией. На это обратил внимание академик Б. А. Рыбаков в своих книгах «Геродотова Скифия» и «Язычество древних славян». К числу наиболее популярных русских, украинских и белорусских сказок принадлежит сказка о трех царствах; одно из них — золотое достается младшему из братьев: он рождается на заре, при восходе солнца, и имя его обычно «солнечное», связано со светом, зарей. Отмечая различные сюжетные соответствия скифской легенды славянским сказкам (состязание братьев, победа младшего и т. п.), Б. А. Рыбаков справедливо соотносит этого героя восточнославянского фольклора с мифологическим образом скифского Колаксая — «победителя в состязании за обладание золотыми общенародными реликвиями», «устроителя царства». Он привлекает также важное для древнеславянской мифологии свидетельство русской Ипатьевской летописи под 1114 г. о Дажьбоге: «Солньце цесарь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе муж силен...», «от него же начаша человеци дань давати цесарем» (т. е. считалось, что при Дажьбоге были установлены институты царской власти). Согласно Б. А. Рыбакову, в сербских сказаниях тот же персонаж («Дабог») называется «царем на земле», «сильным, как господь бог на небесах»; древнерусские князья считались потомками Дажьбога («Слово о полку Игореве») [8].

Приведенные материалы указывают на то, что в славянской мифологии существовал персонаж, соответствовавший образу скифского Колаксая и называвшийся царем-солнцем: «Солньце-цесарь». Эта параллель является дополнительным и весомым аргументом в пользу трактовки имени Колаксая как «Солнце-царь».

Обратимся к именам двух других братьев. Имя Арпоксая значит: «Владыка глубины»; первая часть, «Арпо», соответствует осетинскому «арф» (с закономерным более поздним осетинским «ф» из древнеиранского «п»): «глубокий», «глубина» (воды и земли); то же слово входит в название Днепра: от Дан-апр (Данаприс античных и византийских авторов) — «Река глубокая» [9]. Восходящая к «апра» скифское «арпа» и осетинское «арф» отражает метатезу в группах из согласного плюс «р»,

характерную для части скифо-сарматских диалектов, а также для осетинского; лингвистические данные показывают, что вообще все имена, которые называет Геродот в легенде о происхождении скифов, являются иранскими, но отражают закономерности одного из скифских диалектов, во многом близкого осетинскому языку[10]. Последнему, как и ряду скифо-сарматских диалектов, был свойствен переход «ри» в «ли» (такие примеры многочисленны; та же особенность объясняет форму имени «аланов» и устаревшее, фольклорное название осетин и нартовских героев «аллон» — от древнего «арии», «ариана»)[11]. Эта закономерность показывает, что «Липа» — в имени Липоксай должно соответствовать форме «Рипа» в других, более архаичных скифских диалектах[12]. Слово это можно связать с названием Рипейских гор греко-скифской традиции: Рипа у более ранних, Рипеи у более поздних греческих авторов. В античной литературе это название засвидетельствовано впервые, начиная с сочинений тех авторов (Алкман, Гекатей и др.), которые уже имели реальные сведения о Скифии и заскифских областях[13]. То же слово в форме гіра, гір встречается в древнейшем памятнике индоариев «Ригведе»; в одном из ее гимнов (III. 5) оно употребляется при обозначении «вершины земли» или «горы»[14].

Таким образом, есть все основания полагать, что имя Липоксай означало «Владыка горы».

Вышеприведенные данные свидетельствуют о существовании в скифской «модели мира» представления о трех сферах космоса: верхней — небесной, солнечной; нижней — водной или подземной и средней — надземной, которая символизировалась горой[15]. При обосновании этого принципиально важного для скифологии положения были привлечены, как мы видели, и параллели из славянской мифологии. Вместе с тем можно утверждать, что сходная «модель мира» была характерна также для культуры (в том числе и мифологии) древних славян. Об этом не раз писал и говорил Б. А. Рыбаков.

Истоки таких общих представлений могут восходить к глубокой древности, вплоть до эпохи индоевропейского единства, но в оформлении и развитии идей, связанных с этой космологической концепцией, безусловно, немалую роль сыграли историко-культурные контакты славян с их ираноязычными соседями уже в скифскую эпоху.

[1] *Meillet A.* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indoiranien // Rev. etudes slaves, P., 1930. T. 6; *Arntz H.* Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch. Heidelberg, 1933. (Indogerm. Bibl.; 3. Abt., Bd. 3); *Burrow T.* The Sanskrit language L., 1955. Ср. рус. пер.: *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976. С. 22–26.

[2] *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

[3] *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

[4] Подробнее см.: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.. 1977; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

[5] *Christensen A.* Les types du premier Homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. Stockholm, 1917. Pt. 1. P. 136–137; *Dumézil G.* La prehistoire indo-iranienne des castes // J. Asiat. 1930. T. 216; и др. В советской литературе это положение развивалось Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским.

[6] *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов // XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР. М., 1960. С. 4 и след., 17 и след.; *Он же.* Проблемы изучения общественного строя скифов // Вестн. древн. истории. 1980. № 4. С. 145. Эти чтения и перевод, в течение многих десятилетий обычно не признававшиеся издателями и переводчиками Геродота, теперь наконец приняты (см.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота:

Тексты. Перевод. Комментарии // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1982. С. 100, 101.

[7] Эта этимология была предложена В. И. Абаевым в кн.: Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. 1. С. 242 и след.

[8] Подробнее см.: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 233. 238; *Он же.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 434; 529 и след.

[9] Дополнительный аргумент в пользу этой этимологии в связи с упоминанием у Валерия Флакка скифского легендарного персонажа Апра привел Д. С. Раевский (Очерки идеологии... С. 68 и след.).

[10] См.: *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов. С. 7 и след., 20; *Он же.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2. С. 82, 83, 91; *Грантовский Э. А., Раевский Д. С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика. История. Археология. М., 1984. С. 50–52.

[11] *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 334; *Он же.* Скифо-европейские изоглоссы. С. 35 и след.; *Он же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1. С. 47 и др.; *Harmatta J.* Studies in the history and language of the Sarmatians // Acta antiqua et archaeol. 1970. T. 13. P. 58, 77–82.

[12] К истории вопроса см.: *Раевский Д. С.* [Рецензия] // Вестн. древ. истории. 1976. № 4. С. 132, 133.— Рец. на кн.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974.

[13] Подробнее см.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии.

[14] Там же. С. 86–90.

[15] Об этой системе скифских представлений см.: *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Я. Е. Боровский

ВИЗАНТИЙСКИЕ, СТАРОСЛАВЯНСКИЕ И СТАРОГРУЗИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПОХОДЕ РУСОВ В VII в. НА ЦАРЬГРАД

В древности на Русь из Византии попала повесть о нападении персов и их союзника — скифского воеводы (кагана) на Царьград в 626 г. Известна она по старославянским рукописям XV–XVII вв.[1]

Аналогичная повесть была переведена в 1042 г. с греческого на старогрузинский язык Георгием Мтацминдели на Афоне [2]. И в названии грузинской рукописи («Осада Константинополя скифами, кои суть русские») и в самом тексте имеется указание на то, что «осаждавшие в 626 г. Константинополь скифы были русские, государь которых назывался хаканом» [3].

Текстуальное сопоставление повести об осаде Константинополя в 626 г. по старославянскому и старогрузинскому переводам приводит к мысли о их происхождении от общего греческого источника, датированного ранее 1042 г. Действительно, оба перевода восходят к оригиналу повести, написанной в VII в. очевидцем и современником событий Феодором Синкеллом [4]. В. Г. Васильевский считал, что повесть еще в VII в. вошла как составная часть в Пасхальную хронику. Повесть, опубликованная в 1853 г. в Риме, значительно шире освещает события. Однако отличия в текстах Пасхальной хроники, повести Феодора Синкелла и ее переводов незначительные [5].

Название в грузинском манускрипте скифов русами указывает на вероятное участие в осаде Константинополя восточных славян. Для уяс-

нения этого вопроса необходимо рассмотреть те места старославянского и старогрузинского переводов повести и ее греческого оригинала, где упоминаются славяне и скифы.

29 июня 626 г. к стенам Константинополя подступил с войском аварский каган. По Пасхальной хронике это был только первый отряд аваров, состоявший из 30 тыс. воинов. Долгое время авары не начинали против греков никаких военных действий, хотя довольно большая союзная персидская армия находилась в Халкедоне [6]. Очевидно, каган ожидал еще какие-то союзные войска, чем в основном и можно объяснить затягивание аварами штурма Константинополя, начатого только 29 июля [7]. В связи с тем что в хронике до битвы говорится только об аварах и не упоминаются славяне, о которых рассказывается 29 июля в день штурма, то, вероятнее всего, каган ожидал славян, но не тех, что жили на Балканском полуострове или за Дунаем, а славян, прибывших на ладьях-однодеревках (моноксилах) вместе со своими семьями.

Прибывшие славяне воевали и под стенами Константинополя и на море. Пешие славянские воины были вооружены копьями и одеты в латы. Славяне-моряки имели однодеревки-ладьи, выдолбленные из одного дерева. Третьего августа они двинулись к азиатскому берегу, чтобы привезти на помощь персов, но на следующий день утром были потоплены греками. Оставшихся в живых славянских моряков перебили и вырезали армяне и авары по приказанию кагана. После этого каган ушел из-под Константинополя [8].

Хроника указывает еще на одну причину ухода аваров от Царьграда: «Некоторые рассказывают, что славяне, увидев происходящее, оставили лагерь, удалившись, и тем заставили проклятого кагана следовать за собою» [9].

Так сообщают о славянах и скифах Пасхальная хроника и повесть Феодора Синкелла. В переводных повестях (старославянской и старогрузинской) об этих событиях есть одна интересная деталь, характеризующая погребальный обряд славян, участвовавших в осаде Константинополя: после боя они сжигали убитых воинов-скифов и русов («не мощи живым сжигати мертвых» [10], «оставшиеся в живых враги не успевали сжигать трупы павших; сжигание требовалось обычаем варваров» [11]).

Такой же обряд погребения убитых русских воинов Святослава (названных также скифами и тавроскифами) зафиксирован византийским историком X в. Львом Диаконом: «Как скоро наступила ночь и явилась полная луна на небе, то русы вышли на поле, собрали все трупы убитых к стене и на разложенных кострах сожгли, заколов над ними множество пленных и женщин» [12].

Упоминание о сожжении убитых скифов-русов указывает на то, что в осаде Константинополя в 626 г. большую силу составляли славяне лесной полосы Среднего Поднепровья, у которых в VI—VII вв. господствовал обряд трупосожжения [13], в то время как у южных (степных) племен практиковался преимущественно обряд трупоположения [14].

Подтверждение тому, что те славяне, которых так долго ожидал каган, были русами, находим в рассмотрении главы «о русах, отправляющихся с моноксилами из Руси в Константинополь», известного трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» [15]. По Константину Багрянородному, однодеревки (моноксилы) из многих местностей Руси (Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода) собирались под Киевом и в июне отправлялись вниз рекой Данапром (Днепром). В городе Витичеве они ждали еще два-три дня, пока собе-

рутся все однодеревки, и тогда пускались в путь, проплыв по Днепру до первого порога. Пройдя все семь порогов, на острове св. Григория (Хортица) приносили жертвоприношения и, отдохнув, двигались дальше по Днепру и плыли около четырех дней к острову Березани, где отдыхали два-три дня. От Березани до Царьграда они плыли вдоль северного берега Черного моря к самому устью Дуная и отсюда вдоль болгарской земли достигали Месемврии [16].

Константин Багрянородный не указывает, сколько времени занимала поездка от Витичева до Хортицы, лишь отмечено, что путь от Хортицы до Березани занимал около четырех дней. Соответственно путь от Киева до Хортицы вместе с отдыхом, учитывая все трудности перехода через пороги (около двух дней) [17], занимал дней 10. В общем путь по Днепру (вместе с отдыхом) занимал у путников 20 дней. Еще около 11 дней приходилось на путь вдоль берегов Черного моря (от устья Днепра до устья Дуная — восемь дней и до Царьграда — три дня. Таким образом, по Константину Багрянородному, который называл плаванье русов «мучительным, невыносимым и тяжким» [18], путь от Киева до Царьграда (вместе с остановками на отдых и ремонт челнов) занимал около месяца (по исследованию Н. Н. Воронина, около 35—40 дней, и лишь при благоприятных условиях от Киева до дунайской дельты ехали 10, и от нее до Царьграда — 15 дней) [19]. Наименьшее время, за которое могли преодолеть путь от Киева до Константинополя, равнялось 25—30 дням, или одному месяцу. «Условия плавания по Черному морю,— писал Н. Н. Воронин,— были наиболее благоприятны в конце июня и до начала августа» [20]. И военные походы на Царьград, известные по летописи, также начинались в это время.

Константин Багрянородный считал, что плавание русов из Киева начиналось в июне. Указанную дату можно уточнить. По свидетельству Боплана, казаки выходили в море после Иванова дня (24 июня) и в июле на челнах приближались к Константинополю и Анатолии, возвращаясь назад не позже первых чисел августа [21]. 24 июня — день Ивана Купала — праздник солнца (огня) и воды — считался одним из самых значительных языческих праздников древних славян Среднего Приднепровья. В этот день, по исследованию Б. А. Рыбакова, у всех славянских народов зажигался священный живой огонь в связи с летним солнцестоянием [22]. Славяне, которые поклонялись солнцу, и в далекие военные походы уходили, отпраздновав этот праздник.

Следовательно, русы отплывали из Киева в конце июня и прибывали в Константинополь в конце июля. Это согласуется со свидетельством Пасхальной хроники и повести Феодора Синкелла, по которому кагану пришлось ожидать войско славян с 29 июня по 29 июля [23], т. е. славяне, прибывшие под Константинополь на ладьях-однодеревках, могли быть русами.

Подтверждают это и археологические материалы, найденные на всем протяжении великого водного пути из Киева в греки. Византийские монеты VI—VII вв., золотые и серебряные вещи этого времени обнаружены в Киеве, Среднем Приднепровье и на юге, там, где проходил торговый путь из Киева на Царьград [24]. Сюда эти вещи могли попасть не только путем постоянного торгового обмена между русами и греками, но и в результате военных походов восточных славян против Византийской империи.

Рассмотрение осады Константинополя по византийским источникам также подтверждает мысль, что в славянах, прибывших в однодеревках-

ладьях, надо видеть выходцев из Среднего Приднепровья. Уже в «Аварской войне» Георгия Писиды, очевидца событий, известного византийского светского поэта, сказано, что славяне вступали в бой на море на долбленых, попарно соединенных лодках. Участниками войны были авары, славяне, болгары и персы [25].

Византийский историк Феофан указывает, что войска прибыли с Истрии на большом количестве долбленых лодок, заполнивших весь залив Золотой Рог [26]. Патриарх Никифор писал, что множество славян действовало в союзе с аварами. Славяне бились на лодках-однодеревках. Среди погибших находились и женщины-славянки [27].

Другой историк Константин Манассия, который при написании своей хроники в XII в. пользовался более ранними источниками, славян, принимавших участие в осаде Константинополя, называет тавроскифами, жившими вокруг Таврии: «Дабы никакая из напастей людских не превзошла беды того времени, судьба подняла на греков и все народы, обитающие в окружии Таврии. Князья жестоких тавроскифов, собрав корабли с несчетным числом воинов, покрыли все море ладьями-однодеревками. Перс был подобен колючему скорпию, злобный скиф — ядовитому змию, тавроскиф — саранче, что и ходит и летает» [28].

В другом месте манассиевой хроники (в среднеболгарском переводе) есть выражение «корабли тавръскыих скиф» с глоссой «ветри русіи». откуда, по мнению И. Дуйчева, совершенно ясно, что корабли таврских скифов — корабли русов [29]. Это известие напоминает рассказ древнерусского хронографа (по редакции 1512 г), в основу которого положен ряд византийских источников о множестве тавроскифов, союзников скифского кагана, приплывших на кораблях — деревянных ладьях [30].

Как известно, византийские авторы называли русов скифами и тавроскифами. Патриарх Фотий (свидетель нападения Руси на Царьград в 860 г.) называл русов народом скифским, народом многочисленным и степным [31]. По мнению И. Дуйчева, это объясняется тем, что «русите населеват областите, които были известны като родина на скифате от античноста» [32].

Лев Диакон русов называет и скифами и тавроскифами [33]. Скифами и тавроскифами именуют русов Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и другие византийские авторы [34].

Отдельные историки, говоря об осаде Константинополя в 626 г., называют ее русским походом [35]. Такого мнения был уже Иоаникий Галятовский, который еще в 1665 г. писал, что Царьград спасен в 626 г. от русских при патриархе Сергии [36]. Союзников аваров русскими считает и известный историк Э. Гиббон [37]. Другой исследователь, С. Гедеонов, не сомневался в том, что скифы Г. Писиды и тавроскифы Манассия — это древние русы [38]. Этой же мысли придерживались И. Е. Забелин и Г. Ласкин [39]. И. Я. Франко, рассматривая летописное предание об основании Киева, связывал поход полянского князя Кия с осадой Константинополя 626 г.[40] Скифов и тавроскифов, осаждавших Константинополь, считает восточными славянами, выходцами из северной лесной полосы Восточной Европы, В. В. Мавродин [41].

Упоминание о нападении русов на Константинополь в 626 г. сохранено и в некоторых рукописных византийских материалах: в Типике Большой Константинопольской церкви (церковном уставе IX—X вв.) по Патмосской рукописи X в.[42] и в хронографе греческого Анонима XVIII в., который, по мнению К. Сафы и А. Кирпичникова, известие об

участии русов в осаде Царьграда взял из неизвестных нам древних источников [43].

Таким образом, рассмотрение всех известных источников (византийских, старославянских и старогрузинских) позволяет сделать вывод о том, что вероятными участниками осады Константинополя в 626 г. были восточные славяне (русы) из Среднего Приднепровья, которые пришли под Царьград морским путем на ладьях-однодеревках. Это был один из первых походов Руси на Константинополь [44].

[1] Сказания о Царяграде по древним рукописям. СПб., 1868. С. 11–39; *Калайдович К., Строев И.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстова. М., 1825. С. 124; Описание церковнославянских рукописных сборников имп. публичной библиотеки/Сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1882. Ч. 1. С. 73.

[2] Осада Константинополя скифами, кои суть русские, и поход императора Ираклия в Персию // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1912. Вып. 27. С. 8–61.

[3] Там же. С. 15; *Джанашвили М. Г.* К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки. Переводы и комментарии. Тифлис, 1912. С. 117.

[4] *Васильевский В.* Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий: Замечание на статью Х. М. Лопарева // ВВ. 1896. Т. 3, вып. 1. С. 90–92.

[5] Там же. С. 91.

[6] *Франко І. Я.* Придніпровські слов"яни VI–VII вв. // Рукоп. отд. Ин-та лит. АН УССР им. Т. Г. Шевченко. Ф. 3. № 634. Л. 89–90 (перевод Пасхальной хроники).

[7] *Васильевский В.* Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий. С. 91.

[8] *Франко І. Я.* Придніпровські слов"яни VI–VII вв. Л. 89–91; Пасхальная хроника // Вестн. древ. истории. 1941. № 1. С. 258.

[9] Пасхальная хроника. С. 258.

[10] Сказания о Царяграде... С. 19.

[11] Осада Константинополя скифами... С. 29.

[12] История Льва Диакона. СПб., 1820. С. 84.

[13] *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. С. 26–30; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975. С. 39; *Мавродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 13; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1953. С. 204.

[14] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. С. 204.

[15] *Константин Багрянородный.* «Об управлении империей» // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 271–273.

[16] Там же. С. 272–273.

[17] *Боплан Г.* Описание Украины. СПб., 1832. С. 6; *Эварницкий Д.* Днепровские пороги // Русская земля. СПб., 1899. Т. 9: Степной край. С. 83–84.

[18] *Константин Багрянородный.* «Об управлении империей». С. 273.

[19] *Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 286.

[20] Там же.

[21] *Боплан Г.* Описание Украины. С. 64–65, 68.

[22] *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян // СА. 1962. № 4. С. 66–89.

[23] Все числа месяцев даются по старому стилю.

[24] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 31–33.

[25] *Франко І. Я.* Придніпровські слов"яни VI–VII вв. С. 96–97.

[26] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 59.

[27] Там же. С. 160–161.

[28] *Филарет.* Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви. Чернигов, 1864. С. 224, примеч. 5; Летописта на Константин Манаси. С., 1969. Л. 243–244.

[29] *Дуйчев И.* Славяни-скити // Дуйчев И. Българско средновековие. С., 1972. С. 112–113.

[30] ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22: Русский хронограф, Ч. 1: Хронограф редакции 1512 г. С. 304.

[31] Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю на-

шествия россов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. № 9/10. С. 419, 425, 432.

[32] *Дуйчев И.* Славяни-скити. С. 110.

[33] История Льва Диакона. С. 65, 67, 84, 89, 94, 97.

[34] *Стриттер И.* Известия византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен. СПб., 1870. Ч. 3. С. 83, 98, 110, 120, 126; *Соломонік Е. І.* Про значення терміна «тавроскіфи» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. 1962. Т. 11. С. 110–113.

[35] Некоторые исследователи пытались отнести указанные события к походу на Царьград в 860 г.: *Лопарев Хр.* Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в 860 г. // ВВ. 1865. Т. 2, вып. 4. С. 581–628; *Сахаров А. Н.* «Дипломатическое признание» древней Руси // ВИ. 1976. № 6. С. 35–36.

[36] *Галятовский И.* Небо новое. Львов, 1665. Л. 16.

[37] *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1885. Ч. 5. С. 201.

[38] *Гедеонов С.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб., 1862. С. 53—56.

[39] *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. С. 394; *Ласкин Г.* Ираклий: Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков, 1889. С. 58.

[40] *Франко І. Я.* Причинки до історії України – Руси. Львів, 1912. Ч. 1. С. 25.

[41] *Мавродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 12–13; *Он же.* Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955. С. 14–16; *Он же.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 11.

[42] *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. 1, ч. 1. С. 83.

[43] *Кирпичников А.* Константин Сафа // ВВ. 1895. Т. 2, вып. 3. С. 446–447.

[44] По Повести временных лет в Царьграде до 626 г. уже побывал полянский князь Кий // ПВЛ. Ч. 1. С. 14. См. еще: *Рыбаков Б. А.* Город Кия // ВИ 1980. № 5. С. 31–47; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 92–94.

В. А. Буров

О РОДОСЛОВИИ НОВГОРОДСКИХ БОЯР МИШИНИЧЕЙ — ОНЦИФОРОВИЧЕЙ

(по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.)

Еще в конце 1930-х годов А. В. Арциховский собрал материалы письменных источников о представителях знатного боярского рода Мишиничей — Онцифоровичей: новгородском посаднике Юрии Онцифоровиче, его отце посаднике Онцифоре Лукиниче, деде — Луке Варфоломеевиче, прадеде — посаднике Варфоломее Юрьевиче и прапрадеде — посаднике Юрии Мишиниче [1]. По предположению ученого отцом Юрия Мишинича был новгородец Миша, участник Невской битвы 1240 г., прославившийся своей храбростью и находчивостью.

Этот вывод А. В. Арциховский отстаивал и десятилетия спустя: «Никто больше в летописи такого имени не носит, хотя новгородцев Михаилов там больше тридцати. Эта форма имени настолько связана была в XIII в., с этим человеком, что в конце века два боярина, явно его сыновья, носили отчество Мишинич, никогда больше не встречаемое. Выводить этот род от другого Миши невозможно» [2].

В настоящее время вопрос о происхождении Мишиничей — Онцифоровичей пересмотрен В. Л. Яниным. Исследователь выяснил, что сведения о потомках Миши, герое Невской битвы, содержатся в родословных книгах XVI в. и в синодике новгородской Вознесенской церкви [3]. В родо-

словцах, куда внесены ссылки на подвиги Миши на Неве, указывается место его погребения в Новгороде — «у Михаила святого на Прусской улице» (Родословная книга) или в церкви Вознесения на Прусской улице (Вознесенский синодик). Те же родословцы перечисляют и потомков Миши, среди которых имя Юрия Мишинича отсутствует. Обращает на себя внимание и тот факт, что потомки Миши, упомянутые в родословцах и в летописи, живут на Прусской улице в XV в. Отсюда исключается возможность выводить род Мишиничей от легендарного участника Невской битвы [4], поскольку Мишиничи — Онцифоровичи жили в Неревском конце, что известно по письменным источникам и археологическим раскопкам 1951—1962 гг.[5] В. Л. Янин справедливо также исключает версию переселения Юрия Мишинича в Неревский конец, так как новгородские боярские семьи были прочнейшим образом связаны со своими родовыми усадьбами. Из поколения в поколение они жили на одних и тех же концах города, наследуя древние участки городской территории, находившиеся в их владении [6].

В то же время попытка установить предков Мишиничей — Онцифоровичей по берестяным грамотам, найденным на дворах этих бояр, живших в XIV—XV вв. на Козмодемьянской улице, успеха не имела. Самое древнее письмо этих бояр (№ 391, 11-й ярус — 1299—1313 гг.) принадлежало Варфоломею Юрьевичу [7] Грамот с именами Миши, Юрия Мишинича обнаружено не было. И тем не менее, замечает В. Л. Янин, следует говорить о древних корнях именно той территории, которая принадлежала этому роду в XIV—XV вв., хотя проследить родословие Мишиничей пока не удается [8].

Полная подборка берестяных грамот XI—XIII вв. с основной усадьбы Онцифоровичей (Д) подтверждает, что здесь и до Варфоломея жили бояре. Некоторые наблюдения над их перепиской XII в. позволяют вновь поставить вопрос о родословии Мишиничей.

Переписка конца XIII столетия (12-й ярус — 1281—1299 гг.) пестрит именами, что мешает определить имя хозяина двора. Два письма называют Никифора. Послание № 212 адресует ему Лихоч, сообщающий о просе, ржи и, возможно, о завершении сбора и разделе урожая [9]. Другое (№ 346) написано самим Никифором тетке. Он просит ее сообщить что-то Ратмиру [10]. На усадьбе найдены грамоты, адресованные Кузьме (№ 344) и Ксении (№ 411). В последней бересте дается указание сковать беглого холопа Матфейца, оставить сторожить его Константину, а самой Ксении отправиться срочно к автору письма в село. Примечательно само упоминание села, а также то, что речь идет о холопе [11].

О дворовладельце-боярине говорит и береста № 390. В ней перечислены участки на притоках реки Мсты — Волмы и Ветренки. «Перед нами,— замечает Л. В. Черепнин,— „ободная" или „разводная" грамота, определяющая границы владений двух землевладельцев Борислава и еще кого-то. Это типичная вотчина, состоящая из нескольких участков, перемежающихся с чужими участками и отделенных от них природными границами» [12].

На зажиточность дворохозяев указывают и письма второй четверти XIII в. В послании № 395 некто Григорий просит свою мать дать ему огромную сумму — 30 гривен [13]. Нет сомнения, что и Григорий и мать — землевладельцы. Недаром берестяной свиток № 348 представляет собой перечень натурального оброка, взимаемого с 20 крестьян [14]. Из других писем того же времени отметим № 347, вероятно, об отдаче дол-

га [15], № 349, перечисляющее денежные суммы [16], отрывок бересты № 351, в котором упомянут «товар» [17].

Среди переписки первой половины — середины XIII в. выделяется своим содержанием грамота № 227, где говорится о земле, перечисляются деньги (6 и 10 гривен), указывается на переход земли от одного владельца к другому. Предполагают, что речь в бересте идет о семейном разделе [18].

О земле и о постройке говорится и в отрывке № 108. Вероятнее всего, это завещание, в котором дается оценка стоимости пашни в 9 гривен, клети в гривну, названа сумма, выделенная завещателем на свое погребение [19]. Наряду с указанными посланиями имеются письма о каком-то товаре (№ 107), «серебре» (№ 110) [20]. Наконец, Степан и мать пишут Полюду, чтобы он продал коня для покупки хлеба и соли. Данное послание № 350 связывается с одним из голодных годов в Новгороде [21].

Нет сомнений в боярской принадлежности усадьбы Д и в XII столетии. Письмо № 335 упоминает богатое женское украшение — золотые колты, а отрывок грамоты № 400 упоминает «холопа» [22]. Два следующих письма связаны с лицами новгородской администрации. Береста № 235 адресована представителю власти Нажиру, которому Судиша жалуется на Жадка, взыскавшего с него долги брата [23]. Послание № 336 представляет переписку сборщиков дани, измеряемой мехами. Автор письма Петр, адресат — Влотько [24]. Материалы Троицкого раскопа свидетельствуют о том, что сбором дани занималось именно новгородское боярство [25].

Самое древнее берестяное письмо, обнаруженное на усадьбе Д, датируется самым концом XI — началом XII в. (1096—1116 гг.) — послание № 109. Оно написано княжеским дружинником Жизномиром. Это послание представляет для нас особый интерес, поэтому остановимся на нем подробнее: «Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупиль еси робоу Плескове. А ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дроужина по мя пороучила. А ныпе ка посъли къ томоу моужеви грамотоу, е ли оу него роба. А се ти хочоу, коне коупивъ и къняжъ моужъ въсадивъ, та на съводы. А ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничътоже оу него» [26].

В начале письма Жизномир сообщает Микуле о том, что рабыня, которая была куплена Микулой в Пскове, оказалась беглой или украденной. Ее настоящим владельцем является княгиня, которая узнала свою рабыню и задержала Жизномира. Для его освобождения, замечает А. В. Арциховский, потребовалось поручительство целой дружины. Поручительство в Русской Правде закономерно связано со сводом — очной ставкой при розыске краденого имущества (Краткая Правда, ст. 14). Поручитель отвечает за явку ответчика на свод. Письмо является ценной иллюстрацией к Русской Правде [27].

Далее Жизномир просит покупателя рабы Микулу послать в Псков грамоту, узнать у бывшего владельца рабыни, есть ли у того еще раба. Это действие опять-таки разворачивается по «сценарию» Русской Правды. Согласно ст. 16 Краткой редакции и ст. 38 Пространной редакции, расследование должно проводиться до третьего ответчика. Третий ответчик обязан отдать истцу своего раба, чтобы взять украденного для продолжения поиска и опознания настоящего вора — «конечного татя». Затем происходит обмен между третьим ответчиком и истцом, а сам «тать» должен уплатить штраф в 12 гривен, а также возместить убытки [28].

Л. В. Черепнин, привлекший данные статьи Правды, не связал их содержание с текстом бересты № 109. Исследователь не обратил внимание на то, что истцу должен отдать рабу третий ответчик. Но, если рабу требуют от псковича, то он и являлся третьим ответчиком. Поэтому мы не можем видеть в Микуле слугу Жизномира, как это считают практически все исследователи. В самом деле: истец — княгиня, первый ответчик перед ней — дружинник Жизномир, третий ответчик — пскович. Следовательно, Микула мог быть только вторым ответчиком, новгородцем, купившим рабу.

Данное наблюдение подтверждает и следующая фраза: «... А се ти хочоу, коне коупивъ и къняжъ моужъ въсадивъ, та на съводы». Историки полагают, что эти слова — изложение желания самого Жизномира по отношению к себе: он намерен купить коня и поехать на свод [29]. На самом же деле эти слова полностью адресованы Микуле, на что указывают филологи В. И. Борковский и Л. П. Жуковская [30]. Борковский пишет: «Приведенный текст мы переводим так: а тебе хочу (= мое желание по отношению к тебе): купив коня и посадив на него князьего мужа, потом на очную ставку (подразумевается: поезжай). Полагаем, что исполнителем действий, обозначенных деепричастиями (как и действий, названных раньше и позже,— см. текст грамоты), должен быть адресат, а не автор письма». Совершенно очевидно, что, соблюдая установленные законом этапы расследования, Жизномир просит Микулу продолжить расследование с помощью княжеского «мужа» и вместе с последним отправиться в Псков.

Заканчивается письмо просьбой не брать назад у псковича свои деньги, чтобы пскович не смог откупиться (деньги за рабыню Микуле явно пришлось вернуть Жизномиру).

Таким образом, Микула предстает перед нами как весьма состоятельный новгородец. В его хозяйстве имеются домашние слуги (в данном случае рабыня, которую он перепродал), он в состоянии купить коня для ведения «свода». Его близость к окружению князя не вызывает сомнений.

Одна грамота № 109 сама по себе не могла бы служить основой для далеких выводов. Но не следует забывать всю историю усадьбы Д в социальном плане, а именно боярскую принадлежность этого двора в XII—XV вв. Особо важно, что в XIV—XV вв. здесь размещалась посадничья семья Мишиничей — Онцифоровичей. Поэтому вряд ли будет опрометчив поиск в письменных источниках боярина Микулы — адресата послания № 109. Для рубежа XI—XII вв. (береста датируется 1096—1116 гг.) известно лишь одно такое имя. Оно принадлежит новгородскому посаднику Микуле, который был восьмым из девяти посадников времени княжения Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) [31].

В списке новгородских посадников, данном в приложении к Новгородской Первой летописи, названы и сыновья Микулы: посадники Петр и Константин [32]. Если на усадьбе Д действительно проживал Микула, то здесь должны быть и грамоты Петра и Константина.

Петр Микулинич погиб в 1134 г. в битве с суздальцами на Ждане горе [33]. До 1134 г. датируется и береста № 336 с двора Д (1096—1134 гг.), в которой упомянут Петр. Письмо № 336 представляет собой переписку новгородских данников: «От Петра гр[амот]а къ Влътькови. То еси ты поведалъ къ Рожънетови на Нустуе емати 2 срочька. Ни векшею не длъжънъ. А ныне оу Даньши заяль есмь 2...2 срочька въ 5-ть срочькъ. А емли на немь Даньша» [34].

То, что дань измерялась «сорочками» (40 меховыми шкурками), хорошо известно по Уставу Святослава Ольговича 1137 г.[35] Две сорочки соответствуют 80 шкуркам. Слово «емати» переводится как «брать», «взимать», «взыскивать»[36]. Глагол «заяти» имеет в данном случае значение «взять»[37]. Л. В. Черепнин переводит письмо так: Петр — сборщик дани, Влотько и Рожнет — его помощники. Обращаясь к Влотьку, Петр замечает, что предписание Влотька Рожнету взять два «сорочка» с Нустуя выполнено. Нустуй не должен уже ни векши (шкурки белки), он погасил свою задолженность. Что касается Даньши, то оклад, на него падающий, составляет пять «сорочек», из которых две Петр с него уже взыскал. Недоимку в три «сорочки» Петр предлагает получить Влотьку. Нустуй и Даньша, вероятно, представители местного населения, обязанные в пределах определенных территориально-административных единиц производить раскладку и взыскание повинностей и передавать их данщикам[38].

В качестве подтверждения комментария Л. В. Черепнина добавим, что такие лица, как Нустуй и Даньша, известны в уставе 1137 г., например Пуит, Чудин, Лигуй, Вавдит. Дань, видимо, бралась и с погостов, и с отдельных родов (т. е. там, где не было еще устроено погостов): «...у Пуите сорочек, у Чюдине полъсорочька, у Лигуя с даромъ два, у Вавдита с даромъ два...». Перечисленные лица скорее всего являлись родовыми старейшинами. Если Петр, упоминавшийся в грамоте № 336, и Петр Микулинич одно и то же лицо, то перед нами древнейший автограф новгородского посадника.

Константин Микулинич занял посадничью должность на следующий год после смерти брата Петра, в 1135 г.[39] Во время знаменитых событий 1136—1137 гг. он возглавлял партию бояр, стоявших за князя Всеволода Мстиславича. В 1137 г., на другой год после изгнания из Новгорода Всеволода, Константин бежал к князю в Псков с другими боярами. Новгородцы, разгневанные этой изменой, разграбили дворы перебежчиков: «и взяша на розъграбление домы их, Костянтинъ, Нежатинъ, инехъ много, и еще же ищуще, кто Всеволоду прияеть болярь»[40].

В 1140 г. Константин Микулинич был заточен в Киеве князем Всеволодом Ольговичем, братом Святослава Ольговича, сидевшего в это время в Новгороде. В 1146 г. после смерти Всеволода Ольговича Константин Микулинич объявляется в Новгороде. Видимо, он был освобожден. По приезде домой ему снова дают посадничество.

На усадьбе Д Неревского раскопа в слоях XII в. отсутствуют берестяные грамоты, написанные Константином или адресованные ему. Зато к XIII в. относится этикета № 397 «Къснятина грамота». А. В. Арциховский прокомментировал этот кусок бересты следующим образом: «Подобные этикетки имели смысл только в своего рода архиве. Конечно, этот архив был небольшим и личным, иначе такой текст не был бы достаточен. Какой-то новгородец первой половины XIII в. хранил грамоты. Можно предполагать, что они были берестяные, менее вероятно, что они были пергаменные»[41]. Думается, что столь бережно на боярском дворе Д хранили семейную реликвию, связанную с посадником Константином Микулиничем.

Таким образом, представленные материалы не исключают возможности того, что Мишиничи-Онцифоровичи ведут свое происхождение от посадника Микулы. Отсутствие писем Миши и Юрия Мишинича на усадьбе этому не противоречит, поскольку в пределах патронимии новгородское боярство осуществляло перераспределение усадеб[42]. Не должны

смущать и незнакомые имена некоторых бояр, например Никифора, который жил на дворе Д до Варфоломея. В летопись попали далеко не все представители боярских родов. Само же генеалогическое древо имеет всегда массу ответвлений. Достаточно привести пример с потомками Варфоломея, от которого произошли Лукиничи-Онцифоровичи, Матфеевичи[43]. А что стало с потомками Ивана Варфоломеевича, о существовании которого археологи узнали совершенно случайно[44], мы так и не знаем. Вряд ли когда-либо удастся восстановить имена всех потомков Микулы.

Настоящая статья, в которой автор не претендует на окончательность выводов, может представлять интерес в плане проверки и дальнейшего совершенствования методики отождествления новгородцев, упомянутых в берестяных грамотах, с лицами, названными письменными источниками. Пока археология Новгорода располагает несколькими приемами такого отождествления: 1) полное совпадение хронологии, а также имени и отчества новгородцев, например Юрий Онцифорович, Есиф Давыдович[45] и т. д., или просто совпадение имен (Мирослав — Мирошка Нездинич, Гречин — Гречин Петрович, Прокша и Богша — Прокл и Богуслав рода Малышевичей[46]); 2) особенно важно указание должности (посадник Онцифор[47]); 3) привлечение материалов сфрагистики, в частности прикладных печатей — «Олферьева печать», «Офонаса Онцифо»[48]; 4) сопоставление социального положения летописных новгородцев с археологическим комплексом раскопанных усадеб; 5) совпадение кончанской принадлежности сопоставляемых новгородцев.

[1] *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Ист. зап. 1938. Т. 2. С. 108–131.
[2] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 147.
[3] *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия. М., 1977; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 204–212.
[4] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 31–32.
[5] *Арциховский А. В.* Письма Онцифора // Проблемы общественно-политической жизни России и славянских стран. М., 1963; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975.
[6] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 33.
[7] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (1958–1961 гг.). М., 1963. С. 94–95.
[8] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 55.
[9] *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (1962–1976 гг.). М., 1978. С. 17.
[10] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 33–35.
[11] Там же. С. 32; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. С. 16–17.
[12] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 118–120.
[13] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 97.
[14] Там же. С. 35–37; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 226–227.
[15] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 35; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 339.
[16] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 38.
[17] Там же. С. 39–40.
[18] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. С. 49–51; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 96–99.
[19] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 99–100.
[20] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954). М., 1958. С. 36–37, 41.
[21] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 269–270.
[22] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 23–24, 100.

[23] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956–1957 гг.). С. 56–58; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 101.
[24] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 204–206.
[25] *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 153–154.
[26] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954 гг.). С. 38–41.
[27] Там же. С. 41.
[28] Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1: Тексты. С. 71, 80, 107–108, 125–126, 152–153.
[29] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954 гг.). С. 41; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... С. 164; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 61–62.
[30] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954 гг.). С. 146; *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959. С. 39.
[31] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
[32] Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950. С. 472.
[33] Там же. С. 208.
[34] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 204–306.
[35] *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 22.
[36] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 49.
[37] Там же. С. 342–343.
[38] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 204–205.
[39] Новгородская Первая летопись. С. 209.
[40] Там же. С. 210.
[41] *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. С. 98.
[42] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 54.
[43] Там же. С. 7–57.
[44] *Арциховский А. В.* Изображения и надпись на ложке из Новгорода // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 266–270.
[45] *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович // СА. 1975. № 4. С. 267–273.
[46] *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 136–155; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 32–33.
[47] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954 гг.). Грамота № 98. С. 25–26.
[48] *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д.* и др. Новгородская экспедиция // АО 1979. М., 1980. С. 40; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 23–25.

И. Б. Греков

О ХАРАКТЕРЕ ОРДЫНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — НАЧАЛА XIV в.

Вопрос о том, как реально складывались отношения ордынских завоевателей с русскими землями во второй половине XIII—XIV в., неоднократно привлекал внимание исследователей.

Одни историки считали, что ордынские ханы почти не вмешивались в политическую жизнь русских княжеств, плохо ее знали и проявляли ту или иную активность на территории Руси лишь в тех случаях, когда их приглашала одна княжеская группировка для расправы с другой или когда возникала необходимость «арбитражного» рассмотрения острых споров между ними [1].

Другие историки утверждали, что Орда была не только хорошо информирована о политической жизни «русской земли», но и постоянно воз-

действовала на ее ход, правда, воздействовала дифференцированно по отношению к различным ее частям: так, ордынская дипломатия будто бы проявляла весьма повышенный интерес к историческим судьбам Северо-Восточной Руси, и в то же время не обращала большого внимания на тогдашнюю историческую жизнь юго-западных русских земель [2]. Подобный дифференцированный подход к ордынской политике в Восточной Европе как бы подготовлял почву для утверждения концепции «азиатского» пути развития Московской Руси и «европейского» пути развития тех русских земель, которые на протяжении XIV—XV вв. оказались в составе Великого княжества Литовского и Русского, а потом Польско-литовского государства [3]. Сторонники этой концепции большое значение придавали периоду 60—90-х годов XIII в. в историческом развитии русских земель, когда действительно наметилась тенденция политического обособления Северо-Восточной Руси от юго-западных русских территорий. Данное обстоятельство стало важным аргументом для тех историков, которые выдвигали концепцию «извечной» расщепленности восточного славянства на украинцев, белорусов и великорусов.

Если говорить об отмеченных тенденциях политической жизни русской земли 1260—1290-х годов, то они легко обнаруживаются при сопоставлении их с магистральными историческими процессами феодальной Руси предшествующего периода. Эти процессы настолько значительные, что завоеватели не только не смогли их ликвидировать, но и вынуждены были с ними считаться и даже к ним приспосабливаться, чтобы облегчить тем самым утверждение своей власти в восточноевропейском регионе.

Специфика эпохи феодальной раздробленности состояла не в том, что в первой половине XII в. рядом с Киевом и Новгородом оказались почти столь же экономически развитые и политически влиятельные центры, как Чернигов, Полоцк, Смоленск, Галич, Суздаль и т. д., и не в том, что между ними развернулась тогда борьба за лидерство в системе русских княжеств (эти закономерные явления наблюдались и в других феодальных странах того времени), а в том, что эта борьба сопровождалась постоянным их соперничеством за утверждение политического контроля над одной из важнейших территорий страны—над землей Великого Новгорода. В XI в. Новгород находился под контролем киевских великих князей, посылавших на Волхов своих старших сыновей-наследников. Тогда, в XI в., была предпринята одна явная попытка нарушить эту устойчивую традицию политической жизни «русской земли», которая оказалась связанной с энергичной деятельностью полоцкого князя Всеслава (накануне своего появления в качестве главы всего древнерусского государства в Киеве в 1068 г. он занял на короткое время Новгород) [4]. Появление на берегах Волхова князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, а также князя Давида Святославича (1093—1095) формально также было нарушением упомянутой традиции: они не были сыновьями киевских великих князей. Однако они были ближайшими родственниками князей-триумвиров — черниговского Святослава и переяславского Всеволода, олицетворявших какое-то время вместе с Изяславом верховную власть в «русской земле», что, разумеется, облегчило их проникновение на Волховские берега. После бурных новгородских событий 1136 г. возникла практика «приглашения» на берега Волхова князей-наместников не только из Киева, как это было раньше, но также из других крупных центров русской земли. Произошедшая тогда замена в Новгороде киевского князя-наместника представителем черниговского правящего дома действительно ста-

ла переломным моментом в политическом развитии всей русской земли, а потом превратилась в норму взаимоотношений Новгорода с великими княжениями.

Если те или иные князья видели теперь в перспективе своего утверждения на берегах Волхова признание уже достигнутого ими перевеса над другими великими князьями, то новгородцы, имея возможность «выбора» князей-наместников, получали шанс не только в чем-то ограничить власть этих князей-наместников и тем самым несколько расширить политическую автономию Новгородской земли, но и упрочить экономические контакты Новгорода с тем великим княжением, которое направляло тогда своих князей-эмиссаров на Волховские берега.

При этом следует иметь в виду, что происходившая во второй половине XII — первой трети XIII в. напряженная борьба центробежных и центростремительных сил была так или иначе связана с частыми переходами лидерства к тому или иному княжескому дому русской земли и каждый раз с утверждением представителя такого преуспевающего дома на берегах Волхова.

Появление монголо-татарских завоевателей в Восточной Европе не изменило этого положения. Сохранив данную систему отношений, Орда сразу приступила к умелому ее использованию в своих корыстных целях — в целях взаимоослабления русских князей, сталкивания их друг с другом, а в конечном счете в целях укрепления своей политической и экономической власти над русскими землями.

Весьма показательной в этом смысле была политика Орды на завоеванной ею части русской земли в середине XIII в. Опираясь на сохранявшуюся относительную стабильность политической жизни самой Монгольской империи [5], ордынская дипломатия восстановила на рубеже 40—50-х годов два великих княжения — одно во Владимире, передав его князю Андрею Ярославичу, другое в Киеве, закрепив его за Александром Ярославичем Невским и предоставив ему при этом право распоряжаться судьбой Новгорода [6]. Видимо, создание двух параллельных «великих княжений» на подвластной Орде русской территории было не результатом якобы возникшего тогда двоевластия в Монгольской империи (в действительности такого явления тогда еще не было) [7], а следствием принятия Ордой на вооружение особой системы организации своей власти над русскими землями, системы, основанной на использовании политических противоречий между русскими великими князьями, на сталкивании их друг с другом, между прочим и на почве их борьбы за обладание Новгородом [8].

Обладание киевским столом позволяло Александру Невскому появляться на берегах Волхова не в качестве вассала Владимирского великого князя Андрея, а в качестве «великого киевского князя», вполне равноправного «великому князю Владимирскому». Кроме того, данное обстоятельство давало Александру Ярославичу соответствующую политическую основу для «спора» с галицким князем Даниилом, все еще находившегося тогда вне сферы Ордынского влияния [9]. Однако на протяжении 50-х годов XIII в. в эту систему организации ордынской власти над русскими землями были внесены некоторые коррективы: сближение владимирского князя Андрея с галицким князем Даниилом (князь Андрей женился в 1251 г. на дочери кн. Даниила) [10] заставило Орду, с одной стороны, отказаться от сохранения двух великих княжений на территории подвластной Руси, а с другой — принять меры к тому, чтобы подчинить себе военным путем западно-русские земли Даниила Галицко-

го (это было осуществлено, как известно, в результате походов хана Куремсы, Бурундая и других ордынских военачальников) [11].

Казалось, дипломатия Волжской Орды могла теперь торжествовать полную победу, организовать свою власть, сталкивая «великих князей» в масштабах всей «русской земли». Однако этому помешали серьезные сдвиги в политической жизни Монгольской империи, а вместе с тем и в развитии ордыно-русских отношений.

В 60-е годы XIII в. политическая расстановка сил на международной арене во многом изменилась. Тенденция распада империи Чингисхана стала брать верх над тенденцией сохранения ее единства, правители Каракорума перебрались в Пекин, а сформировавшиеся к этому времени ордынские улусы встали на путь открытого соперничества и даже вооруженной борьбы друг с другом. Так, именно в 60-е годы улус Джучи оказался втянутым в затяжной конфликт с возникшим на иранской территории улусом хана Хулагчу, именно тогда хан Берке (1258—1266) должен был дать этому своему противнику ряд сражений на Кавказе [12]. И хотя Волжский улус хана Берке добился в указанных вооруженных схватках некоторых успехов, как раз этот улус вскоре сам стал объектом воздействия центральных сил, оказался перед фактом «расщепления» своей государственной структуры, а следовательно, и перед реальной перспективой ослабления своего политического потенциала. Все эти процессы возникли в связи с образованием нового улуса в Северном Причерноморье между Дунаем и Днепром [13].

В середине 60-х годов XIII в. темник Ногай закрепился в устье Дуная и, располагая значительными военными силами, обособился от волжских ханов [14]. Он начал проводить свою сепаратную политику во взаимоотношениях с соседями и особенно с русскими княжествами. Летописи его называли ханом и даже царем [15]. В 70—80-х годах Ногай сумел создать свою сферу влияния не только на Балканах, но и на территории Юго-Западной Руси [16]. Он ревниво охранял эту область от влияния ханов Волжской Орды и тем самым вынудил их тогда отказаться от общерусских масштабов ордынской политики. Сарай теперь мог распоряжаться судьбами княжеских домов лишь в Северо-Восточной Руси. В то же время темник Ногай распоряжался судьбами Галицко-Волынского княжества, не имея возможности влиять на ход событий в Великом Новгороде.

Создавшаяся таким образом новая политическая конъюнктура в Восточной Европе (образование двух соперничающих друг с другом ордынских улусов, возникновение двух зон их влияния на русских землях) обусловила появление ряда новых тенденций всей международной жизни региона.

Военно-политическая активность Ногая и сарайских ханов часто оформлялась не как серия карательных экспедиций ордынских войск на те или иные русские земли, а как результат «приглашения» этих войск одной княжеской группировкой для подавления другой. Напротив, Ногай, идя навстречу пожеланиям южнорусских князей, не только позволял себе время от времени санкционировать их походы на Литовскую Русь, но и разрешал подчиненным ему татарским войскам в них участвовать [17]. То же самое можно было наблюдать и в поведении ханов Волжской Орды. Так, например, после удаления из Владимира в 1270 г. Тверского князя Ярослава и начавшейся в связи с этим борьбы за Новгород, а следовательно, и за Владимир двух княжеских домов — переяславского и костромского, правители Волжской Орды поддержали облада-

теля Костромы — князя Василия, но объяснили отправку своих войск на Русь следствием приглашения их этим князем. Летопись утверждала, что виновником появления ордынских войск на Руси в 1273 г. был костромской князь Василий Ярославич [18]. В действительности же инициатива этой политической и военной акции исходила от хана Менгу-Темиря, а костромской князь Василий был лишь прикрытием действий ордынского правителя. Поставив князя Василия с помощью своих войск во главе Владимирского княжения, Орда позаботилась и о том, чтобы противопоставить ему энергичного и честолюбивого соперника. Им стал тверской князь Святослав (сын убитого в 1271 г. кн. Ярослава). Обоим князьям была предоставлена возможность вести длительный спор за Новгород.

Считая, что позиции Орды в Северо-Восточной Руси таким образом были обеспечены, сарайский правитель попытался в 1274—1275 гг. осуществить прорыв на литовско-русские земли. Ему удалось тогда собрать большую группировку западнорусских князей во главе с Львом Даниловичем Галицким и двинуться на территорию Литовско-Русского княжества. Для этого он вынужден был пойти на какой-то тактический компромисс с Ногаем. Видимо, в силу достигнутого тогда соглашения Менгу-Темирь смог включить в собранную им для вторжения в Литву армию значительные силы Юго-Западной Руси. В свою очередь Ногай, женившийся в 1273 г. на побочной дочери византийского императора Михаила Палеолога, пожелал как-то усилить свое влияние на церковно-политическую жизнь Северо-Восточной Руси. Не без участия Ногая зависимый от него киевский митрополит Кирилл добился на Владимирском церковном соборе в 1274 г. назначения иерарха южнорусского происхождения архимандрита Печерского Серапиона епископом Владимира, Ростова и Нижнего Новгорода. Хотя обе стороны достигли какого-то компромисса накануне похода 1274—1275 гг., тем не менее Ногай оказался лучше подготовленным к использованию этого компромиссного соглашения в своих интересах.

По-видимому, Ногай, хотя и не мог предотвратить самого «совместного» похода Менгу-Темиря с его русскими вассалами, тем не менее, используя свои связи с западнорусскими князьями, он сделал все, чтобы дезорганизовать ход операций сарайского хана в Литовской Руси (некоторые русские князья отказались участвовать в совместных с татарами военных действиях против Литвы — как выражалась летопись, «не притягли» к татарским силам, «не идеша» на Новгородок и тако возвратишася восвояси» [19]. Столкнувшись с разладом в лагере русских князей, Менгу-Темирь отступил, но, отступая, он разорил многие районы не только Юго-Западной, но и Северо-Восточной Руси, ликвидировал ставленника митрополита Кирилла во Владимире — епископа Серапиона, поставил на его место игумена Константиноеленинского монастыря Федора (монастырь был расположен около Владимира).

В 1276 г. Менгу-Темирь заменяет двух соперничавших друг с другом князей — Василия Костромского и Святослава Тверского — сыном Александра Невского, переяславским князем Дмитрием, который казался тогда правителю Сарая более надежной фигурой для упрочения ордынского влияния в Северо-Восточной Руси. Однако фиксация Менгу-Темирем главного своего интереса на политической жизни Северо-Восточной Руси означала, что сарайский хан не добился сколько-нибудь заметных результатов в Литовско-Русском княжестве во время кампании 1274—1275 гг.: Ногай в 1277 г. организует большой поход западнорусских князей в пределы Литовско-Русского княжества, который закончился более

успешно, чем предшествующая кампания Менгу-Темиря. Этот поход закрепил позиции правителя Причерноморского улуса в Литовско-русских землях.

Соперничество двух ордынских улусов продолжалось, принимая все новые формы. Стремясь к дальнейшему расширению сферы своего влияния в Восточной Европе, Ногай организовал на протяжении 80-х годов ряд походов против Польши. Если поход 1280 г. не дал больших результатов, то военная кампания против Польши и Венгрии 1287 г., проведенная силами его западнорусских вассалов, а также татарских войск, принесла ему успех. Осуществляя военные операции против Польши и Венгрии, Ногай пригласил в них участвовать и сарайского хана Телебугу, однако с таким условием, чтобы войска каждого улуса действовали самостоятельно. В результате этот поход кончился для Ногая вполне благополучно, а для Телебуги он обернулся катастрофой: его армия, заблудившаяся в заснеженных Карпатах (заблудившаяся, возможно, не без дезориентирующей «подсказки» самого Ногая) полностью погибла [20]. «Про се,— писала летопись,— межю ими (возникло) большее нелюбие: зане боястася оба: сий сего, а сей сего» [21].

Ногай мог считать себя победителем в споре с властями Волжской орды, а также их вассалами — курскими князьями. Он использовал, видимо, в своих интересах и киевскую митрополию. Так, в 1289 г. митрополит Максим, находясь в Киеве, и, следовательно, сотрудничая с Ногаем, поставил в Тверь епископом иерарха Андрея, который «бяше родом литвин, сын Ерденев, литовского князя» [22]. Этим Ногай подготовлял почву для дальнейшего расширения сферы своего влияния за счет тверского княжества.

Наметившееся к концу 80-х годов преобладание Дунайского улуса над Волжским позволило Ногаю устранить Телебугу с помощью хана Тохты [23], который был его тайным союзником в Волжской орде. Однако, став во главе Волжской орды, хан Тохта очень скоро из союзника Ногая превратился в его врага [24]. Тохта вступил с ним в борьбу по всем линиям, стремясь устранить самого Ногая, а также ликвидировать сферу его влияния на западнорусских землях. Не исключено, что хан Тохта не мог простить и переяславскому князю Дмитрию Александровичу — тогда обладателю Владимирского стола — его политических контактов с Ногаем в прошлом. В 1293 г. с согласия хана Тохты против князя Дмитрия еще раз неожиданно выступил старый претендент на Владимирское княжение — городецкий князь Андрей Александрович. В том же 1293 г. хан Тохта санкционировал крупномасштабное вторжение татарских войск на Северо-Восточную Русь. Это была печально знаменитая «Дедюнева рать» [25]. Тогда же Тохта санкционировал и передачу князю Андрею Новгорода: «Тое же зимы,— записано в летописи под 1293 г.,— князь Андрей поиде в Новгород Великий» [26].

Казалось, что на этот раз князь Андрей одержал окончательную победу над князем Дмитрием, вынудив его бежать в Псков. Однако такой победы все же не было. Уже в 1294 г. Орда возвращает князя Дмитрия из Пскова в Тверь, а потом и в его родной Переяславль [27]. Похоже на то, что Орда хотела вновь его противопоставить городецкому князю Андрею. Но в 1294 г. Дмитрий умер. Тогда хан Тохта выдвигает план ослабления князя Андрея с помощью целой коалиции князей Северо-Восточной Руси — в составе Ивана Дмитриевича переяславского, Даниила Александровича московского и Михаила Ярославича тверского [28].

Характер дальнейших взаимоотношений всех князей Северо-Восточ-

ной Руси свидетельствовал о том, что развитием этих отношений попрежнему управляла отнюдь не Причерноморская, а Волжская Орда. Осуществлявшаяся ею политика изоляции князя Андрея от Новгорода и в то же время ее содействие сближению с Новгородом князей из враждебного ему лагеря свидетельствовали о том, что хан Тохта подготовлял новый конфликт между князьями Северо-Восточной Руси.

Внешнеполитический курс Волжской орды стал еще более последовательным, еще более масштабным после полного торжества хана Тохты над темником Ногаем, что произошло в 1300 г.[29]

Владимирское княжение при поддержке Сарая получило возможность для восстановления своей политики общерусского масштаба. Борьба между князем Андреем Городецким и его противниками московско-тверскими князьями приобретала теперь иной характер. Программа князя Андрея становилась политическим анахронизмом, хотя он и пытался вместе с митрополитом Максимом в течение 3—4 лет осуществлять новую ордынскую стратегию в Восточной Европе (в 1304 г. он умер, в декабре того же года умер и Максим). На передний план теперь выходили противники князя Андрея — тверские и московские князья, правда, очень скоро превратившиеся (разумеется, не без содействия Волжской Орды) из политических партнеров по борьбе с кн. Андреем в непримиримых соперников за лидерство в системе русских княжеств.

В истории русской земли наступил новый важный этап, ознаменованный не только длительным противоборством Московского и Тверского княжеств, но и выходом их противоборства на общерусскую политическую арену.

Ликвидировав своего соперника темника Ногая, сарайский хан Тохта теперь делал главную ставку не на тех русских князей, родовые «гнезда» которых находились в максимальном приближении к ордынским рубежам (Кострома, Городец), а на тех князей, города которых располагались ближе к западнорусским землям, еще недавно находившимся под контролем Ногая. Этими городами стали Тверь и Москва, их политическими лидерами — князь Михаил Ярославич и Юрий Данилович.

Расположенные на западных окраинах Северо-Восточной Руси, максимально приближенные к западнорусским землям, Тверь и Москва оказывались весьма удобными плацдармами для распространения политического влияния Сарая на те части древнерусской территории, которые еще недавно находились под опекой Ногая. Таким образом, перемещение интереса Волжской Орды к Москве и Твери было, видимо, связано с ее стремлением еще теснее увязать свою политическую игру в Северо-Восточной Руси с политической жизнью западнорусских земель, с желанием лучше обеспечить реализацию своих новых стратегических замыслов в Восточной Европе, носивших теперь общерусский характер.

Верная своей тактике сталкивания ведущих княжеских домов русской земли, Волжская Орда уже в начале XIV в. разрушила союз московских и тверских князей, встав на путь параллельного поощрения их честолюбивых планов.

Можно сказать больше: первым фаворитом Сарая среди русских князей после ликвидации улуса Ногая оказался тверской князь Михаил Ярославич. Это видно не только из того факта, что именно ему, тверскому князю, в 1305 г. был передан Ордой Владимирский стол[30], что ему, Михаилу Ярославичу, первому из русских князей было разрешено называть себя «великим князем всея Руси», а константинопольскому патриарху предложено принять эту титулатуру[31]. Видимо, не случайно

в 1305 г. при дворе тверского и владимирского князя Михаила создавался знаменитый общерусский летописный свод [32].

В этих условиях московский князь Юрий Данилович, прежний союзник тверского князя в борьбе против князя Андрея, теперь становился его политическим противником, который нужен был Орде для сдерживания князя Михаила, для предотвращения его «максималистских» планов — стать реальным хозяином всей русской земли. Верная своей тактике сталкивания русских князей друг с другом, Волжская Орда на протяжении первой четверти XIV в. действительно поддерживала московского князя в его попытках сначала ослабить позиции тверского князя, а потом и занять место на Владимирском столе.

Однако попытки ордынской дипломатии передать всю полноту власти над Русью одному из владимирских князей (тверскому или московскому) уже в третьем десятилетии XIV в. были оставлены. Это произошло, видимо, по той причине, что ставка на одного главу Владимирского княжения создала угрозу чрезмерного его усиления, а вместе с тем и перспективу потери Ордой своего влияния в Восточной Европе.

Существование в период соперничества темника Ногая с сарайскими ханами двух зон ордынского хозяйничания в русских землях подсказало правителям Волжской Орды иной путь упрочения своей власти в Восточной Европе. Вернувшись к общерусским масштабам властвования, хан Узбек счел для себя полезным сохранить «инерцию» существования двух обособленных комплексов русских земель, правда, на этот раз не в связи с противоборством двух ордынских улусов, а в связи с восстановлением Сараем политики сталкивания «великих княжений», возникшей еще в 50-х годах XIII в., политики поощрения их параллельного роста, соперничества, их взаимоослабления, а следовательно, упрочения власти самой Орды в Восточной Европе. Если одним из этих сталкиваемых политических организмов было Владимирское княжение, то другим оказалось Литовско-Русское княжество, бурно разраставшееся тогда за счет юго-западных древнерусских земель.

Ничего удивительного не было поэтому в том, что если в первой четверти XIV в. Орда скрыто провоцировала борьбу за Новгород прежде всего между Тверью и Москвой, то начиная с рубежа 20—30-х годов этого столетия она санкционировала соперничество за контроль над Волховскими берегами между Владимирским княжением и Литовско-Русским княжеством. Тверское княжество оказалось тогда в составе тех пограничных между двумя княжениями русских земель, на которых происходило сталкивание политических интересов Владимира и Вильно, разворачивалась напряженная борьба между ними.

[1] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 2, ч. 2. С. 43; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 151. Примеч. 1.

[2] *Любавский М. К.* История Литовско-русского государства. М., 1910. С. 24, 28, 32 и др.; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство. С. 52.

[3] Такие взгляды развивали в своих работах М. С. Грушевский, Г. Пашкевич, О. Галецкий и др.

[4] Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950. С. 186; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 95—96; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 440.

[5] *Тизенгаузен В. К.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 15—16, 19 и др.

[6] ПСРЛ. Т. 1. С. 472.

[7] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М., 1940. С. 32—33 и след.

[8] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 28–31 и след.
[9] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 234–274 и др.
[10] ПСРЛ. Т. 1. С. 472.
[11] ПСРЛ. Т. 2. С. 846, 849 и др.; *Пашуто В. Т.* Очерки... С. 282–285. В этом походе участвовал и темник Ногай. См.: *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Зап. Рос. по отд-нию ист. наук и филологии. Пг., 1922. Т. 13, № 6. С. 23.
[12] *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды ... С. 6–20.
[13] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 34 и след.
[14] *Пахимер Г.* Византийские историки. СПб., 1862. С. 211; *Насонов А. И.* Монголы и Русь. С. 42–43.
[15] ПСРЛ. Т. 8. С. 241.
[16] *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды ... С. 40–42, 50–54.
[17] ПСРЛ. Т. 2. С. 872; *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды ... С. 53.
[18] Новгородская Первая летопись. С. 89–90.
[19] ПСРЛ. Т. 2. С. 873–874.
[20] *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды... С. 30–37.
[21] ПСРЛ. Т. 2. С. 589.
[22] Троицкая летопись. С. 345.
[23] *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды... С. 38.
[24] Там же. С. 44–46.
[25] Троицкая летопись. С. 345–346.
[26] Там же. С. 347.
[27] Там же.
[28] ПСРЛ. Т. 23. С. 94.
[29] *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды ... С. 48–49.
[30] ПСРЛ. Т. 1. С. 528.
[31] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 261.
[32] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 106–110

Л. Лециевич

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОМОРЯНЕ

Автор Повести временных лет в своем известном описании географии славян поместил предложение: «Словѣни же ови пришедше съдоша на Вислъ, и прозвашася ляхове, а отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне». В этих сведениях по языковедческим исследованиям правильно были объединены в одно целое славянские группировки на Среднеевропейской низменности — польские и полабские племена, которые в начале XII в. все еще были близки друг другу в языковом отношении[1]. Зато довольно значительно отличались от них моравы и чехи, поселившиеся с противоположной стороны Судетских гор.

Летописец назвал лишь главные племенные группы, опуская полабских ободритов и сербов, как и жителей Силезии и позднейшей Малой Польши. Правдоподобно, что термин «поляне» касался просто всех групп населения, входивших в состав государства полянских Пястов. Исключением являлись бы здесь мазовшане. Причиной этого могла быть память о борьбе мазовшан с князем Казимиром в 40-е годы XI в. Сопротивление их было тогда подавлено, как известно, со значительной помощью Ярослава Мудрого.

Сведения автора Повести временных лет касались древнего прошлого, и все приведенные им этнонимы также были древнего происхождения.

За одним, однако, исключением — поморян, признанных рядом с полянами, лютичами и мазовшанами одним из главных ляшских племен, так как название «поморяне» появилось позднее. Впервые оно отмечено в немецкой хронике по случаю визита в царский двор трех западнославянских князей. Чешскому Бржетиславу и польскому Казимиру сопутствовал тогда «Земузил Бомераниорум»[2]. Вскоре этот этноним распространился в европейской историографии. Употреблял его Адам Бременский во второй половине XI в., когда писал, что «за Одрой, как мы узнаем, живут поморяне»[3]. Потом применяли его для названия жителей прибалтийских земель между устьями рек Одры и Вислы, Галл Аноним, автор Повести временных лет и другие летописцы.

Название «Поморье», как это кратко определил в XII в. Герборд, обозначало край, «расположенный поблизости, то есть у моря»[4], и такая этимология полностью принята современными языковедами[5]. Согласно вышесказанному, Винцент Кадлубек к концу XII в. называл поморян «маритими». В географическом смысле название это выражало материковую, польскую точку зрения. Долгое время оно не было признано поморянскими князями как официальное.

Каким путем образовался этот этноним? Можно ли в нем усматривать свидетельство возникновения между нижней Одрой и Вислой великоплеменной организации? Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратить внимание на историю вышеупомянутого региона в период, опережающий появление интересующего нас названия.

Баварский Географ в IX в. в своем известном описании градов и территорий севернее Дуная учел, кажется, два поморянских племени: приссани, которых можно идентифицировать с пыжичанами в плодородной Пыжицкой земле на правом берегу нижней Одры и велюнзани — это наверное волиняне на острове Волин и примыкающем к нему клочке суши[6]. Некоторые исследователи считали, что упомянутые Географом немного раньше тафнези и зеривани также принадлежали к поморянским группировкам. Первые, читаемые как дравчане, занимали земли у р. Дравы, другие, читаемые как северные,— у р. Парсенты[7]. Гипотеза эта вызывает, однако, многие сомнения.

В позднейших сведениях несколько раз говорится о волинянах. Боролся с ними в 967 г. Мешко I[8], но, возможно, речь шла не о племени, а о жителях известного уже тогда города. В дальнейшем упоминании в 1007 г. говорилось о них именно в таком смысле[9]. Других племенных названий на Поморье источники не указывают. Можно лишь догадываться, что этноним кашубы, живущей в восточном Поморье по сегодняшний день этнографической группы, имеет древнее происхождение. Некоторые данные свидетельствуют о том, что местопребывание этой группы в средневековье находилось западнее, возможно в бассейне Парсенты.

Недавно В. Лосинский доказал, что в VI—X вв. в Поморье образовывались многочисленные мелкоплеменные организации, среди которых можно выделить упомянутых Баварским Географом пыжичан, волинян и др.[10] Этот ученый обратил внимание на то, что в Приморье выделились две большие группы, возможно представлявшие собой племенные союзы. Одна из них у рек Реги и Парсенты сосредоточивала семь меньших группировок, а основной поселенческой единицей в ней были в VII—VIII вв. большие городища. Вторая большая группа между Вепжей и нижней Вислой сосредоточивала шесть—восемь группировок, основной формой оборонительного поселения которых были небольшие городища. Трудно решить, связано ли сходство этих групп с общим про-

исхождением этих племен, или оно отражало новый уровень их общественно-политического развития.

Во второй половине X в. Поморье оказалось в кругу интересов Пястов, объединивших в пределах своей монархии всех жителей земель, расположенных в бассейнах Одры и Вислы [11]. Сведения, содержащиеся в Саской летописи Видукинда (III, 66, 69), касаются именно боев князя Мешко I за овладение устьем Одры. В 972 г. он победил немецкого маркграфа Годона под Цедыней у нижней Одры [12]. В 990—992 гг. рубежи государства Мешко доходили на севере до «длинного моря». В 1000 г. в «соленом» Колобжеге находилось местопребывание одного из трех епископов, подчиненных возникшей тогда гнезненской митрополии [13].

Завоевания, однако, не оказались прочными. Уже в 1007 г. в двор Генриха II в Регенсбурге прибыли посланцы — лютицкие, чашские и из «большого города, называемого Ливильни», сообщившие об усилиях Болеслава Храброго, предпринимаемых против немецкого императора [14]. Ливильни убедительно идентифицируется с Волином; не удалась тогда польская попытка контролировать само устье Одры. Также епископ Колобжега Раинберн недолго вел миссионерскую деятельность. Около 1012 г. Раинберн сопутствовал дочери Болеслава Храброго в путешествии на Русь, где и скончался. Возможно, уже в 30-е годы XI в., в период кризиса пястовской монархии, поморяне получили независимость. Хотя князь Казимир восстановил контроль над нижней Вислой, но его сын, Болеслав Смелый, вновь утратил «владычество над поморянами» [15].

Борьба, проводимая на линии р. Нотеци в конце XI и начале XII в., свидетельствует о продолжении усилий наследников Болеслава Смелого овладеть Балтийским побережьем. В конечном итоге Болеслав Кривоустый сумел подчинить своей непосредственной власти восточное Поморье с Гданьском и поставить в политическую зависимость князей западной части этого региона. Возникшее там княжество Вартислава во многом подражало устройству монархии Пястов. Это была, однако, отдельная государственная организация раннефеодального типа, которой были подчинены территории по обе стороны Одры и бывшие лютицкие земли в бассейне Пены и верхней Гавели.

В своих стремлениях сохранять политическую независимость поморяне во многом напоминали лютицкие племена северного Полабья. Каковы были предпосылки этого сопротивления, окончившегося возникновением собственной государственной организации? Кажется, причины этих сепаратистских тенденций надо искать в специфике всей приморской зоны в раннем средневековье. В основу стремлений поморян к независимости легли в принципе те же элементы, которые способствовали жителям северного Полабья сохранить свою самостоятельность.

Своеобразие заселения территории Поморья по сравнению с внутренними областями материка способствовало стремлению к обособлению этих земель. Поселения сосредоточивались главным образом в низменной прибрежной зоне, на урожайных почвах, местами на черноземах [16]. Во второй половине XI — начале XII в. поморяне доходили до заболоченной широкой долины Нотеци. Только позднейшие политические переговоры привели к присоединению этого пограничья к Великой Польше и Куявам.

Поморяне не отличались от жителей внутренних районов по основным способам добывания пищи [17]. Как и у всех славянских народов, основой хозяйства у них являлось земледелие и скотоводство, пополняемое лесным, охотничьим и рыбным промыслом. Они высевали прежде всего

просо, рожь, пшеницу, ячмень, а в начале средневековья — и овес. В VII—VIII вв. преобладала в питании говядина, но в последующие столетия ее почти полностью заменила свинина. В просторных пущах были хорошо развиты лесной и охотничий промыслы. В XI—XII вв. дичь стала занимать кое-где значительное место в питании. Многие реки и озера и, очевидно, море, способствовали развитию рыбного промысла. В Колобжеге уже с VI—VII вв. жители занимались варением соли; около 1000 г. тамошние солеварни получили известность далеко за пределами Поморья.

Начиная с рубежа VIII—IX вв. специфика приморской зоны благоприятствовала широкому развитию товарообмена, который способствовал динамичному развитию местного производства. Основой экспорта являлись, кроме рабов, в значительной степени меха, мед, воск и др. Отсюда, возможно, в неплодородную Скандинавию экспортировалось зерно, во внутренние районы — соленая селедка. Ремесло также обеспечивало растущие потребности местного населения. О развитии локального рынка свидетельствует относительно густая в XII в. сеть торгов, которые устраивались, например, в Щетине два раза в неделю.

Некоторые особенности хозяйственного развития наложили отпечаток на общественную структуру поморян. Археологические открытия показывают, что в течение IX в. некоторые поселения у устья Одры, такие, как Щетин и Волин, а также Колобжег у устья Парсенты, преобразовывались в регулярно, плотно застроенные поселения, окруженные укреплениями, заселялись ремесленниками, рыбаками и, возможно, купцами [18].

Образованные в IX в. поселения — племенные центры (грады) не меняли во многом своей общественно-хозяйственной структуры вплоть до первой половины XII в. По сведениям биографов Оттона Бамбергского, правили там вельможи, которые объединяли вокруг себя другие категории населения по принципу кровного родства. Они торговали и их поддерживали служители религиозного культа. Менее очевиден статус основной массы жителей этих поселений: ремесленников, рыбаков и др. Известно, что они участвовали в военных делах, в вечах. Вернее всего это было население в своей основной массе свободное, отягощенное только соответственными данями и повинностями в пользу публичной власти. Кое-где поселялись и пришельцы: купцы, воины, возможно и ремесленники, которые пользовались, как свидетельствует Адам Бременский о Волине X—XI в.[19], значительной свободой действий.

Некоторые территориальные союзы со временем приобрели более «городской», чем «племенной», характер. Судя по сведениям Титмара о «большом городе Ливильни», можно сказать, что такое явление происходило уже в начале XI в. в Волине и немного позже в Щетине. Это позволило некоторым исследователям назвать политические союзы у устья Одры «городскими республиками» [20]. Несмотря на дискуссионные стороны вопроса, племенная сущность союзов не подлежит сомнению [21].

Сопротивление поморян государству Пястов можно объяснить наличием сильной власти их вельмож, занимающихся торговлей и морским разбоем. Их представители проживали не только в богатых прибрежных городах, но и в небольших центрах. Об этом могут свидетельствовать значительные серебряные клады X—XI вв., найденные на поселениях этого типа [22].

Трудности, связанные с попытками распространить контроль на побережье Балтийского моря, не могли, однако, препятствовать основной линии поведения польских князей. Государство Пястов возникло в бас-

сейне Одры, и овладение устьем этой реки в силу самого его географического положения имело существенное хозяйственное и политическое значение. Из-за сопротивления со стороны жителей тамошних городов польские князья стали искать выход к морю в другом месте. С этим, кажется, было связано расширение Гданьска у устья Вислы в конце X в.[23]

Присоединение Поморья к государству Пястов во второй половине X в. имело далеко идущие общественно-политические последствия для этого региона. Это нашло некоторое отражение в археологических материалах[24]. Многие грады были уничтожены, а некоторые из них, выполнявшие в XII в. функции кастелянских центров, были расширены. Жители Поморья многое переняли от пястов в области организации публичной жизни[25]. Кроме городских республик, существовали общественные силы, заинтересованные в создании государства раннефеодального типа. На р. Парсенте, где в Колобжеге свой главный церковный центр локализировал Болеслав Храбрый, возникла, кажется, в XI в. местная поморская монархия. Ее представителем был, возможно, упомянутый Альтайской летописью в 1046 г. Земузил. Западнопоморянское княжество, лучше известное в позднейший период, заимствовало многие элементы своего строя из польской модели государства. Это видно в функционировании системы даней и повинностей, организации двора, администрации, судов и др.

Появление в середине XI в. собирательного названия «поморяне» и «Поморье» надо толковать как результат создания нового типа территориальной связи, охватывавшей все прибалтийские земли между устьем Одры и Вислы. Этот процесс начался в период пястовского господства в конце X и в начале XI в. Новый этноним являлся свидетельством не возникновения племенного союза, а, вернее, интеграционной функции раннефеодальной государственности. Это был, впрочем, не единичный случай на польских землях. В то же время в верхнем течении Одры название одного из известных там в IX—X вв. племен было распространено на обширную территорию, названную тогда Силезией. Упоминание поморян в Повести временных лет было отражением их тогдашней политической позиции, отголоском их борьбы за сохранение своей независимости.

[1] *Nałepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia: Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968.
[2] Annales Altahenses/Ed. G. H. Pertz // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1868. S. 1046.
[3] Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesise pontificum/Ed. B. Schmeidler // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover; Leipzig, 1917.
[4] Herbordi dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis/Ed. J. Wikarjak, K. Liman // Pomniki Dziejowe Polski. N. S. W-wa, 1974. T. 8, N 3.
[5] *Urbańczyk S., Leciejewicz L.* Pomorze // Slownik Starozytnosci Slowianskich. IV. Wrocław, 1970. T. 4. S. 224—226.
[6] *Zakrzewski S.* Opis grodów i terytoryów z północnej strony Dunaju czyli t. z. Geograf Bawarski. Lwów, 1917.
[7] *Kiersnowski R.* Plemiona Pomorza Zachodniego w świetle najstarszych źródeł pisanych // Slavia Antiqua. 1951/1952. T. 3. S. 73—130.
[8] Widukindi monachi Corbeiensis rerum gestarum Saxonicarum libri tres/Ed. P. Hirsch // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1935. III, 69.
[9] Kronika Thietmara/Wyd. M. Z. Jedlicki // Bibl. tekstow historycznych. Poznań, 1953. T. 3. VI, 33.
[10] *Łosiński W.* Osadnictwo plemienne Pomorza (VI—X wiek). Wrocław, 1982.
[11] *Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1946. S. 80—129.
[12] Kronika Thietmara. II, 29.

[13] Kronika Thietmara. IV, 45.
[14] Kronika Thietmara. IV, 33.
[15] Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum/Ed. K. Maleczynski // Pomniki Dziejowe Polski. N. S. Krakow, 1952. T. 2.
[16] *Łosiński W.* Osadnictwo...
[17] *Leciejewicz L.* Kształtowanie się pierwszych miast u Słowian nadbałtyckich // Slavia Antiqua. 1970. T. 17. S. 93–124.
[18] *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wroc'aw, 1962.
[19] Adam Bremensis... II, 22.
[20] *Wachowski K.* Słowiańszczyzna zachodnia. Poznań, 1950. S. 219–255.
[21] *Leciejewicz L.* Sporne problemy niezależności politycznej miast przy ujściu Odry we wczesnym średniowieczu // Ars historica. Poznań, 1976. S. 295–309.
[22] *Leciejewiez L.* Kształtowanie... S. 101–103.
[23] Historia Gdánska. Gdánsk, 1978. T. 1. S. 81–89.
[24] *Łosiński W.* Początki wcześnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI w.). Wroc'aw, 1972. S. 299–306.
[25] Historia Pomorza. Poznań, 1972. T. 1. S. 58–83, 278–326.

Д. С. Лихачев

СКОМОРОХ ВСЕСЛАВА И ТОК НА НЕМИГЕ

Одно из самых трудно понимаемых мест «Слова о полку Игореве» касается передвижений Всеслава. Всеслав «скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу от тѣла». С каких именно «Дудуток» скочи волком Всеслав? Первое объяснение «Дудуткам» дал Н. М. Карамзин, указав, что это монастырь под Новгородом [1]. Но хотя «Дудутки» фигурируют в комментариях «Слова» до сего времени, похожего на это географического названия не найдено [2].

Р. О. Якобсон предположил, что в слове «Дудутокъ» допущена диттография (ошибочное повторение слога), что читать надо «съду токъ», но и это объяснение вряд ли приемлемо [3].

Мне представляется более вероятным прочтение этого места, впервые предложенное М. А. Салминой: «скочи влъкомъ до Немиги с дуду. Токъ на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными» [4].

В предлагаемом новом делении текста «Слова» либо не меняется ни одной буквы, либо меняется палеографически оправданно, но во второй фразе текст явно улучшается. В самом деле, что означает в старой разбивке текста «снопы стелют головами»? Исследователи не обращали внимание на неясность этого места «Слова». Однако стелить ток головами — место вполне ясное. Повторю всю фразу в целом: «Токъ на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, въютъ душу отъ тъла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхнуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ». В этом месте «Слова» дважды упомянута Немига как место действия и соответственно дважды говорится о токе на ее берегах. Повторения такого рода характерны для «Слова». Головы отторгаются от тела, как зерна от снопов. Следовательно, снопы не стелют головами. Стелют снопы на току. и стелют при этом головами под харалужные цепи.

Наиболее трудна для понимания первая половина рассматриваемого текста с новым делением. Она может быть истолкована по-разному, и я

не уверен — какому толкованию дать предпочтение. В самом деле, согласно этому разделению на слова, Всеслав «скочи влъкомъ до Немиги съ дуду». Что речь идет об очередном быстром передвижении князя-оборотня, князя волшебника, кудесника — это ясно. Но что значат слова «съ дуду»? М. А. Салмина считает, что «дуда» — полонизм со значением «олух, простофиля, дурак» [5]. Скоморохи, как известно, были близки язычеству и князь-оборотень Всеслав был, конечно, в какой-то мере связан со скоморошеством. Дуда — это и скоморошеский музыкальный инструмент и сам скоморох. Материал по этой части собран в книге А. М. Панченко и у его предшественников [6]. Но как обстоит дело с грамматикой в обоих случаях? Может быть, следовало бы по-древнерусски сказать «съ дудой» — в обоих смыслах слова «дуда»? Нет ли тут какой-то порчи текста? Если Всеслав бежал вместе с «дудой» — скоморохом, то тогда перед нами еще одно упоминание о княжеском певце-любимце. Первый — Боян, второй «хоть» — певец-любимец Изяслава Васильковича, произносящий ему поэтический приговор, третий — предполагаемый Ходына, произносящий приговор вместе с Бояном князю Игорю. В критический момент жизни Всеслава Полоцкого рядом с ним мог оказаться его певец наиболее близкого к язычеству типа — скоморох.

Почему в «Слове» стоит форма «съ дуду», а не «съ дудой»? Объяснение, кажущееся мне наиболее вероятным: ошибка прочтения. Как известно, звук «у» передавался двумя буквами «оу». При этом сочетании «ои» могло легко быть принято за «оу». Случаев такого рода или обратных, когда «ои» принималось за «оу», довольно много. Отсюда можно предположить, что текст мог читаться следующим образом: «скочи влъкомъ до Немиги съ дудой». Естественно с «дудой» — человеком, а не музыкальным инструментом. «Дуда» — скоморох, певец, как уже было сказано, довольно обычное слово. «Дуда» сопроводил Всеслава на смертный ток на Немиге, как сопроводил и произнес заключительное слово Изяславу Мстиславичу его «хоть» — любимый певец [7].

Предлог «съ» в данном контексте употреблен не для обозначения места, от которого что-либо или кто-либо отходит, удаляется или выходит за пределы чего-либо (ср. «чрьныя тучя съ моря идутъ» или «съ тоя же Каялы Святоплъкь полелѣя отца своего»), а указывает на лицо или предмет, участвующий во взаимном действии (ср. «съ черниговьскими бояры, съ могуты, и съ татраны» и т. д.) [8]. Всеслав, следовательно, бежит, имея вместе с собой какого-то «дуду» или «съ дудой» — как мог быть иронически назван любимец певец («хоть») языческого типа, скоморох.

Нет ничего удивительного в том, что певец князя, поддерживавшего язычество и носившего на себе языческий талисман «язвено», был ближе к скоморохам, чем все остальные княжеские певцы, упоминаемые в «Слове» и более близкие к европейскому типу скальдов, шпильманов, миннезингеров и т. д.

В связи со сказанным обращает на себя внимание, что к 50-м годам XI в., т. е. ко времени княжения Всеслава в Полоцке, относится упоминание в новгородских летописях холопа Дудика, клеветавшего на епископа Луку Жидяту вместе со своими «лукавыми советниками» из прихода Козьмы и Демьяна. Как известно, Козьма и Демьян были в древней Руси покровителями не только ремесленников, но и скоморохов, рассматривавшихся в одном ряду с другими ремесленниками. Есть поэтому основание думать, что Дудик, клеветавший на епископа, был тоже скоморох. Его имя — кличка от Дуды или Дуду. Двор новгородского епископа носил полусветский характер. Неудивительно, что при епископе состоял и

«свой» скоморох. О том, что скоморохи не были первоначально противопоставляемы церкви, убедительные соображения представлены в упомянутой книге А. М. Панченко, хотя в то же время они сохраняли связь с языческой религией и благодаря этой связи могли выступать против церковных властей.

[1] *Jakobson R.* Selected writings. IV // Slavic epic studies. The Hague; P., 1966. P. 158.
[2] См.: *Доленга-Ходаковский З.* Историко-географический словарь. Т. 1.
[3] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1967. Вып. 2. С. 54.
[4] *Салмина М. А.* Из комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 220–230.
[5] Там же. С. 230.
[6] *Панченко А. М.* Культура Руси в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 63 и след.
[7] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 230–233.
[8] См. о предлоге «съ»: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 74–79.

Л. Л. Муравьева

ОБ «ИЗБЫТКЕ» ИЗВЕСТИЙ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (конец XIII — начало XV в.)

Никоновская летопись (далее: Ник.) — памятник общерусского летописания 20–30-х годов XVI в., сложный по своему составу и вобравший в себя большой комплекс различных источников. Составными частями Ник. являются Хронографический список Новгородской V летописи (далее: НV), Иосафовская, Лаврентьевская (далее: Лавр.) и Троицкая (далее: Тр.) летописи — в редакции типа Симеоновской (далее: Сим.) и Владимирского летописца (далее: Вл.), тверской источник, читающийся также в Рогожском летописце (далее: Рог.), и Тверском сборнике (далее: Тв. сб.), Хронограф (далее: Хр.). При ее составлении привлекались Софийская летопись (далее: СI), Московский свод конца XV в. (далее: МС), Московская великокняжеская летопись 70-х годов XV в. ростовской редакции типа Ермолинской (далее: Ерм.), Сокращенные летописные своды конца XV в.— типа редакций 1493 и 1496 гг. (далее: СС), «Свод 1518 г.» и т. д.[1]

Характерной особенностью Ник. является то, что она не отражает непосредственно названные источники, а только представляет ту или другую летописную группу, включая лаврентьевско-троицкую, новгородско-софийскую, тверскую и ростовскую, и в связи с этим может служить «архивом» текстов важных источников. А. А. Шахматов относил Ник. к числу тех поздних летописей, без привлечения которых невозможно успешное изучение раннего летописания[2]. Более того, Ник. довольно богата избыточным материалом по сравнению с иными, в том числе и генетически ей близкими летописями. Впервые на это указал Н. М. Карамзин, выявивший в ней «вероятные дополнительные известия о Тверском княжестве»[3]. О дополнительных данных Ник. по сравнению

с другими летописями писали многие исследователи [4]. А. Г. Кузьмин пришел к выводу, что Ник. содержит как «предания», «тенденциозные вставки», относящиеся к «прорязанской» обработке материала не ранее конца XV в., так и вполне достоверные известия, почерпнутые из недошедших до нас летописных и других источников, включая местные [5]. Б. А. Рыбаков указал на использование в памятнике более полной редакции южнорусского свода XII в. и убедительно выступил в защиту достоверности ряда ее дополнительных сведений [6]. В. А. Кучкин проследил позднюю и тенденциозную редакцию текстов Ник. за XIV в. и обратил внимание на «фальсификацию» событий в Повести о Михаиле Тверском [7]. Многие историки писали о возможности привлечения при составлении Ник. основных и более пространных редакций разных литературных сочинений [8]. Недавно Б. М. Клосс, проведший обстоятельное изучение Ник. и ее состава (включая приемы позднейшей обработки текстов источников), поддержал точку зрения о «легендарности» ее «избытков» в границах Повести временных лет, но разделил мнение об использовании в ней более полных редакций южнорусского свода (за 1137—1170 гг.) и Тверской летописи XV в. Кроме того, он наметил значительную массу избыточного материала Ник., в том числе за XIII—XV вв., квалифицировав его предварительно по тематическому признаку [9].

Для ясности и полноты картины небходимо выделение из всего массива Ник. «избытков» и затем установление их происхождения. Предпринимая подобную попытку, автор статьи проводит свое изыскание в хронологических рамках известных и достаточно изученных летописей — Лавр. и Тр. (по данным Н. М. Карамзина, А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева) [10]. Сравнение материала Ник. за этот период с другими летописями, сохранившимися до наших дней, позволило выявить в ней «избыточные» известия за ряд лет и отметить более подробное изложение общих событий по сравнению с сопоставляемыми летописями [11].

Перейдем к краткому перечислению упомянутых уникальных известий: *1278 г.* О походе ордынцев на Рязань; о вокняжении кн. Михаила Глебовича в Белоозере; *1282 г.* О воевании ордынцами Литвы; *1283 г.* О походе срацин к Царьграду; о воевании немцев Литвой; о приезде митр. Максима из «Грек» в Киев и на всю Русскую землю; о поездке митр. Максима в Орду; *1284 г.* О вызове митрополитом всех русских епископов в Киев; О знамении; *1285 г.* О поездке «по обычаю» митр. Максима «по всей Русской земле»; о встрече митр. Максима в Новгороде с вел. кн. Дмитрием; о пребывании митр. Максима в Пскове; *1286 г.* О вокняжении кн. Михаила Глебовича в Белоозере (возм. повтор); *1287 г.* О закладке церкви святых мучеников Бориса и Глеба в Ростове благословением еп. Игнатия; *1288 г.* О сожжении от грома церкви св. архангела Михаила в Ростове (с датой); О рати Елортая Ордынского против Рязани, Мурома и Мордвы; *1289 г.* О воевании ордынцами Литвы; о возвращении ростовских князей Дмитрия и Константина Борисовичей из Орды; *1290 г.* О «нестроении» в «Татарах» и «тишине» на Руси; о походе кн. Дмитрия Ростовского с новгородцами к Твери и Кошину; *1291 г.* О рождении у кн. Константина сына Василия; о «розмирии» в «Татарах» и «тишине» на Руси (возможен повтор); *1292 г.* О венчании кн. Ивана Дмитриевича в церкви св. Спаса в Переяславле; *1297 г.* О сооружении и освящении церкви св. Афанасия в Твери; *1308 г.* Об убийстве в Орде рязанского кн. Василия Константиновича; о воевании ордынцев против Рязани; *1309 г.* О вокняжении в Ростове сына кн. Константина Василия; о смерти суздальского кн. Василия Ми-

хайловича; об изгнании кн. Святославом Глебовичем племянника кн. Василия из Брянска и его вокняжении там; о поездке кн. Василия в Орду с жалобой на дядю; *1310 г.* О встрече в Брянске митр. Петра со смоленским кн. Святославом; О походе кн. Василия Брянского с ордынцами к Карачеву и убийстве карачевского кн. Святослава Мстиславича; *1312 г.* О пожаре в Нижнем Новгороде; *1313 г.* О смерти кн. Александра Глебовича Смоленского; *1318 г.* О послах Кавгадыя; о поездке кн. Михаила в Орду к хану Узбеку (с датой); *1320 г.* О приезде к вел. кн. Юрию Московскому посла Баядера; *1325 г.* О посылке Узбеком князей против Литвы; о поездке кн. Ивана Даниловича в Орду; *1326 г.* О возвращении московского кн. Ивана из Орды; *1327 г.* Об убийстве в Орде по повелению хана Узбека Василия Рязанского; *1329 г.* О поездке митр. Феогноста на Волынь и в Киев; *1330 г.* О смерти сына хана Узбека; об убийстве ордынского кн. Асана; *1345 г.* Об участии в росписи церкви св. Спаса в Москве членов дружины Тоитана и греческих учеников; *1348 г.* О рати Темира Ордынского против города св. чуд. митр. Петра Алексина; о гибели в Орде хана Темира; об исцелении человека по имени Иван в церкви св. Богородицы у гроба св. Петра; *1349 г.* О возвращении митр. Феогноста из поездки на Волынь; о море в Полоцке; *1350 г.* О поездке суздальского кн. Бориса Константиновича в Орду; *1352 г.* Об отправлении кн. Всеволодом Александровичем Холмским своей княгини в Рязань; *1355 г.* О примирении новгородцев с вел. кн. Иваном Ивановичем; *1356 г.* О поставлении митр. Алексеем епископа Василия; *1361 г.* О «знамении на небеси»; о «брани» темника Мамая с Амуратом и всеми сарайскими князьями; *1362 г.* О набеге изгоном Амурата на Мамая; *1363 г.* О гневе хана Амурата в связи с передачей Авдулой из Мамаевой Орды Великого княжения кн. Дмитрию Ивановичу и отправлении им послов с ярлыком кн. Дмитрию Суздальскому; о поездке кн. Дмитрия Константиновича из Суздаля в Нижний Новгород к старшему брату, кн. Андрею; *1364 г.* О постриге вел. кн. Андрея Константиновича в иноческий чин; о большой засухе по всей земле; *1365 г.* О поездке в Орду кн. Василия Кирдяпы; о море в Пскове; *1366 г.* «О знамении на небеси»; о большом море «на Волоце»; о большом море в Литве; о большой засухе и дорогом хлебе; *1368 г.* О большом голоде в Твери; *1371 г.* О походе кн. Ольгерда против немцев; об оттепели зимой; о посылке кн. Михаилом Тверским сына Ивана в Орду; о возвращении с дарами посла Сыры-Хожи из Москвы в Орду; *1372 г.* О посылке осенью вел. кн. Дмитрием Ивановичем рати на Бежецкий верх, убийстве тверского наместника Никифора Лыча, ограблении тверских волостей; о посылке кн. Михаилом Александровичем «братанича» кн. Дмитрия Еремеевича и воевод к Кистме; *1373 г.* О копании рва около Детинца; о посылке вел. кн. Дмитрием Ивановичем киличеев в Орду с дарами, пленении сына кн. Михаила Тверского Ивана, которого держали «в нуже» в Москве; о мятеже в Орде; о приезде из Орды в Кашин кн. Михаила Васильевича; *1378 г.* Об ограблении русских гостей Арапшей; *1380 г.* О съезде всех русских князей (с датой); *1381 г.* О большом громе и ветре в Неделю всех святых; *1385 г.* О женитьбе сына кн. Михаила Тверского Бориса на дочери смоленского кн. Святослава Ивановича, их венчании в Твери (с датой); о затмении (с датой); о женитьбе сына кн. Михаила Тверского Василия на дочери кн. Владимира Киевского, их венчании в Твери; *1386 г.* О поездке вел. кн. Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь; о «розмирии» великого князя с новгородцами; о ссоре ордынских князей; *1387 г.* Об уходе с епископства тверского владыки

Евфимия; о вале в Твери; о копании глубокого рва; о набеге изгоном ордынцев на Рязань (с датой); о захвате Темир-Аксаком Арнача; *1388 г.* О море в Великом Новгороде; о приезде в Москву послов от римского папы; о набеге изгоном ордынцев на рязанские окраины; *1389 г.* О выпадании снега в сентябре; о сильных морозах; о затмении; *1390 г.* О воевании ордынцев «паки» против Рязани; *1391 г.* О воевании ордынцев «паки» против Рязани; о пребывании кн. Витовта в Немецкой земле, бежавшего из Литвы после смерти отца; о выдаче им замуж дочери Софии за вел. кн. Василия; о возвращении митр. Киприана из Твери вместе с владыкой Евфимием Висленем; о воевании кн. Витовта Кейстутьевича против Литвы; о копании рва около Нового города на Волге и сооружении ворот в Твери у церкв. св. Власия; о походе кн. Витовта с немцами на Вильно; о воевании ордынцев против Рязани; *1392 г.* О бое осенью Тохтамыша с Темир-Аксаком; *1393 г.* О затмении; об убийстве Тохтамышем в Орде хана Озибаба; о походе немцев на Вильно; о бое осенью Тохтамыша с Темир-Аксаком; о возвращении Тохтамыша на «царство Волжское»; *1394 г.* О победе вел. кн. Олега Ивановича над ордынцами, посланными Тохтамышем на Рязанскую землю; о «розмирии» в Тохтамышевой Орде, битве на Волге между ордынскими князьями; *1395 г.* О пожаре в Новом городке на Волге; о «брани» в Смоленске и отъезде кн. Юрия Святославовича в Рязань к своему тестю, кн. Олегу; о походе вел. кн. Олега Ивановича с своим зятем на Литву; о сражении в Орде; *1396 г.* Об убийстве турецким царем Колочаном своего сына Веченяпа и многих князей; о посылке митр. Киприаном стольника Федора Тимофеева в Великий Новгород; о «смертной казни» вел. кн. Витовтом кн. Ивана Михайловича, пленении его жены и детей; *1397 г.* О воевании турками Греческой земли; о затмении; *1398 г.* О воевании Тохтамышем Поморских городов Большой Орды; о пребывании у вел. кн. Олега Ивановича Рязанского тохтамышева посла Темир-Хозя с гостями; о послах вел. кн. Василия, посылке митр. Киприаном стольника в Великий Новгород; *1399 г.* О неудаче посылки осенью вел. кн. Василием Дмитриевичем погони до Казани за кн. Семеном Суздальским; *1400 г.* О посылке кн. Михаилом Тверским послов в Орду, к Темир-Кутлую с известием о смерти отца; рассказ о «розмирии» тверских князей; о поездке в годину смерти отца кн. Василия Михайловича в Кашин; о разгроме ордынцев и царевича Мамат-Салтана кн. Иваном Рязанским с пронскими, муромскими и козельскими князьями около Дона; о «доброхтах» вел. кн. Юрия Святославовича, которые послали к нему в Рязань послов; *1401 г.* О заключении мира между вел. кн. Василием Дмитриевичем, кн. Иваном Михайловичем Тверским и кн. Витовтом Кейстутьевичем; о соборе в Москве с участием митр. Киприана и девяти владык (с датой); о природном явлении; о набеге изгоном татар на окраины Рязанской земли; *1402 г.* о поездке кн. Федора Ольговича в Орду с дарами и возвращении с пожалованием на Рязанское княжение; *1403 г.* О «знамении на небеси» (с датой); о вызове митр. Киприаном в Москву тверского владыки Арсения; о «знамении в солнце»; о «знамении в луне»; о литье колокола в Твери; о «крестном целовании» между братьями — вел. кн. Михаилом Тверским и кн. Василием Кашинским; *1404 г.* О возвращении из Литвы в Тверь кн. Александра Михайловича; *1405 г.* О набеге изгоном ордынцев на Рязань, победе кн. Федора Ольговича; о поездке из Твери в Кашин кн. Александра Михайловича (с датой); о смерти кн. Василия Дмитриевича Суздальского; *1406 г.* О пребывании вел. кн. Ивана Михай-

ловича в Кашине; *1407 г.* О смерти в Твери кн. Дмитрия Еремеевича; о смерти в Твери матери кн. Еремея Анастасии; о закладке в Твери колокольни; о поездке кн. Юрия Всеволодовича из Москвы в Орду; о разрыве мира москвичей с Литвой; о росписи в Твери церкви св. архангела Михаила на Городке; о сооружении притвора церкви пречистой Богородицы на «Желтикове»; О затмении в раннюю зарю (с датой); о ливнях и разливе «повсюду»; о «крылатых червях» с востока и засухе; об усобицах и голоде в Литовской земле (с датой); *1408 г.* О воевании Литвы ратью, посланной Булат-Салтаном из Большой Орды; О походе ратью немцев на новгородские волости; о тяжелом пути из Орды; о засухе; о приезде послов от Булат-Салтана в Москву к вел. кн. Василию Дмитриевичу; о сборе рати вел. кн. Василием Дмитриевичем и его послах, отправленных в Орду с просьбой о помощи против кн. Витовта; *1408/09 г.* О поставлении в митрополиты Фотия «в лето великого княжения Василия Дмитриевича Московского»; о приезде в Москву из Орды посла к вел. кн. Василию Дмитриевичу с вестью о сборе Едигеем рати против Русской земли.

Итак, «избыток» Ник. за 1278—1408 гг. составляет большой по объему и широкий по охвату событий массив текстов, который не представляет собой цельный корпус материала какого-то одного источника, связанного единством содержания и подчиненного какой-то одной общей идее. По тематическому признаку «избыток» может быть разбит на отдельные группы московских, тверских, ростовских, нижегородско-суздальских, новгородских, ордынских, литовских известий, а также сведений о природных явлениях.

В «избытке» Ник. за изучаемый период довольно много уникальных известий, например о митрополитах, но в основном они имеют все-таки летописное происхождение. Так, сообщения Ник. под 1284 г. перекликаются с данными Сим. за 1289 г. о поездке игумена Андрея в Киев, под 1285 г. с показанием того же года МС о приеме им митр. Максима в Новгороде с «честию велику». Встреча в 1285 г. Дмитрия с Максимом в Новгороде, очевидно, совпала с пребыванием там великого князя после овладения им зимой 1284 г. Новгородским столом (о чем пишет НІ). Оригинальное известие Ник., связанное с поездкой митр. Петра в Брянск, является частью текстов с описанием мятежа в этом городе и последовавших за ним событий 1309—1310 гг., которые известны в сокращенной передаче другим летописям. Сообщение Ник. о выезде в 1329 г. митр. Феогноста из Новгорода в Южную Русь согласуется с известиями НІ (и НІV) о его пребывании там в тот год, о митрополичьих послах, приехавших на север в 1331 г. из Волынской земли, и поездке к Феогносту во Владимир-Волынский новгородского владыки Василия. Известие той же НІ о поездке в 1348 г. владыки Иоанна в Москву по вызову митрополита соответствует уникальному сообщению Ник. под тем же годом о поездке митрополичьего посла в Новгород с требованием выезда к Феогносту новгородского владыки. Сообщение Ник. под 1401 г. о церковном соборе, где рассматривались «некиа вещи святителскиа», предшествует ее известиям и НІ (НІV) о вызове перед этим митр. Киприаном в Москву по «святительским делам» новгородского владыки Иоанна и его возвращении спустя более трех лет в Новгород после заточения (о чем пишет и Тр.) [12]. Литовские известия Ник. под 1283, 1284, 1289, 1325 гг. тоже отражают, по всей видимости, реальные события, связанные с наступлением Орды и Ордена на Литву в конце XIII — первой половине XIV в. Запись Ник. под 1283 г. повествует о выступлении Литвы против

«Немцев» на том этапе ее борьбы с Орденом, когда тевтонские рыцари вышли непосредственно к берегам Немана. Тогда последовал ряд ответных набегов литовско-русских войск на немецкие замки в Пруссии, в том числе в 1283 г. в Самбию. Ник. под 1371 г. точно указывает один из походов Литвы против Орды в период княжения вел. кн. Ольгерда [13].

Сообщения Ник. 1391 г. о пребывании кн. Витовта в «Немецкой земле» и затем о его походах на Литву говорят о сотрудничестве в те годы литовского князя с Орденом и о складывании антиягайловского союза, в котором приняли участие московский князь и митрополит. Это известно и по литературе [14]. Интересно, что к первому из упомянутых текстов сделана приписка о «венчании» Василия с дочерью Витовта в Москве (в других источниках есть сообщение о «женитьбе» великого князя, но в Немецкой земле).

«Избыточные» известия Ник. имеют нередко даты, которые служат признаком современности текстов описываемым событиям. Некоторые из них читаются в повторе (см. 13, 22, 101, 102, 112, 116, 149), обнаруживая стыковку разных летописных источников. Среди «избытка» Ник. значительное место занимают сообщения о различных стихийных бедствиях, затмениях, которые вряд ли могут быть результатом поздней редакции Ник. Более подробные записи Ник. с конкретными дополнениями, но одинаковые в основе с другими летописями, а также несходные ее записи общих известий и рассматриваемые лишние известия имеют, по всей видимости, одну «природу» и ведут исследователя к различным летописным источникам XVI в. Выше уже упоминалось о предположениях, высказанных в литературе, относительно дополнительных тверских и рязанских известий. Что касается рязанских известий 1278, 1288, 1308, 1327 гг., то они справедливо признаются современными и возводятся к местным записям. Первые два из них лежали в пределах «Свода 1305 г.» и являются, вероятно, материалом подборки рязанских текстов местного Летописца. Остальной материал представляет рязанскую летопись, которая в виде Летописца времени Ольговичей был одним из источников Тр.[15] Тверской «избыток» отражает более полную редакцию «Свода 1424 г.» Кашинской редакции (см. еще Рог., Тв. сб.) или (как уточняет Б. М. Клосс) непосредственно его источника — свода времени епископа Арсения. Ростовский «избыток» дополняет сообщения из предполагаемого Летописца времени Борисовичей, отложившегося в Ростовской летописи 1365 г.— другом источнике Тр. Дополнительный смоленский материал Ник. за обследуемый период отвечает содержанию еще одного местного источника Тр.— Летописца времени кн. Юрия Святославича (где использованы брянские записи 60-х годов XIV в.). Нижегородско-суздальские избыточные тексты Ник. пополняют материал местной летописи конца XIV в., тоже достаточно широко представленной Тр. и другими близкими ей летописями. Отдельную небольшую группу лишних текстов составляют известия новгородского источника. Неизвестные другим летописям московские известия (в том числе митрополичьи) ведут нас к остаткам Тр. и ее основного источника — Летописца Великого Русского 1389 г. Другие избыточные тексты, всего очевиднее, являются материалом названных летописных сочинений Москвы и других центров. Так, достаточно отчетливо звучит ордынская и отчасти литовская темы в рязанском источнике, например, Тр. Известия, связанные с Ордой, лежат в ней нередко в одном ряду (вперемежку) с рязанскими текстами. Кроме того, и сами лишние рязанские известия Ник. рассказывают главным образом об отношениях с Ордой.

Обращение к литовской теме в изучаемое время было характерным явлением и для тверской и московской (и митрополичьей) летописной работы, к ордынской — для нижегородско-суздальской и ростовской, к немецкой — для новгородской. Поэтому, может быть, следует отнести к ростовскому источнику уникальные сообщения о «Татарах», читаемые среди других ростовских известий за конец XIII в. Принимая во внимание поддержку, оказанную в начале 60-х годов XIV в. ханом Уратом суздальскому князю в его борьбе с Москвой за Владимирское княжение, можно считать ордынские известия текстами нижегородско-суздальской летописи.

Летописные источники Тр., как и «Свод 1408 г.», которые частично отразились в различных доступных нам летописях, привлекались потом дополнительно при следовавших один за другим этапах летописной работы. Например, в митрополичьем «Своде 1423 г.» материал Тр. был несколько сокращен, но в то же время частично пополнен за счет упомянутых местных источников. Поэтому «избыток» Рог., относящийся к тверской традиции начала XV в., также находит частичное отражение в Ник. и т. д. Одним из этапов, в котором наверно нужно искать появление подобных избыточных текстов, отложившихся в летописях конца XV — начала XVI в., была работа, проводимая в 50—70-х годах XV в., но эти памятники не сохранились. Интересна в этом отношении ссылка составителя «Свода 1479 г.» на недошедший до нас и появившийся, видимо, не позднее 50-х годов XV в. «Летописец новый харатьяный». О проведении в те годы летописной работы свидетельствует установленная в литературе взаимозависимость Летоп. сб. 1477 г., МС, СС, Ермолинской и некоторых других летописей [16]. Допуская такую возможность, мы можем приурочить «архив» Ник. за конец XIII — начало XV в. к особым редакциям ее источников, т. е. Тр. в обработке типа Сим. и Рог. СС типа «Свода 1493 г.» летописи, сходной с Ерм., Тверской свод начала XV в., материал которого содержит Рог., МТв, Тв. сб. «Свода 1518 г.». Отражение в Ник. РХр. позволяет также отнести лишние византийские, турецкие известия к первоначальной редакции этого ее источника.

[1] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV–XV вв // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9. С. 149–152; *Он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 196–197, 370–371; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 134–189.

[2] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова: «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова // Зап. имп. АН по ист.-филол. отд-нию. СПб., 1899. Т. 4, № 2. С. 120, 162, 165 и др.; *Он же.* Общерусские летописные своды // ЖМНП. № 9. С. 91; № 11. С. 172 и след.

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1815(16). С. XXXVIII.

[4] *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. Прил.: с. 1–63; *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 475; // *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 19–23, 33–34, 456, 460, 464 и др.; *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 255; *Он же.* Русское летописание. М., 1969. Прил.: с. 335, 336, 337, 340; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII сер., отд-ние гуманит. наук. Л., 1930. № 9. С. 729 и др; *Он же.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 208–211, 214; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968. С. 33, 128–129.

[5] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 27, 72, 106–107, 154, 191, 193, 194, 197, 198, 209, 234, 238, 239, 242, 245–247.

[6] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 272–274; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 115–117, 304–308, 346, 347 и др.

[7] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 19, 134–155.

[8] *Плугин В. А.* Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV вв. // История СССР. 1978. № 4. С. 79–80; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 589, 590, 597, 598, 619, 620; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды: (На рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 456–464 и др.; *Муравьева Л. Л.* Литературные сочинения как источник северо-восточного летописания конца XIV – начала XV в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 147–166.

[9] *Клосс Б. М.* Никоновский свод...

[10] *Муравьева Л. Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 121–133.

[11] ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 156, 161, 162, 166–168, 171, 176–178, 182, 187, 189, 190, 194, 203, 216, 220–222, 224, 228, 232, 233; Т. 11. С. 3, 4, 6, 12, 14–16, 17, 19, 28, 69, 70–87, 89, 90, 93–95, 108, 122, 123–127, 153, 156, 161–163, 166–169, 183–192, 197, 198, 202–205.

[12] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 82, 87; М., 1962. Т. 1. С. 526; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 156: Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 262, 390, 396; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 326, 342, 343, 387, 396, 398; *Карамзин Н. М.* Примечания к «Истории государства Российского». СПб., 1852. Т. 5. Примеч. 194.

[13] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 390–391, 396, 398, 413, 417, 419–420; *Пашуто В. Т.* и др. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 35.

[14] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 198–199; ПСРЛ. 1975. Т. 32. С. 63–65.

[15] *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV в. М., 1983. С. 201–274, 245–274.

[16] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов. С. 349–357; *Он же.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 12–15; *Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 218–222; *Он же.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 263–274, 341–345; *Бурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 112, 151–152, 156–157, 222–223, 232 и др.; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 149–151.

П. П. Толочко

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО РЕМЕСЛА

Ремесло русского феодального города давно стало предметом специального изучения. После выхода в свет капитального исследования Б. А. Рыбакова стало очевидным, что эта отрасль экономики находилась на высоком уровне развития и занимала значительное место в жизни древнерусского общества[1]. Последующие исследования Б. А. Колчина, Ю. Л. Щаповой, Т. И. Макаровой, Г. Ф. Корзухиной, Г. А. Вознесенской и других археологов значительно пополнили характеристику древнерусского ремесла. В большей мере это касается техники и технологии, изучение которых благодаря применению новых методов исследования значительно продвинулось. Меньше внимания уделялось месту и роли ремесла в системе социального и экономического развития общества. Высказывания на этот счет в исторической литературе разноречивы и не очень конкретны. Свидетельство тому — дискуссия о посаде русского города, возникшая в 50-е годы XX в. и продолжающаяся фактически поныне. Положение Б. Д. Грекова о социально-экономической равнозначно-

сти понятий «посад» и «город» было принято последующими исследователями без каких-либо оговорок.

Говоря о древнерусских городах IX—X вв., И. Я. Фроянов отмечает, что они в меньшей мере были ремесленными средоточиями, ибо для этого им не хватало посадов, появление которых он относит к X — началу XI в.[2] Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров связывали возникновение посадов с более ранним временем. Вслед за Б. Д. Грековым И. Я. Фроянов в своем утверждении исходит из представления о ремесле древнерусского города как исключительно свободной посадской стихии. К аналогичному выводу пришел и В. В. Карлов, полагающий, что в правовом отношении ремесленно-торговое население древнерусских городов было относительно свободным, не состоявшим в личной зависимости от феодалов города[3].

Характер русского феодального города не только не исключал, но предполагал развитие в нем ремесла. Причиной этого служил излишек сельскохозяйственной продукции, сосредоточивавшейся в городе. Концентрация этих излишков в руках военно-бюрократического государственного аппарата обусловила на первых порах тесную связь ремесленного производства с хозяйственным развитием городской феодальной усадьбы. Главной фигурой ремесленного производства в ранних русских городах был не юридически свободный посадский мастер, а зависимый, работавший на усадьбе своего господина. Будучи включенным в хозяйственную структуру феодальной вотчины, ремесленник не обладал правом собственности на орудия труда и его результаты.

Местом развития вотчинного ремесла русских городов являлись преимущественно детинцы. Их раскопки неизменно обнаруживают остатки мастерских и жилищ ремесленников в самой непосредственной близости от княжеских дворцов, боярских хором, храмов. В Киеве из более чем 30 известных на сегодня мастерских 18 раскопано в Верхнем городе. Особенно много их было в «городе» Владимира — наиболее аристократической части древнего Киева. В XI—XIII вв. здесь находились два княжеских, четыре церковно-монастырских и по меньшей мере четыре боярских двора. Судя по исследованным мастерским, на этих дворах работали ювелиры, стеклоделы, резчики по камню, кузнецы, косторезы. Ювелирные формочки, тигельки и льячки, полуфабрикаты, отходы производства, найденные в ювелирных мастерских, свидетельствуют о том, что в них изготовлялись дорогие изделия из цветных и благородных металлов, украшенные перегородчатой эмалью, чернью, зернью. Именно здесь, согласно исследованию Т. И. Макаровой, работал придворный мастер второй половины XII в. Лазарь Богша, автор знаменитого креста Евфросинии Полоцкой, княжеских диадем и барм.

Приурочивая вотчинный сектор городского ремесла к детинцам, разумеется, не следует абсолютизировать этот вывод. Крупные феодалы проживали также на городских посадах, в окольных районах, и нет оснований полагать, что структура их хозяйств была иной, чем тех, кто жил в центральной части города. При исследовании усадьбы галицкого боярина Юрия Прокоповича в урочище Юрьевском под Галичем обнаружены остатки гончарного, кузнечного и ювелирного производств[4]. Следы производства золотых трехбусинных серег обнаружены в 1982 г. в пределах обширной (видимо, феодальной) усадьбы на киевском Подоле.

Структура вотчинного ремесла лучше всего исследована в Новгороде. По мнению В. Л. Янина и Б. А. Колчина, значительную массу ремесленников объединяли патронимии, на территории которых они жили и

работали. На ранних этапах развития производства это были скорее всего классические вотчинные ремесленники, работавшие с материалом заказчика из расчета на ограниченный сбыт внутри самой патронимии. Позднее, в XII—XIII вв., с развитием товарных отношений ремесленники, жившие на усадьбах феодалов, сохраняя прежнюю зависимость от владельцев усадеб, вышли на общегородской рынок [5].

Аналогичные тенденции прослеживаются и на материалах киевского вотчинного ремесла. Придворные ювелиры в XII в. наряду с изделиями из золота и серебра, удовлетворявшими потребности княжеско-боярской верхушки, изготовляли и более дешевые виды продукции, поступавшие на рынок. Причем со временем наблюдается тенденция к увеличению объема их рыночного производства.

К сожалению, по археологическим материалам невозможно установить, как вотчинное ремесло выходило на свободный городской рынок. Было ли это компетенцией исключительно владельца производства, или же в реализации «излишков» принимал участие ремесленник, получая при этом какое-то вознаграждение, сказать трудно. Более ясной представляется общая тенденция развития вотчинного ремесла. С момента выхода на свободный рынок оно постепенно теряло свои классические черты. С одной стороны, оно продолжало развиваться в структуре вотчинного хозяйства, с другой — все больше вовлекалось в рыночную стихию, чем сближалось со свободным посадским ремеслом.

Наряду с вотчинным развивалось в древнерусских городах и свободное ремесло. Местом его средоточия, безусловно, являлись посады. Как части городской поселенческой структуры посады практически одновременны детинцам. Разумеется, в течение столетий они не оставались неизменными в социальном плане.

Наблюдения над Подолом — посадом крупнейшего города Руси — Киева показывают, что уже в IX в. он представлял собой вполне сложившийся городской район. К X в. относятся остатки ремесленной деятельности его жителей. Однако в слоях X в. еще не вырисовывается ремесленный облик района. Бóльшей наполненностью ремесленными изделиями и следами различных производств характеризуются слои XI в., хотя и они еще не очень отличаются от более ранних. Зато в слоях XII в. в различных районах Подола выявлены остатки мастерских по обработке янтаря, шифера, изготовлению стеклянных и ювелирных изделий, следы кузнечного производства. Вообще весь характер культурного слоя с большим числом ремесленных изделий указывает на развитую производственную деятельность жителей района. Характерно, что именно в XII в. (возможно, в его середине) Подол достигает своих максимальных размеров.

Тенденция развития городского посада, прослеженная на материалах Киева, не частный пример, а закономерность, характеризовавшая жизнь и других древнерусских центров. В XII в. увеличение размеров посадов наблюдается в Чернигове, Переяславе, Галиче, Суздале, Смоленске, Полоцке, Владимире на Клязьме, Новгороде. Свидетельством возросшего их значения в экономической жизни городов являются известия о возведении вокруг них мощных укреплений. В этом общерусском явлении отчетливо просматривается забота властей об экономическом развитии городов. Посады все больше утверждаются в качестве главных средоточий мелкотоварного производства.

Археологические исследования посадского ремесла еще очень фрагментарны и не дают сколько-нибудь полного представления о структуре

этого сектора ремесла. Даже в таком археологически наиболее изученном русском городе, как Новгород, многое в организации свободного посадского производства остается невыясненным. В. Л. Янин и Б. А. Колчин полагают, что удельный вес его особенно возрос после 20—30-х годов XII в. и был значительным. Деятельность свободных ремесленников регулировали сотни, торговые ряды и уличанская организация [6]. Аналогичные административно-территориальные структуры имели место и в других городах и, можно думать, выполняли те же функции.

Возросшее место свободного ремесла в экономической жизни городов устанавливается на основании характера готовой продукции и технологии ее производства. В свое время развернулась оживленная дискуссия на тему, кому принадлежал приоритет изобретения так называемых имитационных формочек. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что массовый выпуск ювелирных изделий, имитировавших драгоценные и дорогостоящие украшения, изготовлявшиеся княжескими мастерскими, был налажен посадскими ремесленниками [7]. Г. Ф. Корзухина и М. К. Каргер, исходя из того, что «имитационные» формочки были обнаружены не только в посадской, но и в княжеской части Киева, полагали, что технологической новинкой одновременно овладели вотчинные и посадские ремесленники [8]. Решить этот спор на имеющихся археологических материалах трудно. Да и суть его не в этом, а в самом явлении, характеризовавшем важные изменения в ювелирном ремесле. Возросшая емкость рынка порождала массовое предложение, что в свою очередь обусловливало появление новой технологии. Более подверженным конъюнктуре рынка было, несомненно, посадское ремесло, и, можно думать, оно быстрее приспосабливалось к изменявшимся условиям. Расширением ассортимента продукции, рационализацией производства, упрощением технологии характеризуются и другие отрасли древнерусского ремесла XII в. в частности керамическое, кузнечное.

Еще один сектор ремесленного производства древнерусского города может быть квалифицирован как государственный. Организатором его выступала княжеская власть. По своему строю это производство, вероятно, ближе стояло к вотчинному, так как в его сфере трудились преимущественно зависимые ремесленники. В ряде случаев провести четкую грань между собственно княжеским и государственным ремеслом чрезвычайно трудно. И тем не менее был ряд производств, которые вызывались к жизни задачами общегосударственного развития. К ним в первую очередь относилось строительство городов и оборонительных укреплений. Государственная власть придавала этому большое значение и не случайно старейшины строительных артелей занимали высокое социальное и общественное положение.

В сфере княжеской компетенции находилось в значительной мере и городское монументальное строительство. Речь идет о княжеских резиденциях, крупных церковных храмах. Летописи полны известий о строительстве последних тем или иным князем. Такая персонифицированность в большинстве случаев связана с этикетом придворного летописания, но в ней отражены и определенные реалии, свидетельствующие об организационной стороне дела. Как показали исследования П. А. Раппопорта, русские мастера каменных дел находились в ведении княжеской администрации. Перемещение князей из одного стольного города в другой сопровождалось нередко перемещением из города в город и строительных артелей [9].

Вопросы соотношения различных секторов древнерусского ремесла в

системе городского производства всегда увязываются с определенными этапами его развития. Б. А. Рыбаков убедительно показал, что качественный перелом в русском ремесле приходится примерно на середину XII в. Именно в это время значительно возрастают объемы рыночного производства. Последующие исследования по существу подтвердили этот вывод. В Новгороде, как полагают В. Л. Янин и Б. А. Колчин, рубеж, отделяющий первый период в истории ремесла от второго, приходится на 20—30-е годы XII в.[10] Аналогичная ситуация характеризует и киевское ремесло, где нарастание качественных изменений прослеживается уже с первых десятилетий XII в.

Выделенные на основе данных археологии два периода древнерусского ремесла очень хорошо согласуются с общей картиной социально-экономического развития Древнерусского государства. Раннефеодальному этапу соответствует малоразвитое ремесло, а периоду феодальной раздробленности или начальному этапу развитого феодализма соответствует более развитое ремесло.

Второй период русского ремесла отличается от первого не столько изменившимся внутренним соотношением вотчинного и свободного ремесел, что, несомненно, имело место, сколько резким увеличением объемов их производства. В этом случае принято говорить «рыночного» производства, но выражение это не совсем точное. Говоря о работе на заказ и работе на рынок как о двух различных сферах и уровнях развития ремесла, мы тем самым искусственно сужаем само понятие рынка. Здесь оно выступает по существу как место торговли, а не как система хозяйственных связей, функционировавшая и при помощи свободной рыночной стихии, и посредством индивидуального заказа. Работа на заказ, о котором договаривались очень часто на тех же рыночных площадях,— это и есть работа на рынок.

Одним из наиболее трудных в исследовании древнерусского ремесла является вопрос о его цеховом строе. Знал ли русский город домонгольского времени цеховую организацию, столь характерную для ремесла западноевропейских городов, или это явление развилось в нем только в позднесредневековое время? В литературе на этот счет высказаны различные точки зрения: от осторожного признания наличия на Руси цехообразных организаций до полного их отрицания. Разноречивость выводов обусловлена прежде всего состоянием источников. Письменные по существу ничего не говорят об организационном строе свободного ремесла, археологические все еще очень фрагментарны.

Мало помогают делу и попытки отдельных исследователей рассматривать этот вопрос в контексте общеевропейского развития. Теоретически это не может вызвать возражений. Древняя Русь поддерживала тесные контакты с европейскими странами и явления, имевшие место там, вполне могли получить развитие и здесь, тем более что технический уровень древнерусского ремесла был не ниже европейского. Практически же аналогии не прослеживаются. Города средневековой Европы значительно отличались от древнерусских. Они, как правило, не имели сельскохозяйственной агломерации, являлись местами жительства бюргерства (феодалы ушли из них в свои сельские поместья — замки), существовали для него и благодаря ему. В своих интересах бюргерство развивало свои институты, организовывало хозяйственную жизнь[11].

Древнерусский город находился под властью феодалов, что, естественно, не могло не оказывать сдерживающего влияния на развитие специфически городских коммунальных структур. На раннефеодальном эта-

пе истории Древнерусского государства почти всех городских ремесленников объединяли феодальные хозяйства, к которым они принадлежали и на территории которых проживали. Других организационных начал ремесленников просто не могло быть. Известия письменных источников о довольно раннем проявлении артельных форм труда на Руси не позволяют видеть в них указание на зарождение самоуправляющихся городских общин. Свидетельство Патерика — «князь призва старейшину древоделем, повеле ему изготовить древо на сограждение церкви» [12] подчеркивает зависимость вышгородской строительной артели от князя. Старейшина выступает здесь по существу как представитель княжеской администрации. Организационно строители входили в состав государственного сектора ремесла.

В эпоху феодальной раздробленности положение несколько меняется. Наряду с классическим вотчинным в городах получает развитие свободное городское ремесло. Корпоративность заложена в его природе как одно из условий нормального функционирования и конкурентной жизнеспособности, но ее проявление возможно только на высшей стадии развития этого производства. В городах средневековой Европы первые цехи появляются в самом конце XI в., но активные процессы их образования приходятся на XII в. Раньше других объединялись ремесленники тех отраслей, которые требовали коллективных усилий (рыбаки), или же тех, продукция которых имела широкий рынок сбыта (ткачи, сапожники).

При отсутствии прямых указаний на корпоративность ремесла русских городов большое значение приобретают косвенные. К ним относятся в первую очередь исторические названия городских районов, урочищ, улиц, в которых могли отразиться процессы концентрации ремесленников по производственному признаку. В Киеве известны урочища «Гончары», «Кожемяки», находившиеся в его посадской части и занимавшие удобные для занятия этими ремеслами места, имевшие выходы гончарных глин и водные источники. В позднесредневековое время здесь действительно работали цехи гончаров и кожевников, но было ли так и в древнерусское время, сказать трудно.

Урочище «Гончары» известно в Вышгороде. Еще в начале 60-х годов XX в. старожилы уверенно показывали его местонахождение. Это южный склон одного из неглубоких оврагов, расположенных в посадской части древнего города. Обследование урочища, осуществленное В. И. Довженком и автором этих строк, выявило около 15 округлых пятен обожженной глины, ярко выделявшихся на фоне пашни. Раскопки одного из них открыли двухъярусный гончарный горн древнерусского времени [13]. Находившаяся в нем керамика, как и большинство фрагментов, собранных в районе других горнов, датируется XII—XIII вв. Два административно-территориальных района Новгорода носили названия Гончарного и Плотницкого концов. Исследователи уже давно пришли к согласному выводу, что они происходят от концентрации здесь одноименных производств. Свидетельства летописи, что Гончарный конец первоначально назывался Людиным, дают основание относить формирование корпоративной общности новгородских гончаров ко времени не ранее конца XII в. Только с XII в. известно и название Плотницкого конца. В. Л. Янин и Б. А. Колчин, проанализировав ряд берестяных грамот рубежа XII—XIII вв., происходящих из ремесленно-торговых комплексов, высказали предположение, что в них отражены первые, зачаточные формы корпоративной консолидации свободных горожан Новгорода [14].

Древнее название части посада «Гончары» сохранила историческая

топография города Владимира на Клязьме, бурное развитие которого относится к последней трети XII — первым десятилетиям XIII в. В Переяславле Русском в XII в. упоминаются Кузнечные ворота.

Приведенные названия городских районов, урочищ, ворот, связанные с соответствующими производствами и подтвержденные в ряде случаев результатами археологических раскопок, указывают, несомненно, на важные консолидационные процессы в древнерусском ремесле. Очевидно, они коснулись не только его территориальных, но и организационных структур. Попытку смоделировать их на основании археологических материалов предприняла Ф. Д. Гуревич. Раскопав в древнем Новгородке 14 богатых домов, в которых выявлены следы ювелирного производства, она высказала предположение, что здесь находился квартал корпорации златокузнецов. Найденное в каждом доме оружие, а также расположенное неподалеку кладбище указывает, по мнению Ф. Д. Гуревич, на наличие собственной военной организации и места, где корпорация хоронила умерших. Хозяин богатого дома-повалуши являлся главой новогрудского объединения ювелиров, которое просуществовало с рубежа XI—XII вв. по 70-е годы XIII в.[15]

Если бы все звенья реконструкции Ф. Д. Гуревич были в достаточной степени аргументированы, можно было вместо осторожной формулировки «корпорация», сказать «цех», но имеющийся материал не позволяет сделать этого. Следы производства здесь не очень выразительны, оружие в домах еще не указывает на их дружинный характер, а погребенные близлежащего кладбища и вовсе не имеют социальных признаков. Вызывает сомнение и нижний хронологический рубеж объединения. Говорить о корпоративности ювелирного ремесла применительно к рубежу XI—XII вв. нет оснований. Для этого оно было слишком неразвитым, к тому же повсеместно находилось в системе вотчинного хозяйства.

Признаки определенной корпоративности древнерусского ремесла проявились лишь на этапе феодальной раздробленности. Они, однако, недостаточны для утверждения о наличии цеховой его структуры. Этот процесс искусственно сдерживался феодальным характером русского города и не получил в домонгольский период своего завершения.

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
[2] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1980. С. 232.
[3] *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. С. 48.
[4] *Довженок В. И.* Селища и городища в окрестностях древнего Галича // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4. С. 12—13.
[5] *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 123.
[6] Там же.
[7] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. С. 497—498.
[8] *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. 1950. № 14. С. 220, 229; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 386.
[9] *Раппопорт П. А.* Из истории Киево-Черниговского зодчества XII в. // КСИА. 1984. Вып. 79. С. 59—63.
[10] *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет. С. 122.
[11] *Pirenne H.* Sozial und wirtschaftsgeschichte Europas im Mittelalter. München, 1974, S. 166—167.
[12] *Абрамович Д. И.* Житие святых мучеников Бориса и Глеба. Пг, 1916. С. 54—57.
[13] *Довженок В. И.* Розкопки древнього Вишгорода // АП УРСР. 1952. Т. 3. С. 14—27.
[14] *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет. С. 126.
[15] *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 132—136.

В. Ю. Франчук

ЯЗЫЧЕСКИЕ МОТИВЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

До принятия христианства на Руси бытовал обряд принесения присяги, имевший религиозно-языческую форму. Обозначался он словом «рота». Термин «рота» использовался восточными славянами для передачи понятия «торжественное обещание соблюдать верность взятым на себя обязательствам». «Какое бы ни было первоначальное значение слова рота,— писал И. И. Срезневский,— оно в смысле присяги, клятвенного уверения, как термин юридический принадлежит всем славянам издревле» [1]. О. Н. Трубачев производит славянское слово рота (rota) из rok-ta [2].

Составить представление о самом обряде роты дают возможность тексты договоров Руси с греками: дружинники и князь обнажали оружие, складывали его к подножию идолов и произносили магические заклинания. Заключая в 907 г. договор с греками, Олег и его мужи скрепили его, по обычаю предков, клятвой: «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по рускому закону кляшася оружьемь своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ» [3]. Когда в 945 г. греческие послы прибыли в Киев, то Игорь с ними «приде на холмъ, где стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ руси; а хрестеяную русь водиша ротъ в церкви святага Ильи» [4]. Под 985 г. сообщается, как Владимир Святославович установил мир с болгарами и «ротѣ заходиша межю собѣ» [5].

Меньше известно, как улаживали восточные славяне в дохристианский период свои внутренние конфликты. Единственное упоминание о таком случае находится под 980 г. Здесь речь идет о том, что Владимир Святославович после убийства брата Ярополка долго не мог привлечь на свою сторону слугу убитого по имени Варяжко. В конце концов союз был заключен и князь «заходивъ к нему ротѣ» [6].

С термином «рота» в древнерусской письменности связан ряд устойчивых глагольных сочетаний: водити (вести, привести) роте (к роте, в роту) — приводить, привести к присяге; ходити (ити) роте (в роту), заходити роте, вънити в роту, дати роту — приносить (принести) присягу, дать (давать) клятвенное обязательство; переступити (потоптати) роту — нарушить клятвенное обязательство и т. п.

После объявления в 988 г. христианства официальной государственной религией Киевской Руси в практику восточных славян начинает входить новый обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов. С принятием христианства форма клятвы должна была измениться. Теперь присягу давали уже не на оружии, призывали в свидетели не Перуна или Волоса, но христианского бога. Оружие же заменил символ христианства — крест.

Новая форма клятвы впервые упоминается под 1159 г., когда сыновья Ярослава Владимировича выпустили из заточения своего дядю Судислава: «Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего Судислава ис поруба сидѣ бо лѣт 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемь» [7]. Интересен оборот «заводити кресту», созданный по образ-

цу «заводити ротѣ». Следующий случай под 1067 г.: «Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди къ намъ, яко не створимъ ти зла» [8]. Слова, произнесенные при целовании креста, напоминают слова языческой клятвы. Ниже употреблен оборот преступити крестъ в значении «нарушить клятву»: «Он же, надѣявъся цѣлованью креста, переѣха в лодьи чересъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступившие крестъ» [9].

Под 1097 г. описывается обряд целования креста, скрепляющего договор группы князей. Как можно заключить из описания, участники повторяют слова клятвы, завершающей договор, коллективно, как и при клятве на оружии: «И на том цѣловаша крестъ: „Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и крестъ честный". Рекоша вси: „Да будеть на нь хрестъ честный и вся земля Русьская"» [10]. Описание обряда целования креста, сопровождающегося коллективной присягой, занесено в Киевскую летопись под 1142 г.: «И чѣлова Святославъ крестъ съ братомъ своимъ Игоремь, а на утрѣи день чѣловаста Володимѣрь, Изяславъ съ Игоремь. И тако яшася вси рекуще: „Кто съступить крестье цѣлование, да съ крестъ взомьстить"» [11]. В 1145 г. польские князья Болеслав и Межка «переѣхавша на сю сторону и поклонистася Игореви и съ братьею его и цѣловавъше крестъ межи собою и тако рекоша: „Аще кто переступить крестьное цѣлование, на того быти всимъ"» [12].

Хотя клятва дается теперь на кресте, ее языческая сущность сохранилась. Покарать отступника должен именно тот предмет, на котором она была дана. Фетишизация креста при подтверждении и освящении договора восходит к клятвам на оружии языческих времен при тех же обстоятельствах, когда языческие боги и собственное оружие должны были наказать нарушителя договора. «Целованию креста придавалось особое значение,— пишет М. Б. Свердлов,— поскольку нарушение договора должно было навлечь кару божественной силы» [13]. Такое толкование обряда крестоцелования превращало его в поклонение кресту как освящающей и карающей силе. Этим объясняется, например, тот факт, что Володарь и Василько вышли навстречу Святополку именно с тем крестом, целование на котором преступил Святополк: «Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, вземша крестъ, его же бѣ цѣловалъ к нима на сем, яко «На Давыда пришелъ есмъ, а с вама хочю имѣти миръ и любовь». И приступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестѣсь, глаголя, яко «Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестѣсь» [14].

С течением времени крестное целование охватило разнообразные сферы светской общественной жизни. Крестным целованием определялись вассальные отношения, скреплялись договора о мире, о разделе земель и т. п.

Одновременно с крестным целованием существовал обряд клятвы в виде роты. В XI в. это наименование присяги применяется во всех случаях, когда договор заключается с язычниками-половцами. Например, под 1905 г.: «Володимеру же не хотящу сего створити, отвѣще бо: «Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «Княже! Нѣту ти в томъ грѣха: да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають бесперестани» [15]. Под 1103 г.: «и нача Белдюзь даяти на собѣ злато,

и сребро, и конѣ, и скотъ. Святополкъ же посла и к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо ходивше ротъ, воевасте Русскую землю. То чему ты не казавше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьяньску?» [16].

Однако и князья-христиане могут давать друг другу клятву, которую летописец называет ротой: «Заходилъ ротѣ [Василько Теребовльский] с Володимером, яко състи Володимеру Кыевъ, а Василкови Володимери» [17]. Под 1097 г. приведены слова обещания, данного в этом случае: «Заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: «Аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмь ти» [18].

Во всех случаях употребление слова рота в летописании XII в. встречается лишь тогда, когда речь идет о язычниках. Например: «И посажа посадники свои Глѣбь Гюргевичь по Посѣмью за полемь, и... половчи мнози ту заходиша ротѣ с нимъ» [19]. «И водивъ ъ ротъ и пусти брата своего предъ собою съ берендичи» [20]; «оже несуть [половци] хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а с нами роту взимаюче всегда переступаюче» [21]; «Святославъ же послуша свата своего Рюрика и водивъ его к ротѣ и пусти. Он же не стѣрпя сорома своего идоша в Половцѣ... Половци же улюбивше думу его потоптавше роту его дѣля и всѣдоша на коня» [22]; «Рюрикь же половцъ одаривъ дары многими и водивъ ихь к ротѣ и отпусти ихъ во свояси» [23].

Шире употребляется в этот период производное от рота существительное ротникъ со значением «лицо, связавшее себя договором под клятвою; союзник, пристяжник». Например: «Рече Изяславъ брату своему Ростиславу: «Брате, тобѣ богъ далъ верхнюю землю, а ты тамо поиди противу Гюргеви. А тамо у тебе смолняне и новгородци и кто ротьниковъ твоихъ» [24]; «Изяславъ же вборозѣ, сгадавъ съ дружиною, поима ротьники своя и поъха изъѣздомъ к Чернигову» [25]; «Мьстиславъ же посла къ своимъ ротникомъ къ Ярославу у Галичь и къ ляхомъ» [26].

Создается впечатление, что летописцы XII в. сознательно избегают термина «рота» по отношению к христианам, осознавая языческую сущность обряда, которую он обозначает. Производное же от этого термина слово «ротникъ» им, очевидно, не казалось опасным.

Однако эти соображения теряют свою силу при изучении текстов XII в. по «Истории Российской» В. Н. Татищева. Выясняется, что интересующий нас термин не только постоянно встречается в тех превышениях летописного текста, которые сохранились в труде первого русского историка, но и употребляется здесь по отношению к христианам. Более того, князья-христиане часто используют термин «рота» в своих речах, обращаясь к союзникам и врагам. Нередко его можно встретить в тех княжеских речах, создание которых Б. А. Рыбаков приписывает летописцу Петру Бориславичу [27]. Например: «Изяслав же Давидович сказал: «Я весьма, брате, сожалею, что и прежде для тебя Изяславу [Мстиславичу] роту преступил противо его Юрию помогал» [28]. Тогда Изяслав Давидович говорил: «Кто может знать его намерение и какой у них совет со Ольговичем, которым никакой роте их верить не можно и опасно» [29]; Изяславичев злодей Юрий Ярославич стал говорить: «Что веришь их роте и креста целованию, которого никогда не хранят, и учиня роту брат брата убивает или владения лишает»; Ростислав Мстиславич, признав брата своего Мстислава Юриевича, говорил ему: «Брате, мы равные внуки Владимировы... но что отец твой, а мой стрый, оставя отца своего завесчание и преступя роту, воевал на старейшего моего брата, помогая

племени Святославлю усилится»[30]. Також черные клобуки, уведав, что Ольговичи Киева и великаго княжения домогаются, обявили сыну Андрееву: «Мы издревле роту дали Владимиру и по нем Мстиславу, сыну его, что нам всегда быть верным отродию их»[31].

Употребляет термин «рота» Петр Бориславич и в авторском тексте: «Киевские вельможи все Рюрику советовали, что ему не прилично, преступя роту, у зятя отняв, Всеволоду отдать»[32]. Таким образом, не летописцы XII в. избегали термина «рота», а убирали его редакторы, работавшие с их текстами позже. Многие превышения летописного текста, сохранившиеся в «Истории Российской» В. Н. Татищева, в большей своей части, очевидно, и были исключены церковниками из позднейших сводов в связи с тем, что языческий термин «рота» встречается в них в речах христиан или же употреблен по отношению к христианам.

[1] *Срезневский И. И.* Договоры с греками // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1854. Т. 3. Стб. 298.
[2] *Трубачев О. Н.* Славянские этимологи. 8–9 // Езиковедски изследавания в чест на акад. Ст. Младенов. С., 1957. С. 338–339.
[3] ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 25.
[4] Там же. С. 39.
[5] Там же. С. 59.
[6] Там же. С. 55.
[7] Там же. С. 109.
[8] Там же. С. 112.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 171.
[11] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 310.
[12] Там же. С. 318.
[13] *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 65.
[14] ПВЛ. Ч. 1. С. 178–179.
[15] Там же. С. 148.
[16] Там же. С. 184.
[17] Там же. С. 174.
[18] Там же. С. 180.
[19] ПСРЛ. Т. 2. С. 356.
[20] Там же. С. 533.
[21] Там же. С. 538.
[22] Там же. С. 668–669.
[23] Там же. С. 674.
[24] Там же. С. 359.
[25] Там же. С. 507.
[26] Там же. С. 533.
[27] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 277–392.
[28] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 28.
[29] Там же. С. 36.
[30] Там же. С. 61–62.
[31] Там же. С. 103.
[32] Там же. С. 157.

В. Хенсель

ВЕНЕТЫ, ВЕНЕДЫ И ИХ СВЯЗЬ С НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ И ПОЛЬШИ

Реконструкция этнографической карты праисторической Европы — это одна из самых увлекательных и в то же время очень трудных тем, поднимаемых специалистами многих научных отраслей, а среди них в особенности языковедами, археологами, антропологами и историками.

К этой проблематике не однажды и с большим успехом обращался и академик Б. А. Рыбаков. Высоко ценя его огромные достижения, я позволяю себе посвятить ему этот весьма сжатый по своему изложению этюд.

На решение проблем этнотопографии Европы хотя бы в общих чертах можно покуситься только в рамках междисциплинарных исследований. Исходными положениями для них были теории: 1) стадиального преобразования языков; 2) так называемого генеалогического дерева и 3) интеграционной генеалогии. Первая из этих теорий считается ныне малоубедительной. Вторая, предполагающая, что отдельные народы развивались из малых ячеек («праколыбель»), все еще имеет своих сторонников в науке, но их число заметно падает. Зато возрастает значение интеграционной теории, предполагающей, что языки сложились в результате взаимодействия их разных групп и что этот процесс протекал на значительной территории. Эта теория не исключает возможности последующего наложения части уже сложившихся языковых массивов на другие выделившиеся языковые образования в результате миграции, что могло повлечь за собой поглощение инородной языковой группы.

В зависимости от того, какая из вышеназванных теорий будет принята, по-разному определяются древнейшие места расселения венетов — народа индоевропейского происхождения, который прежде неоднократно отождествлялся с иллирийцами, а также со славянами. Неясна этимология наименования Veneti на латинском и Ἐνετοί на греческом языке. Считается, что это слово могло обозначать людей «благородных», «пришельцев извне» (т. е. чужестранцев), «больших», «любящих род, принадлежащих к роду», «дружественных» или «досточтимых». Североиталийских венетов легенда со времен Ливия отождествляла с беглецами из Трои. Они считались людьми, «пришедшими извне».

В более новых исследованиях принято считать, что этот народ в отношении языка отличен от иллирийцев и славян. Его язык стоял в близком родстве к латино-фалискскому, а его италийско-адриатические поселения подверглись позже иллирийскому влиянию.

Полагаю также, что его кристаллизация происходила на значительной территории, охватывавшей первоначально, по-видимому, Северную Италию (где он должен был, однако, вначале сожительствовать с лигурами) и северную Югославию, южную Германию (Боденское озеро носило название lacus Venetus), Центральную Европу и значительные части Северной Европы — от Бретани до устья Вислы. В таком случае западная часть территории так называемой лужицкой археологической культуры от Лабы (Эльбы) до Вислы могла находиться во владениях венетов. На этой территории венетскими считаются наименования рек, например Одра, Драва, Дрвенца, Опава, Нотець, Неца и Вежица. В час-

ти этих земель венеты жили «островами» в соседстве с другими народами. Известно также, что наименования, свидетельствующие о венетском происхождении, встречаются на еще более обширной территории, например в Англии, Дании, балтийских странах, Македонии и Малой Азии. Видимо, эти территории не составляли исконных земель венетов, а были ими колонизированы. Вершина их развития приходится, по всему вероятию, приблизительно на 1000 г. до н. э., после чего они клонятся к упадку.

Следовательно, они жили на территориях, на которых затем сложились или жили другие народы, ассимилировавшие их в языковом отношении. Так, они подверглись латинизации в северной Италии, возможно, перед началом новой эры, кельтизации — перед 500 г. до н. э. в Западной и частично Центральной Европе, германизации — не позднее, чем в это же время, в Англии и Дании, а также иллиризации и фракизации на Балканах и славянизации на землях между Одрой (Одером) и Вислой после 1000 г. до н. э. Следует сомневаться в том, что на всей очерченной мной выше территории существовал венетский язык с идентичными формами. Это был язык со сходными формами, а их дифференциация давала ему возможность единения с другими факторами, позволила оформиться многим отдельным языкам, в том числе кельтскому и славянскому, и вобрать в себя элементы других языков, например латинского или германского.

Именно эти различия, будучи одновременно проявлением некоторого отличия в психике и мышлении отдельных венетских групп, а также неоднородного соседства, привели к тому, что определенные особенности выявились в чертах материальной и духовной культуры, закодированные в памятниках,открываемых при раскопках, производимых на территории указанных земель.

Я ограничусь здесь только примерами, почерпнутыми из археологических культур — лужицкой культуры в ее части, расположенной между Лабой и Вислой, и памятниками, найденными в Северной Италии, в частности в Падуе.

Их объединяет близкий тип основных занятий, сходный способ удовлетворения потребностей повседневной жизни в рамках домашнего промысла. И в первом, и во втором случае керамическая посуда лепилась вручную, хотя и имеются разницы в формах. Так же обстояло дело и с металлургией, которая в указанных регионах относилась к специализированным занятиям — ремесленным. Ею занимались также ремесленники — странствующие купцы.

К сожалению, у нас мало сведений о венетских поселениях в Северной Италии. Отсутствие широких исследований в этой области не позволяет формулировать общие выводы. Поселения сельского типа в обоих случаях состояли из нескольких, иногда более десятка, дворов. Как и у племен археологической лужицкой культуры, здесь имелись временные стойбища, устраиваемые в определенное время года в связи с занятиями, осуществляемыми вдали от постоянного поселения, которое носило главным образом характер оборонительный или являлось зимовкой. В окрестностях Падуи были разведаны только поселения сельского типа, но здесь установлено также наличие земляных городищ этого же периода. Однако они до сих пор еще не исследованы.

На основании материала из раскопок нам известно, что племена с отличительными признаками лужицкой культуры строили также на

землях между Одрой и Вислой после 700 г. до н. э., т. е. в период их славянизации, городища нескольких типов. Жилища строились из дерева. Их соотносимость со средиземноморским кругом цивилизации достаточно хорошо просматривается. В будущем может оказаться, что свой вклад при их возведении внесли и племена венетов из Северной Италии. Во всяком случае, начало лужицкого градостроительства на запад от Вислы относится ко времени, когда здесь жили венеты.

Классическим примером одного из типов городищ являются руины, открытые на полуострове на Бискупинском озере, исследование которых началось в 1934 г., т. е. более 50 лет назад, и продолжается поныне. Городище было расположено на тогдашнем острове (его площадь 20 тыс. кв. м). В плане оно имело форму овала, вытянутого с севера на юг, было окружено волнорезом и деревянно-земляным оборонительным валом шириной свыше 3 м (от 3,2 до 3,8 м). Кроме того, в северо-западной части за волнорезом имелся еще и ледорез. Внутрь овала была вписана коммуникационная система и домовые постройки. Главным коммуникационным трактом была ведущая вдоль вала круговая улица шириной 2,8 м. Она соединяла 13 рядов домов (общим числом около 100) площадью по 70—90 кв. м, поставленных тесно торцами друг к другу вдоль 11 поперечных улиц шириной 2,6—2,8 м, идущих с востока на запад. Дома возводились из бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов, с деревянным полом на подстилке и имели, как правило, по два помещения (горницу и сени). Очаги располагались в восточной части, что имело связь с культом огня. Спали в западной части дома. Вход находился в южной стене дома. Все это указывает на космогоническое мышление строителей городища. Ворота шириной около 2,62 м по внешней стороне и 2,98 м по стороне, обращенной внутрь поселения, находились в юго-западной части городища. Внутри городища к воротам примыкала вымощенная деревом площадка размером свыше 200 кв. м. С берега к воротам вел деревянный мост.

О Бискупине можно сказать, что его планировка принадлежит к выдающимся достижениям строительства предысторической Европы. В своей группе он является памятником наивысшего класса.

Строились городища и с другой внутренней планировкой. Иногда, кроме окружной улицы и поперечных улиц, имелся также прямой коммуникационный тракт значительной ширины (до 5 м), делящий все поселение с севера на юг как бы на две половины. Затем строились городища с домами, размещенными по окружности вала, со свободной площадью внутри. Во всех поселениях, независимо от почитания божеств в домах, были места для проведения общих торжеств.

Часть импортных изделий, происходящих из Италии и найденных среди лужицких объектов, может быть, венетского происхождения, так же как из Польши в северную Италию попадал янтарь.

Имелись, по-видимому, аналогии в одежде, особенно в обрядных уборах. Их можно установить и в музыкальном инструментарии. К этой группе принадлежит, наверное, род флейты «ПАН», остатки которой найдены в одном из городищ лужицкой культуры.

Общими были элементы религиозных верований, в которых большое значение имели культы солнца и плодородия. Культовые статуэтки со сходными чертами встречаются среди изделий лужицкой культуры и венетских находок из Падуи. Общей чертой всех венетов был погребальный обряд, как правило, сожжение трупов.

После этих суммарных замечаний следует перейти к выводам.

1. В древней истории польских земель и северной Италии (также и самой Падуи) существовал период, когда здесь жили венеты — народ индоевропейского происхождения, который в далеком прошлом, т. е. после 2000 г. до н. э. (а возможно, только после 1800 г. до н. э.), сложился этнически либо на обширной европейской территории, охватывавшей некоторые части Северной, Центральной и Южной Европы, либо в Центральной Европе, откуда затем (возможно, в XVIII или XVII в. до н. э.) расселился на территории, где его пребывание удостоверено. Это был период, в который венеты играли большую роль в истории Европы.

2. Относительно рано начался период падения венетского языка, господствовавшего в разных частях Европы. Сначала этот процесс охватил северные области, в том числе и Польшу, хотя в некоторых ее районах это могло наступить относительно поздно, может быть, даже в последние века до н. э. или в самом ее начале.

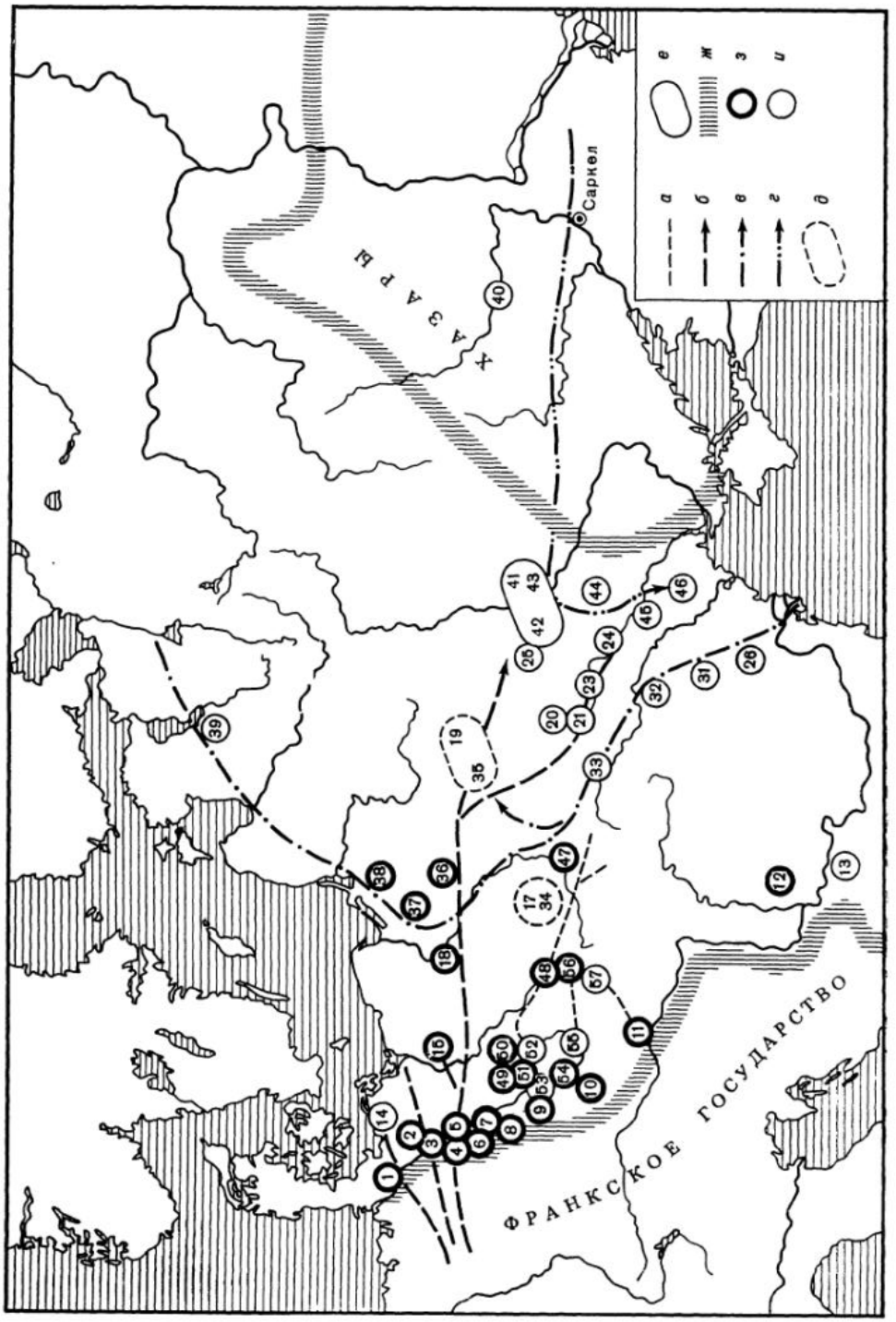
3. В Польше передвижение праславян на запад после 1000 г. до н. э. вплоть до Одры привело к тому, что часть живших здесь венетских племен подверглась процессу славянизации. В это же время славяне в бассейне Одры столкнулись с германцами. Ввиду поглощения, а не уничтожения венетов славянами последние немногим отличались от них в антропологическом отношении. Понятно, что германцы не ориентировались в произошедших этнических переменах и продолжали называть своих восточных соседей венедами или вендами (германский вариант наименования венетов). Под этим именем славяне были зафиксированы античными и византийскими авторами (Плинием, Тацитом, Птолемеем, Иорданом). Другими словами, после 1000 г. до н. э. наименование венетов относилось к двум разным этническим группам: а) населению, говорящему на венетском языке, и б) славянским племенам (венеды, венды).

4. Венетские племена, жившие в северной Италии, сохранили свою языковую обособленность до I в. до н. э., когда они начали подвергаться процессу латинизации.

5. Как в Италии, так и в Польше не было физического уничтожения древних венетов. В обоих случаях они были ассимилированы разными языковыми группами — латинской и славянской, что привело к их дальнейшей языковой и культурной дифференциации.

6. В таком смысле венеты занимают свое место в историческом и культурном развитии польского и североиталийского населения.

7. Венеты не являются прямыми предками населения ни северной Италии (в том числе побережья Венецкой лагуны), ни Польши. Они являются их прапредками.


Сарикел
ХАЗАРЫ
ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО
а
б
в
г
д
е
ж
з
и

И. Херрман

RUZZI. FORSDEREN LIUDI. FRESITI. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОСНОВАХ «БАВАРСКОГО ГЕОГРАФА» (первая половина IX в.)

Первым и единственным источником, в котором взаимосвязанно перечислены места обитания и названия племен на востоке Центральной и в Восточной Европе в IX в., является «Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii». До известной степени это перечисление областей и населяющих их народов и племен, называемое также Баварским Географом, отражает уровень знаний и осведомленности о географической и этнической ситуации к востоку и к северу от Франкской империи. Кроме того, «Descriptio» содержит данные о внутреннем членении племен на области, называемые источником civitates. Контрольные исследования, проведенные на основе письменных и археологических источников, позволяют судить, что в приграничной полосе Франкской империи они идентичны бурговым округам (Burgbezirken). Следовательно, мы имеем дело с информацией о внутренней военно-политической структуре пограничных племен. Для более отдаленных областей данные неточны.

Сам источник сохранился в единственной рукописи, относимой, по палеографическим данным, к IX в. История рукописного сборника, хранящегося ныне в Мюнхенской государственной библиотеке, выяснена не полностью. Тем не менее можно, вероятно, считать установленным, что листы 149 и 150, которые содержат «Descriptio», около 850 г. были включены в состав более обширной рукописи, принадлежавшей монастырю Рейхенау на Бодензее[1]. Следовательно, «Descriptio» возникло до 850 г. Некоторые исследователи датируют его лишь второй половиной IX в.[2] «Descriptio» содержит различные сведения, которые сами по себе могут относиться к различным десятилетиям в

Рис. 1. Точно фиксируемое и вероятное расположение линий коммуникаций и пограничных племен, на котором строит свое описание Баварский Географ

а, б, в, г — торговые пути; *д* — дублированные названия племен; *е* — локализация нескольких племен; *ж* — западная граница Хазарии и восточная граница Франкского государства; *з* — бурговые округа; *и* — локализация отдельных племен. Группа I — племена, пограничные с Франкской империей *1* — Nortabtrezi; *2* — Vuilci; *3* — Linaa; *4* — Bethenici; *5* — Smeldingon; *6* — Morizani; *7* — Hehfeldi; *8* — Surbi; *9* — Talaminzi; *10* — Beheimare; *11* — Marharii; *12* — Vulgari; *13* — Merehani. Группа II — племена, расположенные на торговом пути Бардовик — устье Одера; *14* — Osterabtrezi. Группа III — племена, расположенные на торговом пути Магдебург — Лебус — Познань — Киев; *15* — Mioxi; *16* — Phesnuzi; *17* — Thadesi; *18* — Glopeani; *19* — Zuireani; *20* — Busani; *21* — Sittici; *22* — Stadici; *23* — Sebbirozi; *24* — Unlizi; *25* — Neriuani. Группа IV — племена, расположенные вдоль торгового пути устье Дуная — Днестр — Висла — Балтика; *26* — Attorizi; *27* — Epteradici; *28* — Vuillerozi; *29* — Zabrozi; *30* — Zuetalici; *31* — Aturezani; *32* — Chozirozi; *33* — Lendizi; *34* — Thafnezi; *35* — Zeriuani; *36* — Prissani; *37* — Velunzani; *38* — Bruzi; *39* — Vuizumbeire. Группа V — племена, расположенные вдоль пути Саркел — Киев — Византия: *40* — Caziri; *41* — Ruzzi; *42* — Forsderen Liudi; *43* — Fresiti; *44* — Serauici; *45* — Licolane; *46* — Ungare. Группа VI — племена, расположенные вдоль торгового пути Краков — Баунцен — Эрфурт — Прага — Краков: *47* — Vuislane; *48* — Sleenzane; *49* — Lunsizi; *50* — Dadosesani; *51* — Milzane; *52* — Besunzane; *53* — Verizane; *54* — Fraganeo; *55* — Lupiglaa; *56* — Opoloni; *57* — Golensizi

период между падением аварской державы и серединой IX в. Так, сведения о северо-западной славянской территории (группа I нашей систематизации) явно восходят ко времени интенсивных столкновений в начале IX в., в то время как сведения группы V (рис. 1) относятся, вероятно, к 839 г.[3]

Применительно к истории Восточной Европы источник использовался в незначительной мере из-за того, что его данные сплошь и рядом не поддаются проверке, его датировка неопределенна и дискуссионна, а источник сведений, на которых базируется «Descriptio», неизвестен. Баварский Географ содержит, однако, по крайней мере два заслуживающих внимания сообщения о Восточной Европе. Во-первых, здесь говорится о происхождении славянских племен: «Zeriuani, quod tantum est regnum, ut ex eo cuncte gentes Sclauorum exorte sint et originem, sicut affirmant, ducant». (Zeriuani, чья область столь велика, что оттуда якобы вышли все племена славян и оттуда, по их словам, ведут они свое происхождение). Во-вторых, кое-что сообщается о русах: «Caziri civitates 100 Ruzzi, Forsderen Liudi, Fresiti, Serauici...». Весомость этих свидетельств можно оценить, лишь уяснив себе внутреннюю структуру источника. Она в свою очередь связана с вопросом о форме и характере информации, суммированной в «Descriptio».

Очевидно, имелось несколько источников информации, из которых исходил автор «Descriptio». Основой первой группы сведений была восточная граница Франкской империи. Она простиралась от датчан на севере до болгар у Белграда (рис. 1). Эта часть описания достоверна, хотя и основывается на данных разного времени. Вероятно, информант имел перед собой карту, из которой он заимствовал названия племен и соответственно количество принадлежавших племенам бурговых округов (civitates). Когда он, например, пишет о пруссах («Bruzi») (рис. 1, группа IV, № 38), ему напрашивается сравнение: «Bruzi», область которых обширнее, чем пространство между Эмсом и Рейном. Надо думать, именно исходная карта, на которой «пруссы» были помещены между Вислой и Неманом, навела автора на сравнение. Проверке поддается наряду с первой группой сведений группа VI (рис. 1). Перечисление явно ведется вдоль известного из многих других источников IX—X вв. трансевропейского торгового пути из Испании через Рейнскую область и Эрфурт на Краков или от Рейнской области через Прагу на Краков и Киев[4]. От вислян (Vuislani) на Верхней Висле автор следует по торговому пути до лужичан (Lunsizi) и мильчан (Milzane). Оттуда он поворачивает (так как доленчане Talaminzi, обитающие в приграничной с Франкской империей области, были уже названы в группе I) на юг в направлении к Праге. От Праги шло южное ответвление торгового пути — через Судеты к Кракову.

Так как в двух поддающихся проверке случаях соблюден порядок описания вдоль дорог и границ, то можно предположить, что составитель «Descriptio» руководствовался этим же принципом и в тех частях своего изложения, которые не могут быть перепроверены таким же образом. Поэтому при попытке вычленить информационные слои следует исходить из линий коммуникаций, т. е. линий торговых путей IX в. Для западнославянской области их главные направления известны. Археологически они обозначены находками кладов и импорта. Для Восточной Европы известия более скудны. Однако и здесь археологические находки в сочетании с сообщениями письменных источников дают примерную картину основных линий коммуникаций (рис. 2).

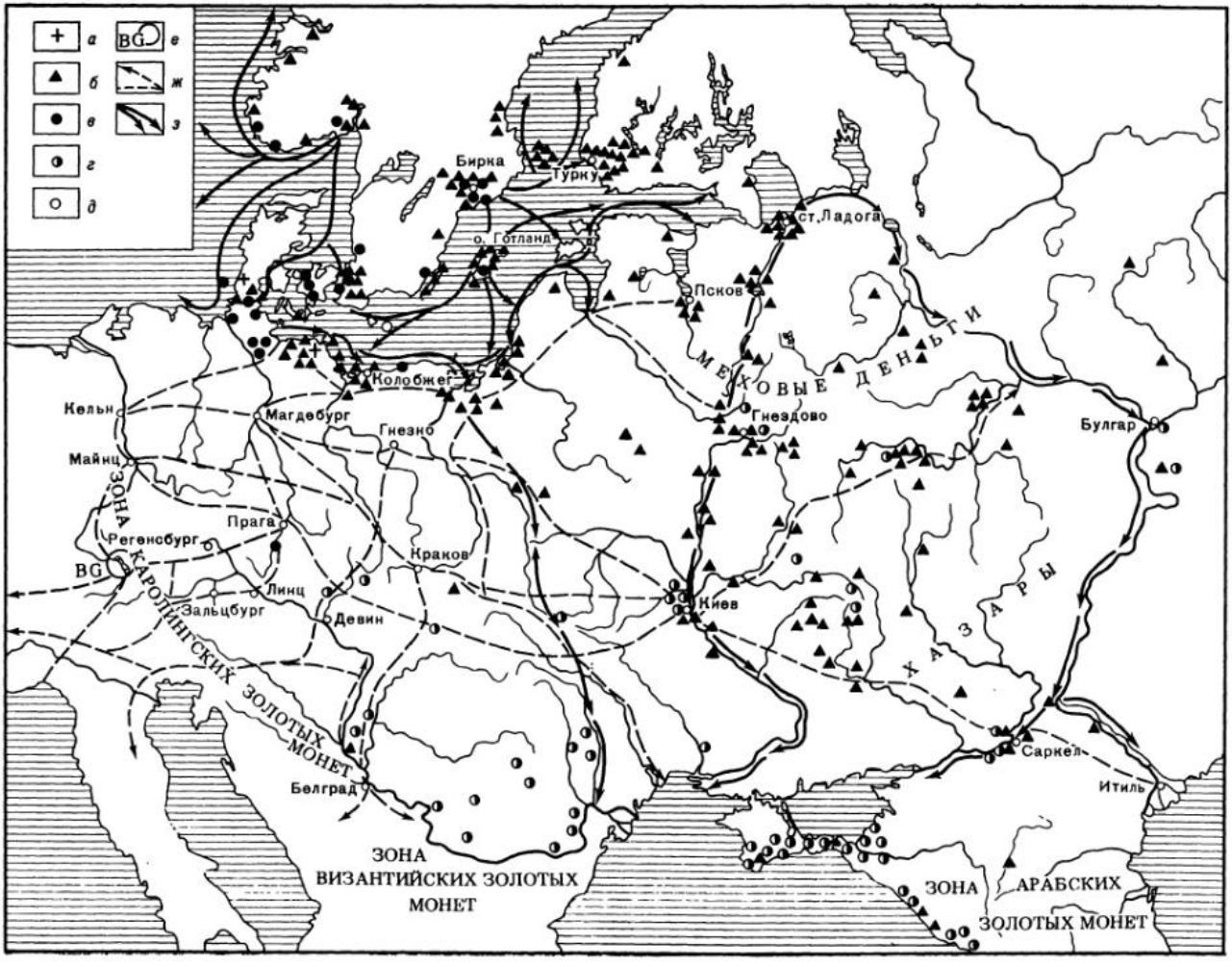


Рис. 2. Ареал франкских и византийских монет до 850 г. и главные линии коммуникаций и торговых путей

а, б, в, г, д, е — находки различных денег; *ж* — сухопутные пути; *з* — водные пути

Действительно, дальние племена явно упорядочены в соответствии с магистралями, ведшими в Восточную Европу или через нее: вдоль пути Рейнланд—Магдебург—Лебус—Познань—Восточная Европа (карта 2, группа III); на пути, соединявшем Черное море—Днестр—устье Вислы—Балтику (рис. 1, группа IV) и Саркел—Киев, Киев—Византию (рис. 1, группа V). Подобно тому как основу перечня племен группы VI составила запись данных вдоль большого торгового пути, этот способ расположения информации мог быть положен также в основу групп III, IV, V [5].

При этом возникли дублеты. Так, Zuireani упомянуты в группе III с 325 civitates (рис. 1, № 19); в группе IV (№ 35) появляется цитировавшаяся выше форма Zeriuani. Подобным же образом обстоит дело, видимо, и с Thafnezi (№ 34) и Thadesi (№ 17). В зависимости от угла зрения информанта, от того, из какого источника он узнавал имя, явно одни и те же племена упоминаются под разными наименованиями. О Talaminzi (№ 9) известно, что они также назывались гломачи. Hehfeldi (№ 7) называли сами себя стодоране; Dadosesani (№ 50) упомянуты в начале XI в. как Diadesi; Vuilci (№ 2) назывались Weletabi; Miloxi (№ 15), вероятно, были идентичны Licicavici на среднем Одере и Варте [6].

Двойное наименование или изменения племенного имени имели место в процессе развития также в Восточной Европе. Особенно интересны в этом отношении Busani (рис. 1, № 20). В летописи Нестора они упоминаются после северян. Они обитали на Буге, где позднее жили волыняне. И дальше говорится, что на Буге также сидели дулебы, «где сегодня сидят волыняне» [7]. Дулебы относились к древнейшим славянским племенам. Анализ археологического материала свидетельствует, что в ареале верховьев Западного и Южного Буга, Днепра, Десны, Немана в VIII—X вв. существовала ярко выраженная обширная культурная область. Из археологической культуры этой зоны ведут свое происхождение древнерусские племена волынян, древлян, полян и дреговичей [8]. Корни этой обширной археологической культуры восходят к культуре пражско-корчакского типа [9]. Как раз эта область и была обозначена информантами Баварского Географа как область Zuireani, или Zerivani. Zuireani считались праплеменем, от которого вели свое происхождение многие славянские племена. Баварский Географ, вероятно, является самым древним источником, который передает традицию о происхождении многих славян из союза племен между Бугом и Днепром, Неманом и Южным Бугом. Busani были только одним из племен этой группы; изначальным, согласно традиции, племенем, по мнению информантов автора VIII или IX в., было племя Zuireani, или Zerivani; эту форму имени можно, пожалуй, связать с именем северян [10].

Ruzzi, Forsderen Liudi, Fresiti упоминаются в V группе. Если информационные пласты I, II, III и VI стоят в связи с границами Франкской империи и соответственно с отходящими оттуда путями сообщения, то для V информационного пласта такой взаимосвязи нет. Известны исходные и конечные пункты: хазары, венгры, расселившиеся к этому времени в северо-восточном или северо-западном Причерноморье [11]. Между ними располагались Ruzzi, Forsderen Liudi, Fresiti, Serauci, Lucolane. Два последних из названных племен нельзя с уверенностью локализовать, однако они должны были обитать за пределами хазарского каганата и венгерского племенного союза.

Вероятнее всего, осью описания служил путь из Саркела на Киев и оттуда — на юг, в Византию.

Скудность информации порождает ряд вопросов. Информанты, употреблявшие слова «Forsderen Liudi, Fresiti» очевидно, происходили из Северной или Северо-Западной Европы. Термин «liudi» объяснить легко. Он часто встречается во франкских анналах в форме «Nordleudi», «Nordliudi» применительно к саксам на север от Эльбы. В хорографии Орозия упомянуты «greca leode», т. е. греки. Древнесаксонский «Хелианд» использует этот термин постоянно. По-разному понимают «Forsderen». Так, один из первых исследователей «Descriptio» интерпретировал это слово как «лес», «чаща» (ср. нем.: Forst — «лес») и соответственно — «Forsderen Liudi» как «лесные люди» [12]. Однако лучше обоснованной является интерпретация этого термина как «Erste Leute», «Vorderste Leute», «Fuhrendes Volk», т. е. «первые, руководящие люди» [13]. «Fresiti» связывали с этнонимом «фризы». В Северо-Западной Европе, однако, это слово в то время означало «Freigesessenen», «Freisassen», т. е. людей, живущих на собственной земле [14].

Редчайшим случаем в истории текстов является тот факт, что в случае «Ruzzi, Forsderen Liudi, Fresiti» можно точно установить процесс возникновения этого сообщения. В IX в. из Восточной Европы люди соответствующего ранга и образованности редко приезжали в Центральную и Западную Европу. Поэтому о таких случаях подробно сообщалось императорскому двору и к ним соответствующим образом относились. Одному такому событию обязаны мы сообщением Бертинских анналов, относящимся к 839 г. Бертинские анналы продолжают после 829 г. франкские имперские анналы. Между прочим они сообщают о дипломатической миссии византийского императора Феофила к франкскому императору Людовику, который и принял это посольство в Ингельхайме под Майнцем. Византийский император прислал вместе с посольством из Византии «также некоторых людей, которые себя, т. е. род свой, называли „Rhos“; их король, называемый каганом, послал их, как они говорили, к нему (Феофилу) из дружбы. И он (Феофил) просил в упомянутом письме, чтобы они получили благодаря императорской милости разрешение и поддержку на то, чтобы возвратиться домой через его империю, избежав, таким образом, опасностей, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал через земли, населенные варварами, свирепыми и дикими, и он не хотел, чтобы они опять повторили его, и таким образом снова подвергли бы себя опасности. Император Людовик, расспросив их обстоятельнее о причине приезда, узнал, что они принадлежали к народу свеонов (Sueones), и так как ему показалось, что они скорее лазутчики в его и Феофила империи, чем посланники мира, то он принял решение удерживать их при себе до тех пор, пока не будет установлено точно, пришли ли они с честными намерениями или нет. Он не замедлил сообщить об этом письмом Феофилу через его же послов, а также о том, что он охотно примет этих мужей из дружбы к нему (Феофилу) и, если окажется, что они люди, заслуживающие доверия, и представится возможность возвратиться (им) на родину безопасно, то они будут отправлены домой при его поддержке, в противном случае их возвратят ему с нашими послами, с тем чтобы он сам решил, как с ними следует поступить» [15].

Создается впечатление, что под Sueones имелись в виду люди шведского происхождения, находившиеся на службе кагана русов. Неясно, однако, собирались ли они возвращаться на Русь или в Скандинавию. Изначальным было, очевидно, намерение возвратиться из Византии

к кагану русов, но осуществлению его воспрепятствовала беспокойная обстановка в степи.

Люди из Руси были насколько возможно подробно расспрошены. Весьма вероятно, именно они были теми, кто сообщил этнографические сведения о местах между хазарами и венграми. При этом Ruzzi характеризовались как Forsderen liudi, Fresiti [16]. То, что при этом имелось в виду, понятно: Ruzzi считались руководящими, первыми людьми — первым, главным народом. Они были Fresiti, Freisassen, т. е. независимые. Так как это заявление следует непосредственно за упоминанием о хазарах, то вероятнее всего предположить, что акцентирование авторитетного положения русов должно было подчеркнуть независимость их от хазар. Если исходить из предположения, что Баварский Географ руководствовался сведениями от 839 г. то мы располагаем для этого времени однозначным свидетельством о независимости русов от хазаров, при этом понятие Chagan применительно к правителю русов может, вероятно, восходить к прежней зависимости.

Более 30 лет назад Б. А. Рыбаков написал статью о происхождении Руси. Он определил ядро Руси и пришел к выводу: «Нам совершенно неясен процесс объединения племен и племенных союзов вокруг Руси в VII—VIII вв.: мы знаем лишь конечный результат — сложение к IX—X вв. единой культуры, единого языка, единой государственной территории» [17]. Если мы правильно понимаем Баварского Географа в двух рассмотренных нами пунктах, то тогда видно, что этот процесс, исследованный Б. А. Рыбаковым, в первой половине IX в. шел полным ходом. Правда, сохранялась еще, по сведениям информантов Баварского Географа, большая племенная группа Zuireani. Но они, как свидетельствует обособленное упоминание Busani, были охвачены процессом дифференциации. Поляне, напротив, не были еще засвидетельствованы отдельно. Но в самосознании пришельцев из Руси русы занимали там уже преимущественное положение.

[1] *Novy R.* Die Anfänge des böhmischen Staates. Prag, 1968. T. 1. S. 131—149; *Pilar O.* Dilo neznameho bavarskeho geografa // Historicka Geografie Pr., 1974. Tom. 12. S. 205—282; *Schafarik P. J.* Slawische Alterthümer. Leipzig, 1844. T. 2. S. 136 ff.

[2] Свердлов М. Б. (*Свердлов М. Б.* Известия о локализации древней Руси в немецких источниках IX—XII вв. // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1975. № 107, вып. 1. С. 72—76) относит, следуя в этом за Х. Ловмяньским, первую часть к 840 г., вторую часть, в которой находится сообщение о «Ruzzi»,— к 870 г.

[3] *Fritze W.* Die Datierung des Geographus Bavarus und die Stammesverfassung der Abodriten // Ztschr. slaw. Philol. 1951. Bd. 21, H. 1. S. 326—342. Он датирует сообщение об ободритах (группа I) 844 г.; *Herrmann J.* Siedlung. Wirtschaft und Gesellschaft der slawischen Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe. B., 1968.

[4] Сведения, почерпнутые из морских путешествий по Балтике, Баварской Географ не использует (ср., например, англосаксонскую хорографию Орозия конца IX в. в публикации и с комментариями Гавлика: *Havlik L.* Slované v anglosaské chorografii Alfréda Velikého // Vznik a počátky slovanů. Pr., 1964. Sv. 5. S. 53—85).

[5] Следует обратить внимание на то, что Vuizumbeire (№ 39, карта 2) правомернее ставить в связь не с «Barmia» Скандинавии (как это зачастую делают), но с областью «barmusia» арабских географов. Ср. карту: Wikinger und Slawen. B., 1982. S. 69.

[6] Slownik starożytnosci słowiańskich. Wrocław etc., 1967. T. 3. S. 56, 259.

[7] ПВЛ. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 13, 14.

[8] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 90—101.

[9] Там же. С. 13.

[10] См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах // Славян-

ские древности. Киев, 1980. С. 11–45; *Мавродин В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 69, 165.

[11] *Рыбаков Б. А.* К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. № 18. С. 128–150; *Fodor I.* Die große Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982. S. 248.

[12] *Zeuß K.* Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. S. 623. С этим совпадает также мнение германиста К. Мюллера (Берлин), к которому я обращался за консультацией. Он связывает это понятие с древневерхнегерманскими forstāri/Förster. Соответственно можно было бы предположить, что, однако, мало вероятно, что речь идет о переводе имени древлян.

[13] В англосаксонском раннесредневековом праве есть, например, «Fyrestemen», «Nordleoda». См.: *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. S. 6, 448 u. a.; 1906. Bd. 2. S. 79, 82. В остготских установлениях 1300 г. (Talsfragment/Hrsg. E. Olson. Lund, 1911, S. 101, 104) и след. речь идет о «forstendere», «forstandre» – предводитель.

[14] «Frigman», «landsetene», «landsida», «fridsettan», «fridsetten» фигурируют в англосаксонских правовых источниках раннего средневековья – ср.: *Liebermann F.* wie Anm. 13, S. 9, 447, 448 u. a.; *Schmid R.* Die Gesetze der Angelsachsen. Leipzig, 1858. S. 585 u. a.

[15] Annales Bertiniani a. 839 // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. B. etc. T. 2. S. 44.

[16] А. В. Назаренко полагает (*Назаренко А. В.* Об имени «русь» в немецких источниках IX–XI вв. // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 46–57), что «Ruzzi» было типичным древневерхнегерманским обозначением русов. Этот вывод вызывает сомнение. С XI в. известные формы свидетельствуют прежде всего о связи с древнесаксонской языковой общностью. *Harder H.-B.* Zur Frühgeschichte des Namens der Rusen und der Bezeichnung ihres Landes // Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter. Sigmaringen, 1978. S. 489 ff.

[17] *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. № 17. С. 23–104.

С. О. Шмидт

А. С. ПУШКИН О «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Всемирно знаменитым произведением древнерусской литературы является «Слово о полку Игореве» [1]. Это не просто памятное произведение о знаменательном событии; оно само сделалось событием и в современном понимании этого слова. Значение «Слова о полку Игореве» было не в том, что им сохранена память о факте истории, памятник сам стал восприниматься тогда как знаменательный факт истории. «Слово о полку Игореве» способствовало становлению взгляда на создание великих культурных ценностей как на великое историческое деяние, достойное увековечения. В биографии «Слова о полку Игореве» есть два этапа, как бы две жизни: до XVI–XVII вв. и возрождение его уже к вечной жизни на рубеже XVIII и XIX вв. Знакомство со «Словом о полку Игореве» произвело сразу же огромное впечатление на литераторов. В оценке его сошлись и «карамзинисты» и «шишковисты». Началось и неослабевающее воздействие «Слова» на язык и образность художественной литературы, особенно поэзии [2]. Издание «Слова о полку Игореве» стало и живительным толчком к изучению древнерусского языка и других памятников культуры древней Руси – словесных, вещественных, изобразительных, повлияло на развитие исторической образованности.

«Слово о полку Игореве», как известно, вызывало восхищение А. С. Пушкина, знавшего его наизусть. Он не только использовал об-

разы «Слова» в своих сочинениях, но позднее специально изучал текст «Слова», первые его переводы, труды, посвященные «Слову», и сам готовил, очевидно, и новый перевод «Слова» и труд — употребляя современную терминологию — историко-литературоведческий и текстологический. Можно полагать, что именно «Слово о полку Игореве» в значительной мере побудило Пушкина, занятого в последние годы жизни историческими изысканиями, к исследованиям и в области истории литературы.

Тема «Пушкин и «Слово о полку Игореве» серьезно разрабатывалась литературоведами еще в 1930-е годы. Постарались выявить все упоминания о «Слове» в сочинениях Пушкина (даже в черновых заметках), книги библиотеки Пушкина, которые могли его заинтересовать в связи с изучением «Слова», переписку тех лет, воспоминания о споре с М. Т. Каченовским во время посещения Пушкиным университета в 1832 г. и об увлеченности Пушкина работой по подготовке нового издания «Слова» в последние месяцы и дни его жизни. Попытались определить значение наблюдений Пушкина над текстом «Слова» и в плане соответствия уровню науки его эпохи и для дальнейшего исследования «Слова» [3]. Работы, опубликованные в последующие годы, по существу не расширили источниковую базу исследований этой проблематики.

В этой статье речь пойдет об одном из аспектов проблемы — о понимании Пушкиным места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе. Место «Слова» охарактеризовано в неопубликованных при жизни фрагментах сочинений 1830 г. и рубежа 1833—1834 гг. Мнение о древнерусской литературе, ее памятниках (особенно летописях, а также о «Сказании о Мамаевом побоище»), соотношении ее с литературой XVIII в. можно узнать и по некоторым другим сочинениям Пушкина. Особенно важны заготовки работы исследовательского характера, специально посвященной «Слову», датируемой пушкинистами 1836 г. Немало можно извлечь из писем других лиц и воспоминаний о Пушкине.

Испытав на себе завораживающее действие «Слова о полку Игореве» и сразу же постигнув, что оно — высочайшая вершина древнерусской литературы, Пушкин первоначально полагал, что «Слово» «возвышается единственным памятником» в «темной степи» «старинной словесности» (XI, 184) *. Но есть основания думать, что постепенно взгляды Пушкина по мере все большего включения в сферу его интересов русской истории и древнерусской литературы, с расширением его специальных научных знаний претерпевали изменения. Если в 1830 г. Пушкин писал, что «к сожалению, старинной словесности у нас не существует» и «словесность наша явилась вдруг в 18 столетии» (XI, 184), то в 1834 г., продолжая придерживаться мысли «о ничтожестве литературы» допетровской Руси и, возможно, используя наброски 1830 г., он снова пишет о «Слове» в близких, однако уже не вполне схожих выражениях: «Слово о полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (XI, 268). Здесь речь идет не о «единственном», а об «уединенном» памятнике, не о «степи», т. е. ровной местности, а о «пустыне». Под «пустыней» можно понимать не только пустую, лишенную обитателей, но и опустошенную местность. Особенно же знаменательно то,

* Ссылки на сочинения Пушкина даны по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома I—XVI, 1937—1949). Латинская цифра означает том, арабская — страницу.

что в сочинении 1836 г., когда изучение «Слова», рассматривавшееся сначала Пушкиным как часть задуманной им работы (или работ), стало окончательно осознаваться как тема самостоятельного большого исследования, мысли о «Слове о полку Игореве», как об единственном или даже уединенном памятнике древнерусской литературы и вообще об отсутствии письменной литературы в России до XVIII в. не нашлось уже места.

При изучении вопроса о развитии представлений А. С. Пушкина относительно места «Слова» в древнерусской литературе и о ее культурно-историческом значении приходится ограничиваться рассуждениями предположительного характера. Пытаться разобраться в этом можно, только рассматривая изменение представлений в динамике и во взаимосвязи с особенностями развития всего творчества А. С. Пушкина в те годы, с изменениями уровня его познаний в области истории и истории литературы.

Первоначально суждения Пушкина о характере культуры древней Руси вряд ли отличались от распространенных в ту пору и сложившихся как раз в первой четверти XIX в. Культурный уровень России XVII в. казался подобным уровню так называемого простонародья XIX в. Предполагали, что европейское просвещение пришло в Россию лишь с реформами Петра I [4]. Немногие деятели культуры (среди них М. В. Ломоносов [5], Н. И. Новиков), сумевшие приблизиться к пониманию подлинного значения памятников истории и культуры древней Руси для культурного развития XVIII в., оставались тогда еще в меньшинстве. Преобладало мнение, отраженное с наибольшей четкостью в набросках Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (1834 г.), будто поколение Петра I застало «безграмотную изустную народную словесность» (XI, 495) и до этого Россия «оставалась чуждою Европе» (XI, 286). В период увлечения «оссианизмом» [6] «Слово о полку Игореве» воспринималось в русле и этих представлений, кстати высоко поднимавших значение устной словесности средневековья для развития литературы и общественного сознания (тем более, что это оказалось близким к эстетическим и историческим воззрениям романтиков). В комплексе таких общепринятых историко-литературных представлений и формировалось первичное восприятие Пушкиным «Слова» как памятника истории и культуры.

Попытку дать объяснение определению Пушкиным в 1834 г. места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе предпринял И. П. Лапицкий в 1950 г. Известно пушкинское высказывание о том, что дошедшие до нас сказки и песни беспрестанно поновлялись «изустным преданием» и вследствие этого «сохранили полуизглаженные черты народности» (XI, 268), но «Слово», по мнению Пушкина, было исключительным явлением в истории древней русской литературы, поскольку в этом памятнике «как нигде более сохранились неизгладимые «черты народности» [7]. Однако неизвестно, с какими другими памятниками древней нашей словесности Пушкин имел возможность сопоставлять «Слово» и как истолковывает И. П. Лапицкий широко распространенное в ту пору понятие «народность» (определение которому искал и Пушкин еще в заметках 1826 г. «О народности в литературе»). Более основательным кажется предположение известного историка древнерусской литературы А. С. Демина (высказанное в устной беседе со мной), что под пустыней можно понимать и «пустынь» как обитель церковной литературы. Пушкин относил к ней тогда и летописи, ибо в тех же набросках 1834 г.

заметил: «В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись» (XI, 268). Впрочем, летописью называл Пушкин (еще в 1827—1828 гг.) и «Историю великого князя Московского» Курбского (XI, 68). Но все-таки думается, что Пушкин не только в 1830 г., но даже и в 1834 г. не был еще достаточно глубоко знаком с памятниками древнерусской литературы, да и с историей России до середины XVI в., и высказывал, так сказать, расхожее мнение лиц его круга.

Не исключено, что Пушкин, отличавшийся особой памятливостью на прочитанные им тексты, употребил в 1830 г. определение «единственный» применительно к «Слову» не без влияния знакомства с III томом «Истории» Карамзина. Там Карамзин, развивая положения, кратко сформулированные им еще в 1797 г., писал: «... К несчастью, песни Бояновы и, конечно, многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большей частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь здания и хартии. Тем достойнее внимания «Слово о полку Игореве», будучи в *своем роде единственным* для нас творением (Курсив мой.— *С. Ш.*), и потому предложил пересказ содержания «Слова» и привел переводы некоторых мест «Слова», так как они «дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков» [8]. Но тогда Пушкин еще не обратил должного внимания на основной акцент мысли Карамзина, хотя к тому времени она и была повторена в изданиях, близких поэту, в том числе в статье А. А. Бестужева-Марлинского «Взгляд на старую и новую словесность в России» в «Полярной звезде».

Лишь позднее Пушкин овладевает умением — употребляя его же выражение — «вслушиваться» в «Историю» Карамзина (VIII, 42), вчитываться в его ученые примечания. Этому помог опыт работы с документами в архивах, ознакомления с исторической и филологической литературой, общения с учеными историками и филологами. Помогли и споры о «Слове о полку Игореве», поиски аргументов, подтверждающих древность этого памятника. Не перестаешь удивляться тому, с какой гениальной быстротой, с поистине моцартианской легкостью Пушкин — великий писатель — становится и историком, даже историком-источниковедом. Пушкин чувствовал в себе призвание «историографа». И в оценках современников, знакомых с его работой, представлялся наиболее выдающимся историком послекарамзинского периода развития нашей исторической науки — именно от Пушкина ожидали на этом поприще очень многого [9]. Углубленное изучение времени Петра I не могло не показать Пушкину того, сколько взаимосвязей в истории начала XVIII столетия и допетровской Руси. Вряд ли мимо взора Пушкина-историка прошли факты, свидетельствующие о том, что между Восточной и Западной Европой было немало общего и в период средневековья и Русь не была отсталой страной, лишенной всех черт, характерных для европейской культуры.

Одним из дополнительных толчков для размышлений по этому поводу послужила публикация «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Сочувствуя автору в его критике язв крепостнического самодержавия, Пушкин не мог согласиться с Чаадаевым в оценке прошлого России. И характерно, что в ответ на высказанную Чаадаевым мысль, будто в России не найти «ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно» [10], Пушкин писал 19 октября 1836 г.: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться...» (XVI, 395). Не-

безынтересно, что Пушкин употребил слово «ничтожность», напоминавшее о заголовке набросков его статьи 1834 г., в которой читаем, будто в отличие от Западной Европы «старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей» (XI, 268).

В это время Пушкин уже не только замыслил создать о «Слове о полку Игореве» труд, приближающийся по типу к почитаемому тогда в ученых кругах России и Запада труду А.-Л. Шлецера о древнерусских летописях, но и, основательно подготовившись, приступил к этой работе. Наброском части ее можно признать текст конца 1835 г., озаглавленный «Песнь о полку Игореве». А. И. Тургенев сообщал 13 декабря 1836 г. брату Николаю в Париж о том, что Пушкин «хочет сделать критическое издание сей песни вроде Шлецерова Нестора» [11]. Сохранились заметки и выписки близкого к этому времени, сделанные Пушкиным при чтении перевода книги Шлецера (XII, 209).

Если в 1834 г. Пушкин допускал еще возможность говорить о «Слове» как об «уединенном и спорном памятнике» (в одном из вариантов наброска статьи) (XI, 514), то в 1836 г. он решительно и однозначно высказывает свою точку зрения. Пушкин считал, что подлинность «Слова» «доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться» (XII, 147), и сформулировал важнейшие положения — и как знаток языка и истории древней Руси и как человек, великолепно осведомленный в языке и литературе России XVIII в.,— убедительно опровергающие «скептиков».

К 1836 г. у Пушкина сложились высокие требования к «ученым пропзведениям», рассчитанным на «знающих людей». Это — «плоды долгих изучений и терпеливых изысканий» (XII, 101). Естественно, что Пушкин должен был со столь же высокими требованиями подойти к исполнению задуманного им труда о «Слове о полку Игореве». Сначала он в этой связи обратился к памятникам русского фольклора, который и прежде его интересовал, и к памятникам древнерусского языка и других славянских языков. Возрастает, естественно, и его интерес к познанию памятников древнерусской литературы; а они в большей своей части оставались неизданными, и знакомы с ними были лишь те, кто изучал рукописи в древлехранилищах.

Можно полагать, что к этому времени Пушкин преодолевает не только чары оссианизма, но и предвзятое мнение о путях развития истории и культуры древней Руси, о ее литературе и с жадностью стремится освоить то, что помогает ему познать постепенно все более открывающийся его умственному взору «дух древности» русской истории. Пушкин буквально восторженно приветствует в рецензии 1836 г. издание «Ключа» к «Истории» Карамзина, подготовленное П. М. Строевым (XII, 136). Публикует он и рецензию на «Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно чтимых» (XII, 101—103). К концу 1836 г. относят и составление справки о В. Н. Татищеве (XII, 341—345). В ней написано об издании исторических трудов его и указывается на значение разбора Татищевым законов древней Руси — Русской Правды и Судебника 1550 г.

Пушкин тянется к людям, занятым изучением истории и литературы средневековой Руси, черпает не только из книг, но и в беседах такого рода. С достаточным основанием можно думать, что он получает сведения о древних рукописях и от А. Х. Востокова, описывавшего тогда рукописи Румянцевского собрания, и от П. М. Строева, М. П. Погоди-

на, С. Т. Шевырева, Н. Г. Устрялова и других, от ученых, с которыми встречался на заседаниях Российской академии. Не мог не знать Пушкин и об археографических экспедициях и предшествовавших им изысканиях и собирательской деятельности, а первый том Актов Археографической экспедиции вышел из печати в том же 1836 г.

Следует особо отметить, что возрастание внимания Пушкина к истории и литературе русского средневековья происходило именно в те годы, когда наблюдается поворот в отношении к памятникам отечественной истории и культуры той эпохи и у следующего за Пушкиным поколения. Если В. Г. Белинский в 1834 г. полагал, что до Петра I в России не было таких произведений искусства, то в 1838 г. он же восклицал: «Не говорите, что у нас нет памятников, ...они рассеяны повсюду ...но не всякий хочет заметить их» [12]. Опять-таки, в 1836 г. В. В. Пассек составляет программу издания «Очерки России», а с конца 1830-х годов данные о замечательных в историческом и художественном отношении местных достопримечательностях начинают регулярно публиковаться в губернских ведомостях (во Владимире — А. И. Герценом). Таким образом, Пушкин с его работой о «Слове о полку Игореве» стоял в преддверии перемен в оценке культурного наследия древней Руси.

Разговоры о «Слове о полку Игореве» беседовавшие с Пушкиным незадолго до его кончины характеризовали как «разговор по русской истории». Это было время приступа Пушкина к широкозамысленному исследованию исторического и филологического характера. Дошедшие до нас материалы 1836 г. и самого Пушкина, и о Пушкине, видимо, не в полной мере отражают то, что успел осмыслить Пушкин в этом плане. Но и то, что мы знаем, убеждает в более углубленном проникновении его в историю средневековой Руси (а не только России времени Петра I) по сравнению и со своими современниками и с Пушкиным недавних лет.

[1] *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 12.

[2] *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980; *Осетров Е. И.* Мир Игоревой песни. М., 1981.

[3] *Лернер Н. О.* Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве» // Пушкин, 1834 год. Л., 1934. С. 93–109; *Цявловский М. А.* Пушкин и «Слово о полку Игореве». Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 207–239; *Гудзий Н. К.* Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве» // Пушкин: Сб. ст./Под ред. А. М. Еголина. М., 1941. С. 260–291; *Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 338–374.

[4] *Лихачев Д. С.* Русская культура нового времени и Древняя Русь // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 3–7.

[5] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980.

[6] *Левин Ю. Д.* Оссиан в России // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983.

[7] *Лапицкий И. П.* «Слово о полку Игореве» в оценке А. С. Пушкина // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 276–277.

[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 3. Стб. 132.

[9] *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. М., 1985.

[10] *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1914. Т. 2. С. 111. См.: *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 95–96.

[11] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Л., 1928. С. 278.

[12] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 134–135; *Формозов А. А.* Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 203–209.

Ю. Л. Щапова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНЕРУССКОГО РЕМЕСЛА

«Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбакова ярко и мощно открыло древнерусское ремесло [1]. Исследователь создал теорию происхождения, структуры и эволюции древнерусского ремесла, собрав воедино все, что до того сохранялось в музейных запасниках и фондах, и подведя итог всему, что было сделано. Основой этой теории была морфология. Расположение частей и связь конструктивных элементов, изменения форм и декора отражали эволюцию древнерусского ремесла. Новая теория рождала новые задачи и перспективы, фундаментальное исследование открывало его следующий этап.

Главная отличительная черта следующего этапа — расширение методов исследования. Кроме морфологии, нашли применение методы естественных и технических наук, физическое моделирование. Отдельные успешные опыты применения этих методов имели место и ранее. На новом этапе они стали устойчиво применяемыми методами, с помощью которых быстро нарастало новое знание о предмете.

Новые знания наполняли созданную теорию новым содержанием, сохраняя основные ее положения и взгляды на происхождение, характерные черты и особенности древнерусского ремесла. Лишь немногие наблюдения и факты оставались за пределами теории.

Количество таких фактов постепенно росло, особенно в той области, которая связана с географией, внутригородской топографией, технологией отдельных ремесел и происхождением материалов.

Ремесло — это мелкое ручное производство, базой которого служат простые орудия труда и личное мастерство. Ремесло выступало последовательно в форме домашнего производства, работы на заказ или на рынок. Разные формы ремесла различаются по своей экономической сути: продукция домашнего ремесла и изготовленная по заказу служат удовлетворению личных потребностей непосредственно, продукция иных форм ремесла удовлетворяет личные и общественные потребности посредством рынка.

Натуральное хозяйство, которое составляло основу феодальной экономики, включало в себя разные виды деятельности. Ремесло в рамках натурального хозяйства иногда называется домашним, иногда домашними промыслами, иногда кустарным и т. д. Названия отражают изменения, которые претерпевает эта форма ремесла с течением времени. Термин домашнее ремесло более всего соответствует той разновидности промышленной деятельности, которая в феодальную эпоху и в предшествующие ей не нуждалась в рынке и не искала выходов к нему.

Домашнее ремесло, которое является наиболее древней формой, предшествует профессиональному ремеслу. Организационно оно было вписано в натуральное хозяйство большого коллектива (семьи или общины). Этот коллектив предоставлял помещения для занятия ремеслом, обеспечивал ремесленника продуктами питания и т. п. Отрасли домашнего ремесла представляли собой некоторую специализацию деятельности и первоначально не были связаны с общественным разделением труда.

Профессиональное ремесло, подобно любой профессиональной деятельности, характеризуется тем, что сам производитель-профессионал и его семья существуют за счет реализации продуктов своего труда. Профессиональное ремесло исторически более поздняя форма, оно составляет главную часть товарного хозяйства феодальной эпохи; товарную форму имела добыча полезных ископаемых, охота, рыбная ловля, сбор воска и меда, становились товарами излишки зерна, скота и домашней птицы, но главным было ремесло. Профессиональное ремесло с точки зрения теории систем представляло собою открытую систему, в регулировании которой принимали участие факторы внутренние и внешние, среди последних — спрос и рыночная конъюнктура. Выход ремесла на рынок создал мощные стимулы для развертывания потенциала, содержащегося в нем. Рынок и рыночная конъюнктура воздействовали на качество ремесленной продукции.

До возникновения рыночных связей главным качеством продукции домашнего ремесла была ее утилитарность, т. е. надежность, прочность, простота технологии и удобство в пользовании. Достижение этих качеств определяло стремление мастера к совершенствованию. Эстетика формы и другие качества, привлекающие внимание, были дополнительными, желательными, но не обязательными, за исключением, может быть, декора, который играл вотивную роль.

Выход ремесла на рынок изменил акценты в оценке качества продукции. Утилитарность, бывшая ранее доминантой, уступила часть своих позиций художественному началу, условия конкуренции определили поиск новых технологий и, следовательно, стимулировали интенсивность как фактор развития. Цели и границы домашнего хозяйства поиск нового исключали, поэтому интенсивность как фактор развития действовала ограниченно.

Основным фактором развития производства является потребление, и домашнее ремесло в силу своей прямой связи с потреблением наделено способностью чутко реагировать на малейшие изменения в последнем. Появление новых видов ремесла становилось конкретным выражением этой реакции и связи. Расширение номенклатуры, видов, географии производства без изменения их структуры является признаком экстенсивного развития как домашнего, так и профессионального ремесла.

Экстенсивность в развитии домашнего ремесла имела одно важное следствие: некоторые виды ремесленной деятельности, стимулируемые потреблением, перерастали собственные пределы, становясь отраслью профессионального ремесла.

В развитии домашнего ремесла очевидны два противоположных процесса: развиваясь, оно, с одной стороны, расширяет поле своей деятельности, становясь все более многоотраслевым; с другой стороны, уступает часть своей деятельности профессиональному ремеслу. Возможно, что подобная двойственность и противоречивость являются закономерными для развития непрофессионального домашнего ремесла. Закономерности развития профессионального ремесла были иными.

Для разделения ремесел на классы принцип профессионализма может оказаться продуктивным, он достаточно ясно позволяет противопоставить профессиональным занятиям ремеслом занятия непрофессиональные.

Профессиональное ремесло, будем называть его просто ремеслом, товарно и связано с рынком. Основные категории рынков (местный, внутренний и внешний) можно детализировать, приняв во внимание допол-

нительные признаки: размер, емкость, состояние дорог, географию производства, социальное положение потребителей.

Местный рынок может быть узким, на таком рынке производитель и потребитель связаны прямо, производитель сам продает свой товар. Местный рынок может быть широким, тогда связь производитель—потребитель осуществляется с помощью торговца.

Пределы узкого местного рынка для эпохи раннего средневековья определены опытным путем, подтверждены археологически и этнографически [2]. Радиус такого рынка — это день пешего пути (с возвратом), т. е. около 20 км. Центром такого рынка может быть город или мастерская, расположенная вне города, на свободной территории или на территории сельской общины. Очевидно, рынок, который объемлет большую территорию, следовало бы называть широким местным рынком. Деление местного рынка на узкий и широкий содержит в себе количественный признак, который целесообразно было бы учесть, рассматривая другие виды рынков.

«Внутренний рынок,— согласно ленинскому определению,— появляется, когда появляется товарное хозяйство; он создается развитием этого товарного хозяйства, и степень дробности общественного разделения труда определяет высоту его развития» [3]. В свете этого определения местный рынок следует рассматривать как частный случай внутреннего рынка, соответствующего, очевидно, первым этапам его развития.

Внутренний рынок, совпадающий с границами княжества, можно было бы называть узким в отличие от широкого, границы которого можно было бы соотнести с пределами древнерусского государства в целом.

Внешний рынок по аналогии также можно было бы подразделить, полагая сопредельные иноземные территории узким внешним рынком, а отдаленные — широким.

На внутреннем и внешнем рынках в качестве торговых контрагентов выступают не только торговцы, но и феодалы и государство.

Вид рынка, взятый как основание для разделения профессионального ремесла, позволяет выделить шесть классов товарности в его экономической структуре.

Если за основание для разделения ремесла на классы принимается социальное положение потребителя, то выделяются три класса: ремесло городское, деревенское и вотчинное. Каждый такой класс ремесла имеет особую характеристику, которая включает в себя оценку продукции и технологии [4].

Качественная характеристика продукции деревенского ремесла близка приведенной выше характеристике продукции домашнего ремесла с той только разницей, что деревенский ремесленник признает не только утилитарные, но и художественные начала, выбирая наиболее простую технологию. Деревенское ремесло ориентировано главным образом на узкий местный рынок.

В городском ремесле утилитарные и художественные начала выражены одинаково хорошо, что касается технологии, то она очень гибкая и насыщена поиском оптимальных режимов. Продукция городских ремесленников хорошо известна на разных рынках, на обоих видах местного, внутреннего и на узком внешнем.

Вотчинное ремесло сосредоточено на выпуске продукции высокого класса. Будучи свободным от конкуренции, оно было свободно и от поисков оптимальных технологий, его главная цель — совершенная техника исполнения. Продукция вотчинных ремесленников такого уровня не-

известна на местных рынках, на узком внутреннем и на узком внешнем, ее можно встретить на широком внутреннем рынке и, возможно, на широком внешнем. Продукция такого вотчинного ремесла распространяется путем наград и даров.

Благодаря новгородским раскопкам стали известны вотчинные мастерские иного уровня: расположенные в границах городских вотчин, они выпускали продукцию, родственную продукции городских ремесленников по техническому уровню и качеству, которая имела явную товарную форму [5].

Социальное ориентирование ремесла — это следующее основание для классификации. Ремесла, ориентированные по-разному социально, различаются по своему отраслевому составу и по своей функции в эволюции древнерусского ремесла.

Городское ремесло, сосредоточенное в каждом отдельном случае на узкой территории, включало в себя все возможные отрасли; непрерывная работа и постоянный поиск нового рождали заботу о кадрах, сохранении и накоплении знаний, именно городское ремесло является создателем и хранителем информации, генератором новых технических идей и решений. В эволюции городского ремесла в максимальной мере раскрываются внутренние факторы его развития, его энергетический и информационный потенциал.

Деревенское ремесло рассредоточено по широкой территории, оно включает в себя лишь некоторые отрасли, среди которых кузнечное и керамическое дело являются главными. Деревенское ремесло, не создавая новой, являлось хранителем технической информации, которая поступала к нему от городского ремесла; оно же является передатчиком этой информации ремеслу домашнему, которое к этому времени утратило способность генерировать новые технические идеи.

Вотчинное ремесло имеет выход за государственные пределы: в него вливаются иноземные мастера, в его распоряжении в первую очередь оказываются привозные образцы и материалы, новые виды ремесел, особенно художественных, новые образы и новые эстетические искания и веяния. Внешние связи вотчинного ремесла тем активнее, чем выше ранг феодала, владельца вотчины. Обогащаясь за счет внешних связей и осваивая новые производства, вотчинное ремесло отторгает от себя часть, утратившую новизну и специфику. Эта отторгнутая часть не пропадает, она переходит в ремесло городское, которое профессионально связано с вотчинным ремеслом. Вотчинное ремесло выступает таким образом посредником, через которого городское древнерусское ремесло знакомится с новыми моделями и с новыми для себя идеями, творчески осваивает новизну, соотнося ее со своими возможностями и интересами, приспосабливая к потребностям и вкусам своего потребителя, с которым оно связано с помощью самых разных рынков.

Можно считать, что отдельные части социально дифференцированного ремесла играют разную роль в развитии русского средневекового ремесла.

Огромный объем технического знания, который создавался и накапливался в городском ремесле, расчленялся по принципу новизны. Рутинная часть знания обобщалась до выявления ее глубинной сути и в таком «уплотненном» виде циркулировала внутри городского ремесла и выходила за его пределы, становясь технической основой развития и вотчинного и деревенского ремесла.

Деревенские ремесленники, обновляя свое производство за счет но-

вых знаний, несли эти знания вширь. Глубоко проникая в распространенные ремесла, становясь достоянием широкого круга практиков, эти технические знания становились элементом культуры. Приобретя это новое свойство, они, сохраняя свой творческий потенциал, могли дать ему рост и развитие в любом месте в любой исторический момент. В этой трансформации технического знания заложено его бессмертие, никакие исторические катаклизмы не могли уничтожить достояние общечеловеческой культуры.

Иную роль играло вотчинное ремесло. Вотчинные ремесленники доводили технические знания до практического совершенства, углубляя их. Кроме того, оно играло роль связующего звена с иноземным ремеслом. Эту роль оно легко исполняло благодаря особенностям своего положения в силу тесной связи с феодальной верхушкой и ее организационными возможностями. Эта связь осуществлялась на уровне дворцового производства, т. е. на самом высоком уровне с точки зрения техники, мастерства и художественных достоинств.

Дворцовые мастерские существовали в разные эпохи, они имелись при дворе византийских императоров, восточных халифов, западноевропейских королей и герцогов. Та часть древнерусского вотчинного ремесла, которая занята обслуживанием князя и его двора, светских и церковных церемоний государственной важности, с полным правом могла бы быть переименована в дворцовое ремесло. Такое переименование позволило бы сохранить термин для обозначения той части феодально зависимого ремесла, которая имела выраженную товарную форму. Но не о переименовании сейчас речь.

Состояние русского ремесла в канун монголо-татарского нашествия было устойчивым и надежным, динамика движения знания — отработанной и прочной. Именно это позволило и помогло древнерусскому ремеслу выстоять, дав жизнь ремеслу русских княжеств, стать экономической основой освобождения Руси, сложения Русского государства, стать основой его могущества и процветания.

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 791.
[2] *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 60.
[4] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. С. 120–433, 482–524.
[5] *Рындина Н. В.* Технология новгородских ювелиров // МИА. 1963. № 117.

Я. Н. Щапов

ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Древняя Русь в наше время все больше привлекает к себе внимание. Ее историю хотят знать не только те, кто профессионально занимается изучением прошлого, но и те, для кого первые века русской истории, полные романтики, служат источником вдохновения в литературной деятельности или просто являются любимой темой чтения, собирания книг, посещения памятников архитектуры. И за рубежом интерес к истории древней Руси растет, вызывая появление и новых специалистов, и новых работ.

Расширение и углубление исторических знаний о древней Руси в каждое время обладает своеобразием. Если когда-то практически единственными источниками для ее изучения были письменные памятники, открытие и введение которых в науку в XIX — начале XX в. шло постоянно, а археологические материалы, такие, как находки в кургане Черная могила или в Старой Рязани, служили блестящей иллюстрацией того, что сообщали летописи, жития, «Слово о полку Игореве», то в наше время положение изменилось. Круг традиционных письменных источников остается ограниченным, в то время как археологические исследования необычайно расширили наши знания о древней Руси и лишь на грани археологии и археографии продолжающиеся и пока неисчерпаемые открытия берестяных грамот и надписей на древних зданиях и предметах дают неоценимый новый материал, иногда более ранний, чем традиционные пергаменные рукописи. Осуществленное советскими археологами под руководством и по идее Б. А. Рыбакова издание памятников «Археология СССР. Свод археологических источников» [1], сводное издание берестяных грамот [2], печатей [3], монет [4], надписей-граффити [5] и других памятников значительно обогатили фонд источников для изучения древнерусской истории, открыв неизвестные пласты социальной, политической и культурной жизни.

В этих условиях вновь встает вопрос об особом внимании к письменным источникам по истории древней Руси. Хотя их круг в целом остается постоянным и увеличивается очень скупо, но на каждом новом этапе развития науки возникает необходимость заново осмыслить и оценить тот фонд, которым мы располагаем.

Современное состояние изучения древнерусского государства и общества требует привлечения исследователями всей совокупности письменных памятников. Если для историков нового времени задача использования всех сохранившихся письменных свидетельств не всегда реальна и важное значение имеет правильный, репрезентативный отбор источников, достаточных для объективных выводов о соответствующих явлениях и процессах, то для истории Руси X—XIII вв. каждое письменное свидетельство того времени уникально и требует специального внимания и анализа. Хотя огромное большинство этих источников выявлено и введено в науку в XIX—XX вв. и многие из них исследованы, современный историк, занимающийся историей Руси, использует их выборочно, привлекая далеко не весь их круг, и ограничивается тем, что ему известно и доступно, и нередко не обладает достаточной информацией о состоянии изучения того или иного памятника.

Учитывая большое значение для изучения отечественной истории иностранных свидетельств (скандинавских, немецких, византийских, арабских и других авторов), Институт истории СССР АН СССР выпускает издание иноязычных историков по истории, которые содержат подчас уникальные сведения, по другим памятникам неизвестные [6].

Совсем недавно новому обозрению и каталогизации были подвергнуты памятники древнерусской литературы. Эта ценная инициатива Института русской литературы АН СССР позволила начать подготовку словаря древнерусской книжности, призванного включить в себя информацию и о всех литературных памятниках древней Руси [7].

Настало время и для работы по учету и осмыслению того, какими отечественными историческими источниками, написанными на древнерусском языке, располагает исследователь. Хотя большинство этих источников издано и некоторые издавались неоднократно и на высоком науч-

ном уровне (Русская Правда, Повесть временных лет и включающие ее Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, Новгородская Первая Летопись, Слово о полку Игореве, Киево-Печерский патерик, княжеские уставы и грамоты церкви, жития Бориса и Глеба, Александра Невского и др.), однако сведения об изданиях и исследованиях многих источников в различных общеисторических и историко-литературных сериях и сборниках, в научных журналах, в приложениях к монографическим исследованиям не собраны. Многие важные и не изданные повторно издания относятся к довоенному и даже дореволюционному времени, сейчас и мало доступны, и недостаточно известны, не говоря уже о том, что они отражают пройденные этапы отечественной археографии и текстологии. Немало этих изданий, однако, остается вне внимания исследователей, занимающихся древней Русью, что не может не сказываться на изучении этого периода отечественной истории.

Необходимую информацию о всех известных (введенных в науку) древнерусских памятниках призвано дать новое научное справочное издание — аннотированный справочник «Древнерусские письменные источники», подготавливаемый в Институте истории СССР АН СССР. В нем будут энциклопедические статьи о каждом из памятников: их краткие характеристики, указания на важнейшие издания и исследования. По охвату источников справочник должен быть исчерпывающим, представляя сведения о всех сохранившихся (целиком или во фрагментах) источниках на древнерусском языке. Хронологически издание будет включать сведения об источниках с древнейшего времени русской письменности до конца XIII в.

Издание должно быть рассчитано прежде всего на историков, занимающихся историей Руси и близких проблем, но может быть полезно и для историков древнерусского языка, литературы и письменности. В него войдут статьи о тех памятниках, которые являются источниками по истории страны, а не только истории языка, литературы и пр. Такое целевое назначение предусматривает включить в книгу древнерусские произведения и документы, сохранившиеся в списках как XI—XIII вв., так и более позднего времени. Достижением современной науки является привлечение памятников XI—XIII вв., сохранившихся в поздних списках и переработках, которые не могут быть источниками по истории языка древней эпохи, но содержат ранние исторические сведения о ней. Вместе с тем многие источники истории древнерусского языка и литературы, например древнерусские переводы византийских произведений или надписи на стенах, содержащие только имена или молитвы, нет основания включать в справочник. Не включаются в него и те произведения древнерусских авторов (например, Кирилла Туровского), которые не содержат местных исторических регалий и построены на общехристианском литературном материале.

При составлении словника справочника его авторы проводили и некоторые другие ограничения. Так, в него не вошли произведения, которые ни в какой форме до нас не дошли (например, житие Антония Печерского) и поэтому не могут служить историческим источником. Не включены и те древнерусские рукописи (списки) XI—XIII вв., которые могут быть источником для изучения истории письменности, книжной культуры, искусства, но не содержат конкретной информации по истории. В качестве источника из рукописей этого времени привлекаются или включенные в них древнерусские памятники (например, жития в Успенском сборнике), или записи на них писцов, заказчиков и других лиц, несущие

историческую информацию, или, наконец, сборники исторических, литературных, правовых памятников, важные сочетанием включенных в них произведений.

Есть основания включить в книгу и ранние русские переводы иностранных посланий на Русь и других связанных с нашей страной документов как сохранившихся в оригиналах, так и известных только в древнерусском переводе (например, Послание патриарха Германа II митрополиту Кирилу 1228 г.).

Каждому источнику в справочнике посвящается отдельная статья, содержащая такие сведения, как название памятника, отражающее его жанровую принадлежность и принятое в науке, его характеристику с указанием важнейших исторических сведений, содержащихся в нем. Дается информация о результатах источниковедческого изучения памятника в науке с приведением мнений исследователей о времени и месте его возникновения, его содержании и авторе, даются археографические и текстологические сведения о памятнике: взаимоотношении его редакций, о старших списках. Избранная рекомендательная библиография включает указания на публикации текста (различных типов), исследования, переводы памятника на другие языки. Произведениям, включенным в состав других (например, летописных сводов), но имеющим особое происхождение (договоры с Византией, Поучение Владимира Мономаха и др.) или представляющим самостоятельный научный интерес (летописные повести), посвящаются отдельные статьи.

Справочник призван дать информацию, которая может быть использована для компьютерной обработки. С этой целью каждая статья должна содержать однотипные сведения, отчасти формализованные и расположенные в определенном порядке, и включать основные реалии источника для их вынесения в указатели (имена, географические названия, исторические понятия и термины, даты, шифры рукописей и пр.).

Статьи располагаются в справочнике по жанрово-тематическим группам, а внутри них по тематическим подгруппам и хронологии. Важнейшую группу составляют памятники историографии. Это своды и летописи, начиная от «Начального свода» конца XI в. и кончая Галицко-Волынской летописью XIII в. и Летописцем Переяславля-Суздальского; летописные (в том числе смоленские) записи XII в. в сборниках, «Летописец вскоре» с русским продолжением, летописные повести, сказания о постройке и освящении церквей, повести о монголо-татарском нашествии. В следующую группу входят Повесть о хождении калик из Новгорода, Хождение игумена Даниила XII в. и Книга паломник архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича) начала XIII в.

Слово о полку Игореве, Слово о погибели Русской земли и Моление (Слово) Даниила Заточника условно объединяются в одну группу. Также условно в одну группу соединены различные перечни (индексы). Это списки иерархов (митрополитов, новгородских архиепископов, игуменов Киево-Печерского монастыря), перечни русских епархий, ранние списки книг «истинных и ложных». «Учение» Кирика Новгородца как образец естественнонаучного произведения составляет отдельный раздел.

Большую группу представляют риторические произведения. Это Поучение Владимира Мономаха, авторские поучения церковных деятелей, анонимные поучения против язычества, о христианской вере и обрядности, похвальные слова. Не менее многочисленна и ценна группа агиографических памятников: княжеских житий, цикла о Борисе и Гле-

бе, житий печерских монахов из Патерика, сказаний о чудесах и других источников. Малоизучена в качестве исторического источника и очень недостаточно используется группа гимнографических произведений. Здесь объединены молитвы, каноны и службы древнерусским святым, содержащие исторические реалии вроде указания на происхождение из Пскова княгини Ольги в посвященном ей каноне. В группу посланий входят Послание Владимира Мономаха к кн. Олегу, послания церковных деятелей, международные послания из Руси и на Русь.

Разнообразны и многочисленны памятники права. Сюда входят Русская Правда и дополнительные статьи к ней, Закон судный людем Пространной и Соединенной редакций, возникших на Руси, княжеские уставные грамоты городам, княжеские церковные уставы и грамоты, договоры Новгорода с князем Ярославом, договоры Руси с Византией, внешнеполитические и торговые договоры Новгорода, Смоленска, Полоцка, новгородские княжеские и частные земельные акты, духовные грамоты кн. Владимира Васильковича, ярлык хана Менгу-Темира и др. Выделены канонические памятники, представляющие собой изданные А. С. Павловым и другими историками правила и ответы киевских и новгородских иерархов, ответы на вопросы Сарайского епископа и пр., а также анонимные правила и епитимийники, изданные С. И. Смирновым, «Исповедание веры» митрополита Илариона.

Особую группу составляют сборники и устойчивые комплексы статей, такие, как Пролог, Киево-Печерский патерик как цельное произведение, Успенский и Устюжский сборники, Кормчая Русской редакции XIII в., сборник «Мерило праведному» и др.

В справочник включаются записи на книгах с историческими сведениями: записи писцов, владельцев и переплетчиков, записи с упоминанием должностных лиц, поминальные и др. Выход из печати Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIII вв.[8] облегчает работу по их выявлению и использованию.

Важно включить в книгу и лапидарные надписи. Это прежде всего граффити на стенах Киевских Софийского собора, Печерского монастыря, Михайловской церкви, черниговского Спасского собора, новгородских Софийского собора и церкви Спаса на Нередице, надписи из Старой Ладоги и Смоленска, а также надписи на камнях и предметах, сделанные как при изготовлении последних, так и позднее, в виде граффити. Наряду с датированными надписями, собранными в издании Б. А. Рыбакова[9], в справочник включаются тексты, не имеющие точной даты, и новые открытия в этой области.

В книгу будут включены берестяные грамоты, которые прочитаны и содержат исторические сведения. Хотя особая форма этих документов предполагает представить их в отдельном разделе (по городам, раскопам, усадьбам и хронологии), однако по существу это столь же разнообразный источник, как документы на пергамене и бумаге, и исследователь заинтересован скорее в том, чтобы иметь их характеристику по таким же жанрово-тематическим группам, как и всех других. Систематизация берестяных грамот потребует некоторого увеличения числа групп и выделение новых, но это возможно сделать в процессе подготовки текста справочника.

Последний раздел книги должны составить поддельные документы, созданные как в средневековье, так и в новое время, с их характеристикой и указанием литературы. Здесь имеются в виду подделки не отдельных списков подлинных древнерусских сочинений (например, пергамен-

ные списки Русской Правды, Слова о полку Игореве и житий, выполненные И. Бардиным), а известные в науке поддельные под древность произведения. Таковы так называемая «Влесова книга», «Сказание о Руси и о вещем Ользе» А. Я. Артынова, грамоты об основании Туровской епископии, о передаче Печерскому монастырю г. Василева, вкладная посадника Ивана Фомина Муромскому монастырю, грамота Ивана Берладника, целая серия грамот кн. Льва Даниловича и др. Сведения об этих подделках, приведенные в справочнике, призваны помочь не специалистам в истории освободиться от гипноза их «древности» и обратить свое внимание на многочисленные подлинные древнерусские документы, достойные изучения и популяризации.

Подготовка справочника, посвященного древнерусским письменным источникам, позволит специалистам систематизировать и оценить то богатое историческое наследие киевского времени, которым обладает наша культура. Работа над ним покажет, какие из источников требуют монографического исследования на археографическом или источниковедческом уровне, что не имеет научных изданий и пр. Это в свою очередь позволит начать новое академическое издание «Памятники истории древней Руси» на современном научном уровне.

[1] Археология СССР: Свод археологических источников/Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Издается с 1961 г.

[2] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). М., 1953.

[3] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1, 2.

[4] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.

[5] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

[6] *Мельников Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарии. М., 1977.

[7] *Буланин Д. М., Дмитриев Л. А.* Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников древней Руси» // Рус. лит. 1980. № 1. С. 109–120; *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI–XIII вв.: (О Каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. Л., 1983, С. 5–18.

[8] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984.

[9] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. 1964. Вып. Е1–44.

А. А. Юшко

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ПОДМОСКОВЬЯ XI–XIV вв.

(обзор источников и исторической географии)

К истории подмосковных городов в целом исследователи уже обращались ранее [1], так же как к истории отдельных городов [2]. Поэтому мы ограничимся обзором письменных и археологических данных о них, а также некоторыми наблюдениями, связанными с их исторической географией. В понятие «Подмосковье» в данном случае входит та территория бассейна Москворечья и прилегающих областей, которая вошла в состав Мос-

ковского княжества 30-х годов XIV в. (по данным духовной Ивана Калиты) [3]. Помимо этого, привлекались сведения о ряде соседствующих с княжеством Калиты городских центров, которые на протяжении XIV в. также были включены в состав Московского княжества. Это такие центры, как Боровск, Верея, Дмитров, Лужа, Лобынск, Оболенск, Новый Городок.

Круг письменных источников, привлекаемых при изучении подмосковных городов, состоит из свидетельств летописей и данных духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV в.[4] К летописным источникам примыкает «Список русских городов дальних и ближних», включенный в состав ряда летописных сводов. Изучению его посвящена значительная литература [5].

Как убедительно показал Я. С. Лурье, анализируя древнейшие летописи Северо-Восточной Руси, Лаврентьевскую и Троицкую, до конца XIV в. в Москве общерусского летописания не было [6]. Первый общерусский Московский свод восходит к 1408 г. (Троицкая летопись, погибшая в московском пожаре 1812 г.). Несмотря на предпринятую М. Д. Приселковым реконструкцию текста Троицкой летописи [7], более надежными сведениями все же следует признать данные близкой к Троицкой Симеоновской летописи (XVI в.) и Рогожского летописца (XV в.). А. А. Шахматов в своем исследовании о Симеоновской летописи убедительно показал, что вся ее древнейшая часть (1177—1390 гг.) целиком восходит к Троицкой летописи [8]. Рогожская летопись, доведенная до 1412 г., также была частично использована М. Д. Приселковым при реконструкции текста Троицкой летописи, правда, этот свод достаточно сложен по своему составу [9]. Многие записи Троицкой летописи были включены также в Московский летописный свод 1479 г., который послужил основой всего официального последующего летописания [10].

Все эти летописи, а также круг древнейших русских летописей — Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской IV и Софийской I — вот та исследовательская база, на которой можно строить изучение московских городов по летописным данным.

Первые сведения об интересующих нас городах относятся к 30—80-м годам XII в. Это был период, когда в бассейне Москворечья стремились закрепиться князья крупных соседствующих княжеств, таких, как Смоленское, Ростово-Суздальское, Черниговское, Рязанское [11]. В связи с этим имели место междукняжеские столкновения, при описании которых и упоминаются в летописях первые подмосковные города, такие, как Волоколамск [12], Лобынск [13], Москва [14], Коломна [15], Дмитров [16]. Кроме того, из сообщения Ипатьевской летописи 1176 г. узнаем, что на территории древнего Подмосковья располагались черниговские волости Лопасня и Сверилеск [17].

В XIII в. впервые упомянут Можайск, правда, в поздней Воскресенской летописи [18].

В XIV в. роль и значение московских городов, видимо, резко возрастает, о чем свидетельствует количество летописных упоминаний о них. Число таковых достигает 250, причем около 180 принадлежит Москве. К числу впервые упоминаемых принадлежит Звенигород [19], Серпухов [20], Лопасна [21], Перемышль [22]. Всего же в летописях в XII—XIV вв. упомянуто 15 городских центров (табл. 1).

В «Списке русских городов дальних и ближних» перечислено 13 из интересующих нас городов, причем большинство из них отнесено к числу залесских: Москва, Можайск, Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломна,

Таблица 1

Городские центры Московской земли, упоминаемые в письменных источниках

Городской центр	Летописи		«Список» конец XIV в.	ДДГ XIV — начало XV в.	Статус городского центра
	XII — XIII вв.	XIV в.			
Боровск	—	—	+	+	Город
Верея	—	—	+	+	Город?
Волоколамск	+	+	+	+	Город
Вышгород на Протве	—	+	—	+	Волостной центр
Вышгород на Яхроме	—	—	—	+	Волостной центр
Дмитров	+	+	+	+	Город
Звенигород	—	+	+	+	Город
Кашира	—	—	—	+	Волостной центр
Коломна	+	+	+	+	Город
Лобынск (Любынск, Люботеск)	+	+	+	—	Город
Лопасна	+	+	—	+	Волостной центр
Лужа	—	—	+	+	Город
Можайск	+	+	+	+	Город
Москва	+	+	+	+	Город
Новый Городок	—	—	+	+	Городок?
Оболенск	+	+	+	—	Город
Перемышль	—	+	—	+	Волостной центр
Радонеж	—	+	—	+	Волостной центр
Руза	—	—	+	+	Город
Сверилеск	+	—	—	—	Волостной центр
Серпухов	—	+	+	+	Город
Тушков	—	—	—	+	Волостной центр
Хотунь	—	—	—	+	Волостной центр
Шерна-городок	—	—	—	+	Волостной центр

Серпухов, Новый Городок, Лужа, Боровск, Оболенск, Верея (табл. 1). Этот перечень городов включает большинство из известных нам по летописям. Упоминание же некоторой части городов в «Списке» является первым свидетельством о них. Впервые упомянуты: Боровск, Верея, Новый Городок, Руза. Вместе с тем часть городских центров, известных нам по летописным источникам, не попала в число упомянутых «Списком». Это — Вышгород на Протве, Лобынск, Лопасна, Перемышль, Радонеж, Сверилеск.

Определить статус этих не поименованных «Списком» пунктов позволяет привлечение сведений духовных и договорных грамот (в табл.— ДДГ) XIV — самого начала XV в.[23] Общий перечень упоминаемых в этих грамотах пунктов значительно больше, чем упоминаемых в летописях и «Списке» (табл. 1). Внимательное изучение сведений вышеприведенных грамот в хронологическом порядке приводит к заключению о том, что часть этих пунктов со временем как бы «обрастает» волостями, что и фиксируется грамотами. Так, Боровск, например, показан с «волостми» в грамоте 1401—1402 гг.[24], Волоколамск — в 1390 г.[25], Дмитров — в 1374—1375 гг.[26], Звенигород — в 1358 г.[27] и т. д. По-видимому, все

Таблица 2

Возникновение городских центров Подмосковья по письменным и археологическим данным

Городской центр	Летописная дата (век)	Дата основания по данным археологии (век)	Городской центр	Летописная дата (век)	Дата основания по данным археологии (век)
Верея	XIV	XIV	Перемышль	XIV	XII
Дмитров	XII	XII	Руза	XIV	XIII
Звенигород	XIV	XII	Серпухов	XIV	XII
Коломна	XII	XI	Тушков	XIV	XI
Москва	XII	XI			

это — полноценные феодальные города, возможно центры уездов, к которым тяготели окрестные волости. Что же касается остальных, упомянутых в духовных и договорных грамотах территориальных единиц, таких, как Вышгород на Протве, Вышгород на Яхроме, Кашира, Лопасна и др. (табл. 1), то они являлись просто волостными объединениями с одноименными центрами. И это нередко прямо фиксируется грамотами. Так, Вышгород на Протве во второй духовной Дмитрия Ивановича (ок. 1389) показан волостью Звенигородской [28], Вышгород на Яхроме — волостью Дмитровской [29], Тушков — волостью Можайской [30]; Кашира и Лопасна показаны волостями в духовной Ивана Ивановича (ок. 1359 г.) [31]. Также волостными территориями с одноименными центрами были, очевидно, Перемышль, Радонеж, Хотунь, причем имеются указания грамот о том, что к их центрам «тянули» только села [32].

Разница между городами и волостными центрами, улавливаемая по духовным и договорным грамотам, в полной мере подтверждается «Списком». Туда попали только города, т. е. те центры, к которым, согласно грамотам, «тянули» волости (табл. 1). Исключение составляют лишь Верея и Новый Городок, вокруг которых, по данным грамот, волостей не было, что объясняется, очевидно, неполной осведомленностью автора «Списка». Ни одного волостного центра в «Список» не попало (табл. 1). Видимо, статус этих городских центров был иным, чем городов. Нам представляется, что они управлялись наместниками [33], составляя домен князя, и доход с них шел в пользу великокняжеского дома. Именно поэтому они оказались не упомянутыми «Списком». В то время как летописные города размещались на землях, которые полной собственностью князя не были; он владел ими, пока был князем [34]. Они, видимо, управлялись через посредство института «кормлений» чиновниками-боярами. Те и другие являлись городскими центрами со сходным внешним обликом и уровнем развития материальной культуры. Различие же между ними, отразившееся в разной системе управления, заключается в том, что те и другие имели неодинаковые контингенты платежеспособного населения, что по археологическим данным уловить, естественно, невозможно.

Из всех известных в Подмосковье городов и волостных центров раскопки производились в восьми пунктах: Верее — Л. А. Голубевой [35]; Дмитрове — Н. П. Милоновым [36]; Звенигороде — Б. А. Рыбаковым [37], А. В. Успенской [38] и автором [39]; Коломне — Н. П. Милоновым [40];

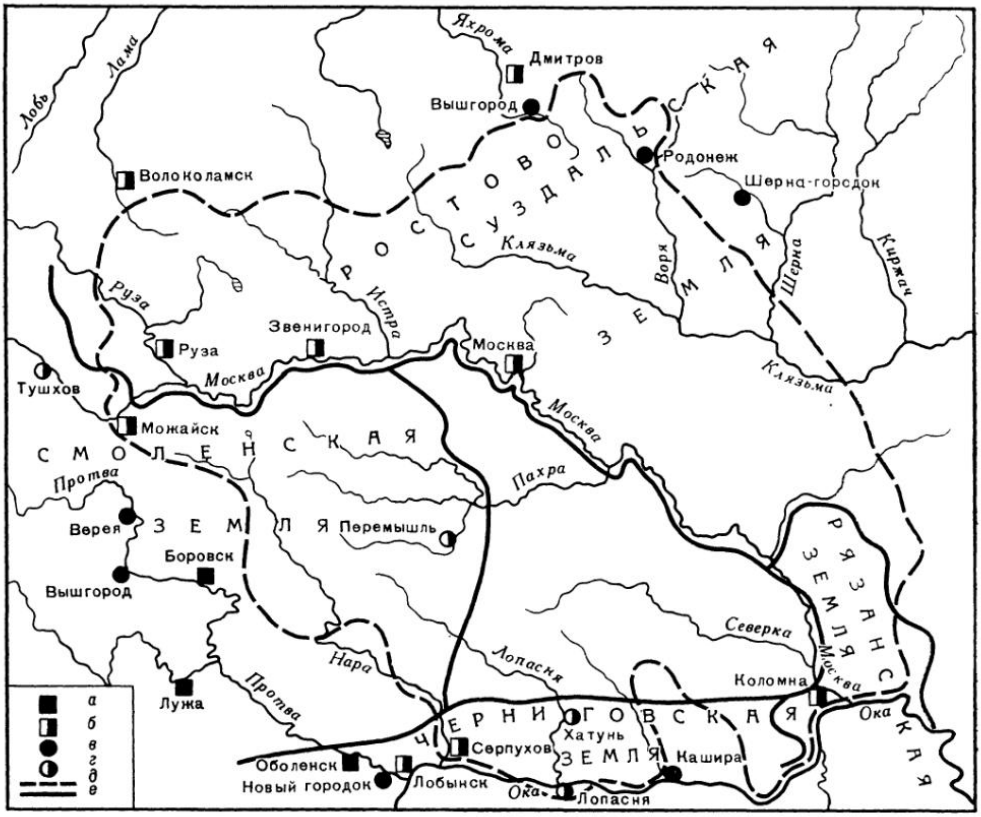


Рис. 1. Городские центры на территории Московской земли XI—XIV вв.

а — города, возникшие в XIV в.; *б* — города, возникшие в домонгольское время и существующие в XIV в.; *в* — волостные центры, возникшие в XIV в.; *г* — волостные центры, возникшие в домонгольское время и существовавшие в XIV в.; *д* — граница Московского княжества времени Ивана Калиты; *е* — границы княжеств конца XII — начала XIII в.

Москве — Н. Н. Ворониным и М. Г. Рабиновичем [41]; Перемышле — М. Г. Рабиновичем [42]; Рузе — Л. А. Голубевой [43]; Тушкове — М. Г. Рабиновичем [44]. Вскрытая площадь культурных напластований по отношению к площади всего городища, как правило, в каждом отдельном случае невелика — от 0,7% (Верея) до 31% (Тушков городок). Однако даже эти незначительные по размерам раскопки позволили порой по-иному взглянуть на историю этих городских центров. Прежде всего были удревнены даты большинства из них (табл. 2). Из таблицы следует, что только Верея и Дмитров не изменили датировок в процессе раскопок, остальные шесть городских центров были удревнены на одно-три столетия. Была изучена планировка, домостроительство, ремесло этих городских центров, но все это должно быть предметом специального изложения.

Весьма показательна география древних городских центров Подмосковья (рис. 1). Если предпринятые нами попытки проведения междукняжеских границ бассейна Москворечья XII — начала XIII в. верны [45], то оказывается, что все подмосковные городские центры размещаются по окраинам соседствующих здесь крупных княжеств: Звенигород и Москва — Ростово-Суздальского; Можайск, Перемышль — Смоленского; Ло-

пасня, Серпухов, Лобынск, Хотунь — Черниговского; Коломна — Рязанского (рис. 1). Надо думать, что строителями этих городов-крепостей были князья этих княжеств, которые ставили их в интересах обороны своих земель. Показательно, что значительная часть этих городских центров расположена вне основных сгустков населения[46]. Еще более наглядную картину представляет собой размещение городов и волостных центров, возникших в XIV в. Все они без исключения возникают близ границ Московского княжества 30-х годов XIV в. (рис. 1). Особенно много их в бассейне р. Протвы: Верея, Вышгород, Боровск, Лужа, Оболенск, Новый Городок — все эти порубежные крепости призваны были обезопасить юго-западные окраины Московского княжества от набирающего мощь Литовского государства. Подобные порубежные города-крепости известны и в других регионах Древней Руси[47].

Таким образом, приведенный нами обзор письменных источников позволяет подразделить все городские центры Подмосковья на города и волостные центры. Археологические данные позволяют уточнить время их возникновения. Наблюдения же над исторической географией этих центров приводит к выводу об организующей роли княжеской власти при сооружении городов, о чем писал М. К. Любавский еще в конце 20-х годов[48].

[1] *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения // Русский город. М., 1976. С. 5–15; *Рабинович М. Г.* К типологии восточнославянских городов: (Средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 230–244.

[2] *Тихомиров М. Н.* Город Дмитров от основания до половины XIX в. Дмитров, 1925; *Симсон П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880; *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 97–116.

[3] Подробнее о границах княжества этого времени см.: *Юшко А. А.* О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СА. 1985. № 2. С. 116–129.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950. Далее: ДДГ.

[5] Подробную библиографию по этому вопросу см.: *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники, 1973. М., 1974. С. 150–163; *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40–48.

[6] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

[7] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[8] *Шахматов А. А.* Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. СПб., 1910.

[9] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 36.

[10] Там же. С. 167.

[11] Подробнее об этом см.: *Юшко А. А.* О междукняжеских границах бассейна Москворечья середины XII — начала XIII в.: (По письменным источникам с привлечением данных археологии) // СА. 1987. № 3. С. 86–97.

[12] ПСРЛ. Т. 1. С. 302; Т. 2. С. 87, 88, 102.

[13] ПСРЛ. Т. 2. С. 29.

[14] Там же. ПСРЛ. Т. 1. С. 158, 159, 302.

[15] ПСРЛ. Т. 1. С. 162, 164, 169, 171.

[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 58; Т. 5, С. 161; Т. 2. С. 124.

[17] ПСРЛ. Т. 2. С. 601, 602.

[18] ПСРЛ. Т. 7. С. 173, 180.

[19] ПСРЛ. Т. 4. С. 89, 93.

[20] ПСРЛ. Т. 1. С. 233; Т. 5. С. 93.

[21] ПСРЛ. Т. 15. С. 63.

[22] ПСРЛ. Т. 18. С. 110.

[23] ДДГ. № 1, 3, 4, 7, 8, 10–14, 16, 18, 19.

[24] Там же. С. 46.
[25] Там же. С. 37.
[26] Там же. С. 23.
[27] Там же. С. 15.
[28] Там же. С. 33.
[29] Там же. С. 34.
[30] Там же.
[31] Там же. С. 15.
[32] Там же. С. 46, 47.
[33] Имеется, например, летописное свидетельство 1354 г. об управлении наместником Лопасной (см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 98, 99).
[34] Об этом подробнее см.: *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 46; *Черепнин Л. В.* О характере и форме древнерусского государства X – начала XIII в. // Ист. зап. М., 1972. Кн. 89. С. 366.
[35] *Голубева Л. А.* Раскопки в Верейском кремле // МИА. 1949. № 12. С. 134–143; *Она же.* Отчет о раскопках и разведках в г. Верее и Верейском районе Московской области // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 88; *Она же.* Отчет о Верейской экспедиции ГИМ 1947 г. // Там же. Д. 161.
[36] *Милонов Н. П.* Дмитровское городище: (Кремль города Дмитрова) // СА. 1937. № 4. С. 147–167; *Он же.* Отчет о раскопках на Дмитровском городище // Арх. ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 112. 1933; *Он же.* Отчет о раскопках на Дмитровском городище // Там же. Ф. 2. Д. 160. 1934.
[37] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде в 1943–1945 гг. // МИА. 1949. № 12. С. 125–133; *Он же.* Археологический отчет о раскопках в Звенигороде // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 75.
[38] *Успенская А. В.* Отчет о разведке и раскопках в Звенигородском районе Московской области летом 1955 г. // Там же. Р. 1. Д. 1166.
[39] *Юшко А. А.* Раскопки в Звенигороде Московском // АО 1974. М., 1975. С. 91; *Он же.* Раскопки в Звенигороде Московском // АО 1975. М., 1976. С. 101; *Юшко А. А., Краснов Н. А., Чернов С. З.* Раскопки в Подмосковье / АО 1976. М., 1977. С. 81.
[40] *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк Коломны // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 74–92; *Он же.* Отчет об археологических раскопках в г. Коломне и на Городище в 1935 г. // Арх. ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 101; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и раскопках Коломенского кремля и памятников в окрестностях г. Коломны в 1935–1936 гг. // Там же. Ф. 2. Д. 219. 1937.
[41] *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле // СА. 1963. № 1. С. 253–273; *Воронин Н. Н.* Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2004 (А–Е); *Он же.* Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. // Там же. Р. 1. Д. 2128.
[42] *Рабинович М. Г.* К истории русской фортификации: (Укрепления Перемышля Московского) // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 209–214; *Он же.* Отчет о раскопках городища Перемышль Московской области в 1955 г. // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 1092.
[43] *Голубева Л. А.* Раскопки в г. Рузе // Тр. ГИМ. М., 1953. Вып. 22. С. 141–162; *Она же.* Отчет о раскопках в г. Рузе в 1948 г. // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 259, 260.
[44] *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков // СА. 1959. № 29/30. С. 263–286; *Он же.* Отчет о раскопках городища Тушков городок Можайского района в 1950 г. // Арх. ИА АН СССР. Р. 1. Д. 434; *Он же.* Отчет о раскопках Тушкова городка в 1954 г. // Там же. Р. 1. Д. 985; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Тушкова городка в 1957 г. // Там же. Р. 1. Д. 1443.
[45] *Юшко А. А.* О междукняжеских границах...
[46] Там же.
[47] Так, Э. М. Загорульский рассматривает древний Минск как «южную порубежную крепость Полоцкого княжества». См.: *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 293.
[48] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 13.

А. Л. Ястребицкая

О СПЕЦИФИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ: МАЛЫЕ ГОРОДА

Тема города, несомненно, принадлежит к числу одной из центральных в исследованиях академика Б. А. Рыбакова [1]. Комплексность исследовательского подхода позволила ученому обозначить принципиальные вехи становления древнерусского города, его сущность, специфические его черты в историческом развитии. Город набирает силу, его функции усложняются по мере формирования классового феодального общества, феодальной иерархии, внедрения христианства как официальной религии и идеологии. Город политически господствует над окружающим сельским миром, организует его и вместе с тем органически связан с ним — хозяйственно и духовно. К XII в. это уже центр и ячейка феодальной власти — княжеской или боярской, сочетающий воедино крепость и дворы феодалов, административное управление и церковь, а также торговлю и ремесленный посад. Эти положения с очевидностью обнаруживают недостаточность изолированного изучения отдельных городов. Исследование Б. А. Рыбакова по существу объективно ставит вопрос о необходимости анализа процесса сложения городской сети одновременно на уровне всех ее возможных звеньев, причем также не изолированно, но в их взаимосвязи и вместе с тем в контексте общих процессов становления и развития феодальных отношений. Исследование крупных городов — центров великих княжений и отдельных княжеств должно быть дополнено изучением местных, мелких городков и поселений, хотя и не имевших «классического» набора городских «признаков», но бесспорно вносивших специфический вклад не только в политическую, но и в хозяйственную жизнедеятельность системы феодальных общественных отношений.

На некоторые аспекты этой сложной проблемы, одинаково важной и для урбанистов-западников, и для исследователей славянского города, мне и хотелось бы обратить внимание в этой статье.

Вплоть до 60-х годов в медиевистике прочно бытовало традиционное, восходящее к правовой историографии начала XIX в. предубеждение в отношении малых (или аграрных, как их часто называют) городов, как «неполноценных», свидетельствующих либо о недостаточности урбанистического развития, либо о его упадке. Немногочисленные исследования о малых городах не выходили, как правило, за ограниченные рамки краеведения. Интерес к ним, вспыхнувший на рубеже 50—60-х годов, неразрывно связан с новыми методами исследований средневекового города, принципиальным обновлением источниковедческой основы. Постановка вопроса о малых городах — прямое следствие расширения географических и хронологических рамок изучения средневекового города, ставшее возможным благодаря успехам послевоенной археологии.

Результаты раскопок в Центральной и Восточной Европе позволили поставить вопрос о предыстории и ранней истории не только западноевропейского, но и славянского города, почти не освещенной в письменных источниках. Археология дала убедительный материал для периодизации

процесса градообразования и для широкого сравнительного анализа и этих процессов, и внутренней структуры, функционирования городов в различных европейских регионах в период средневековья (до XIV в.) и позднего феодализма [2].

Сравнительный аспект имеет место и в данном случае, но следует отметить, что сравнение идет скорее в направлении подтверждения общих закономерностей, чем выявления особенностей локальных форм. В известной мере этому препятствует состояние исследования малых городов, степень изученности которых на сегодня такова, что позволяет скорее осознать насущность постановки ряда вопросов, чем обеспечить их разностороннее освещение.

Первая трудность, с которой мы сталкиваемся, обращаясь к малым городам,— терминологическая. В сущности определение «малый», которым мы так свободно оперируем, произвольно и фактически сводится к тавтологии: «малый» — значит «небольшой». В качестве сопоставления так или иначе присутствует обобщенный образ или известных европейских метрополий, или менее крупных, но не менее значимых региональных центров.

Существовал ли в средние века специальный термин для малого города? О текучести и многозначности средневековой терминологии как официальной латинской, так и языка повседневности уже хорошо известно. Городская терминология не составляет в этом отношении исключения. Напротив, она, возможно, в еще большей мере сложна для анализа [3]. Civitas, oppidum, villa, castrum, stadt, ville — эти городские термины, как и другие, содержание которых варьирует в зависимости от типа источника, региона, эпохи, как правило, редко соответствуют объективным характеристикам агломераций.

Но при всей текучести средневековая терминология все же не позволяет усомниться в существовании (отчетливо с XIII в.) устойчивых представлений об известной иерархии городских поселений, классифицируемых современниками по формальным, внешним признакам (например, стенам), правовому положению, характеру рыночных привилегий, политическому весу, благосостоянию жителей [4].

Прямая терминологическая дифференциация между малым и большим городом возникает позже XIII в. В западнославянских землях термин civitas был общепринят долгое время для всех городов, обладавших правом по магдебургскому образцу. Тем не менее средневековая терминология в строго конкретных случаях, видимо, может служить и служит известным ориентиром исследователю для выделения малых городов. Таковы, например, термины forum, locus forensis, ville forenses, ville fori, обозначающие в польских актах XII—XIII вв. городки на местном праве; или civitas forensis, civitas cum foro, под которыми в чешских и польских королевских привилегиях XIII—XIV вв. фигурируют частновладельческие города, чаще церковных феодалов [5].

Оформление в эти столетия городского статуса небольших агломераций на основе рыночного права в восточно- и центральноевропейских областях нашло отражение в таких их наименованиях, как, например, польск. Tarczek, многочисленные Novytarg в Прикарпатье или нем. Neumarkt [6]. Термины forum, Markt в австрийских землях служили распространенным детерминативом, особенно в XIV—XV вв. и позднее, городков, выраставших из торговых деревень и рыночных поселков [7]. Венгерские медиевисты Э. Фюгеди, А. Кубиньи, Майус, В. Бачкай относят к категории малых городов агломерации, выступающие в латин-

ских официальных источниках (с середины XIV в.) под термином oppida. Французский историк Ш. Иегунэ причисляет к малым городам бастиды юго-западной Франции второй волны (с 1220 г.) их распространения.

Но из чего, собственно, складывается определение средневекового города как малого? — Величины его площади, численности населения? И если — да, то каков тот количественный предел, с которого малый город начинается? Широкие обобщения и в данном случае едва ли возможны. Соотношения между размерами городов (число жителей, площадь поселения) и соответственно количественные критерии их классификации на «большие», «средние», «малые» варьировали от региона к региону и хронологически. При этом следует учитывать не только фактор роста города, но и известную закономерность, выявленную впервые К. Хазе при картографическом изучении городов Вестфалии и прослеживаемую также польскими и французскими исследователями, а именно: площадь городов первой, ранней волны урбанизации (как «естественно» выросших, так и так называемых «основанных»), как правило, больше, чем у возникших позднее [8]. Соответственно варьировал и количественный предел, с которого начинался «малый» город: в Вестфалии, например, он колебался между 10—15 га в период 1180—1240 гг. и между 5—10 га — в интервале с 1240 по 1350 г., но мог быть и еще меньше.

Демографические показатели, в пределах которых определялись «малые» размеры поселения, сильно варьировали в зависимости от исторических условий заселения, демографической ситуации в области, регионе. В области Сория (внутренняя Испания) в 70-х годах XIII в. в 238 городках проживало по 160—200 человек, в центральном городе провинции — около 700 человек [9].

Таким образом, очевидная относительность количественных критериев предостерегает от генерализации любого из них, будь то численность населения или площадь застройки. Но дело не только в относительности, но и недостаточности количественных критериев для классификации города как «малого». Так же как и терминология, они представляют интерес только в том случае, если сочетаются с данными о типе хозяйства, особенностях социальной структуры, статусе города не только правовом, но и фактическом, т. е. осуществляемых им функциях.

Сопоставление данных о численности населения городов некоторых исторических областей, обследованных в последние годы демографически, обнаруживает вместе с тем одну особенность в структуре их урбанизации, повторяющуюся независимо от того, идет ли речь об итальянской Тоскане с древней городской традицией или областях с относительно молодым городским развитием, как, например, Великая и Малая Польши, Венгерское королевство или Центральная и Юго-Западная Швейцария.

И здесь и там, как правило, имелся только один очень крупный (для данной территории) город, один—два (иногда — больше) города, хотя и относительно больших, но почти в 4—5, а то и 10 раз уступавших гросштадту по численности населения, тогда как основную массу, остов городской сети образовывали города, как правило, до 1000 (редко с небольшим превышением) жителей. В Тоскане XV в. в таких городах проживало около 34% городского населения области [10]. В Великой Польше они составляли в это же столетие 62% городов и, видимо, не меньше

в Малой Польше [11]. Эти примеры, которые можно было бы дополнить материалами по Фландрии, французским провинциям, Англии и др., порождают вопрос: не обнаруживает ли отмеченная выше повторяемость в соотношениях городов, разных по величине, одну из общих и специфических особенностей средневековой европейской урбанизации как урбанизации, реализовавшейся преимущественно в малых формах?

Материал о малых городах, которым мы уже располагаем, не претендует на массовость и разносторонность. Тем не менее его уже вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение некоторые устойчивые представления и предубеждения, касающиеся, в частности, уровня развития и типа хозяйства так называемых малых городов. В типологических классификациях буржуазной историографии начала столетия (в частности, Х. Йехта) малый город в массе отождествляется с аграрным типом хозяйства; он выступает как самостоятельное поселение с узким радиусом активности. Определение «аграрный», «крестьянский» как синоним неполноценности городского развития не изжито, пожалуй, в историографии до сего дня. Аграрная доминанта действительно присуща хозяйственной жизни массы малых городов как к югу, так и к северу от Альп, как в Западной, так и в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Однако само по себе это обстоятельство не может все же рассматриваться ни как их специфический детерминатив, ни тем более как свидетельство недостаточности урбанистического уровня. Теперь уже хорошо известно, что средневековый город независимо от величины никогда не порывал с агрикультурой и не утрачивал деревенских черт в своем облике. Достаточно сказать, например, что в таких крупных городах, как французский Арль XV в. (10 тыс. жителей) или Дофинэ XVI в., большинство населения составляли пастухи, земледельцы, виноградари [12].

Видимо, говоря об аграрной ориентации хозяйства мелких городков, следует учитывать, что она могла быть обусловлена особенностями природных условий, так же как и потребностями местного развития. Главное, что нуждается в выяснении в каждом конкретном случае,— степень и формы связи аграрного производства горожан с рынком, то, в какой мере производимая ими сельскохозяйственная продукция входила в товарное обращение. При благоприятной конъюнктуре (как это имело, например, место в XIV—XV вв. в Швейцарии, Юго-Западной Франции, Франконии, венгерских землях) жители аграрных городков могли стать и становились активными участниками не только местной, но и областной, межрегиональной и даже дальней «внешней» торговли зерном, вином, красителями, скотом, включаясь в нее непосредственно или через местных купцов и приезжих скупщиков. Преобладание подчас товарной и специализированной сельскохозяйственной продукции в операциях малых городов заставляет задуматься: всегда ли и только ли развитием ремесла может быть измерен уровень средневековой урбанизации?

Но малые города даже с самыми скромными хозяйственными возможностями были не только аграрными, но и аграрно-ремесленными. Чешские историки (Й. Яначек, Р. Новый) показали, что и в самых маленьких из чешских городков XIV—XV вв. (до 100 домохозяйств) имела место не только относительно широкая ремесленная специализация, но (и это особенно важно) также и отрасли, масштабы деятельности которых выходили за пределы городского рынка и работы на заказ [13]. Это, как правило, отрасли, связанные с производством продуктов пита-

ния и одежды: мясники, сапожники, портные прежде всего, а также пекари, пивовары (виноделы), огородники. Именно в этих отраслях зарождаются раньше всего (или преимущественно) братства и цех. Хозяйственные потребности города и округи могли вызвать интенсивное развитие и других отраслей, как, например, бочарного дела во французском винодельческом Мэне в XIII в. или кузнечного ремесла, гостиничного дела, транспортных служб и связанных с ними специфических услуг как в альпийских, так и в других городках, расположенных вдоль местных дорог и путей транзита. Если учесть, что аграрно-ремесленный городок имел, подобно массе частновладельческих городков в предгусистской Чехии, еженедельный или каждодневный торг, который посещали крестьяне из округи в радиусе 10—20 км, а также профессиональные купцы издалека, привозившие редкие товары (соль, железо, красители) и скупавшие издалия местного производства и промыслов, то для утверждений о хозяйственной автаркии даже самых маленьких из городков вряд ли останется место. Малый город органически входил в хозяйственную структуру округи как центр локального обмена. Он был вызван к жизни его потребностями и обеспечение их определяло его развитие как города. Он производил и предлагал округе регулярно (а не сезонно, как сельские ремесленники) в обмен на сельскохозяйственную продукцию и сырье изделия не только более высокого качества, но и такие их виды, которых деревенское производство не знало или почти не знало, но потребность испытывало, подобно, например, тосканскому Сан-Джиминьяно, который славился в XIII в. производством стекла и металлообработкой, или польским городкам XIV—XV вв., специализировавшихся на изделиях столярных, слесарных, шорницких ремесел, продукции из железа и др.[14]

Исследования последних лет выявили определенную систему в размещении малых городов. Они, особенно в хозяйственно развитых областях, вблизи важных торговых артерий, как бы опоясывали более крупные городские центры, располагаясь в пределах зоны их правового господства и хозяйственного влияния. При этом они, однако, не утрачивали своей главной функции центра местного обмена. Эта городская система, скрепленная строгой периодичностью локальных ежедневных или еженедельных торгов, местных и областных ярмарок, обеспечивала возможность для стабильного товарообмена в пределах области и постоянного рынка для продукции крестьянского и сеньориального хозяйства, ремесленного производства, внося свой вклад в формирование внутреннего рынка страны или исторической области.

Изучение малых городов находится еще на начальной стадии. Но некоторые общие линии феномена «малый город» обозначались уже достаточно четко и об этом следовало бы сказать в заключение. Даже то, что мы уже знаем о малых городах, свидетельствует о том, что проблема малого города — это не проблема индивидуальных городских судеб. Это прежде всего — проблема средневековой урбанизации и ее специфики. Средневековый город как тип поселения, наделенный особыми экономическими, культурными, административными и другими функциями, рождается из локальных потребностей, и малый город как стадия роста — неотъемлемый элемент процесса средневековой урбанизации с самого его начала и его носитель. Это — те рыночные и бурговые городки, которые с середины XII—XIII в. во множестве вырастают у стен крепостей, монастырей практически повсеместно в Европе. Но это также и те городки, которые под разнообразными правовыми наименованиями создава-

лись в XIII—XIV вв. в ходе сложных процессов — внутренней колонизации, расширения и упрочения феодального господства на локальном уровне, сопровождавших переход к зрелому феодализму, или формирование территориальной государственности и перестройки вотчинной системы в период позднего феодализма.

Но от малого города как стадии роста следует отличать малый город как тип, модель урбанизации. В средние века в этом качестве малый город был присущ и отдельным регионам и целым европейским ареалам. Это — Испания и Италия, французские Прованс и Лангедок, Швейцария, альпийские районы Австрии и Юго-Западной Германии, где распространенность малых форм урбанизации не в последнюю очередь была связана, видимо, со спецификой географических условий, изначальными особенностями хозяйственного развития, типом хозяйства. В Центральной Европе широкое распространение малых городов было обусловлено сложным комплексом причин, в том числе и особенностями заселения и освоения этих территорий, спецификой формирования и развития феодальной государственности и домениальной системы, демографической ситуацией. В некоторых странах Западной Европы, в частности во Франции, малые города — массовый феномен XIV, особенно XV—XVI вв. С развитием нового сукноделия и хозяйственным возвышением новых районов и областей связывают французские исследователи эту волну урбанизации.

Создается впечатление, что малые города были динамичнее и активнее в областях и странах с относительно немногочисленными крупными городами, как, например, в Англии, а также в Центрально-Восточноевропейском регионе, где малые города преобладали, выполняли важные хозяйственные и культурные функции, но где подчас крайние формы феодальной зависимости сильно деформировали их политическое развитие. Но в зонах высокой урбанизации (Фландрия, Северная и Центральная Италия XIII—XIV вв.) они были зато полнее выражены экономически и в правовом отношении именно как города. Как бы то ни было малые города не выражение слабости или недостаточности городского развития. Это полноправная форма средневековой урбанизации, объективно обусловленная уровнем развития разделения труда и товарно-денежных отношений в эту эпоху, так же как и социально-экономическими и политическими процессами функционирования средневекового феодального общества, и, возможно, наиболее полно отвечающая его потребностям. Во всяком случае, органическая интегрированность средневекового города в феодальную систему и потребность в нем этой последней особенно выразительны на уровне именно малых форм городского развития.

[1] *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964; *Он же.* О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 23—33; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; *Он же.* Язычество древних славян. М., 1981.

[2] *Ястребицкая А. Л.* Международная конференция о роли малых городов Европы в средние века и в начале нового времени // ВИ. 1985. С. 149—151;

[3] *Le Geff J.* Ordres mendiants et urbanisation dans la France médiévale // Annales: Economies. Sociétés. Civilisations. P., 1970. N 4. P. 937.

[4] *Chevalier F* Les bonnes villes de France du XIVe au XVIe siecle P., 1982. P. 7—8.

[5] *Lalik T.* La genése du réseau urbain en Pologne médiévale // Acta pol. hist. 1976. Vol. 34. P. 113—117.

[6] *Kejř J.* Die Anfänge der Stadtverfassung und des Stadtrechts in den Böhmischen Ländern // Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der Europäischen Geschichte. Siegmaringen, 1975. S. 442.

[7] *Gutcas K.* Das österreichische Städtewesen im Mittelalter // Die mittelalterliche Städtebildung im Südëstlichen Europa. Köln; Wien, 1977. S. 142–143, 151.

[8] *Haase C.* Die Entstehung der westfällischen Städte. Münster, 1958. S. 32, 38, 65, 76.

[9] *Claud D.* Die Anfänge der Wiederbesiedlung Innerspaniens. // Die deutsche Ostsiedlung... S. 624.

[10] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes et leurs familles: Une étude du Catasto fiorentin de 1427. P., 1978. P. 227–231.

[11] *Kühn W.* Die deutschrechtlichen Stadtgründungen in Kleinpolen // Die mittelalterliche Städtebildung... S. 66–70; *Wiesiolowski J.* Le reseau urbain en Grand-Pologne aux XIIIe–XVIe sicles: L'espace et la société // Acta pol. hist. 1981. Vol. 43. P. 5–30.

[12] Histoire de la France urbaine/Ed. G. Duby. P., 1980. T. 1. P. 12–13.

[13] *Janaček J.* Řemeslná výroba v českych městech v 16. stoleti. Pr., 1961. S. 182–214; *Nový R.* Hospodářsky region Prahy na prelomu 14. a 15. stolety // Českosl. čas. hist. 1971. Roc. 19, N 3. S. 397–418; *Idem.* Poddanská města a městečka y předhusitských Čechach // Ibid. 1973. Roc. 21, N 1. S. 73–109.

[14] *Lalik T.* Les fonction des petites villes en Pologne au bas Moyer âge // Acta pol. hist. 1978. Vol. 37. P. 9–14, 22–23; *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Op. cit. P. 283–284.

Г. К. Вагнер

АРХИТЕКТУРНАЯ ПРОГРАММА АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Восемьдесят лет назад маститый русский ученый Н. П. Кондаков писал: «Множество разнообразных фактов нас убеждает, что национальный подъем и оригинальная художественная жизнь в большинстве стран средневековой Европы начали слагаться только во вторую половину XII столетия, а полный ход национального искусства приходится на XIII в., где раньше, где позже, в зависимости от политических обстоятельств» [1].

Во Владимиро-Суздальской Руси во второй половине XII в. действительно начала слагаться «оригинальная художественная жизнь», наиболее ярко заявившая о себе в белокаменной архитектуре.

В истории древнерусского зодчества утвердилось мнение, что владимиро-суздальская архитектура XII в. настолько обязана романскому воздействию, что ничего византийского в ней не осталось. Романское воздействие в ней, конечно, неоспоримо, хотя оно сводится в основном к «оболочке» здания. Н. Н. Воронин в свое время хорошо сказал: Стремление ввести Русь как независимую полноправную державу в семью народов Западной Европы все чаще влекло художественную мысль к искусству романского мира» [2]. В этой фразе не всегда обращается внимание на слова «ввести Русь». Не Владимиро-Суздальское княжество, а именно Русь. Между тем влечение к романскому миру было выражением не столько желания войти в семью западноевропейских народов, сколько стремления к государственному возвышению в условиях происходящего феодального дробления страны.

Не касаясь этого вопроса в целом, хорошо освещенного в исторической литературе Б. А. Рыбаковым [3], остановлюсь только на некоторых моментах архитектурной политики Андрея Боголюбского, в которых мы вправе видеть отражение его более широких планов.

Утвердившись во Владимире на Клязьме, постепенно обстраивая его как свою столицу и одновременно заявляя о своих претензиях на независимость от Киева, Андрей Боголюбский должен был по условиям средневековья облечь свою программу в религиозную форму, результатом чего явились владимирский культ Богоматери и шаги по учреждению во Владимире митрополичьей кафедры. Наиболее убедительной демонстрацией этой политики и была монументальная архитектура.

Еще до Андрея Боголюбского и его зодчих существовала богатая ки-

евская архитектурная традиция, которой придерживались его прадед, Владимир Мономах, построивший первый каменный собор в Суздале, а частично и отец, Юрий Долгорукий. Князь Юрий Долгорукий хотя и ввел в свое суздальское строительство белокаменную технику, но в композиционных формах архитектуры не выходил из границ киевских норм. В условиях настойчивой борьбы за церковную независимость от Киева, принявшей в 60-х годах XII в. ожесточенный характер [4], Андрей Боголюбский, естественно, не был расположен следовать тем же путем. Отцовский опыт строительства из тесаного белого камня был учтен, но стремление к суверенности своего княжества, уже лелеемого в качестве нового центра Руси [5], требовали создания чего-то совершенно оригинального, ранее невиданного на Руси. Привлечение мастеров «из всех земель» [6] облегчало осуществление такой задачи.

Надо полагать, что собранные князем Андреем мастера незамедлили предложить ему не один вариант архитектурных проектов, может быть, даже в какой-нибудь чертежно-схематической форме, поскольку речь шла о серьезном программном выборе. Весьма показательно, однако, что, судя по дошедшим до нас памятникам, Андрей Боголюбский не склонился ни к какому заимствованию иноземного образца. Может быть, только в боголюбовском строительстве он не устоял перед дворцовыми формами романского характера, да и то в весьма своеобразном их преломлении.

Задача заключалась в том, чтобы, противопоставив свое строительство киевскому, не выйти из рамок общей восточно-православной традиции, без чего «владимирская митрополия» не могла претендовать на общерусский авторитет. С первой частью задачи дело обстояло легко, так как навыки мастеров, среди которых, несомненно, преобладали выходцы из романского Запада [7], располагали к стилистическому новаторству. Сложнее была вторая часть задачи. Здесь нельзя было полностью откинуть киевскую традицию, заключавшую в себе «архитектурные нормы» византийского православия. Пренебрегши этим, разрешив своим мастерам строить тот же Успенский собор во Владимире, например, в виде романской базилики, Андрей Боголюбский рисковал свести на нет всю свою государственную программу.

Сказанное не означает, что, кроме базилики, нельзя было выбрать какую-нибудь иную архитектурную форму, достаточно некиевскую, но и не явно католическую. В середине XII в. в русской архитектуре как раз наметилось направление, в котором смело переосмыслялась традиционная киево-византийская (или византийско-киевская) крестово-купольная система. Стали появляться так называемые «башнеобразные» храмы, одним из ранних образцов которых считается Спасская церковь Евфросиньевского монастыря в Полоцке (середина XII в.). К концу XII в. такие композиции стали чуть ли не излюбленными, так что родилась теория формирования нового общерусского стиля, представленного такого рода сооружениями [8]. Казалось бы, это направление должно было быть подхвачено Андреем Боголюбским. На деле этого не произошло. Мастера князя Андрея во всех своих сооружениях культового назначения прочно держались крестово-купольной системы, хотя их романская выучка того не требовала. Мы имеем полное основание считать, что здесь проявлялась контролирующая роль князя.

В борьбе за автокефальную «владимирскую митрополию» Андрею Боголюбскому совсем не было нужды усложнять отношения с патриархом. Наоборот! Г. Г. Литаврин и В. Л. Янин тонко заметили, что у Андрея Боголюбского «выступление против Киева принимает очевидные

формы поддержки престижа вселенского патриарха» [9]. Белокаменная техника строительства, разнообразные романские детали (главным образом декоративного характера) достаточно отличали владимирскую архитектуру от киевской, в этом отношении князь Андрей мог быть полностью удовлетворен. Но вряд ли его удовлетворило бы пассивное следование византийским образцам. При сохранении византийской крестово-купольной системы ни одна постройка Владимира или Боголюбова не может быть названа провизантийской. И дело вовсе не в том, что Андрей Боголюбский вдохновлялся библейскими образами знаменитого Соломонова строительства, что, конечно, имело место, но не отразилось на архитектурных формах. Дело в удивительно тонком предвосхищении того, что необходимо для Руси.

Вторая половина XII в. отмечена постепенным созреванием консолидирующих тенденций, заметно усилившихся в эпоху «Слова о полку Игореве». Однако сепаратистские устремления некоторых княжеств были еще сильны. В этих сложных условиях русская архитектура явно разделилась на две линии. Такие князья, как «великий и грозный» Святослав Всеволодович Киевский или Всеволод III Владимирский, с которыми у автора «Слова о полку Игореве» были связаны главные надежды на сбережение единства Руси, последовательно держались великой Ярославовой традиции строительства больших крестово-купольных соборов с круговыми галереями. Они даже как бы соревновались в этом между собой, что в свое время отметил Б. А. Рыбаков [10]. Отмеченное выше направление, представленное «башнеобразными» композициями, осуществлялось главным образом при дворах князей, тянувших «в сторону», что, конечно, не мешало зодчим этих князей создавать красивые здания. Они привлекли внимание и купеческих слоев города, но все же направление это нельзя назвать общерусским [11].

От строительства Андрея Боголюбского до нарисованной картины русской архитектуры должно было пройти еще около 20 лет. Но как раз то и поразительно, что владимирский князь словно предвосхитил будущее. Можно думать, что в отказе от «модных» «башнеобразных» композиций храмов и в предпочтении испытанной временем архитектурной образности, восходящей в своей структурной основе к Византии, но за многие десятилетия хорошо освоенной и прочувствованной на Руси. Андрей Боголюбский исходил не из личных побуждений, а из далеко идущей программы общерусского значения.

В таком свете кажущийся византинизм в структуре владимиро-боголюбовских построек князя Андрея (крестово-купольная система) представляется не столько византинизмом, сколько выражением крепнущего национального сознания. Вместе с попытками церковного отделения от Киева это сулило Владимиро-Суздальской Руси большое будущее, что не могло не беспокоить Константинополь. Недаром патриарх и император не пошли навстречу планам Андрея Боголюбского как «чреватым слишком опасными последствиями» [12].

О глубочайшей предусмотрительности и дальновидности архитектурной программы Андрея Боголюбского говорят все факты последующего развития. Как уже было отмечено, брат Андрея Всеволод III, которому в «Слове о полку Игореве» отведены чуть ли не самые лестные строки, оказался совершенно равнодушным к «башнеобразным» архитектурным композициям. Более того. Он обстроил трехнефный Успенский собор Андрея Боголюбского круговыми галереями, превратив его в пятинефный и пятиглавый. Даже свой придворный Дмитриевский храм он пере-

вел из придворно-княжеского жанра в соборный, окружив четырехстолпный объем папертями и выделив западный фасад двумя башнями. В сущности говоря, по этому пути пошел и его сын князь Юрий Всеволодович, перестроивший Суздальский собор в большой храм с тремя притворами и тремя главами. Именно отсюда, а не от Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском пойдет линия московского кремлевского соборного строительства, завершенная Успенским собором Аристотеля Фиораванте.

[1] *Кондаков Н. П.* Македония: Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 292.
[2] *Воронин Н. И.* Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв. М.; Л., 1945. С. 47.
[3] См.: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 469–564.
[4] Андрей Боголюбский изгнал епископа Леона, а ставленник князя – владимирский «владыка» Федор, лишившись поддержки, был судим в Киеве и казнен. См. подробно: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 118–120.
[5] Там же. С. 122 и след.
[6] ПСРЛ. Т. 1. С. 35; Т. 21. С. 234.
[7] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 330.
[8] См.: *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952. С. 200 и след.
[9] *Литаврин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 47.
[10] См.: *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 90–91.
[11] См.: *Вагнер Г. К.* Архитектура эпохи «Слова о полку Игореве» и ее заказники // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 282–317.
[12] *Литаврин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы... С. 47.

В. М. Василенко

ЗОЛОТОЙ ПОТИР ИВАНА ФОМИНА 1449 г.

В ювелирном искусстве Руси скань постепенно завоевывала все большее место, и мы можем сказать, что XV век был веком скани, она была господствующей в ювелирном искусстве техникой и такого положения она позднее никогда не достигала. Великий расцвет русского искусства в конце XIV и в XV в., названный русским Ренессансом, не следует понимать как перенесение на русскую почву ренессансных мотивов и воспроизведение античности, как это было в Италии. Это было возрождением русской культуры после опустошительного монголо-татарского нашествия, восстановление зодчества, иконописи, а также многих видов декоративно-прикладного искусства. Создателем классического русского стиля стал мастер Иван Фомин и равный ему по мастерству инок Амвросий.

Новую эпоху в русском ювелирном искусстве открывает, к сожалению, единственное, но превосходное творение Ивана Фомина – его золотой потир, выполненный им в 1449 г. для князя Василия Темного (рис. 1). Потир находится в хранилище Троице-Сергиевой лавры, в его золотой кладовой.

Прежде чем перейти к художественной характеристике этого великолепного памятника, остановимся на некоторых деталях имеющих отно-

Рис. 1. Золотой потир 1449 г. Ивана Фомина

шение к его создателю. В. А. Олсуфьев одним из первых разобрал надпись на потире и прокомментировал ее. По венцу и на поддоне имеются надписи, помимо литургической, из которых следует, что потир был передан великим князем Василием Васильевичем в церковь. Наиболее интересна надпись: «А делал Иван Фомин». Б А. Рыбаков, исследовавший надписи на панагиаре мастера Ивана и на потире Ивана Фомина, пришел к заключению, что эти надписи принадлежат различным людям — не совпадают некоторые начертания букв и их написание в словах. Так, для И. Фомина характерно московское смягчение согласных (например «потирь». На новгородском панагиаре написано «створена бысть...», на троицком потире — «зделан бысть... а делал Иван Фомин»)[1].

Мы фактически почти ничего не знаем о Иване Фомине. Об этом великолепном мастере Т. В. Николаева пишет: «В Москве в середине XV века знаменитым был Иван Фомин, написавший свое имя на золотом потире —1449 г. великого князя Василия II Темного. Он занимал, по-видимому, высокое положение среди мастеров государева двора. Воможно, его имя упоминается в Духовной грамоте Софьи Витовтовны, которая на старом дворе Ивана Фомина поставила «житный» или «запасный», двор[2]. Иван Фомин был безусловно широко образованным человеком, хорошо знавшим западноевропейское и византийское искусство. Неизвестно принадлежал ли Иван Фомин к мастерской митрополита Фотия, но то, что он был знаком с ее художниками, а, может быть, и дружен, не оставляет сомнения. Именно от митрополичьих мастеров-греков он смог усвоить секрет производства тонкой золотой скани высокого рельефа, скрепляемой с фоном посредством ртутной альмагамы. Т. В. Николаева высказывает интересное предположение, что Иван Фомин «был представителем тех Фоминых, митрополичьих детей боярских, которые имели свой двор в Московском Кремле.

Золотых дел мастера не были простыми ремесленниками. Это были люди, приближенные к князю и митрополиту или занимавшие при монастырях высокий пост казначеев или соборных старцев. Они имели свои земли в разных уездах Московского княжества»[3].

Еще раньше о Иване Фомине писал Ю. Н. Дмитриев. Он отождествлял его с мастером новгородского панагиара Иваном, который, по его мнению, первоначально работал в Москве под руководством другого мастера (возможно, был учеником мастера, изготовившего вологодскую и симоновскую панагии), у которого он даже брал литейные формы для своих работ. Около 1434 г. Иван вместе с князем Василием Васильевичем бежал в Новгород, где он сделал панагиар для Софийского собора

Затем мастер оказался опять в Москве и под именем Ивана Фомина спустя 14 лет выполнял по заказу Василия Васильевича потир для Троице-Сергиева монастыря[4]. С таким отождествлением мастера не согласился Б. А. Рыбаков, указав на то, что сходство скани на панагиаре и на потире ни о чем еще не говорит, поскольку «скань потира и панагиара характерна вообще для XV века и на основании сходства сканного рисунка пришлось бы вещи с XIV века по середину XV века считать изделием одного мастера»[5]. Б. А. Рыбаков писал это в 1948 г. Теперь мы знаем, насколько скань, украшающая панагиар и потир различна, несмотря на общую схожесть, что подтверждает мысль о разных мастерах, высказанную Б. А. Рыбаковым.

О потире, к сожалению, писали мало, бегло, вернее, о нем больше упоминали, ограничиваясь поверхностыми определениями (В. А. Олсуфьев, А. Н. Свирин, М. М. Постникова-Лосева). Т. В. Николаева дала обстоятельное описание потира, но не остановилась на его художественной образной стороне.

Для XV в. характерен плоскостный ажурный орнамент, сохраняющий пластичность в трактовке изображений. В последних нет скованности в очертаниях фигур, как в Евангелии Ф. Кошки. В то время возникают два принципа: интерес к тому, что можно было бы назвать архитектоникой, строгостью (у И. Фомина), и к «сдержанной ковровости» у инока Амвросия в его золотой панагии. Растет тяготение, с одной стороны, к чистому, прекрасному в своей ясности композиционному построению узорочья, не переходящего в восточную «арабеску», с ее усложненной запутанностью, и с другой — к изображению человеческого образа, к его широкому введению в декоративно-прикладное искусство (оклад «Морозовского» Евангелия и оклад «Владимирской Богоматери»). Эти тенденции привели к великолепному миниатюрному «иконостасу», помещенному внутри складня-триптиха (панагии) Амвросия. Одновременно усиливается комплексное использование материалов в одном произведении, что началось еще в XIV в. Стали часты сочетания скани и эмали, зерни, цветной мастики (но в очень мягких, сдержанных цветах), пластического чеканного и литого рельефа, сочетания золота, серебра с камнем и деревом.

Выполненный в 1449 г. потир Ивана Фомина является выдающимся произведением ювелирного искусства XV в. на Руси. Он представляет собой небольшой предмет в виде чаши из золотистого («рудожелтого») с красноватыми тонами мрамора. Это не обычный мрамор, а его разновидность, называемая брекчиевым мрамором, т. е. такой тип камня, где вкраплены разного рода породы. Каменная чаша оправлена в золотую основу. Она состоит из круга, куда вкладывается чаша, переходящего в круглый с небольшим яблоком («дынькой») стоян, расходящийся веерообразно по кругу вытянутыми «ложками», образуя поддон. Скань в потире помещена только в одном месте: она проходит по венцу оправы — по широкой золотой ленте, образующей как бы своеобразный карниз — «антаблемент» в здании. Внутрь потира вложена в XVII в. золотая чаша, она несколько выдается сверху и чуть закрывает буквы надписи, которая идет по венцу, расположенному над сканью.

Потир удивительно прост и пропорционален по своей форме. Его каменная чаша — часть абсолютно точной полусферы. Ясно и четко даны в потире ножка и сам стоян с поддоном. Яблоко (дынька) в ножке слегка, как бы повторяющее округлость чаши, имеет небольшие размеры и плавно переходит в медленно расширяющиеся книзу «лепестки». Ок-

руглости «лепестков» украшены просечным строгим, простым узором и образуют восьмилепестковую розетку. Стоян с «лепестками» лишь немного меньше в своей окружности чаши и этим усиливается гармоничность соотношения, основанная на близости и на тонком, но улавливаемом нашим глазом различии. Потир невысок, и его стоян тоже невысок, но впечатления приземистости не возникает, а остается чувство близости форм, большой собранности и простой, но совершенной гармонии. Очень красиво сочетание золота оправы и стояна с золотисто-красноватым мрамором чаши, которая является центром, «сердцем» всего произведения. Вся оправа кажется архитектурным сооружением, так она проста и так конструктивна, в ней нет ничего лишнего.

По венцу чаши идет волнообразно широкими спиралями, повторяющими друг друга, сканный узор. Он, без сомнения, близок к орнаменту шапки Владимира Мономаха, близок и к спиралям, покрывающим драгоценный оклад «Владимирской Богоматери», но в потире мастер Фомин решил орнамент совершенно по-новому. Здесь нет своеобразно «мерцающей» бестелесности, как на шапке Мономаха, нет ее воздушного, почти призрачного движения в скани. Нет и доведенной до изысканности, утонченной по рисунку скани, как в окладе «Владимирской Богоматери». У Фомина скань состоит из одного лишь плавно «бегущего» узора из спиралей, от стеблей которых внутри и снаружи отходят многочисленные ритмически распределенные сканные колечки (рис. 2). Они сообщают спиралям благодаря своей равномерности неповторимое очарование и строгую изысканность. Скань в потире не гладкая, а выполнена из двух свитых в одну «веревочку» нитей, что сообщает всем линиям легкую узорность. Ритм и весь рисунок скани торжественный, ее движение величественное и спокойное.

Скань плотно касается пояса, где дана награвированная со слегка заштрихованным фоном надпись. Нижняя часть скани прочеканена своеобразными тонкими «городками», под которыми Фомин вычеканил превосходный мотив геометрического орнамента, очень похожий на резьбу по дереву повторяющихся ромбов. Этот «геометрический» фриз усиливает впечатление архитектурности и приближается к мотивам народного искусства. Это показывает, насколько были близки формы народного творчества, широко распространенные в те времена, профессиональному искусству. Так же сканный орнамент (по композиции и по рисунку Амвросия на знаменитой панагии) напоминает розетки солярного орнамента крестьянских прялок. Народные мотивы проникали в профессиональное искусство, художники были окружены деревянными, текстильными и иными вещами, мало чем отличавшимися от народных или являвшихся народными. Геометрический узор, составленный из простейших ромбов, прекрасно контрастирует и сочетается в одно и то же время с остальными орнаментами. Он нужен в данном случае и потому, что его формы находят отзвуки в прямых начертаниях линий надписи. Геометрический орнамент был широко известен в те далекие дни не только в резьбе и росписи по дереву, но и в вышивке, в ткачестве, в орнаментике на кости. Был он и в деревянной архитектуре, как на теремах, избах, так и на церквах, и не только в деревне, но и в городе. Внести в свой «обиход» такой народный мотив могло смело только очень высоко профессиональное искусство. Как еще в XI—XIII вв. в Киеве златокузнецы и среброкузнецы положили в основу височных колец мотивы геометрического орнамента (ромбы, треугольники, круги); так поступали нередко и их потомки в последующие времена.

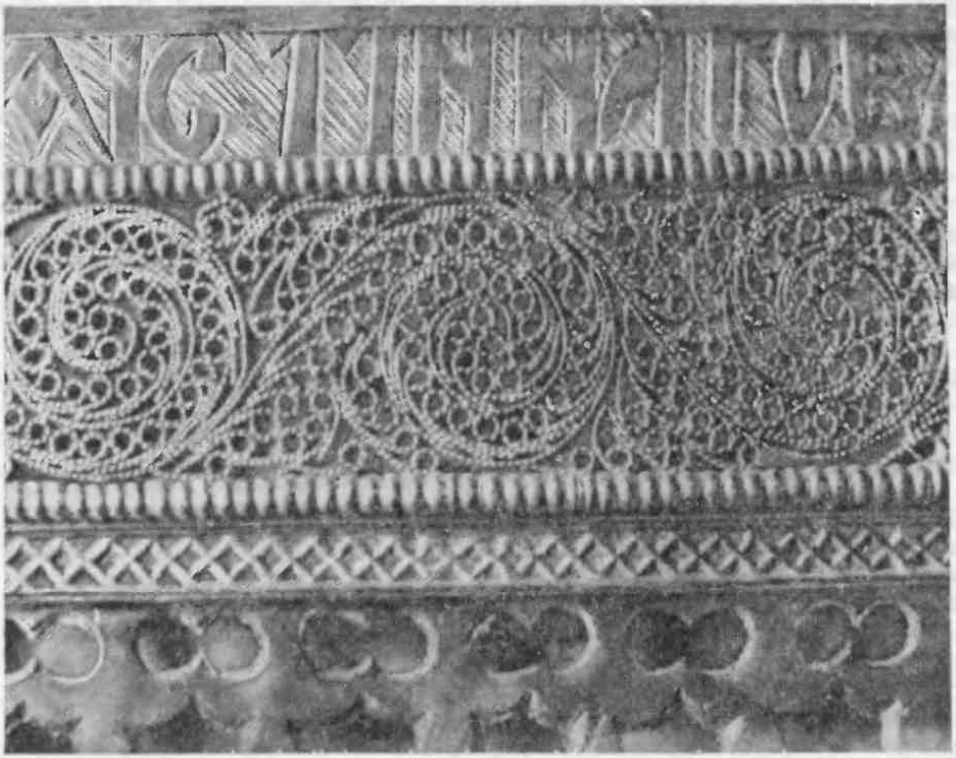


Рис. 2. Скань, которой украшен золотой потир Ивана Фомина

Завершается весь этот «дивный» пояс потира (антаблемент) свисающими вниз остриями — кринами. Крины идут также равномерно друг за другом и перед нами на чаше рождается несколько фризов: главный — из мерно текущих, плавных повторяющих округлость чаши спиралей, затем — узкий с геометрическим узором, и, наконец, фриз из кринов. Спокойная организованность всех орнаментальных мотивов в потире, их ритмическое чередование, слегка нарушаются естественными вкраплениями (их цветной игрой) в мраморе. Кроме того, золотисто-красноватый цвет чаши придает потиру солнечность, душевность. Спирали сканного орнамента гибкостью, движением становятся близки растительным побегам. И, таким образом, в потире Фомина сближены между собой все формы и узоры.

Во всем потире исключительны его величавое спокойствие, благодатная красота, простых, на первый взгляд безыскусственных пропорций. Что-то есть античное во всей его форме. И когда мы любуемся этим гениальным произведением русского художника, становится ясно, что появление такого создания могло произойти лишь после великого Андрея Рублева. Стремление к безупречно строгой и вместе с тем человечно теплой форме, поиски лучшей «меры» в пропорциях, отсутствие всего лишнего и крикливого могло возникнуть только после «Святой Троицы» и всего рожденного вместе с нею стиля. Величественный объем неба словно отражен в его полусфере, есть отзвук и спокойствия церковных

глав в округлости чаши. Роднит потир с архитектурой не только простая и гармоничная красота формы, но и каменность чаши, золото его оправы, так же как в архитектуре, камень сочетается с золотыми покрытиями глав.

Чаша Фомина так проста, что вызывает в памяти простые чаши, простую народную посуду. Чаши Новгорода, найденные в земле, просты, округлы; такие же простые деревянные чаши в «Святой Троице» Симона Ушакова, а форма их, конечно, древняя. Выдающийся памятник декоративно-прикладного искусства XV в. позволяет уяснить некоторые пути, которыми шло русское искусство в этой области. Оно было неоднородно, богато своими достижениями и возможностями.

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1987. С. 657.
[2] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями первой четверти XVI в. М., 1971. С. 7.
[3] *Николаева Т. В.* Художественное ремесло Московской Руси: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. С. 33–34.
[4] *Дмитриев Ю. Н.* Мастер-серебряник XV в. // Новгородский исторический сборник. 1940. Вып. 7. С. 34–38.
[5] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. С. 656.

Н. Н. Велецкая

О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕРУССКИХ «ЗМЕЕВИКОВ»

В изучении явлений языческого мировоззрения, ритуалов и атрибутов весьма существенно положение об их слоистом строении, о взаимопроникновении разновременных пластов, древнейших и более поздних. Впервые оно было сформулировало Е. В. Аничковым [1], и последовательно проводилось в исследованиях В. Я. Проппа. Наиболее полную и детальную разработку в изучении языческой традиции, в том числе и мифологической, оно получило в трудах Б. А. Рыбакова, убедительнейше обосновавшего тезис: «Новые комплексы представлений не вытеснили полностью старых, а наслаивались на них, сосуществовали с ними» [2].

Для раскрытия функциональной сущности явлений язычества и форм трансформации их на протяжении истории традиции существенно межсюжетное и межжанровое сравнительно-типологическое исследование. Между разными формами отражения сюжета раскрываются связи, если историческое объяснение их сосредоточено не только на отдельных элементах и образах, но и на композиционной системе исследуемого явления. Позитивные результаты межсюжетного и межжанрового исследования проявляются в обращении к вопросу о генезисе «змеевиков» при рассмотрении их на фоне змея — мифологического персонажа.

Как известно, о «змеевиках» сложилась обширная специальная литература. Они рассматривались с разных сторон: художественной формы, соотношения языческих и христианских элементов, основы противоречий амулета-оберега с христианским образом змея и многих других. И тем не менее, вопрос о генезисе их еще нельзя признать совершенно разрешенным. Пониманию генезиса языческого амулета в форме змеевика и устойчивости распространения его на протяжении христианской эпохи

способствует сопоставление мифологической традиции о змее-драконе — космическом божестве и мифическом предке с традицией изображения змея—змеи на архаических южнославянских надгробиях, ритуальной одежде и средневековой мелкой пластике.

Генезис же формы «змеевика» помогает понять изображение змея—змеи в виде уплощенного клубка с чуть приподнятой вверх головкой на архаических пряслицах.

Генезис мифологического образа змея-дракона полностью выяснить все еще не удается, поскольку корни его уходят в праисторические цивилизации, достоверными сведениями о которых наука не располагает. Сопоставление распространенных в фольклоре [3] вариантов образа змея-дракона, претерпевшего разновременные и разнохарактерные формы переосмыслений, напластований, трансформаций, показывает, что в общем характере его улавливаются связи с мифологическими мотивами о космических предках, наделенных могущественными, сверхъестественными силами, оказывавшими разностороннее воздействие на обитателей Земли. В устнопоэтической традиции образ змея-дракона претерпевает самые различные переосмысления и напластования, трансформируясь из космического божества, мифического предка в различные эпические и сказочные персонажи, преломленные через свойственную той или иной этнической среде окружающую действительность и фольклорную образность, вплоть до злобных демонов и «налетов» («летунов») [4]. В изобразительной традиции различные пути и формы трансформации приводят от языческих форм «змеевиков» к христианским нагрудным иконкам, где от амулета остается лишь змеевидное окаймление края или помещена надпись «Спаси и сохрани», или же к дукачам-оберегам с изображением святых на одной стороне и змея — на другой [5]. Изображения змея-дракона на ритуальных знаковых атрибутах рода ведут к формам ритуальных головных уборов в виде свернувшейся змеи как знаку божественного предназначения царского статуса, на знаменах племен — к формам эмблемы этноса и государства.

Трансформация, претерпеваемая мифическими образами на протяжении истории традиции, доходит подчас до полного переосмысления и деградации. В этом отношении показателен сюжет змееборства. Его исследование в древнерусской живописи, иконах прежде всего, показывает, как образ «змееборца, меняясь, тянется из глубокой, доисторической древности» [6]. Образу змея, поверженного Георгием Победоносцем, в христианской иконописной традиции предшествует образ «Медного змея» — спасителя от всенародного бедствия [7]. Это соотносится с образом змея, донесенного южнославянской традицией, где змей выступает вместе с Георгием Победоносцем и Ильей Пророком в борьбе против драконообразных мифологических существ — «ал», демонов стихийных бедствий, насылающих градоносные облака, смерчи, ливни, все сметающие на своем пути [8]. В этом симбиозе языческих и христианских мотивов проявляется переход на Илью Пророка и Георгия Победоносца функций языческого космического божества и мифического предка, одна из важнейших функций которого — обеспечение Земли животворящей дождевой влагой и медиация небесных явлений на пользу ее обитателей. В аспекте слияния древнейших языческих мотивов с христианскими воззрениями особый интерес представляют локальные варианты образа змея, где он причисляется к категории «чистых сил», близких богам и святым [9]. Отсюда тянутся нити к драконам с солярными знаками в средневековых славянских древностях и традиционном народном шитье, с одной сторо-

ны, и к изображениям драконов на атрибутах христианской церкви — с другой. Появление хоросов с драконами обусловлено огненной природой мифического дракона, связью его с оберегательными функциями. Архиерейские посохи с изображениями парных змей, символизировавших «мудрость, с которой духовный пастырь должен был пасти свое стадо»[10], вызывают ассоциации со сложными резными изображениями змей на набалдашниках посохов саракачанских пастухов[11].

Мотивы мифического змея в балканской традиции несут в себе явственно выраженную космическую символику, которая соотносится с древневосточными мифологическими мотивами о космических пришельцах, которым змей-дракон служит средством посредничества между Землей и звездным Космосом. Для понимания генетических корней образа дракона существенны древневосточные мифологические мотивы о драконе—космическом божестве[12] и о космических «сынах солнца», приносивших на Землю благость и основы культуры, изготовивших, в частности, металлический треножник в виде дракона, на котором они в огненном пламени улетали по свершении своей миссии. Особенно же существен мотив о «сыне неба», поднимавшемся на драконе «из страны, где рождаются солнца», со скоростью «мириадов верст» за день, и человек, улетавший вместе с ним, жил еще две тысячи лет. К этому следует добавить мотив о «рыбе»-драконе, явившемся из речных вод»[13]: в нем содержатся проявления представлений о связях рек-морей с космическим миром предков и о текучих водах как одном из путей достижения его. Мотивы чудесных средств переправы, связанной с огнем, дымом, громом, через необозримые водоемы, высочайшие горы, недоступные человеку, облака и «пустоты», расположенные между мирами, и достижения таким путем долголетнейшего продолжения жизни многое проясняют в сущности представлений о змее-драконе, донесенных индоевропейской традицией, и генезисе славяно-балканских ритуальных атрибутов со змеиными мотивами.

Предположение о связанности генезиса «змеевиков» с мифологическими мотивами высказано было И. И. Толстым[14] и обосновано Г. К. Вагнером[15]. В балканской традиции — мифологической, эпической и обрядовой — содержатся данные, во многом проясняющие как идейную основу амулета в форме «змеевика», так и изобразительную форму его.

Мифологическим мотивам о змее—космическом предке созвучны представления о защитной силе змеи — покровителя дома, хранителя семейного очага, как воплощения мифического предка. Змея предстает как один из обликов, в котором являются души умерших сородичей[16]. Домашняя змея приносит счастье и оберегает семью от всяких бедствий. Отсюда изображения змеи на пороге дома, на ритуальном печенье, на венчальной одежде, пастушеских посохах и т. д. От змея (с его космической сутью, фаллической символикой и метаморфозами от змеи к человеку) у земных женщин рождаются дети, наделенные сверхъестественными качествами: необычайной силой, благодаря которой их никто из обычных людей одолеть не сможет, исключительной мудростью, красотой. Самые прославленные эпические герои рождены царицей или же просто земными женщинами от змея.

Одна из основных функций мифического предка — змея-змеи состоит в обеспечении продолжения рода в здоровом, сильном духом и нравственно стойком потомстве. С этим связано представление о том, что змея наделяет людей любовными чарами и сексуальной активностью; являясь покровительницей беременных женщин, она способствует благополучным родам и благоприятствует младенцу[17].

Из ритуальных действий, связанных с этими представлениями, особенно показательны донесенные традицией саракачан. Змею считают они прорицателем будущего: по признакам и оттенкам поведения ее судят о предстоящей судьбе. Она воспринимается как магический инструмент в руках лиц, ограждающих членов общины от вредоносного воздействия злой магии в целом, и «злых очей» в том числе. Змея считается наиболее сильным оберегом; помещенную в тыкву, ее носят с собой как амулет. Змеиная голова воспринимается как защитница дома, семьи, каждого человека от всякого зла; ее закапывают у очага и как амулет, завернутую в шерстяной лоскут, носят с собой в кочевьях.

В балканской традиции 1 мая — сакральный день, связанный с обновлением природы, возрождением плодородия земли; он считается наиболее благоприятным для всякого рода заклятий, колдовства, ворожбы, чародействия, знахарства. В этот день у саракачан происходит ритуальная охота за змеиными головами, которые затем носятся как амулет. Змею зажимают палкой с раздвоением на конце, золотой или серебряной монетой отрезают голову и помещают ее в колокольчик. В процессе трансформации языческих культов, приспособленных к христианству, произошло и приспособление к нему ритуальных действ, связанных с культом змеи: колокольчик с головой змеи на 40 дней помещался в церкви на 40 литургий, после чего змеиная голова воспринимается как амулет.

В изобразительной традиции с мотивами змеи показателен ритуальный каравай — знаковая принадлежность «рождения Нового года и нового солнца». Мотивы рельефного украшения его идут из глубокой древности, традиция которых устойчиво сохраняется саракачанами. Оно изображает кочевой стан с центральным мотивом загона для скота, стада и змеями с обеих сторон загона и лагеря как защиты его и стимула умножения и процветания. На свадебном каравае — центральная тема — космические знаки месяца и креста, возле которых двойной змееобразный орнамент как символ изобилия и плодородия, общего благосостояния. В числе ритуальных действ, связанных с началом рождественского поста, самая старшая женщина закапывала голову змеи у входа в загон. Это соотносится с поверьем влахов, будто бы у входа в загон живет змея, которая хранит стадо и оплодотворяет его.

Для понимания значимости изображения змеи в орнаментике и амулетах существенно положение древнебалканского мировоззрения: месяц, земля, огонь и змея — четыре элемента, которые как части Космоса составляют источник жизни[18]. Это весьма показательно для определения места змеи в системе индоевропейских представлений о сущности мироздания: змея фигурирует в одном ряду с основными источниками жизни на Земле — землей, огнем и водой.

Спираль, змея, крест — архаичнейшие символы, восходящие к праисторической традиции. Змея, свернувшаяся в круг, как знак плодородия, плодовитости изображалась на венчальном фартуке; беременные носили его перед родами, чтобы мужское потомство было здоровым и сильным. Ту же символику несли две выгравированные змеи на серебряных пряжках пояса молодых матерей.

В балканской традиции символика головы змеи связана и с луной, с воздействием ее на плодородие, возрождение и бессмертие через метаморфозы в разных обликах. Месяц же как господин женщин, который в облике змеи, превращающейся в молодого красавца, является к ним.

Корни восприятия змеи как покровителя очага, хранителя семьи, дома и каждого человека лежат в древних эгейских культах. По древним эгей-

ским представлениям, змея — священное животное, познавшее тайны жизни и смерти, одна из функций которого — предсказание будущего. Богиня-змея, найденная Эвансом при раскопках, считалась владычицей нижнего мира и населяющих его предков, кроме функций хтонического божества, она наделялась функциями хранителя семьи и дома. Впоследствии же змея становится атрибутом божества: так, Афина унаследовала змею минойской богини — покровительницы дома [19]. И другие средиземноморские божества изображались со змеями в руках (Артемида, Геката, Персефона) или со змеями вместо волос. Для рассмотрения вопроса о генезисе «змеевиков» особый интерес представляет Диана, в первоначальный период формирования ее образа считавшаяся покровительницей женщин, беременных в особенности, и рожениц. Вопрос о том, как от богинь, изображавшихся со змеями в руках или с волосами-змеями, в змеевики вошла голова Медузы с ее устрашающим обликом, клыками и умертвляющим взглядом,— предмет специалистов. Представляется возможным, что первоначально на змеевиках изображалась голова богини-покровительницы, в самой же форме изображения синтезированы змеи в руках, змеи, выходящие из плеч, и огненная природа мифического змея в виде змей — языков пламени, расходящихся от головы.

Устойчивая сохранность «змеевиков» в славяно-балканской традиции в значительной мере определяется поливалентностью символики змеи, существенное место в которой принадлежит знаку вечной регенерации в здоровом, сильном, красивом потомстве. Согласно древнеиндоевропейскому мировосприятию, подспудно лежащему в основе славяно-балканской народной традиции, в извечном кругообороте жизнь—смерть—жизнь первенствующая роль принадлежит обожествленному Космосу как движущей силе в превращении душ предков. Восприятие змеи как мифического родоначальника представляет собой в сущности одно из проявлений культа предков-покровителей, от которых зависит благополучие и процветание потомков во всех сферах земной жизни.

[1] *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
[2] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 4.
[3] Термин употребляется в широком его значении, распространенном в современной науке, как совокупность духовной народной культуры во всех ее проявлениях – народное искусство, обычаи, верования и т. д.
[4] В русской народной традиции «летучий змей» («летун») представлялся в виде огненного шара, разбрасывающего вокруг себя искры. В среде старообрядчества, отличавшегося устойчивой сохранностью архаики, представлялся в виде шлейфа из искр, вылетающего из печной трубы и уносящегося в ночном небе высоко вверх.
[5] *Спасский И. Г.* Три змеевика с Украины // Средневековая Русь. М., 1976. С. 359–361.
[6] *Пропп В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора //Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 190–208.
[7] Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 131–132.
[8] *Зечевић Т.* Митска бића српских предања. Београд, 1981. С. 62–67.
[9] *Zečević S.* Zmej u narodnom verovanju severoistočne Srbije sa slovenskim i balkanskim paralelama // Македонски фолклор. Скопје, 1969. С. 361–368.
[10] *Вагнер Г. К.* О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 29.
[11] *Антонијевић Д.* Обреди и обича и балканских сточара. Београд, 1982. Табл. XX, *1*.
[12] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 304 и след.
[13] *Лисевич И. С.* Древние мифы глазами человека космической эры // СЭ. 1976. № 2. С. 140–149.
[14] *Толстой И. И.* О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб., 1888. Т. 3, вып. 3/4. С. 407.

[15] *Вагнер Г. К.* О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 27–30.
[16] *Зечевић С.* Митска бића... С. 106–108. Ср. мифологические мотивы о превращении состарившихся людей в змей у догонов: Мифы народов мира. Т. 1. С. 389–390.
[17] *Зечевић С.* Митска бића...
[18] *Антонијевић Д.* Обреди и обича... С. 56–98.
[19] Там же. С. 85–98.

С. А. Высоцкий

ОБ АЗБУКАХ, ОТКРЫТЫХ В КИЕВЕ И НОВГОРОДЕ

Во время археологических исследований в Киеве и Новгороде в последние годы обнаружены семь азбук, значительно отличающихся по количеству знаков в них от азбук кириллицы известных памятников книжной письменности XI в. Число букв в них колеблется от 27 до 36, вместо 43 в упомянутых памятниках, например в Остромировом евангелии. В заметке делается попытка осмыслить это явление в письменности древней Руси, проследить взаимосвязь азбук из Киева и Новгорода.

В 1946 г. Б. А. Рыбаков вместе со студентами Московского университета провел исследование древнерусских граффити в Софийском соборе в Киеве. Им был открыт ряд интереснейших надписей XII в., таких, как автограф Василия—Владимира Мономаха, запись о новгородском епископе Мартирии и многие другие [1]. Эти важные работы положили начало изучению древнерусских граффити не только Софийского собора, а и других архитектурных памятников Киева, продолженному автором начиная с 1957 г. Эти работы стали возможными после того, как в ходе реставрации фресковой живописи были сняты позднейшие напластования масляных красок. Более чем за два десятилетия изучения граффити обнаружено свыше 300 древних надписей и рисунков XI—XIII вв., выцарапанных посетителями на стенах русской митрополии — Софийского собора [2].

Среди открытых граффити — целый ряд надписей, близких по стилю и содержанию древнерусскому летописанию. Это запись о громе 3 марта 1052 г., смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г., «раке» — саркофаге Всеволода Ярославича, надпись о Бояновой земле и др. Но, пожалуй, еще более любопытной находкой является открытие в Михайловском приделе собора древней азбуки, состоящей из 27 букв, в том числе 23 греческих и четырех (Б, Ж, Ш, Щ) славянских. Нами было высказано мнение, о том, что обнаруженная азбука, хотя и написанная на стене собора в первой половине XI в., отражает, вероятно, письменность значительно более раннего времени, судя по четырем славянским буквам. Можно думать, что столь малое количество специальных славянских знаков в азбуке отражает тот этап развития письменности, когда к греческому алфавиту стали добавляться первые славянские буквы. О письменности «без устроения» греческими буквами, как известно, сообщает болгарский писатель X в. Черноризец Храбр в своем сказании «О письменах» [3]. О славянской письменности

греческими буквами в свое время писали: И. И. Срезневский, Вс. Миллер, Е. Георгиев [4].

Е. Георгиев считал, что кириллица сложилась эволюционным путем, т. е. постепенным добавлением к греческому алфавиту, которым пользовались славяне для своего письма, специальных знаков, предназначавшихся для улучшения передачи фонетики славянской речи. Постепенно в азбуке кириллицы число специальных славянских букв возросло до 19, а вся азбука кириллицы стала насчитывать 43 буквы [5]. Если дело было именно так, то тогда на разных этапах существования славянской письменности ее азбука должна была содержать меньшее число славянских знаков, чем в кириллице XI в. Число этих знаков постепенно должно было увеличиваться к XI в. На наш взгляд, азбука, открытая в Софийском соборе, и отражает один из таких ранних этапов формирования письменности. Однако предложенная точка зрения была встречена довольно скептически. И это понятно, поскольку подобная находка встречена впервые. Высказывалось мнение, что открытая азбука является якобы неумелой попыткой изобразить кириллицу [6]. Но тогда, выходит, писавший не знал, что в азбуке кириллицы «фита» и «кси» стоят в самом конце, а после «от» должно быть еще 16 славянских знаков. Можно бы было говорить о недописанности азбуки только в том случае, если бы для ее продолжения на стене не оставалось бы места, но его более чем достаточно. Странным представляется и то, что «недописанная» азбука оканчивается на «омегу», которая, как известно, в средние века обозначала «конец», так же как «альфа» — начало. Азбука не является и набором букв с цифровым значением, так как в ней нет эписем («вау» — 6, «коппа» — 90, «сампи» — 900), помимо того, буквы не покрыты титлами. Было высказано мнение, что азбука из Киева вообще не славянская, а греческая. Славянские же буквы в ней якобы неудачно написанные греческие и тут же повторенные правильно [7].

Но относительно азбуки из Киева и письменности, которую она представляет, были высказаны и другие точки зрения. Так, Л. П. Жуковская полагает, что «реальным памятником неустроенной славянской азбуки может служить софийская азбука» [8], о которой идет речь. С ее помощью исследовательница сделала интересную попытку прочитать известную надпись X в. из Гнездово. А. А. Медынцева считает Гнездовскую надпись одним из вариантов «неустроенного» славянского письма, подтверждением чему является азбука из Софийского собора в Киеве [9] (табл. 1).

Среди новгородских грамот на бересте открыты шесть азбук, которым посвящена статья В. Л. Янина [10]. Наиболее древняя из азбук (№ 591) относится к первой половине XI в. и состоит из 32 знаков (учитывая случайно пропущенные П, І, К), в том числе 11 славянских. Еще одна азбука XII в. (№ 460) насчитывает 34 буквы, из которых 12 — славянских. Три других азбуки XIII в. (№ 199, 201, 205) имеют по 36 букв, в том числе по 14 славянских. Еще одна азбука датируется 1313—1340 гг. Азбуки сведены в таблицу, дополненную азбукой, написанной на полях сентябрьской служебной минеи XI в. из Синодальной библиотеки, насчитывающей 34 буквы, в том числе 14 славянских [11]. Сравнение состава древнейших азбук (№ 591, 460) с прочими показывает их значительное отличие от азбук XIII—XIV вв. как по общему числу знаков (32, 34 против 36), так и по славянским буквам (11, 12 против 14), а также и некоторым другим признакам. В. Л. Янин

Сводная таблица азбук из Киева и Новгорода

Азбука из Киева	Азбуки из Новгорода						
	№ 591 XI в.	Минея XI в.	№ 460 XII в.	№ 199 XIII в.	№ 201 XIII в.	№ 205 XIII в.	XIV в.
А	А	А	А	А	А	А	А
Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б
В	В	В	В	В	В	В	В
Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г
Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д
Є	Є	Є	Є	Є	Є	Є	Є
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ	Ꙁ
Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Ѳ	І	І	І	Н	І	І	І
І	І	К	К	К	К	К	К
К	М	Л	Л	Л	Л	Л	Л
Л	Л	М	М	М	М	М	М
М	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Ѯ	—	—	—	—	—	—	—
О	О	О	О	О	О	О	О
П	П	П о	П	П	П	П	П
Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
С	С	С	С	С	С	С	С
Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т
У	ОУ	ОУ	ОУ	У	У	У	У
Ф	Ф	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ
Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х
	Ц	Ѡ	Ѡ	Ѡ	Ѡ	Ѡт	Ѡ
	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч
Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш
Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ
Ѡ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы
	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь
	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ
	Ѫ	Ꙋ	Ѫ	Ꙋ	Ꙋ	Ꙋ	Ꙋ
	Ѭ	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю
	У	Ѫ	У	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ
	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ

Рис. 1. Сводная таблица азбук из Киева и Новгорода

на основании анализа древнейших из них заключает: «Надо полагать, что они отражают тот ранний этап формирования кирилловского алфавита, когда азбука еще не сложилась в том окончательном составе, который известен письменным памятникам уже середины XI в. (например, Остромирову евангелию)» [12].

Относительно азбук XIII–XIV вв., состоящих из большего числа знаков — 36, в том числе 14 славянских, автором отмечается их сходство, отсутствие йотованных букв, ферта, кси, пси и делается вывод о том, что это все «говорит о бытовании в процессе обучения письму облегченной системы азбук» [13].

В. Л. Янин рассматривает и азбуку из Киева, возражая К. Попконстантинову. Он сравнивает ее с греческим алфавитом и цифровой системой греческой письменности, приходит к выводу, что это действительно азбука, хотя и недописанная, так как писавший ее должен был знать еще буквы Щ, Ц, Ч, Ъ, Ы, оба юса и «ук» [14]. С этим трудно согласиться, так как исследователь в своих построениях исходит из того, что азбука, как и древнейшая из Новгорода (№ 591), непосредственно отражает процессы, происходившие в письменности XI в.[15] Между тем азбука из Киева, как и древнейшая из Новгорода, скорее является реликтом, отражающим какие-то процессы в письменности более ранней эпохи.

После официального введения христианства на Руси и появления книг, написанных совершенной кириллицей, азбука которых состояла из 43 знаков, вряд ли нужны были какие-либо изменения и дополнения к кириллице, поскольку в ней уже были все необходимые буквы для передачи особенностей славянской речи. И все же анализ азбук, обнаруженных в Киеве и Новгороде, свидетельствует о процессах их совершенствования. Суть этого процесса заключалась не только в увеличении числа славянских букв, а и места знаков в азбуке. Как мы видели, в азбуке из Киева всего четыре славянских буквы, в древнейших азбуках из Новгорода — 11—12. Есть и другие признаки, которые можно заметить при сравнении азбук. В киевской азбуке «фита» стоит между И «восьмиричным» и I «десятиричным», т. е. на своем греческом, 10-м месте. Во всех же новгородских азбуках «фита» (в № 591 она заменена на Ф) сдвинулась к концу, на 20-е место, между ОУ и Х (см. таблицу). Такое перемещение буквы со своего «греческого» места ближе к концу азбуки и исчезновение «кси» можно объяснить процессом формирования, поскольку мы знаем, что в конечном итоге «фита» оказалась на 42-м, а «кси» — на 40-м месте азбуки кириллицы.

Новгородские азбуки являются доказательством того, что азбука из Киева, написанная на стене собора в XI в., отражает письменность более раннего времени, так как в противном случае она имела бы значительно больше славянских букв, чем четыре, а «фита» стояла бы в ней не на 10-м, а на 20-м месте, как это видим в новгородских азбуках и азбуке, написанной на полях минеи XI в. Отсутствовало бы в ней и «кси».

Как же можно объяснить существование на Руси наряду с совершенной азбукой кириллицы из 43 букв азбук неполного состава? Здесь, вероятно, можно предположить два ответа на данный вопрос. Первый: азбуки неполного состава, действительно, могли предназначаться для целей обучения, более быстрого запоминания и т. д. В первую очередь это должно относиться к новгородским азбукам XIII—XIV вв., а не к азбуке из Киева, так как ее четыре славянских буквы не дают даже отдаленного представления об азбуке кириллицы памятников книжной письменности XI в. из 43 знаков.

Второй ответ: древнейшие азбуки из Киева и Новгорода, поскольку в XI в. уже существовало совершенное письмо, могли отражать какие-то процессы формирования письменности, которую знали на Руси до введения христианства в 988 г. В первую очередь это, по-видимому, относится к азбуке из Киева, поскольку она менее других похожа на азбуки неполного состава, предназначавшиеся для обучения грамоте.

Азбуки, открытые в Киеве и Новгороде, написанные в XI в., во-первых, указывают на существование на Руси до официального введения

христианства письменности, известной узкому кругу лиц, употреблявшейся в государственных канцеляриях и митрополии; возможно, ею были написаны договоры Руси с греками 911 и 944 гг. и, во-вторых, свидетельствуют о процессе формирования этой письменности, выражавшемся в увеличении числа славянских букв и уточнении мест знаков в азбуке.

[1] *Рыбаков Б. О.* Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. Київ. 1947. Т. 1. С. 53.
[2] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976; *Он же.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
[3] *Куйо М.* Куев Черноризец Храбър. С., 1967. С. 187.
[4] *Срезневский И. И.* Палеографические заметки // Тр. I Археол. съезд. М., 1871. Т. 1. С. CXV–CXVIII; *Миллер В.* К вопросу о славянской азбуке // ЖПНП. 1888. Вып. 3/4. С. 1–35; *Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. С. 14, 15, 16.
[5] Там же.
[6] *Иванова Г. А.* Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве // ВЯ. 1972. № 3. С. 118–122.
[7] Мнение, высказанное К. Попконстантиновым В. Л. Янину. См.: *Янин В. Л.* Новгородские азбуки // Старо-българистика. С., 1984. Т. 8. С. 85.
[8] *Жуковська Л. П.* Гіпотези й факти про данньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ, 1981. С. 13.
[9] *Медынцева А. А.* Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: (IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации). М., 1983. С. 94.
[10] *Янин В. Л.* Новгородские азбуки. С. 79–86.
[11] Там же. С. 80, примеч. 1.
[12] Там же. С. 84.
[13] Там же. С. 82.
[14] Там же. С. 85.
[15] Там же. С. 84.

В. П. Даркевич

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАСКАРАДЫ

До недавнего времени во всей Европе игры ряженых, сопровождаемые музыкой, танцами и инсценировками, оставались неотъемлемой частью праздничной народной культуры, вобравшей мощные пласты традиционных дохристианских представлений. С удивительной жизнестойкостью они прошли сквозь столетия, постепенно видоизменяясь и теряя культовую направленность. Перевоплощение человека в иное существо было тесно связано с аграрно-магической обрядностью, с ревностным исполнением традиционных действий, направленных на контакт с силами природы. В праздничном поведении крестьян и горожан, приверженных магии, бессознательно смешивалась древняя языческая практика с плохо усвоенным христианством. В обрядовом реквизите календарных игрищ, в том числе в многозначной символике маски, лежали различные приемы магии подобия, практика воздействия на мир магическими средствами. Маскирование, создавая мир, обратный эмпирическому, ставило ряженых вне общепринятых норм и запретов. Ритуализованные вольности (карнавальная свобода пародирования) — их неотъемлемые привилегии.

В своей книге «Русское прикладное искусство X—XIII веков» (Л., 1971) Б. А. Рыбаков опубликовал несколько кожаных антропоморфных масок — «скурат» XII—XIV вв. из раскопок в Новгороде [1]. Эти «наличники», среди которых встречены и детские, представляют собой лоскут кожи овальной или яйцевидной формы с прорезями для глаз, носа и рта. Зубы намечены зигзагообразной линией, нос-клапан иногда пришит. Новгородские находки напоминают деревянные святочные маски Русского Севера и маску XII в., обнаруженную при археологических исследованиях в Ополе (Польша) [2]. Особняком стоит новгородская расписанная красками маска конца XII в. в виде смеющегося мужского лица [3]. На лбу большим красным кругом обозначено солнце, испускающее красные, желтые и белые лучи, к нему примыкает желтый полумесяц. С обеих сторон светило «стерегут» фантастические существа, похожие на драконов. Обрядовые «солярные маски», окруженные лучами, употребляли в календарной обрядности европейских народов в день св. Мартина (11 ноября) — праздник окончания сбора урожая и наступления зимы. На Мартина возжигали костры, связанные с культом солнца, а по деревням из дома в дом ходили ряженые [4].

Благодаря археологии можно представить, как выглядели новгородские ряженые — те «окрутники» и «кудесники», которые на святочных и масленичных карнавалах толпами ходили по улицам с нескромными песнями и плясками, гадая о будущем и смущая благочестивых горожан страшными «харями». Маскированных побаивались, наделяя магической силой: в воображении народа это были колдуны, связанные с демоническим миром.

В древней Руси употребляли как антропоморфные, так и зооморфные «машкары», между которыми не существовало четкой грани: звериные личины «очеловечивали», человеческим придавали черты чудовищности (пример синтеза тех и других — костюмы демонов западноевропейских мистерий). На серебряном браслете из Старой Рязани (вторая половина XII — первая треть XIII в.) зооморфная личина, помещенная у ног плясуньи,— атрибут игрищ «глумотворцев»-скоморохов. Она подчеркивает культовую природу действа под «гусельные словеса»: маски, которые сами ряженые называли «личиной дьявола», «чертовой рожей», «чертовской харей», появлялись на похоронах, поминках и свадьбах; на рождественских и масленичных гуляньях их массовое беснование достигало апогея. «И преображающеся в неподобныя от бога создания, образ человеческий пременяюще, бесовское и кумирское личат, косматые и иными бесовскими ухищреньми содеянные образы на себя надевающе, плясаньми и прочими ухищреньми православных христиан прельщают, отвращающе от святыя божественныя церкви и от празднества торжественнаго рождества Спасителя нашего бога, приводят в душепагубный грех» (из патриаршего указа 1684 г.).

Использование зооморфных масок в средневековье восходило к ранним формам религии и отразило наслоения разных эпох. В религии первобытных охотников с ее тотемизмом и «оборотнической логикой» господствовала вера в родство человека и зверя вплоть до полного отождествления. В период производящего хозяйства, особенно с возникновением классового общества, звери и птицы стали атрибутами — спутниками антропоморфных богов. Как показывают этнографические материалы, в консервативной крестьянской среде временное превращение в животных с имитацией их повадок входило в комплекс реликтовых земледельческих верований, неотделимых от великого космического

ритма природы. На празднествах аграрного календаря «звериное ряженье» связано с культами умирающих и воскресающих (исчезающих — возвращающихся) богов (демонов) плодородия, с темой преодоления мертвенного начала. Его цель — гарантировать сельскому хозяйству покровительство высших существ — носителей животворной силы. Маскированных считали зооморфным воплощением аграрных божеств, духов хлеба и растительного мира; обрядовое преображение в животное было призвано обеспечить изобилие магическими средствами. Инсценировка его убийства (страстей) и воскресения — полузабытое в XIX в. таинство, которое имитировало процессы круговорота года. Вместе с тем в мире маски происходил сложный сплав противоборствующих начал: поведенческие навыки, унаследованные от языческой эпохи, сочетались с элементами, усвоенными под влиянием церкви.

Среди археологических находок пока отсутствуют зооморфные маски, которые изготавливали из нестойких материалов — шерсти, меха, тканей и т. п. Судя по этнографическим данным, в русских областях основными новогодними масками были маски коня и быка. Для белорусов и в меньшей мере для украинцев характерна маска козы. Общераспространены «игры с медведем», главным участником которых выступал дрессированный медведь или ряженый в медвежью шкуру, вывороченный тулуп, гороховую солому («гороховый медведь»). Связь медвежьей потехи с аграрной магией отчетливо выступает в позднем скоморошестве и славянской праздничной обрядности. Вслед за ритуальным «убийством» медведя следовало его «воскрешение» при помощи «доктора», поводыря-цыгана или других персонажей. Как ни в чем ни бывало зверь вставал и начинал танцевать. В игре, символизировавшей триумф жизни над смертью, подчеркивались эротические мотивы (декламация непристойных стихов, вырезанный из дерева фаллос, носившийся ряжеными), которые отчетливо указывали на связь образа медведя с культами плодородия (конец его спячки знаменовал начало весны). Реликтом обрядовых действ являлись совместные спектакли медведя и «козы», которые дожили до начала XX в. В святочных маскарадах европейских народов ряжение медведем и козой связано с брачной и земледельческой символикой, с пожеланиями благополучия владельцу усадьбы. Скоморох с медведем и его помощник в вывернутой шубе и рогатой козьей маске, щелкавшей деревянной челюстью,— излюбленные персонажи старинного народного «театра» и русских лубочных картинок. «Коза» выкидывала замысловатые коленца под барабанную дробь и перестук деревянных ложек с бубенчиками на ручках.

Близкие обрядово-зрелищные комплексы, связанные с поклонением стихийным силам природы, возникали у разных народов независимо друг от друга. Они были «этнически неспецифичны»: сходство сезонных праздников в разных областях обусловливалось общностью их смысла, закономерной связью между формами труда и формами мышления. Нередко совпадают набор элементов праздничной композиции, вещественные атрибуты, растительные, животные и антропоморфные символы. Черты общности, разумеется, не исключали местной специфики.

Исходя из этих предпосылок, методологически вполне правомерно привлечь для реконструкции древнерусского «москолудства» иконографические материалы из области западноевропейской книжной миниатюры XIII—XIV вв. Со всей достоверностью, с удивительной прелестью и выразительностью подлинных предметных деталей предстают средне-

вековые увеселения в маленьких рисунках-маргиналах (маргиналиях), в изобилии разбросанных на полях английских, северофранцузских и фламандских манускриптов второй половины XIII—XIV в. Для нашей темы первостепенное значение имеют иллюстрации «Романа об Александре» (Брюгге, 1338—1344, миниатюрист Жан де Гриз, хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфорда) [5]. Нижние поля страниц этой рукописи — увлекательная энциклопедия средневековых празднеств и развлечений, эхо веселой старой Фландрии. Множество маргинальных сцен содержит сильно пострадавший французский Легендарий (сборник житий святых) рубежа XIII—XIV вв. из Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде [6]. Иллюстрации из этого почти не исследованного манускрипта публикуются впервые.

Судя по миниатюрам «Романа об Александре», в рыцарском обществе XIV в. звериные метаморфозы получают аллегорическое истолкование в духе куртуазных идеалов. Хотя постепенно их древний сакральный смысл забывают, галантные развлечения с танцами ряженых вначале отражали влияние аграрных игрищ, о чем свидетельствует традиционный выбор масок: быка, козла, оленя, осла, кабана, зайца (рис. 1, *1*, *2*). Возможно, происхождение придворных костюмированных балов — результат трансформации народных ритуалов. В рождественские дни и на масленицу пляшущие вилланы в личинах проникали и в замковые покои, им подражали высокородные сеньоры и дамы.

На листе 181 (об.) «Романа об Александре» танцуют пятеро молодых людей в масках осла, обезьяны, козла, быка и хищной птицы. На ряженых пелерины с гербовыми эмблемами (у «козла» — геральдический орел), к поясам подвешены ножи и кошельки (рис. 1, *1*). Состав масок предполагает любовно-аллегорическую трактовку «спектакля»: в теологической символике и народных верованиях перечисленные животные воплощали плодоносящие функции. В куртуазной пантомиме они намекают на эротическую подоснову танцев, их связь с чувственными утехами. То же значение имеют маски оленя, зайца и кабана на листе 21 (об.). Маскированные вовлечены в фарандолу вместе с женщиной и монашкой. Рядом изображен гротескный клирик с розгой в руке (рис. 1, *2*).

Одна из самых архаичных масок быка (тура) была широко распространена у европейских народов, в том числе у славян. О переряженных «турами» во время «еллинских и бесовских игр» от Рождества Христова до Богоявления упоминается в челобитной девяти нижегородских приходских священников к патриарху Иоасафу (1636 г.): «И делают, государь, лубяныя кобылки и туры и оукрашают полотны и шелковыми ширинками и повешивают колокольцы на ту кобылку...» [7] На миниатюрах XVI в., изображающих карнавал в Нюрнберге, члены цеха мясников, взявших за руки, пляшут вокруг «быка» и «коня». На широкой ленте через плечо ряженые несут каркас, покрытый тканью, как попоной; спереди приделаны головы животных. Танцоры, ведущие цепь, поднимают жезлы с навершием в виде лежащего быка — образа плодовитости и жизненной силы [8]. «Жирный бык», украшенный лентами и цветами, бывал центральной фигурой карнавала во Франции. Сценарий карнавальной игры предусматривал «убийство и воскресение быка». В Словакии в XIX в. на рождество и масленицу в свите «туроня» шел «мясник» с деревянным ножом. При обходе крестьянских дворов он «перерезал» туроню горло. Верили, что кровь жертвы, смешанная с навозом, увеличивала урожай [9]. «Жертвоприношение» ряже-

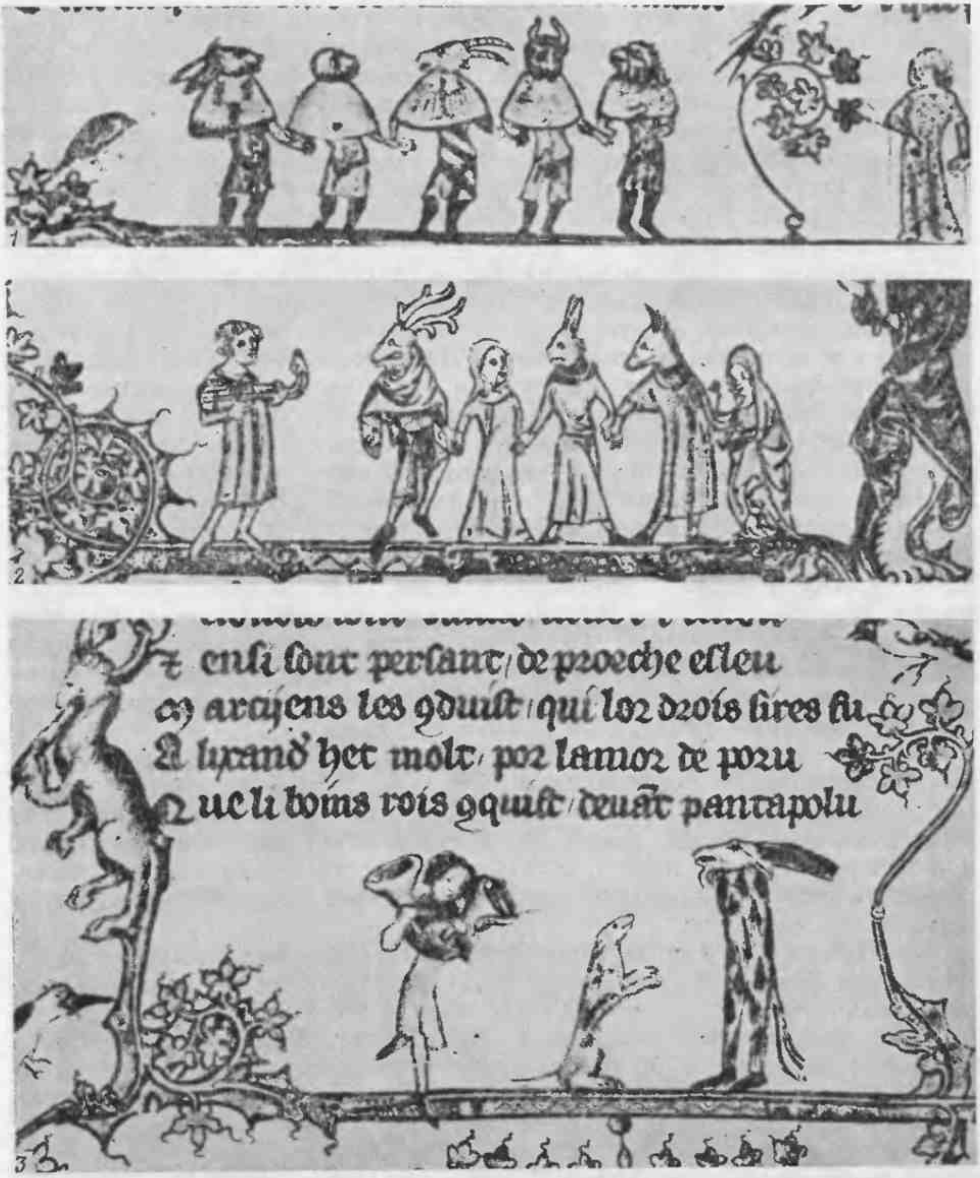


Рис. 1. Ряженые
1 — придворный маскарад. «Роман об Александре». Брюгге, 1338—1344 гг.; 2 — ряженые. Там же; 3 — ряженный козлом. Там же

ного «ярым туром» — стадиально более поздний ритуал, чем реальная жертва животного. У украинцев вождение по избам и вокруг села парня, выряженного быком, обеспечивало благоденствие и обильный урожай [10].

На нижнем бордюре листа 117 (об.) «Романа об Александре» танцор с двумя колокольчиками аккомпанирует скомороху-жонглеру, пере-

одетому в козла, между ними «служит» ученая собака (рис. 1, *3*). С верхушки ветки насмешливая сорока с любопытством глядит на происходящее (сороку считали птицей, связанной с дьявольскими силами, она символизировала и порок болтливости). О нечестивости зрелища свидетельствует и рогатое чудовище с трубой (демонический образ), помещенное на симметричном завитке. Туловище ряженого полностью закрыто шкурой с длинным хвостом, на голове бородатая козлиная маска. В правой части бордюра поводырь отплясывает со своим дрессированным медведем.

Маскарадная «козья комедия» имела глубокие корни в земледельческой религии народов Европы. Против «сатурских» и «козлих лиц» выступало греческое и русское духовенство. Оно причисляло «козлогласования» к нечестивым «праздникам Дионисовым». Ряжение в личины и шкуры козла — демона плодородия, воплощавшего мужскую силу, было призвано оказать благотворное влияние на урожайность полей и приплод скота. Рождественские и масленичные «хождения с козой», сопровождаемые плясками и заклинательными песнями-«календами», включали магические действа. У славян при обходе дворов «коза», вызывая переполох, брыкалась и бодала девушек, а ее вожак или хор колядников пел благопожелания хозяину дома. Меховые маски козы носили на сырной неделе болгарские кукеры, обходившие село с пожеланиями благополучия. В святочные игрища вводили внезапную смерть (или имитацию заклания) ряженого козлом и его оживление. Мотив мнимого умерщвления «козы» в шествии ряженых родствен по смыслу аналогичным обрядам с «медведем», «туронем», «кабаном» (по Дж. Дж. Фрэзеру — гибель и возрождение духа хлеба).

Кабан — символ боевой мощи и плодородия, одна из персонификаций умирающего и воскресающего божества. В скандинавской мифологии избранные воины Одина, обитатели Вальгаллы, вкушали мясо жертвенного вепря по имени Сэхримнир: «Каждый день его варят, а к вечеру он снова цел» [11]. В Скандинавии представления о «рождественском кабане» как духе хлеба неотделимы от ряжения в шкуру с имитацией заклания.

В патристической литературе осел символизировал похоть; общеизвестна его связь с фаллическим культом. Маску осла, воплощавшего материально-телесный аспект жизни, носили во время святок (Швейцария) и масленичных карнавалов (Югославия, Греция). У лужичан в вербное воскресенье по полям для охраны посевов таскали деревянного осла — обычай, запрещавшийся протестантским духовенством (XVI в.) [12].

Судя по маргинальным рисункам XIII—XIV вв., маска оленя была одной из наиболее популярных в Западной Европе (рис. 2). Люди-олени танцевали под музыку волынки или флейты с барабаном, разыгрывали потешные сценки вместе с плясуньями и виртуозами жонглирования. В «Романе об Александре» маскированный оленем ведет фарандолу. В «Истории Грааля» «олень» полностью задрапирован в звериную шкуру, хотя еще сохраняет человеческие черты: видны ноги ряженого, а из отверстия спереди выглядывает его лицо. Маска приподнята на скрытой от глаз жерди. В других случаях ряженый, идя на четвереньках или опираясь на палку, воссоздает облик четвероногого оленя. Маска с ветвистыми рогами и подвижной нижней челюстью составляет одно целое со шкурой или наброшенным полотнищем. В дыре на груди животного видна физиономия буффона.

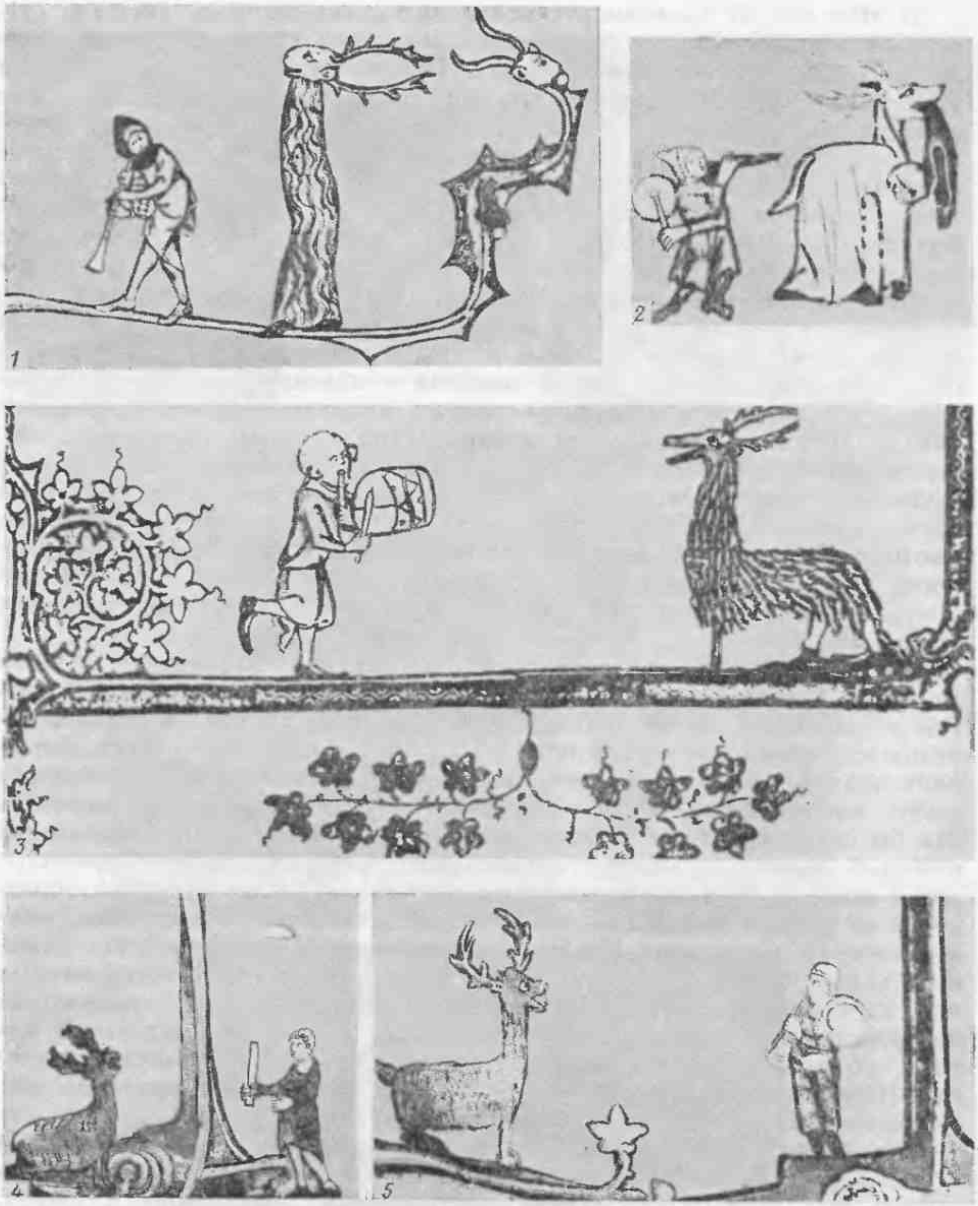


Рис. 2. Ряженые оленями

1 — Роберт де Боррон. «История Грааля». Пикардия, около 1280 г.; *2* — Часослов. Франция или Фландрия, начало XIV в.; *3* — «Роман об Александре»; *4* — ряженый и жонглер тарелками. Легендарий. Северная Франция, конец XIII — начало XIV в.; *5* — там же

В «Романе об Александре» появление оленя-человека внушало суеверный страх: тревожно оглядываясь, женщина уводит испуганных детей подальше от «бесовского дива». Против переряживания в оленей выступали церковные авторы, его запрещали постановления соборов и синодов как языческое бесчинство. В проповеди, приписываемой святому Элуа (VI в.), в январские календы верующим запрещалось переодеваться в оленей и телят. Церковный собор в Осере (573 г.) возбранял рядиться в оленей на первое января [13]. Покаянная книга из Кентербери (вторая половина VII в.) предписывала: «Тому, кто в январские календы переоденется оленем или старухой,— один год покаяния» [14]. Немецкий хронист Регинон, аббат Прюмский (ум. в 915 г.), сообщал о ряжении в период январских календ: «... При этом народ переодевался в телячьи и оленьи шкуры и шествовал с изображениями богов, украшенными зеленью, с песнями и плясками по дорогам и полям...» [15] Оленьи маски долго сохраняли культовые функции. В Венгрии во время рождественских поздравлений главным колядником выступал ряженый оленем. Цель ритуала, сопровождавшегося буйными танцами и шумной музыкой,— магическими приемами защитить плоды труда крестьянина. Святочные маски оленя известны в Германии, Австрии, Польше, Румынии. В Рейнской области день накануне «жирного» вторника масленичного карнавала называли «оленьим понедельником», поскольку ведущий участник празднества выступал в костюме этого животного [16].

По-видимому, в дохристианских верованиях варварских племен Испании, Галлии, Германии оленя почитали покровителем лесных зверей и домашнего скота. В Стаффорде (Средняя Англия) в первый понедельник после 4 сентября шестеро мужчин с оленьими рогами исполняли «танец рогов» — вероятно, пережиток празднества в честь начала охоты на крупную дичь [17]. Ежегодно весной меняя рога, животное как бы омолаживалось: по ассоциации идей в масленичных карнавалах ряженый оленем служил посредником между двумя мирами — преисподней (-зима) и возрождающейся землей (-весна). В календарной обрядности он опекал засеянные нивы, приносил счастье новобрачным, символизировал долголетие. На Руси в аналогичной роли выступал ряженый конем. Обряд «вождение коня» в сопровождении маскированных или хора девушек входил в цикл аграрных празднеств, отражавших представления о смене сезонов. Связанный с благопожелательной магией, он включал эпизод смерти и погребения коня (лошадиного чучела). Царские и патриаршие указы XVII в. запрещали вождение «бесовских кобылок» — «срамные языческие игры».

В маргиналах французского Легендария дважды изображен ряженый в волка (рис. 3, *2, 3*). Маску с подвижными челюстями исполнитель держит над головой. К личине прикреплена серая звериная шкура, закрывающая туловище актера. На одном рисунке волчьей пляске аккомпанируют музыкант с виолой и кентавр-арфист, на другом — демон с барабаном и флейтой, чем подчеркнута нечестивость «мятежного бесовского действа». Согласно византийским источникам, во время праздников в волчьи шкуры наряжались древнегерманские (готские) воины. У многих народов Европы переодевание в волчьи шкуры или процессии с чучелом волка приурочивались к осенне-зимнему сезону; в жатвенных обрядах волк и собака фигурировали в качестве духов растительности [18]. В игрищах «волчьих празднеств» церковь видела сатанинские козни: «волком ада» называли дьявола, в этом звере

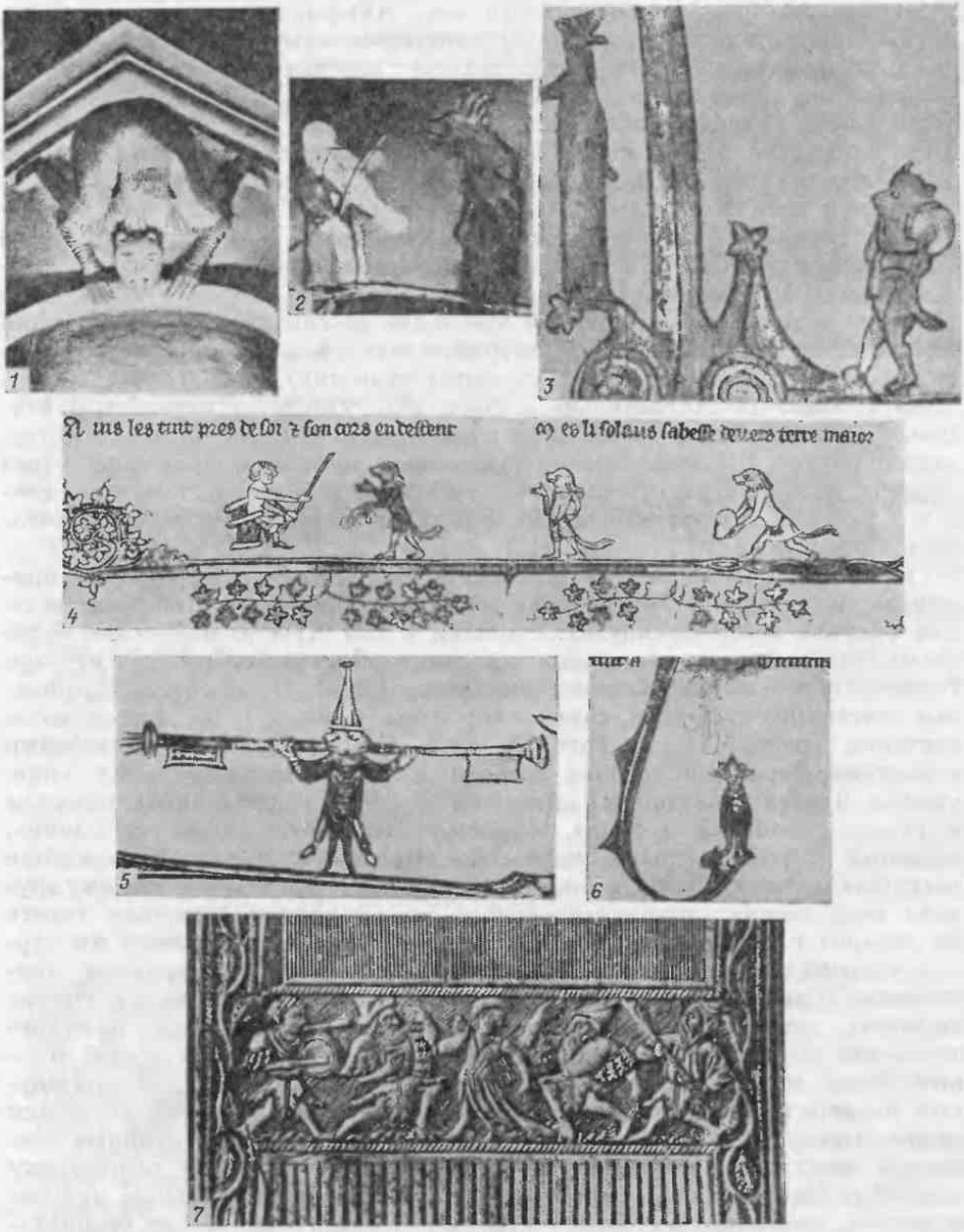


Рис. 3. Ряженые

1 — акробат в маске. Капитель колонны церкви в Тингстеде (Готланд), начало XIII в.; *2* — ряженый волком. Легендарий; *3* — ряженый волком и демон-музыкант; *4* — псоглавцы. «Роман об Александре»; *5* — ряженый обезьяной. Псалтирь и Часослов. Диоцез Меца, до 1302 г.; *6* — человек, покрытый листвой. Библия. Северная Франция, конец XIII в.; *7* — куртуазные сцены. Гребень. Слоновая кость. Франция, вторая половина XV в.

усматривали образ универсального зла. Актера, «сидящего в волке», легко отождествляли со свирепым хищником, чему способствовали широко распространенные в средневековье поверья о волках-оборотнях, об умевших превращаться в них колдунах. Вервольф, «человек-волк» германской низшей мифологии, ночью облачался в волчью шкуру, днем снимал ее. По временам вера в оборотничество принимала формы массового психоза: вообразив себя волками, безумцы бегали на четвереньках и кусали окружающих; этих несчастных сжигали как чародеев. Не случайно рождественские и масленичные волчьи маски долго сохранялись в Польше и на Балканах, где вера в существование людей-волков, волколаков, по ночам нападавших на людей и скот, была особенно устойчива. Белорусские крестьяне рассказывали, как охотники находили под снятой с волка шкурой остатки одежды либо скрипку со смычком (в волка превращался скоморох-кудесник).

В «Романе об Александре» в фарандоле участвует переодетый зайцем. Вместе с оленем и кабаном этот зверек символизирует плодотворящее начало. В славянском обрядовом и песенном фольклоре образ «ярого» зайца имеет отношение к любовной и брачной тематике, связан с ритуальным эротизмом. По народным поверьям он способен отгонять нечистую силу [19].

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном персонаже, принимавшем участие в европейской весенней обрядности. На маргинальном рисунке северофранцузской библии конца XIII в. изображен бородатый человечек, опирающийся на палку. Листья, собранные над его головой, образуют подобие короны (рис. 3, *6*) [20]. В костюмы, украшенные листьями, облачена свита «королевы мая» (?) на французском костяном гребне XV в. (рис. 3, *7*) [21]. Ряженые, убранные ветками и цветами, отражали древние поверья о благодетельных духах поля, урожая и леса. Закутанный в зелень юноша со срубленным деревцем в руках — «майский король», «зеленый человек», «Джек в зелени», «зеленый Юрий», «дикий человек» — персонифицировал возрождение растительности. «Дикого человека» водили от дома к дому, где ему вручали подношения; драматизированное представление включало «охоту на дикаря» с инсценировкой его казни и воскресения: носимый им каркас, увитый зеленью, топили, а самого символически разрывали, коллективно обрывая с него листву. Зеленому королю приписывали умение вызывать дождь: чтобы животворная влага напоила поля, ряженого окатывали водой. В Хорватии и Словении во время обхода усадеб зеленый Юрий молча подпрыгивал, чтобы выше вырос лен [22]. В придворных маскарадах традиционный образ «лиственного человека» подвергся радикальному переосмыслению. «Дикарь» олицетворял стихийные животные импульсы, чувственную неукротимость — антитезу рыцарскому вежеству. Находясь вне культуры, он воплощал необузданные природные силы, это противостоящий куртуазии образ социального беспорядка. Стремительные неистовые пляски, непристойная жестикуляция, вызывающе шумное поведение, комическая эксцентрика сближали «дикого человека» с карнавальными демонами.

[1] *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л., 1971. Илл. 142.
[2] *Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig etc., 1976. Bild 76.
[3] *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. 1958. № 2. С. 231, 232, рис. 3.
[4] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники М., 1973. С. 179, 180.

[5] The romance of Alexander: A collotype facsimile of M. S. Bodley/With an introd. by M. R. James. Oxford, 1933.
[6] Неизвестный памятник книжного искусства: Опыт восстановления французского легендария XIII в./Под ред. В. С. Люблинского. М.; Л., 1963; *Мокрецова И. П., Романова В. Л.* Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях, 1270–1300. М., 1984. С. 22, 148–153; Библиогр.
[7] Цит. по: *Рождественский Н. В.* К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2. С. 24.
[8] *Schultz A.* Deutsches Leben im XIV. und XV. Jahrhundert. Prag etc., 1892. H. 2. Abb. 438.
[9] *Богатырев П. Р.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 35, 36.
[10] *Липец Р. С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. М., 1972. С. 106.
[11] Младшая Эдда/Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 58.
[12] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 239.
[13] *Verdon J.* Fêtes et divertissements en Oceident durant le haut moyen âge // J. medieval hist. Amsterdam, 1979. Vol. 5, N 4. P. 309, 310.
[14] *Kuret N.* Košuta-cervula // Arheol. vestn. Ljubljana, 1978. Sv. 29. S. 498, 499.
[15] *Грубер Р. И.* История музыкальной культуры. М.; Л., 1941. Т. 1. ч. 1. С. 367.
[16] *Rudwin M. J.* The origin of the German carnival comedy. N. Y., 1920. P. 34.
[17] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 92.
[18] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 496–499.
[19] *Гура А. В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор: Генезис, архаика, традиции. М., 1978.
[20] *Randall L. M. C.* Images in the margins of gothic manuscripts. Berkeley; Los Angelec, 1966. Fig. 488.
[21] *Koechlin R.* Les ivoires gothiques francais: Planehes. P., 1924. Pl., CXCIII, N 1153,
[22] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. С. 366.

Н. Г. Логвин

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ

Одним из древнейших памятников Киева является церковь Успения Богородицы Десятинная, построенная князем Владимиром Святославичем в 990–996 гг. Строительство храма, восторженно описанного в летописи, открывало новый этап в развитии зодчества Киевской Руси. Однако храм до наших дней не сохранился — он был разрушен в 1240 г. при взятии Киева ордами хана Батыя.

Памятник, изучение которого началось более 150 лет назад, продолжает привлекать внимание исследователей и в наши дни. Впервые раскопки храма произвел в 1824 г. К. Лохвицкий, а затем в 1826 г. — архитектор Н. Е. Ефимов. В 1908–1914 гг. памятник исследовал Д. В. Милеев. В 1938–1939 гг. фундаменты древнего храма были тщательно исследованы археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера [1].

Существует несколько реконструкций плана и объемов памятника: Н. Е. Ефимова, К. Конанта, Г. Ф. Корзухиной, П. А. Раппопорта [2], Н. В. Холостенко [3], Г. Н. Логвина [4] и Ю. С. Асеева [5]. На всех этих реконструкциях памятник представлен как трехнефное сооружение с галереями, а девятидольное ядро его увенчано пятью главами. Тем

не менее среди ученых нет единого мнения по таким вопросам, как время возведения основного массива и галерей, а также о внутренней структуре храма. Однако, как отмечено Б. А. Рыбаковым, «дополнительный анализ открывает много неизвестных и важных деталей в тех источниках, которые давно уже нам известны» [6]. Материалы раскопок, полученные Н. Е. Ефимовым, Д. В. Милеевым и М. К. Каргером, позволяют более точно осветить структуру Десятинной церкви (рис. 1).

Основанием для предположения о разновременности возведения основного объема памятника и галерей послужило отсутствие перевязи в кладке ленточных фундаментов на определенных участках. Впритык положены фундаменты перемычек и отрезков наружной стены между ними в южной галерее; фундаменты северной и южной галерей в западной части не перевязаны с основным объемом памятника. Это связано с тем, что зодчие учитывали различную нагрузку на определенные части фундаментов, как и предположил М. К. Каргер [7]. Отсутствие перевязи между отрезками фундаментов южной галереи говорит лишь о том, что в Десятинной церкви галереи были аналогичны открытым галереям с аркбутанами в Софийском соборе в Киеве, с легкой скатной постропильной кровлей. Если бы галереи Десятинной церкви были двухъярусными или перекрыты сводами, то продольные и поперечные ленты их фундаментов должны были бы быть тщательно перевязаны между собой. В противном случае при неравномерной осадке фундаментов, вызванной истлеванием деревянных субструкций и просадкой грунта от попадания влаги, в сводчатых конструкциях галерей произошло бы разрушение кладки.

На плане раскопок Десятинной церкви М. К. Каргера видно, что основные ленты фундаментов памятника, как продольные, так и поперечные, совпадают по направлению на всей площади здания. Также совпадают по направлению и ряды кольев деревянных субструкций основного объема здания и галерей. При разновременном возведении этих частей такое совпадение невозможно. Таким образом, устройство фундаментов Десятинной церкви свидетельствует об одновременном возведении основного объема храма и окружающих его галерей.

В западной части церкви, на отрезках фундаментов, параллельных продольным фундаментам средней части храма, стены не были возведены, так как эти ленты не имеют выступов для лопаток на западной стене памятника. На чертеже плана храма Н. Е. Ефимова во втором с севера делении западной галереи показано закругление южной и частично средней абсидок в толще стены [8]. Следовательно, в древности здесь была крещальня либо усыпальница. Такая сложная трассировка фундаментов западной части Десятинной церкви была связана с необходимостью соорудить ряд помещений как культового, так и светского характера, окружавших митрополичий храм.

В истолковании объемно-пространственной структуры Десятинной церкви существуют два мнения. Большинство исследователей считают, что трехнефное крестовокупольное ядро церкви было таким же, как и в остальных древнерусских памятниках; другие же полагают, что ее структура была аналогична структуре Спасского собора в Чернигове [9]. Это предположение основано на том, что ближайшим по времени памятником к Десятинной церкви считают Спасский собор в Чернигове. В нем средний неф отделен от боковых посредством тройных аркад между северной и южной парой подкупольных опор под и над хорами. Хоры же в черниговском соборе идут по всей длине боковых нефов и устроены

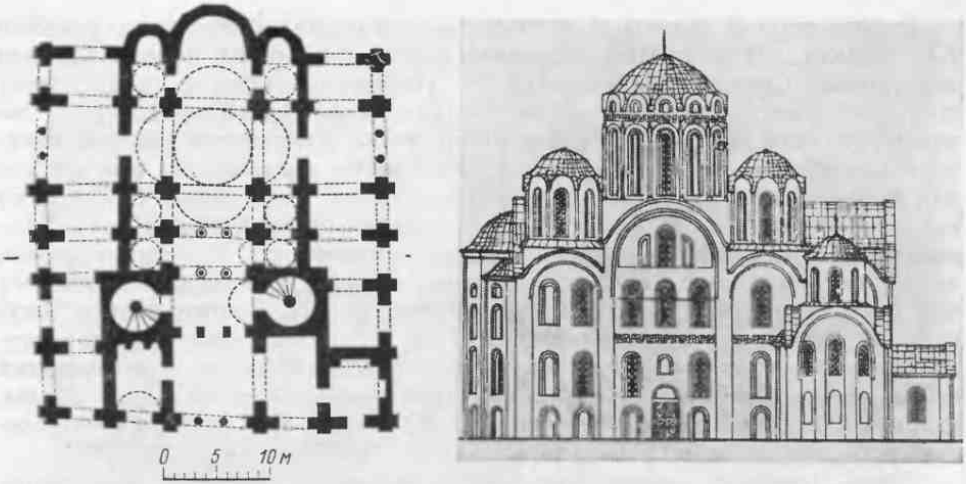


Рис. 1. Десятинная церковь

1 — план первого яруса. Реконструкция автора; *2* — южный фасад. Реконструкция автора

не по сводам, но по балкам. Это дает основание предположить, что такое расположение хор и, вероятно, тройных аркад в Спасском соборе было вызвано определенными требованиями заказчиков (основатель храма Мстислав скончался в 1036 г., когда стены здания были выведены на высоту около 4 м).

Исследованиями последних лет П. П. Толочко, С. А. Высоцкого и Г. Н. Логвина установлено, что строительство Софийского собора в Киеве было завершено ранее, чем начали возводить собор в Чернигове [10]. Софийский собор представляет собой пятинефное сооружение, окруженное внутренними двухэтажными и наружными одноярусными галереями. Однако в основе Софийского собора лежит именно трехнефное девятидольное крестовокупольное ядро. Устройство же дополнительных крайних двухэтажных нефов собора было вызвано конкретными требованиями заказчика: крайний придел с севера (слева от жертвенника) посвящен патрону Ярослава Мудрого — св. Георгию, а крайний придел с юга (справа от диаконника) посвящен покровителю воинов и Киева — архангелу Михаилу. Точно так же и в Софийских соборах Новгорода и Полоцка устройство крайних нефов, окружавших трехнефное ядро, было обусловлено требованиями заказа.

Кроме Спасского собора в Чернигове, более ни в одном памятнике Руси неизвестно устройство тройных аркад, отделяющих в средокрестьи центральный неф от боковых и устройство хор по всей их длине. В трехнефных памятниках, где хоры сохранились, они занимают в боковых нефах лишь западные деления. По всей длине хоры устроены только в крайних нефах пятинефных Софийских соборов Киева и Новгорода. Но в центральных трехнефных частях этих памятников хоры также доходят до западной пары подкупольных опор. Поэтому можно утверждать, что в Десятинной церкви хоры в боковых нефах также доходили до западных подкупольных опор, но были несколько более обширными, чем в других трехнефных памятниках за счет дополнительных помещений в западной части. На хоры вели лестницы, которые, очевидно, располагались в делениях второго с запада поперечного членения.

С Десятинной церковью и последующими киевскими памятниками XI — начала XII в. связан очень важный вопрос об их первоначальном завершении. Среди исследователей не существует разногласия по поводу того, что девятидольное крестовокупольное ядро Десятинной церкви завершалось пятью главами. Следующий после Десятинной церкви киевской Софийский собор завершен 13 световыми главами, из них пять — над центральным девятидольным ядром; также пятиглавый и Спасский собор в Чернигове. В остальных уцелевших памятниках Киева XI — начала XII в. первоначальные своды не сохранились. Поэтому считают, что со второй половины XI в. в древних киевских памятниках исчезает многоглавие, пирамидальность композиции, а вместо этого храмы получают позакомарное завершение фасадов. В этой связи нам представляется важным попытаться осветить вопрос о первоначальном завершении выдающегося произведения киевской архитектурно-строительной школы, одноименного Десятинной церкви храма Успения Богородицы Печерского монастыря (заложен в 1073 г.).

Собор Печерского монастыря сильно пострадал во время землетрясения 1230 г.— «церкы святыя Богородица камена на четыре части расступися», после которого был восстановлен с позакомарным завершением фасадов (рис. 2). Однако во время исследований памятника, проведенных Н. В. Холостенко в 1960—1970 гг., было установлено, что своды рукавов пространственного архитектурного креста собора расположены значительно выше, чем угловые своды [11]. В памятниках, сохранивших древнее позакомарное завершение, центры закомар прясел фасадов расположены на одном уровне. Следовательно, пониженные закомары угловых сводов Успенского собора первоначально, до его восстановления, принадлежали выявленным на фасадах подпружным аркам боковых глав, как это можно видеть на фасадах Спасского собора в Чернигове. Квадратные в плане деления под хорами в боковых нефах печерского собора были перекрыты куполами на парусах. Такие же своды под хорами были и в более позднем памятнике — церкви Спаса на Берестове [между 1113 и 1125 гг.]. В киевском Софийском соборе такими же куполами на парусах перекрыты квадратные в плане ячейки под хорами, а над хорами эти же деления увенчаны световыми главами. Следовательно, Успенский собор и церковь Спаса на Берестове повторяли структуру Софийского собора и аналогично центральному девятидольному ядру его были пятиглавыми.

Подтверждением тому, что большие храмы Киева XI— начала XII в. были пятиглавыми, является и то, что среди древнерусских памятников этого времени, частично или полностью сохранивших свои первоначальные своды, все являются многоглавыми. Это — Софийские соборы Киева и Новгорода (тринадцать и пять глав), а также пятиглавые храмы Спаса в Чернигове и Николо-Дворищенский в Новгороде. Михайловская церковь Выдубицкого монастыря в Киеве была пятиглавой, так как в юго-западном делении девятидольной части ее над хорами сохранился парус, принадлежавший боковой световой главе. Близкий по своим формам к Успенскому печерскому собору Михайловский Златоверхий храм был, согласно летописи, «о пятинадесяти (пяти?) версах»; семью главами венчался и Софийский собор в Полоцке.

Анализ объемно-пространственной структуры сохранившихся древнерусских памятников XI — начала XII в. показывает, что на всем протяжении этого периода большие трехнефные храмы продолжают возводиться пятиглавыми, наследуя более ранние образцы. В древнерусских крестовокупольных памятниках XI — начала XII в. трехнефные трехаб-

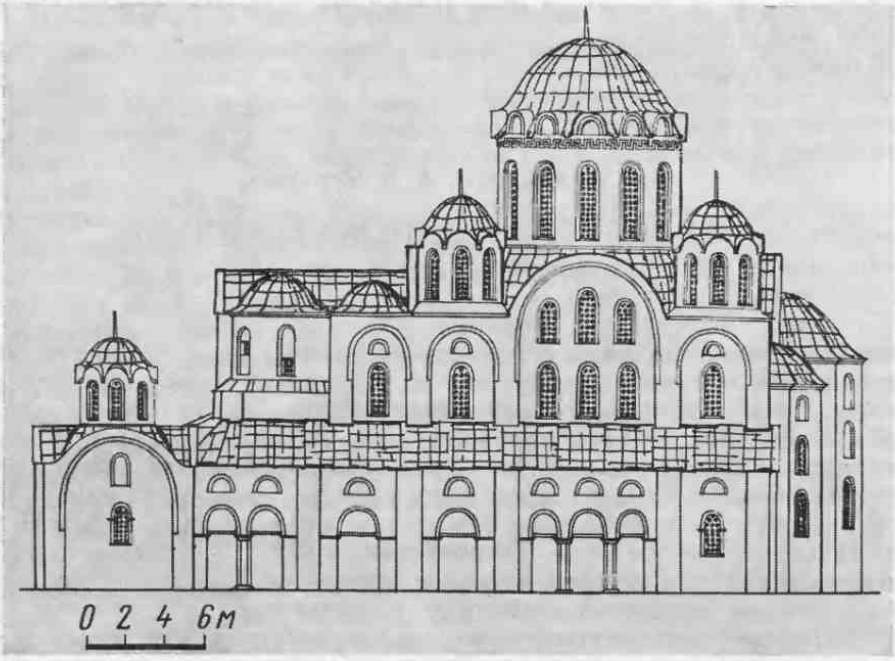


Рис. 2. Успенский собор Печерского монастыря в Киеве. Северный фасад

сидные объемы окружены дополнительными частями: боковыми двухэтажными нефами, галереями, лестничными башнями, притворами, часовнями. Таким образом, полностью подтверждается предположение выдающегося исследователя древнерусской архитектуры Н. Н. Воронина о том, что «образцом» трехнефных храмов XI—XII вв. было основное ядро Десятинной церкви [12]. Все эти постройки в той или иной мере повторяли, развивали и совершенствовали композиционные черты объемно-пространственной структуры Десятинной церкви, явившейся первым звеном в цепи не только произведений Киевской архитектурно-строительной школы, но и всей древнерусской архитектуры в целом.

[1] *Каргер М. К.* Древний Киев, М.; Л., 1961. Т. 1. С. 14—59.
[2] *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. // СА. 1962. № 2. С. 61—80.
[3] *Холостенко М. В.* З історії зодчества древньої Русі XI ст. // Археологія. 1965. Т. 19. С. 68—85.
[4] *Логвин Г. Н.* Новые исследования древнерусской архитектуры // Строительство и архитектура. 1978. № 8. С. 31—34.
[5] *Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 30.
[6] *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 4.
[7] *Каргер М. К.* Древний Киев. С. 28.
[8] Там же. С. 18.
[9] *Холостенко М. В.* З історії зодчества... С. 75; *Асеев Ю. С* Архитектура древнего Киева. С. 34.
[10] *Толочко П. П.* До історії будівництва города Ярослава та Софії Київської // Археологія. 1969. Т. 22. С. 196—202; *Висоцький С. О.* Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 171—181; *Логвин Г. Н.* К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры: Новые открытия, 1977 г. М., 1977. С. 169—183.

[11] *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 152–154.
[12] *Воронин Н. Н.* Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 96–102.

Н. А. Макаров, А. В. Чернецов

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БЕЛООЗЕРА

Значение вспомогательных исторических дисциплин, в частности сфрагистики, для изучения социального и политического аспектов истории древней Руси в настоящее время общепризнано. Вместе с тем в течение ряда десятилетий в отечественной науке интерес к сфрагистическим материалам был сильно ослаблен. Среди немногочисленных исследователей, продолжавших традиции изучения сфрагистического материала, следует отметить Б. А. Рыбакова, чьи яркие статьи во многом способствовали возрождению данного направления в науке [1]. Большое значение для разработки специальных вопросов сфрагистики, а также тесно связанной с ними проблемы атрибуции древнерусских юридических знаков, посредством которых выражалось право собственности, имеет также известная статья исследователя «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.» [2]

Древнерусские сфрагистические материалы представлены разнообразными штемпелями-печатками, а также их оттисками. Среди последних наиболее изучены вислые свинцовые печати-буллы (моливдовулы), основная часть которых систематически описана в известной сводной работе В. Л. Янина [3]. Древнерусские свинцовые буллы по своему размеру и, очевидно, назначению, разделяются на две разновидности — собственно печати и пломбы так называемого дрогичинского типа. Свинцовые пломбы, как правило, не несут на себе надписей, редки на них и легко поддающиеся определению изображения святых. Эти обстоятельства затрудняют датировку и атрибуцию пломб. Небольшие размеры и относительная простота оформления пломб свидетельствуют о том, что их функция была менее ответственной, чем та, которую несли печати. Все же следует отметить частичное взаимопроникновение типов печатей и пломб, что свидетельствует о близости и, возможно, в отдельных случаях совпадений их функций. О том же свидетельствует и тот факт, что при находках значительных скоплений пломб им нередко сопутствуют и печати. В настоящее время в науке господствует взгляд, согласно которому пломбы связаны с торговыми операциями, а находки их крупных скоплений — с административными центрами, несшими функции таможни.

Крупные скопления древнерусских пломб, известные на сегодняшний день, немногочисленны. Наиболее значительное — дрогичинское [4], очевидно, связано с пограничной таможней на торговом пути, соединявшем древнюю Русь и Польшу. Менее значительное, но также весьма крупное местонахождение пломб — Новгород, крупнейший центр международной торговли [5]. Значительно меньшее количество пломб происходит из окрестностей Старой Рязани [6].

В 1983 г. было обнаружено новое, неизвестное ранее местонахождение пломб и печатей. Оно расположено в ближайших окрестностях древ-

него Белоозера. Пломбы и печати были найдены жителем г. Белозерска Г. И. Алексеевым на левом берегу р. Шексны напротив урочища Старый город. По словам находчика, они происходят из размытого берега реки, вблизи развалин кладбищенской церкви с. Крохино, причем все они собраны на одном участке берега. В настоящее время в связи с подъемом уровня реки эта часть берега начала подвергаться размыванию. Находки Г. И. Алексеева были переданы им в Белозерский краеведческий музей [7].

В результате многолетних раскопок Л. А. Голубевой было установлено, что летописное Белоозеро располагалось на правом берегу Шексны в урочище Старый город. Однако в разведочных шурфах и траншеях, заложенных Л. А. Голубевой на левом берегу, вблизи развалин церкви Преображения, также был зафиксирован культурный слой XI—XIII вв., хотя и менее мощный (до 40 см) и менее насыщенный находками [8]. Обследование, проведенное в 1984 г., показало, что левобережное поселение имело внушительные размеры: культурный слой в обнажениях берега прослеживается здесь на протяжении не менее 400 м [9]. Помимо керамики, здесь найдены ножи, оселки, шиферные пряслица, крест-энколпион, фрагментированная подковообразная фибула. Таким образом, можно считать, что территория города распространялась и на левый берег.

На основании первых находок трудно судить о количестве пломб и печатей, пока скрытых в земле; все же компактная находка более 20 экз. печатей и пломб, несомненно, представляет собой след деятельности административного учреждения, а не простую случайность.

Помимо находок, обнаруженных на левом берегу Шексны, сфрагистические материалы были обнаружены и на другом, правом берегу реки, в центральной части древнего Белоозера. Здесь Ф. Я. Тюлиным были обнаружены три печати и одна пломба [10]. Еще одна печать, найденная на территории памятника, хранится в Череповецком музее, о чем авторам любезно сообщил А. Н. Башенкин.

Часть сфрагистических материалов из Белоозера имеет близкие аналогии в известных находках, происходящих с других памятников, некоторые типы печатей и пломб науке не были известны.

В данной статье авторы ставят перед собой цель ввести в научный оборот новые сфрагистические материалы. Значение этих находок в настоящее время не может быть оценено в полной мере, поскольку пока неясно, имеем ли мы дело с крупным скоплением, включавшим сотни печатей и пломб, или же найденные буллы входили в состав какого-то небольшого комплекса, в котором они насчитывались несколькими десятками.

Переходим к описанию сфрагистических материалов из Белоозера (рис. 1; 2, *1*).

Печати и пломбы, найденные на левом берегу р. Шексны.

1. Печать. Диаметр 20,1—18,7 мм. Лицевая сторона (далее: л. с.): Оплечное изображение юного святого воина с копьем и в нимбе. Моделировано высоким рельефом. По краю — точечный ободок. Остатки надписи ГЕ[оргий]. Обратная сторона (далее: о. с.): знак (княжеский — ?) необычных якореобразных очертаний в точечном ободке (рис. 2, *1*). Ближайшая (неполная) аналогия знаку на печати Изяслава Ярославича, найденной в Новгороде [11].

2. Печать. Диаметр 19,6—16,8 мм. Л. с.: стоящая фигура святого, слева от нее в отставленной руке крест (апостол Андрей Первозванный). О. с.: княжеский знак прямоугольных очертаний (рис. 1, *1*). Печать известна по своду В. Л. Янина [12]. По А. А. Молчанову, печать относится к числу посадничьих. Исследователь связывает ее с новгородским посадником Завидом Неревиничем (1179—1180 или 1184—1186 гг.), а княжеский знак относит к Мстиславу Ростиславичу, или Мстиславу Давыдовичу, или (наименее вероятно) Мстиславу Романовичу [13]. В. Л. Янин связывал подобные печати с княжеской, а не республиканской администрациями (княжескими тысяцкими) [14].
3. Печать. Диаметр 21,6—19,1 мм. Л. с.: оплечное изображение бородатого святого воина с копьем на правом плече. По сторонам остатки колончатой надписи [о] АГІ [ОС] Ф[Е]Д[ОР]ъ (очевидно, св. Федор Тирон). По краю печати линейный ободок, нимб из отдельных точек. О. с.: процветший шестиконечный крест в линейном ободке (рис. 1, *2*). Печать может быть сопоставлена с № 324 и 325 по своду В. Л. Янина, где св. Федор представлен, однако, без копья, с крестом (символом мученичества) в руке [15]. Все же вполне вероятно, что это тот же святой, бывший и святым воином и мучеником одновременно. Печать с Федором-мучеником, по В. Л. Янину, относится к кругу владычной сфрагистики, Н. П. Лихачев считал ее княжеской [16].
4. Пломба. Диаметр 15,9—14,8 мм, толщина 2,1 мм. Л. с.: оплечное изображение святого с непокрытой головой с кудрями и бородой (по-видимому, Феодор Тирон). О. с.: шестиконечный крест, концы которого украшены тремя бусинами (рис. 1, *3*). Пломбы с подобными изображениями многочисленны в Новгороде [17]; вариант того же типа с несколько измененным крестом представлен в публикуемой серии (№ 5). Можно предполагать, что подобные пломбы связаны с каким-то влиятельным лицом, причем, вполне вероятно, использовавшим также настоящие печати со сходным набором изображений (например, такие, как № 3). Наиболее вероятна связь как этих печатей, так и пломб с каким-то князем.
5. Пломба. Диаметр 16,7—14,6 мм. Л. с.: оплечное изображение святого с бородой и вьющимися волосами (Федор Тирон — ?). Нимб трактован в виде точечного ободка. О. с.: Равноконечный (?) крест, концы которого завершаются тремя бусинами; между лопастями в районе их пересечения — точки (рис. 1, *4*). Близка пломбе № 4.
6. Пломба. Диаметр 12,2—11,2 мм. Л. с.: оплечное изображение святого с юным (или женским) ликом в царской диадеме с привесками. О. с.: кольцевидная фигура с выпуклостью в ее центре (рис. 1, *5*) Тип реверса известен по находкам из Дрогичина.
7. Пломба. Диаметр 12,8—11,4 мм. Л. с.: неясное изображение (лик святого?). Линейный ободок. О. с.: повреждена, так что виден канал для шнурка (следствие того, что пломба, была сорвана; рис. 1, *6*).
8. Пломба. Диаметр 12,7—11,2 мм. Л. с.: процветший крест (имеет аналогии на пломбах и печатях из Новгорода). О. с.: неясное изображение — фронтальная личина с длинными волосами (?) (рис. 1, *7*).
9. Пломба. Диаметр 14,4—11,6 мм. Л. с.: поврежденная личина в нимбе (по-видимому, подобна имеющейся на № 10). О. с.: неясный знак (по-видимому, поврежден при повторном оттискивании штемпеля; рис. 1, *8*).

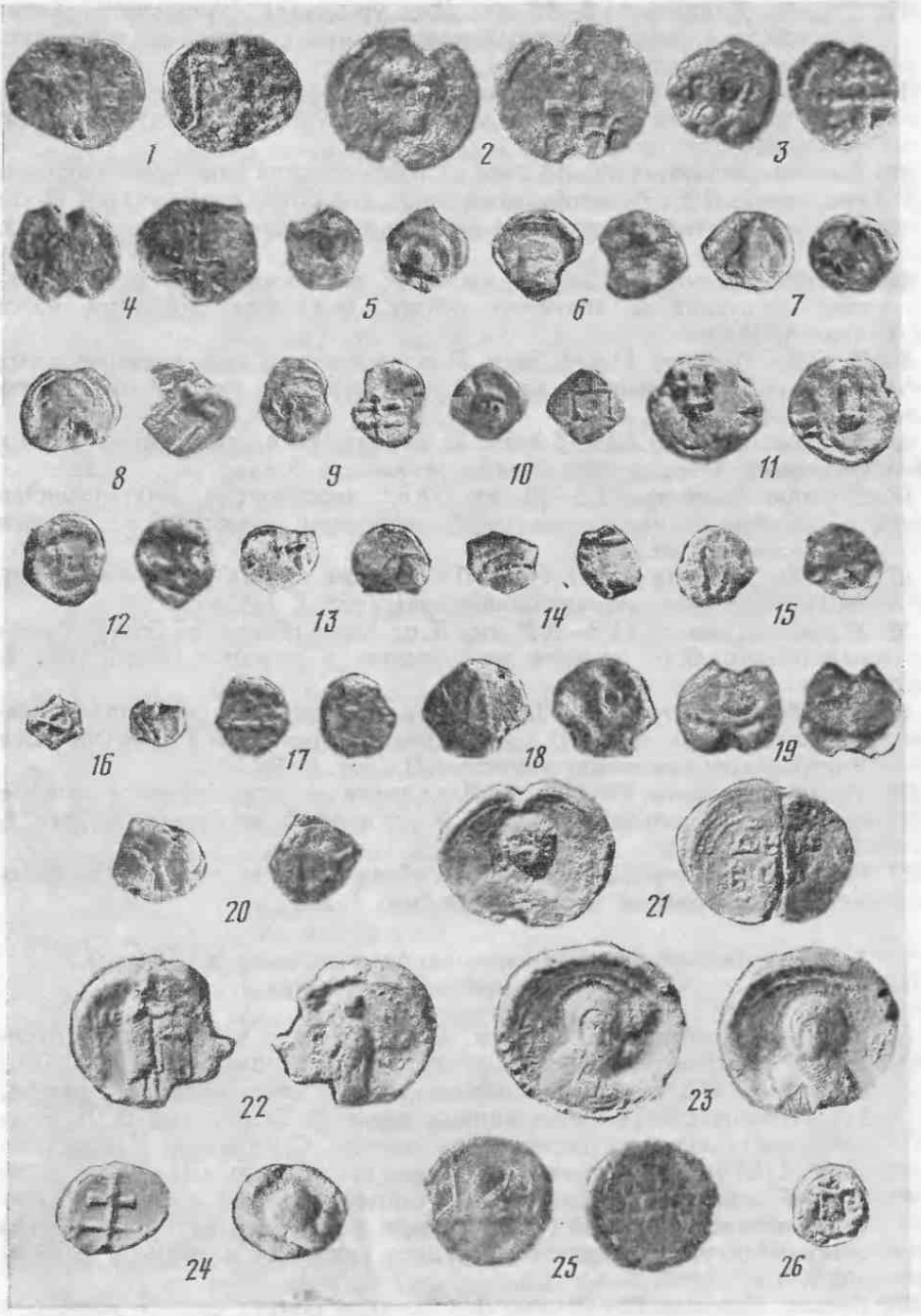


Рис. 1. Сфрагистические материалы из Белоозера

1, 2, 21—23, 25 — печати; *3—20, 24* — пломбы дрогичинского типа; *26* — штемпель костяной печатки

10. Пломба. Диаметр 11,8—9,6 мм. Л.с.: уродливая (звериная?) личина в нимбе. О.с.: шестиконечный крест (верхняя и нижняя перекладины одинаковы по длине; рис. 1, *9*).
11. Пломба. Диаметр 10,8—9,3 мм. Л.с.: человеческое лицо без нимба. О.с.: княжеский знак прямоугольных очертаний (развилкой вниз; рис. 1, *10*).
12. Пломба. Диаметр 15,9—15,2 мм. Л.с.: княжеский знак прямоугольных очертаний. О.с.: буквообразный знак, подобный перевернутой букве «П», оттиснутый поверх более раннего крестообразного знака (рис. 1, *11*).
13. Пломба. Диаметр 13,2—10,9 мм. Л.с.: княжеский знак прямоугольных очертаний в линейном ободке. О.с.: равноконечный крест (рис. 1, *12*).
14. Пломба. Диаметр 11,1—9,4 мм. Л.с.: княжеский знак прямоугольных очертаний. О.с.: неясное изображение (вероятно, часть головы святого в нимбе; рис. 1, *13*).
15. Пломба. Диаметр 10,6—8,3 мм. Л.с. княжеский знак прямоугольных очертаний. О.с.: неясно (часть знака или буквы; рис. 1, *14*).
16. Пломба. Диаметр 11,5—10 мм. Л.с.: неполностью оттиснувшийся «U»-образный знак (суздальской княжеской линии). О.с.: неясное изображение (рис. 1, *15*).
17. Пломба. Диаметр 8,2—6,4 мм. Л.с.: Буква «фита» в линейном ободке. О.с.: частично оттиснувшийся знак (рис. 1, *16*).
18. Пломба. Диаметр 11,8—10,2 мм. Л.с.: Знак (буквообразный). Точечный ободок. О.с.: неясное изображение в точечном ободке (рис. 1, *17*).
19. Пломба. Диаметр 15,1—13,2 мм. Л.с.: частично сохранившийся буквообразный (?) знак. О.с.: неясное изображение (крестообразная фигура с точками между лопастями?) (рис. 1, *18*).
20. Пломба. Диаметр 15—13,1 мм Л.с.: частично оттиснувшееся неясное изображение; точечный ободок. О.с.: неясное изображение (рис. 1, *19*).
21. Пломба. Диаметр 14—10,8 мм. На обеих сторонах неясные, по-видимому, поврежденные изображения (рис. 1, *20*).

Печати и пломба, найденные на правом берегу р. Шексны, в пределах древнего Белоозера

22. Печать. Диаметр 24,5—22,2 мм. Л.с.: оплечное изображение архангела с мерилом в линейном ободке. О.с.: надпись ДЬН//ЂСЛО//... в тройном ободке (два линейных, между ними точечный, рис. 1, *21*). Оттиснута теми же матрицами, что и № 74 по своду В. Л. Янина (определяется последним как печать Святополка Изяславича. 1093—1113 гг.) [18]. Присутствие печати с надписью «Днеслово» в составе белозерских находок весьма существенно как один из показателей древности данной серии. Печати с подобной надписью обычно датируются узкими пределами самого конца XI в.— первой половиной XII в.
23. Печать. Диаметр 23—21 мм. Л.с.: полная фигура святого вправо со свитком и крестом в руках; за спиной — древо. Слева от фигуры сохранилась буква «Е». О.с.: стоящая фронтальная фигура святого с сохранившейся колончатой надписью справа И/МО//НЪ (Пантелеймон, рис. 1, *22*). Оттиснута той же парой матриц, что и № 150 по

своду В. Л. Янина, с изображениями Иоанна Крестителя и Пантелеймона и связываемая с Ярославом Изяславичем (1148—1154) [19]. Все остальные печати такого типа найдены в Новгороде.

24. Печать. Диаметр 26—25 мм. Л. с.: оплечное изображение преподобного в куколе с благословляющей десницей перед грудью. Колончатая надпись АН//ЪТ//Ъ.; Н... (Антоний). О. с.: Богородица с молебными руками перед грудью. Остатки надписи по сторонам изображения — [МР] θУ (рис. 1, *23*). Печать, по-видимому, связана с церковной иерархией. Важно отметить редкую на Руси иконографию Богоматери. Написание имени Антоний отмечено чертами русского происхождения.
25. Пломба. Диаметр 16—14 мм. Л. с.: шестиконечный крест. О. с.: неясное изображение (рис. 1, *24*).
26. Печать. Диаметр 16,7—16 мм. Л. с.: полуфигура бородатого воина в плаще с копьем. Колончатые надписи: О//θ//Е; О//Д//Ω//Р... О.с.: многострочная греческая надпись [КЕ ВО]//ΔІМІТР//МАГІСТР//... (рис. 1, *25*). Особенностью печати является горизонтальное расположение канала для шнурка. Печать имеет несомненно византийское происхождение, принадлежала представителю светской администрации (магистру). В Белоозеро могла попасть в составе архива княжеской семьи или церковного иерарха греческого происхождения.

Отметим значительное разнообразие типов печатей и пломб в составе белозерской находки. Здесь есть печати с изображениями святого и княжеского знака (№ 1, 2), с изображением святого и процветшего креста (№ 3, ср. пломбу № 8), с изображением ангела и надписью «днеслово» (№ 22), с изображением двух святых (№ 23, 24).

Среди пломб представлены несущие на себе изображения святых (№ 4—6 — несомненные, а также 8—10 и 14 — сомнительные), креста (№ 4, 5, 8, 10, 13, 25), княжеского знака (№ 11—16, рис. 3), буквы кирилловского алфавита (№ 17), человеческой личины (№ 11). Отметим характерные сочетания типов аверса и реверса — образ святого и крест (№ 4, 5, вероятно, также 8 и 10), креста и княжеского знака (№ 13). По существу, в Белоозере представлены все основные разновидности русских пломб дрогичинского типа.

В настоящее время серия еще недостаточно представительна для того, чтобы дать ей развернутую общую характеристику. Отметим, что печати, находящие себе убедительные аналогии, тяготеют к раннему времени — XI—XII вв.

Важной особенностью публикуемой серии является то, что на ряде белозерских печатей и пломб представлены княжеские знаки, как уже известные, так и встречающиеся впервые (рис. 3).

Особый интерес представляет печать № 1 (рис. 2, *1*), на одной стороне которой находится выполненное высоким рельефом изображение полуфигуры св. Георгия, а на другой — знак необычных «якореобразных» форм. Форма (точнее, трактовка) знака настолько необычна, что можно было бы усомниться в том, что перед нами русский княжеский знак, если бы он не находил себе довольно близкой аналогии в остававшемся до сих пор уникальным знаке Изяслава Ярославича, также отличающегося плавными и округлыми очертаниями, но несколько более сложном (имеющем дополнительные развилки в верхней части и по концам — рис. 2, *3*) [20].

Рис. 2. Печать из Белоозера и некоторые аналогии изображениям ее аверса и реверса

1 — печать из Белоозера; *2* — «Ярославле сребро»; *3*, *5* — печати Изяслава Ярославича; *4* — печать, отнесенная Н. П. Лихачевым к Ярославу Мудрому; *6* — печать Всеволода Ярославича; *7* — печать Святослава Ярославича; *8* — подвеска со знаком Рюриковичей, найденная около Киева

Близость знака на белозерской печати знаку Изяслава Ярославича, а также необычная рельефность и художественность изображения на ней св. Георгия (очевидно свидетельствующая о высоком мастерстве резчика, ориентировавшегося на византийский образец) указывают на то, что эта печать должна рассматриваться в контексте становления древнейших русских сфрагистических типов и их взаимоотношения с монетными типами рубежа X—XI вв., и прежде всего с вопросом о сфрагистических параллелях типам аверса и реверса «Ярославля сребра» с его высокохудожественным изображением св. Георгия (рис. 2, *2*).

Причина, по которой на аверсе «Ярославля сребра» вместо более или менее условного «портрета» князя появилось патрональное изображение византийского характера, по мнению многих авторитетных исследователей, лежит в том, что в качестве образца для данного монетного типа была использована печать того же князя византийского облика[21]. Однако эта гипотеза пока не привела ни к общепризнанной атрибуции какой-либо из древнерусских печатей как принадлежавшей Ярославу Мудрому, ни даже к убедительной реконструкции той гипотетической печати, влияние которой отразилось в монетном чекане этого князя.

А. А. Молчанов полагает, что эта гипотетическая печать была, по существу, вполне идентична сребреннику того же князя, и, давая ее графическую реконструкцию, всего лишь заменил на реверсе слово «серебро» словом «печать»[22]. С такой реконструкцией едва ли можно безоговорочно согласиться. Тип реверса «Ярославля сребра» находит близкие аналогии только на монетах (имеется в виду сочетание княжеского знака с круговой русской надписью, в сфрагистическом материале неизвестное), причем его «сосуществование» с иконографически выдержанным изображением святого представляется чем-то вторичным. Кроме того, как справедливо замечает А. А. Ильин, необычная черта аверса и реверса «Ярославля сребра» — поле вокруг центрального медальона с дополнительными элементами (на аверсе — группами точек, на реверсе — буквами), расположенными крестообразно, не находит себе аналогий в сфрагистическом материале и должна быть объяснена влиянием оформления сасанидских монет[23]. Присутствие этой черты не только на монетах, но и на печатях Ярослава представляется маловероятным.

Какова же была печать этого князя, оказавшая влияние на изображение аверса его серебренника? По-видимому, ее единственно бесспорная черта — наличие патронального изображения полуфигуры святого византийского облика, занимавшего скорее всего всю поверхность штемпеля. Именно таковы типы печатей сыновей Ярослава Андрея-Всеволода (рис. 2, *6*)[24], Изяслава-Дмитрия (рис. 2, *5*)[25], Святослава-Николая (рис. 2, *7*)[26] и Вячеслава-Меркурия[27], а также печать, предположительно связываемая В. Л. Яниным с Игорем Ярославичем[28]. На реверсе печатей Всеволода и Вячеслава, а также печати, относимой к Игорю, представлены греческие многострочные надписи типа «господи помози...» На реверсе печати Изяслава с полуфигурой святого представлена розетка; печати Святослава — изображение самого князя. Еще один тип печатей Изяслава несет на аверсе фигуру патронального святого в рост, а на реверсе — княжеский знак, окруженный греческой легендой аналогичного содержания (рис. 2, *3*). Отметим, что ранняя дата печати, связываемой В. Л. Яниным с Изяславом Ярославичем, надежно обоснована дендрохронологией. Тип реверса этой печати уже не чисто византийский, а «гибридный», так как в центре представлен бесспорно русский мотив. Облик аверса совместно с содержанием надписи реверса приводит

нас все к тому же византийскому типу печатей с патрональным изображением на одной стороне и греческой многострочной надписью — на другой. Поскольку данная найденная в Новгороде печать относится, по В. Л. Янину, к 1052—1054 гг., а печать Вячеслава Ярославича — к короткому периоду сразу же после смерти Ярослава Мудрого (1054—1057), нет никаких серьезных оснований для того, чтобы отрицать правомерность атрибуции печати с полуфигурой св. Георгия на одной стороне и греческой многострочной надписью на другой (рис. 2, *4*) Ярославу Мудрому, что было предложено еще Н. П. Лихачевым [29].

Сочетание русского княжеского знака с греческой надписью на печати Изяслава Ярославича отражает своеобразие развития ранних сфрагистических типов по сравнению с монетными. Печати как объекты, адресованные сравнительно узкому кругу, связанному с делопроизводством (первоначально находившимся, вероятно, отчасти в руках духовенства греческого происхождения), могли нести греческие надписи, в то время как для монетных типов возможность использования греческих надписей была полностью исключена. Это объясняется тем, что одна из важнейших целей русской монетной чеканки данного периода — манифестация суверенитета и независимости. По этой же причине и Олег Святославич, чья печать несет греческую многострочную надпись, чеканил в Тмутаракани монеты с русскими надписями.

Вопрос о генезисе сфрагистического типа реверса печати Изяслава с княжеским знаком сводится к вопросу, представляет ли этот знак собой заимствование с древнейших монет или же восходит к более ранним сфрагистическим типам. Возможность непосредственного влияния на печать Изяслава Ярославича печатей, условно связываемых со Святославом Игоревичем или Изяславом Владимировичем, маловероятна. Вопрос о генезисе рассматриваемого типа печати Изяслава правильнее определить так: не было ли среди печатей Ярослава Мудрого, кроме моливдовулов «византийского» облика с греческой многострочной надписью также и иных, в той или иной мере приближающихся к «Ярославлю сребру» с княжеским знаком на реверсе?

Печать Изяслава несет княжеский знак чрезвычайно своеобразных очертаний. Он занимает совершенно особое положение в ряду древнерусских княжеских знаков. Последние можно разделить на знаки-тамги простого рисунка, состоящие из черт (позднейшие) и более ранние знаки сложного рисунка (с двойным контуром, нередко проницаемым для дополнительным графических элементов). Важно, что такие древнейшие знаки допускают значительные вариации с различной степенью схематизации, но сохраняют при этом основные элементы (особенно показательны вариации знака Владимира Святославича). Знак Изяслава по степени (но не характеру) орнаментализации как бы представляет переходную стадию между ранними и поздними знаками. До последнего времени этот знак оставался уникальным. Теперь знак близких и притом более простых очертаний обнаружен на печати из Белоозера, на аверсе которой представлена полуфигура св. Георгия (рис. 2, *1*). Знак может быть понят как трезубец с овалом на центральном, более высоком отроге, т. е. если не считать индивидуализирующими «отпятнышами» небольшие завитки в нижней части центрального отрога, как аналогичный знаку Ярослава Мудрого. Предположение о существовании различных декоративных вариаций знака Ярослава высказывались и ранее. Так, А. А. Молчанов склонен уверенно связывать с этим князем знак на подвеске, найденной в окрестностях Киева (рис. 2, *8*) [30], хотя трактовка

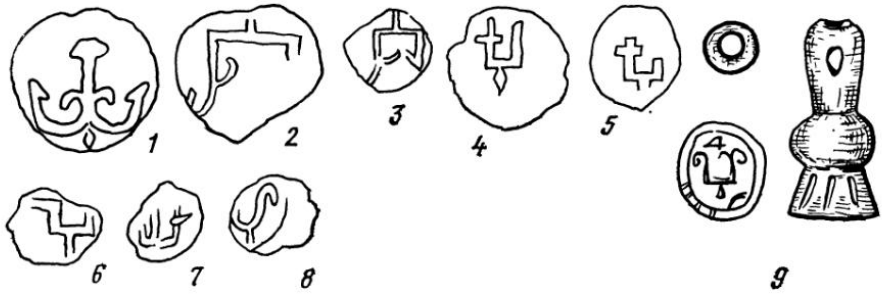


Рис. 3. Знаки Рюриковичей в сфрагистических материалах из Белоозера

1 — с печати 1; *2* — с печати 2; *3* — с пломбы 11; *4* — с пломбы 12; *5* — с пломбы 13; *6* — с пломбы 14; *7* — с пломбы 15; *8* — с пломбы 16; *9* — костяная печатка со знаком

ряда его деталей (в частности, центрального зубца) ближе знакам Владимира Святославича, а близкое повторение знака на реверсе той же подвески лишено венчающего знак круглого элемента — единственной черты, позволяющей отнести знак к конкретному князю. Если считать упомянутые выше мелкие завитки значимыми, то в этом случае носитель знака должен быть признан ближайшим родственником Изяслава Ярославича, скорее всего удаленным от него не более чем на одно поколение (Мстислав Изяславич, умерший в 1069 г., христианское имя которого неизвестно?). Небольшой размер печати как будто препятствует отнесению ее к столь ранним, однако отметим, что диаметр штемпеля у нее вполне аналогичен таковому у печати Изяслава, несущей наиболее близкий княжеский знак (однако диаметр кружка у этой последней печати более значителен — рис. 2, *3*). Диаметры печатей XI в. сильно варьируют. Так, среди печатей Изяслава Ярославича есть и крупные и мелкие [31]. Для одного из типов печатей Святослава Ярославича характерен значительно меньший, чем для других, диаметр штемпеля (около 20 мм) [32]. Известны печати с именем Константина (по В. Л. Янину, вероятно, Игорь Ярославич), диаметром 19—21 мм [33]. Такой же размер имеют буллы киевского митрополита Георгия (около 1068—1073 гг.) [34]

Вопрос об окончательной атрибуции рассматриваемой печати [35] в настоящее время далек от окончательного решения. Тем не менее ясно, что ее необходимо учитывать при рассмотрении вопросов о древнейших русских печатях, а также о генеалогии княжеских знаков XI в. и о возникновении и первоначальной принадлежности печатей с патрональным изображением на одной стороне и княжеским знаком — на другой.

Характеризуя остальные княжеские знаки на печатях и пломбах из Белоозера, следует отметить преобладание знаков прямоугольных очертаний. Такие знаки наиболее убедительно связываются со старшей ветвью Мономаховичей, княжившей в Смоленске. Очевидно, найденные в Белоозере печати и пломбы с подобными знаками связаны с князьями этой линии, сидевшими в Новгороде. К этой же группе относится и знак, представленный на костяной печатке, найденной Ф. Я. Тюлиным в Белоозере, предназначенной для оттискивания на воске (рис. 1, *26*; рис. 3, *9*) [36].

Знак, который можно было бы связать с суздальскими Рюриковичами, встречен только один раз на пломбе № 16.

Находка печатей и пломб в Белоозере представляет интерес и еще в одном аспекте. Если сосредоточение пломб в таких пунктах, как Дроги-

чин или Новгород, можно объяснить двусторонними связями развитых в торговом отношении обществ, то для Белоозера, являвшегося крупным торговым центром окраинных северо-восточных территорий, хозяйство которых имело архаичный облик и было во многом ориентировано на пушной промысел, такое объяснение не подходит. Здесь скорее всего следует предполагать не крупные двусторонние торговые операции, а перераспределение богатств, поступавших сюда в качестве дани, очевидно, в первую очередь пушнины. Такое предположение находит себе подтверждение у восточного автора XII в. Абу Хамида аль-Гарнати, который упоминает опечатывание меховых ценностей на Руси [37].

[1] *Рыбаков Б. А.* Печать Георгия и Софии: (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.) // КСИИМК, 1949. Вып. 29; *Рыбаков Б. А.* Печатки чернігівських князів // Археологія. 1950. Т. 3.

[2] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. № 6.

[3] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1, 2.

[4] *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1894.

[5] *Ершевский Б. Д.* Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой четверти XIII в. как источник для политической истории Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Он же.* Об одной группе новгородских свинцовых пломб XI–первой трети XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 4.

[6] *Трутовский В. К.* Рязанские пломбы // Отчет Этнографо-археологического музея 1-го МГУ. М., 1926.

[7] Авторы признательны Г. И. Алексееву и сотруднику Белозерского краеведческого музея И. Г. Щукиной за предоставленную им возможность ознакомиться с находкой.

[8] *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 59–61; *Она же.* Отчет о работах Белозерской экспедиции в 1962 г. // Арх. ИА АН СССР. Р–1. № 2572. Л. 34.

[9] *Макаров Н. А.* Отчет о работе Онежско-Сухонского археологического отряда в 1984 г. // Там же.

[10] Пользуемся случаем выразить нашу глубокую признательность Ф. Я. Тюлину за предоставленную возможность ознакомиться с найденными им печатями и опубликовать их фотографии.

[11] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 249, табл. 1, *3*.

[12] Там же. С. 274. табл. 26, 293, 294.

[13] *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 76, 77, 82, табл. 2.

[14] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 114, 145.

[15] Там же. С. 277, табл. 29, 324, 325.

[16] Там же. С. 152.

[17] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Тр. муз. палеографии. Л., 1930. Вып. 2. С. 84, 85, рис. 68, 69 (первая в верхнем ряду; 1–4 в третьем ряду, ср. с. 86), рис. 70 а, в; *Он же.* Сфрагистический альбом // Арх. ЛОИА. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444. Табл. IV, *14, 16*; XXI, *14, 17*; XXX, *14*.

[18] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 183 (№ 74); С. 255, табл. 7, *74*.

[19] Там же. С. 196 (№ 150); С 262, табл. 14, *150*.

[20] Там же. С. 166, 167 (№ 3); С. 249, табл. 1, *3*.

[21] *Куник А. А.* О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца: Историко-нумизматическое исследование. СПб., 1860. С. 62, 110–112; *Толстой И. И.* Случай применения византийской сфрагистики к русской нумизматике // Тр. VII Археол. съезда в Ярославле. М., 1892. Т. 2. С. 73–80.

[22] *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 86, 87, табл. III, *11*.

[23] *Ильин А. А.* Топография кладов древнейших русских монет X–XI вв. и монет удельного периода // Тр. Нумизматической комиссии РАИМК. Л., 1924. Т. 5. С. 5, 6.

[24] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 168–170 (№ 15–22); С. 250, 251, табл. 2, *3 15–22*.

[25] Там же. С. 167. (№ 6–9); С. 249, табл. 1, *6–9*.

[26] Там же. С. 167, 168 (№ 10–13); С. 250, табл. 2, *10–13*.
[27] Там же. С. 168 (№ 14); С. 250, табл. 2, *14*.
[28] Там же. С. 172 (№ 32, 33); С. 252, табл. 4, *32, 33*.
[29] *Лихачев Н. П.* Материалы... Вып. 1. С. 154–156; рис. 72; *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 251, табл. 3, *24* (ср. также: С. 252, табл. 4, *35*). Возражения В. Л. Янина против атрибуции, предложенной Н. П Лихачевым, см.: *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 23, 24. Они препятствуют удревнению данной печати и отнесению ее к ранним годам правления Ярослава, в то время как аргументация, исключающая возможность датировать печать последними годами жизни князя, отсутствует.
[30] *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей... С. 71, 72, 73.
[31] См.: *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. Табл. 1 (ср. № 3 и 5 с одной стороны и № 6–9 с другой).
[32] Там же. С. 250, табл. 2, *13* (ср. *10*).
[33] Там же. С. 172 (№ 33).
[34] Там же. С. 174 (№ 43).
[35] Отметим значительное сходство типа аверса этой печати с изображением полуфигуры св. Георгия с несущей такое же изображение печатью из Дрогичина с надписью «дьнеслово» на обороте. См.: *Лихачев Н. П.* Материалы... Вып. 2. С. 26, рис. 27.
[36] Печатка найдена там же, где и буллы № 22–25. В настоящее время хранится в Кирилло-Белозерском историко-архитектурном художественном музее.
[37] *Монгайт А. Л.* Абу Хамид аль-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 175–179.

Т. И. Макарова

ПЕРСТНИ С ГЕРАЛЬДИЧЕСКИМИ ЭМБЛЕМАМИ ИЗ КИЕВСКОГО КЛАДА

В 1903 г. 4 июня в Киеве при строительных работах был обнаружен клад[1]. Найден он был на территории, занятой некогда княжеским, «отнем», Дмитриевским монастырем, построенным сыном Ярослава Мудрого Изяславом в честь его патрона св. Дмитрия. Древнейший его храм, церковь Дмитрия, была создана около 1060 г. при Изяславе, два других выстроили его сыновья: Ярополк – церковь Петра (1085–1087 гг.), Святополк–церковь Михаила (1108–1113 гг.)[2].

После разгрома Киева в 1240 г. большинство каменных построек осталось лежать в руинах, в памяти жителей часто не сохранялись и их названия. В XVI в. исчезло и название Дмитриевского монастыря, а продолжавший действовать на его месте монастырь стал называться Михайловским Златоверхим по названию главного храма – церкви Михаила, уцелевшей после 1240 г.[3]

В XVIII в. при постройке новых монастырских стен строители наткнулись на руины «более нежели одной церкви»[4], т. е. остатки древнейшего Дмитриевского монастыря. Вероятно, с последними днями существования этого монастыря и связан клад, найденный 4 июня 1903 г. Клад помещался в обычном для XII–XIII вв. глиняном горшке с одной ручкой[5]. Высота горшка немногим превышала 30 см. диаметр в самой широкой части достигал 27 см. В этом небольшом вместилище оказались вещи самого разного назначения: женские украшения, нашивные бляшки, пуговицы, части одежды и, по существовавшему поверью, для гарантии сохранности — железный замок[6]. Всего там было около 300 предметов (291 целых и несколько фрагментированных), в основном женские украшения.

Не анализируя состава клада, отметим только, что, помимо времени его зарытия, он говорит о поспешности его «паковки». Об этом свидетельствуют золотые и позолоченные пуговки, которые отрывались вместе с тканью, около 200 оборванных с одежд бляшек с эмалью и стеклянными вставками, 36 предметов, нанизанных на пучок нитей, брошенных в сосуд вперемешку с остальными украшениями — колтами, обручами, гривнами.

Важно особо отметить, что в кладе все вещи светские, ни одна из них не связана с христианским культом. Они скоплены мирянином, весьма склонным к так осуждаемому церковью «сребролюбию». Возникает вопрос: как они оказались на территории монастыря? Стоит вспомнить рассказ Печерского Патерика о судьбах двух богатых людей Еразме и Арефе [7]. Первый пришел в монастырь, «имея богатство много», т. е. он принес его с собой. В чем оно заключалось — неизвестно, но известно, что он истратил его на «церковную потребу», сделав, в частности, оклады на иконы. Другой, Арефа, тоже пришел с большим «богатством», которое держал в «келии своей».

Случаи, конечно, типичные. Вероятно, и клад, найденный в 1903 г. на бывшей территории Дмитриевского монастыря, был остатком «богатства» такого же происхождения. Оно пришло вместе с человеком «из мира» и было свидетельством накопления «в миру».

Накапливались вещи клада длительно. Об этом говорит, помимо разнообразия самих вещей, разновременность некоторых из них. Так, гривна, витая из трех пар дротов, витые браслеты и перстень, колты с каймой разного характера относятся к уборам, создававшимся в разное время [8]. Из этого следует, что вещи клада принадлежали нескольким владельцам.

Выразительнее всего говорят о разных владельцах попавшие в клад перстни. Их девять, и все они разные. Один — с круглым щитком, один — с составным и семь — с шестиугольным. Отметим сразу преобладание последних и отсутствие перстней в форме квадрифолия. Перстни с квадрифолийным щитком — самая поздняя разновидность древнерусских перстней, они типичны для XIII в., а увлечение идеей квадрифолия в разных областях прикладного искусства относится уже ко временам Московской Руси [9].

Есть разница и в изготовлении перстней. Перстни с круглым и составным щитками литые, с шестиугольным — тисненые. В этом тоже правомерно усматривать хронологический момент. Литье — простейший, но наименее экономный прием в работе с драгоценным материалом. Им пользовались на ранних этапах ювелирного дела [10]. К нему возвращались при первоначальном освоении производства того или иного ассортимента изделий, потом искали более экономный способ.

С перстнями на Руси происходило именно так. Тиснение получает распространение с XII в., как и многие другие приемы, удешевлявшие и ускорявшие производственный процесс [11]. Два литых и семь тисненых перстней из клада 1903 г. указывают на длительность накопления попавших в клад сокровищ. Возможно вещи, попавшие в него, принадлежали нескольким лицам.

Все перстни клада украшены гравировкой с чернью. На перстне с составным щитком элементы растительного орнамента сочетаются с геометрическими, на перстне с круглым щитком и на двух перстнях с шестиугольными щитками растительный орнамент занимает помещенный в центре прямоугольный медальон и оставшееся кругом него пространство.

Только на одном перстне подобная композиция дополнена княжеским знаком, помещенным в центре, в ромбе. Растительные элементы — половинки кринов размещены в углах прямоугольного медальона. Интересно, что на поле, обрамляющем прямоугольный медальон, орнамента нет, но есть шесть четких точек. Они размещены по две вверху и по бокам медальона, а внизу их нет. Подчеркнем, что по соображениям эстетического плана для полной завершенности общей композиции такие две точки надо было изобразить и в оставшемся пустым пространстве под медальоном со знаком (рис. 1, *1*).

Теперь о знаке рассматриваемого перстня. Он уже был предметом исследования. Б. А. Рыбаков справедливо отметил, что знак не укладывается в ту систему знаков, основой которых является двузубец, но, несмотря на его уникальность, не отрицал связи его с багровидными княжескими знаками [12].

В настоящее время общепризнано, что древнерусские княжеские знаки в виде двузубца прямоугольных очертаний связаны с потомками Мстислава Великого, а знаки колоколовидной формы — с потомством Юрия Долгорукого [13]. Происхождение от колоколовидных знаков Юрьевичей знаков в виде багра несомненно не только по соображениям исторического порядка [14], но и с точки зрения развития самого знака. Известно, что деление тамги пополам — простейший способ получения производного знака в различных знаковых системах [15].

Знак на киевском перстне из клада 1903 г. типологически близок, хотя и не идентичен знаку Всеволода Юрьевича, внука Всеволода Большое гнездо. Это справедливо и в тех случаях, если принять начертание знака Всеволода Юрьевича, предложенное Б. А. Рыбаковым [16], и если согласиться с А. А. Молчановым, значительно упростившим этот знак [17]. Основа его и в том и в другом случае одна — вертикальная черта с отрогом справа. Отметим только, что в знаке Всеволода Юрьевича, по Б. А. Рыбакову, присутствуют точки — отпятныши, что характерно и для нашего перстня.

Кроме того, в кладе 1903 г. есть перстень, лишенный какого-либо декора, но снабженный четким княжеским знаком совсем другой конфигурации (рис. 1, *2*). Это двузубец, целиком вписывающийся в систему знаков потомков Мстислава Великого. В частности, он близок знаку праправнука Мстислава Великого Романа Мстиславича (умер в 1205 г.), но сложнее его [18].

В этой статье автор не ставит своей задачей идентификацию знаков на перстнях киевского клада 1903 г., давно известных исследователям, специально занимавшимся княжескими знаками. Все данные о них приведены лишь с той целью, чтобы подчеркнуть, что в одном кладе оказались перстни с личными знаками представителей двух разных ветвей княжеского дома: потомков сыновей Владимира Мономаха — Мстислава Великого и Юрия Долгорукого.

Итак, в киевском кладе 1903 г. два перстня, несомненно, были не только украшениями, но и знаками собственности. Причем на одном из них знак собственности совмещался с композицией растительного характера. Возникает вопрос, не могли ли композиции чисто декоративного характера приобретать значение родовой или семейной тамги и тогда, когда сам знак отсутствует?

Такой вопрос возникает при рассмотрении трех последних перстней из киевского клада. Они совершенно разные по художественным достоинствам (рис. 1, *3—5*). Два из них принадлежали, судя по диаметрам дуж-

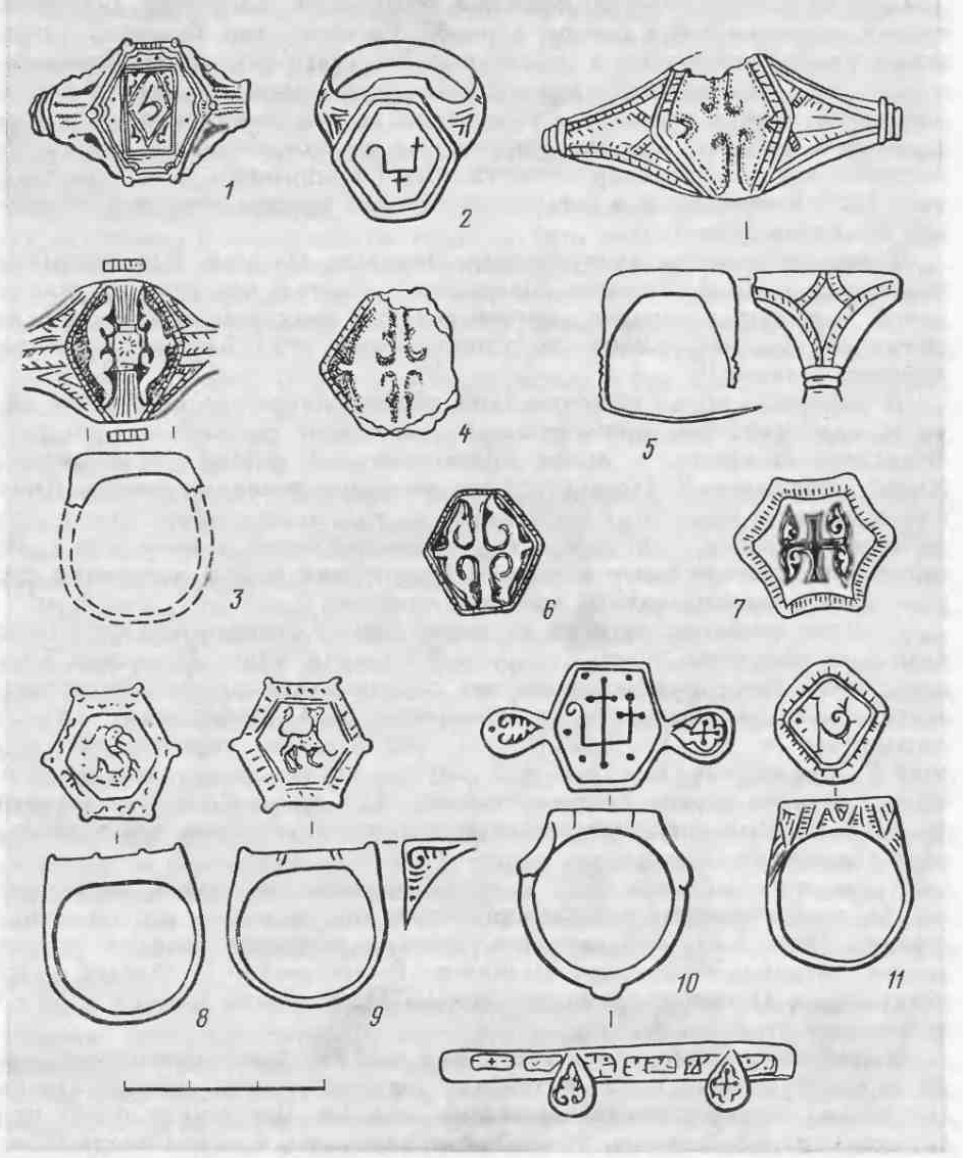


Рис. 1. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада

ки, разным лицам, от третьего сохранился только щиток. Все три перстня объединяет устойчивое сохранение орнаментального сюжета, наводящее на мысль о возможном эмблематическом его значении. Рассмотрим эти перстни подробнее.

Первый, от которого сохранились щиток и начало дужки (рис. 1, *3*), безусловно, самый совершенный по исполнению. На его шестиугольном щитке тонкой гравировкой изображены два изящных крина, сопоставленных основаниями. Каждый крин заканчивается маленьким ромбом с точ-

кой посредине. Соединяясь, крины как бы переходят в пучок тонких линий, перевязанных в двух местах. В центре маленькими штришками показаны радиально расходящиеся лучи. Четкости продуманного рисунка способствует заполненный чернью фон, обведенный бордюром с частым штрихом. Боковые грани покрыты тоже штриховкой. Композицию, изображенную на щитке, можно считать розеткой с прекрасно выраженной зеркальной симметрией.

От второго перстня сохранился только щиток (рис. 1, *4*). Он несколько обломан по краям, но композиция легко восстанавливается. Она та же: два крина, сопоставленных основаниями. Изображены они тоже на черненом фоне, но он занимает значительно меньше места, да и чернь сохранилась хуже.

Третий перстень представляет собой дальнейшую схематизацию того же сюжета (рис. 1, *5*). Расшифровка его орнаментации была бы затруднительна, если бы два первых перстня не дошли до нас. При сопоставлении с ними становится ясно, что его орнаментация представляет собой крайнюю схематизацию того же сюжета. Мастер явно не владел техникой чернения больших плоскостей, не владел он и искусством гравировки, поэтому геометризация заданного сюжета могла оказаться вынужденной. Но сюжет был все же задан. Поэтому разница индивидуального почерка исполнявших все три перстня мастеров не мешает его узнать.

Теперь о самом сюжете. Он не представляет собой ничего исключительного. Поиски истоков его уведут нас к растительному орнаменту Византии, сложившемуся окончательно к X в.[19] Поиски аналогий — к миру прикладного и монументального искусства всех стран средневековой Европы, получившей античное наследие из рук Византии. Пышный крин с плавно изгибающимися ветвями — основной элемент розеток и бордюров в разных областях искусства древней Руси[20]. В этом смысле композиция на перстнях из киевского клада как будто неоригинальна.

Однако именно в таком варианте она встретится нам только дважды и в том же районе среднего Поднепровья. Два перстня с сопоставленными основаниями кринами на черневом фоне были найдены в кладе 1908 г. близ Чернигова, в урочище Святое озеро[21]. Композиционно крины решены несколько различно, но в одном случае очень близко изображению на одном из перстней киевского клада (рис. 1, *6*, *7*).

В кладе 1908 г. в урочище Святое озеро был и перстень с княжеским знаком. Это трезубец прямоугольных очертаний с плавно отогнутыми боковыми зубцами и растроенным на конце прямым центральным зубцом. Принадлежность подобных знаков черниговским князьям, потомкам Святослава Ярославича, достаточно аргументирована.

Мы дважды сталкиваемся с одним и тем же явлением: владельцы клада, обычно являющегося семейным сокровищем, носят перстни со знаком собственности или с одной и той же орнаментальной композицией.

Но, может быть, перстни с подобным орнаментом были вообще широко распространены и находки их в кладах, как и принадлежность разным лицам одной семьи, просто дань моде? Это не так. Перстни, орнаментированные таким образом, встречены только в двух кладах — в Киевском 1903 г. и в Святозерском 1908 г. Первый зарыт, как уже говорилось, накануне батыева разгрома Киева, второй, по мнению Б. А. Рыбакова, «не ранее начала XII в.»[22] Среди довольно представительной коллекции древнерусских перстней (только черненых в настоящее время известно 53) экземпляров с подобным сюжетом больше не встречено.

Само же явление — повторение одного и того же орнаментального сюжета на перстнях представителей одной семьи — мы можем отметить еще раз в недавно найденном кладе в селе Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл.[23] В этом кладе вместе с четырьмя перстнями, на которых изображены княжеские тамги разных начертаний, были два перстня с изображением зверя с повернутой назад головой (рис. 1, *8*, *9*). Судя по покрытому точками (пятнами) телу, длинным ногам, закинутому за спину хвосту, это гепарды.

Автор публикации клада В. И. Якубовский полагает, что перстни с княжескими знаками принадлежали внукам или правнукам черниговского князя Олега-Михаила Святославича. Снова возникает вопрос, не были ли два перстня с гепардами вариантом еще одной разновидности знака собственности?

Исследователи княжеских знаков приходят к выводу, что к первой половине XIII в. принятая в тамгах Рюриковичей система отпятнышей исчерпала себя[24]. Об этом свидетельствует и появление крайне усложненных знаков, и появление на орнаментальном поле со знаком-тамгой таких орнаментально необъяснимых деталей, как несимметричные точки. Они есть не только на рассмотренном выше перстне из киевского клада 1903 г. (рис. 1, *1*), но и на еще двух хорошо известных перстнях с княжескими знаками. Это перстень из ГИМ со знаком, принадлежащим, по мнению Б. А. Рыбакова, Святополку Изяславичу[25]. На щитке этого перстня, помимо самого знака, несимметрично размещены пять точек (рис. 1, *10*). На другом перстне с княжеским знаком из Киева[26] в одном углу шестиугольного щитка помещена одна точка, неслучайность которой подчеркнута двумя ограждающими ее от орнаментального поля штрихами (рис. 1, *11*). Представляется, что эти неоправданные (орнаментально) попытки можно рассматривать как усложнения тамги без изменения ее рисунка, как своеобразные отпятныши на знаке рода, служащем для разных его представителей.

Летописными данными засвидетельствовано, что, помимо княжеских знаков собственности, на Руси были известны и знаки собственности боярских родов. Б. А. Рыбаков приводит интереснейшее свидетельство Ипатьевской летописи под 1170 г. о боярах Бориславичах, заменивших княжеское тавро-«пятно» на украденных ими у князя конях своим, боярским[27]. Именно рядовому феодалу мог принадлежать, по мнению А. В. Чернецова, перстень с печаткой, недавно найденный в Старой Рязани[28]. На литой печатке изображен зверь, имеющий сходство с барсом. Перстни с устойчивой орнаментальной композицией, явно принадлежавшие представителям одной семьи, могли иметь значение геральдической эмблемы.

Предложенное толкование перстней с устойчивыми орнаментальными схемами безусловно гипотетично. Оно в какой-то степени может быть оправдано желанием привлечь внимание исследователей к еще одному возможному виду знаков собственности, так плодотворно изучающихся в нашей науке уже более ста лет.

[1] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 120—121.
[2] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.: Л., 1961. Т. 2. С. 261—262.
[3] Там же. С. 274.
[4] *Берлинский М. Ф.* Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города. СПб., 1820. С. 161; *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. С. 268.
[5] Аналогичный сосуд был найден в жилище художника в Киеве, погибшем в 1240 г.

См.: *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. С. 38, рис. 26.

[6] *Макаров Н. А.* Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. С. 261–264.

[7] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 6–88; *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. М.; Л., 1966. С. 161–162.

[8] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 23; *Макарова Т. И.* Черневое дело древней Руси X–XIII вв. М., 1986.

[9] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 138–158.

[10] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 277.

[11] Там же. С. 271.

[12] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. // СА. 1940. № 6. С. 238, рис. 27.

[13] *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 70.

[14] Там же. С. 70–71, табл. II.

[15] *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиска // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. С., 1984. С. 213–214.

[16] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности... С. 233, рис. 14.

[17] *Молчанов А. А.* Об атрибуции... С. 84. табл. II.

[18] Там же.

[19] *Банк А. В.* Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // ВВ. 1971. Т. 32. С. 132.

[20] *Макарова Т. И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 372–373.

[21] *Якубовский В. И.* Древнерусский клад из с. Городище Хмельницкой области // Археологія, 1975. № 16. С. 102, рис. 17.

[22] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности... С. 253.

[23] *Якубовский В. И.* Древнерусский клад... С. 87–104.

[24] *Молчанов А. А.* Об атрибуции... С. 83.

[25] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности... С. 237, № 21.

[26] Там же. № 28.

[27] Там же. С. 230.

[28] *Чернецов А. В.* Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1980. Л., 1981. С. 550–551.

А. А. Медынцева

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

Окраинное положение Рязанского княжества на границе со степью, близость к Булгарскому государству наложили отпечаток на всю его историю. Изнурительные усобицы, в которых рязанские князья то выступали против степи, то приводили половцев как союзников, завершились гибелью многих рязанских городов, в том числе и Старой Рязани, под ударами войск хана Батыя.

Особенности истории Рязанского княжества не могли не сказаться на состоянии письменных источников. Рязанские летописи до нас не дошли, сохранились лишь некоторые сведения в составе общерусских летописных сводов. Немногочисленные рукописные книги и Юридические акты относятся уже к послемонгольскому времени (из них древнейшая — Рязанская кормчая 1284 г.).

Домонгольская Рязань — столица княжества, богатый и цветущий город с развитым ремеслом и торговлей, великолепными храмами, украшенными фресками и белокаменной резьбой, стала известна благодаря

археологическим раскопкам. Раскопки обнаружили и первые вещественные следы, позволяющие судить о высоком уровне не только материальной, но и духовной культуры жителей Старой Рязани: книжные застежки и накладки на переплеты, многочисленные писала[1]. Надписи на произведениях прикладного искусства свидетельствуют о том, что многие ремесленники были грамотны. Но особенно интересны так называемые бытовые надписи — надписи владельцев и дарителей, позволяющие судить об уровне распространения грамотности.

Первые находки такого рода стали известны уже давно. Прежде всего это надписи на пряслицах. В довоенные годы в Старой Рязани было приобретено пряслице, переданное позднее в Рязанский краеведческий музей. Н. Порфиридов сообщил, что на нем читается надпись: «Княжее есть», при этом упоминается надпись и на другом пряслице, найденном в Старой Рязани: «Молодило»[2] (рис. 1, *1*). Впервые обе надписи были опубликованы Б. А. Рыбаковым в работе, посвященной овручским пряслицам, где были собраны, прочитаны и объяснены многие известные к тому времени надписи[3]. Надпись «Молодило» он объяснил как имя человека, подарившего пряслице, относительно прочтения второй высказал сомнение, отмечая ее сложность. Действительно, она трудно поддается расшифровке. Вероятно, читать ее следует справа налево, поэтому одни буквы написаны в «зеркальном» варианте или боком, другие обменены местами. Кроме того, третий знак — скорее всего не буква, а особая тамгообразная метка, часто встречающаяся и на других предметах. Если учесть эти замечания, получаем прочтение, близкое к предложенному Н. М. Порфиридовым: кнажее. Такое прочтение этой сложной для расшифровки надписи в настоящее время подтверждается легко читаемой надписью из Друцка «княжин»[4]. Оба пряслица из Старой Рязани — случайные находки, поэтому стратиграфической даты не имеют, по данным палеографии они могут быть отнесены к XI—XII вв.[5]

Другие памятники эпиграфики из Старой Рязани открыты в процессе археологических раскопок. В 1948 г. экспедицией под руководством А. Л. Монгайта на северном городище найден фрагмент корчаги с ручкой, на котором полностью сохранилась прочерченная после обжига надпись в четыре строки: «Новое вино добрило послал князю Богунка». Старорязанская надпись — одна из самых пространных и хорошо сохранившихся среди надписей на корчагах. Это не просто метка владельца или название содержимого, а целое послание князю по случаю отправки вина в Старую Рязань. Тем не менее с истолкованием и датировкой надписи не все ясно. Смущает наличие двух собственных имен, ни одно из которых не может быть княжеским. Отправитель вина — Богунка (уменьшительное от Богуслав, Богухвал), его имя выделено более крупными буквами. Известно и имя «Добрило», но оно тоже не может быть княжеским, к тому же связать его со словом «князю» мешает падежная несогласованность.

А. Л. Монгайт при публикации надписи, ссылаясь на мнение Б. А. Рыбакова, высказал предположение, что «добрило» — название сорта вина, от слова доброе, хорошее[6]. Но скорее всего «добрило» — прилагательное, образованное с помощью суффикса «l» от глагола «добрити» по типу прилагательных «кисел», «гнил», «тепл» и т. д. Поэтому «добрило» — эквивалент — «доброе, улучшенное». Таким образом, полностью становится понятным перевод: «Новое вино доброе послал князю Богунка». К сожалению, имя князя остается неизвестным. А. Л. Монгайт датировал надпись концом XI — первой половиной XII в.,

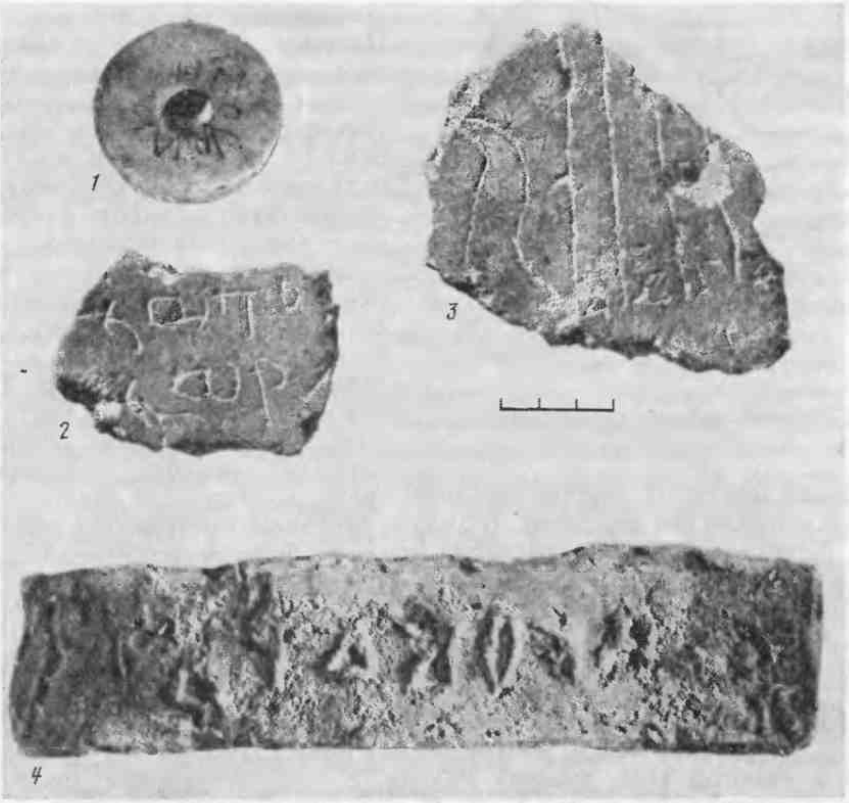


Рис. 1. Надписи на предметах из Старой Рязани

1 — надпись на пряслице с именем «Молодило»; *2* — фрагмент византийской скорописи на штукатурке; *3* — рисунок «пасхальной руки» с календарными расчетами; *4* — надпись-клеймо на кирпиче

ссылаясь на стратиграфию и такие палеографические особенности, как остроугольное Δ, Н с горизонтальной перекладиной, N — сходное с латинским, ꙁ — с сильно опущенным вниз хвостиком. Но эти особенности свойственны всему XII в.[7], в то же время некоторые черты более поздней графики — несколько «оплывшие» петли, выносное н, пропущенные слабые глухие — указывают на более позднее время. Корчага, на фрагменте которой обнаружена надпись, относится к типу, распространенному в XII—XIII вв. (если судить по фото и рисунку, так как местонахождение этого фрагмента в настоящее время неизвестно). С учетом этих данных, очевидно, правильнее датировать надпись на корчаге второй половиной XII в., может быть, рубежом XII—XIII вв.

Из Старой Рязани происходит еще целая серия надписей, найденных при раскопках Успенского собора. На нескольких кирпичах из его развалин были обнаружены надписи однотипного содержания. Они были вырезаны на деревянной форме для кирпичей и поэтому отпечатались на боковой части кирпичей «зеркально». При издании надпись была прочитана как имя мастера: «Яков тв[орил]». Местонахождение кирпичей в настоящее время не установлено, поэтому проверить прочтение не удалось. Датировка, как и прочтение, затруднена плохой сохранностью.

Рис. 2. Прорись надписи на корчаге

«смазанностью» некоторых букв. Поэтому наиболее надежная дата — время строительства собора, которое определяется приблизительно серединой XII в. [8] Независимо от достоверности прочтения надписи клейма на кирпичах свидетельствуют о грамотности мастеров — «плинфотворителей».

Наиболее значительный материал дали раскопки Борисоглебского собора. Остатки этого храма впервые были раскопаны и идентифицированы в 1836 г. Д. Тихомировым. Позднее на месте раскопок в XIX в. была построена большая церковь, полностью скрывшая под собой остатки древнего храма. Поэтому для исследования остались только его притворы. В 1948 г. западный притвор был раскопан А. Л. Монгайтом, в 1979 г. раскопки притвора были продолжены экспедицией под руководством В. П. Даркевича [9].

Раскопанный храм большинство исследователей считает Борисоглебским, впервые упомянутым в летописи под 1195 г.[10] Для такого отождествления есть серьезные основания. Прежде всего рядом с руинами этого храма до 1836 г. существовала ветхая деревянная Борисоглебская церковь. Кроме того, сам характер постройки, украшенной фресками и резьбой, погребения знати, обнаруженные раскопками, говорят о том, что это был главный храм древней Рязани. К этим аргументам, известным давно, в специальной статье Г. К. Вагнер добавляет такой важный, как топография: расположение храма на набережной, в княжеско-боярской части города, где именно и должен был располагаться главный княжеский собор, посвященный патрональным святым рязанских князей. Анализ исторической обстановки XII в. и архитектурных особенностей храма позволили ему высказать убедительное предположение о строительстве этого хрма Глебом Ростиславичем (1155—1177 гг.) [11].

Эпиграфический материал из раскопок притворов представляет значительный интерес. На многих фрагментах фресковой штукатурки обнаружены начерченные острым предметом рисунки и обрывки надписей, кресты и орнаменты. Около 20 таких фрагментов было найдено в 1948 г. Большинство их опубликовано в прорисях, частично — в фотографиях. А. Л. Монгайт привел лишь самые общие характеристики надписей, отметив, что по большей части они сильно повреждены и почти не читаются [12]. К сожалению, местонахождение этих фрагментов с граффити в настоящее время тоже неизвестно, сохранившиеся фотографии «слепы», а прориси искажают многие тексты. Тем не менее некоторые из этих материалов (фотографий и прорисей) заслуживают более подробного рассмотрения. На одной из фотографий можно прочесть: «ГНПОМЪЗ ...[С]ВОЭМУN ...» Перед нами традиционная молитвенная формула, от имени сохранилась лишь начальная буква. Надпись начерчена привычной к письму рукой. Обращает внимание написание «У» вместо «ОУ» и Ъ на месте этимологического О. Эти особенности датируют надпись XII—XIII вв.

На другой фотографии видна длинная плохо сохранившаяся надпись,

в которой удается разобрать лишь: МЦА ФЕВРАРѦ ... [Р] ѧБУ СВОє ... Вероятно, речь идет о каком-то событии в феврале, уточнить содержание в настоящее время не представляется возможным.

На третьем фрагменте — изображение креста в круге, рядом — шестиконечный крест на Голгофе и надпись. $\overline{\text{ІСЪ}}$ [$\overline{\text{ХСЪ}}$] NHKѧ.

Среди этих традиционных для храма надписей выделяются надписи и рисунки на фрагменте штукатурки, склеенном из нескольких частей (рис. 3, *1*). А. Л. Монгайт отмечал, что на нем изображен орнамент и заглавная буква Г, широко распространенные в рукописных книгах XI—XIII вв. На этом же фрагменте он прочел имя «Игорь» и начало молитвенной надписи «ГН ПО ...» Эти обрывки заслуживают дополнительного внимания. Инициал — буква Г — прочерчен между двумя треугольниками в орнаментальном плетении и состоит из двух жгутов раздельного плетения, завершающихся внизу двумя узелками. Горизонтальный навес буквы заканчивается орнаментальным отростком. Ниже имени «Игорь» повторена та же буква в новом орнаментальном решении, оставшаяся неоконченной. Левее этих букв расположено начало молитвенной надписи, написанное колонкой: ГН ПО..., выше — несколько четких крупных букв: ВѧЛѦ (вероятно, «хваля») и неясный рисунок какой-то буквицы [13]. В целом надписи и рисунки на этом фрагменте штукатурки отличает профессиональность исполнения. В их авторе мы должны видеть опытного писца-профессионала, для которого эти рисунки и обрывки надписей — своеобразная «проба пера». Привлекает внимание и имя «Игорь» вне обычного контекста молитвенной формулы или глагола «писал». Это имя известно по источникам лишь как княжеское и к тому же довольно редкое. Согласно летописям, в Рязани было лишь два князя с таким именем. В Никоновской летописи под 1147 г. сообщается, что князем стал Игорь Святославич, по другим источникам — Давыдович. Другой Игорь — Глебович упоминается вместе с братьями Романом и Владимиром в 1182 г.[14] О смерти его в 1194 г. сообщает ряд летописей. В Никоновской летописи это известие дополнено данными о месте захоронения князя: «Положен во граде Рязани в церкви каменой святых мученик Бориса и Глеба» [15]. Большинство исследователей признают авторитетность этого сообщения о месте погребения Игоря Глебовича. Однако исследователь рязанского летописания А. Г. Кузьмин предположил, что это сообщение имеет в виду собор Бориса и Глеба в Переяславле Рязанском [16]. Эта попытка «перенести» летописный храм Бориса и Глеба в домонгольский Переяславль представляется неудачной, так как ряд аргументов, прежде всего сам «каменный» храм, убедительно доказывают правомерность отнесения летописного свидетельства к Старой Рязани. И надпись-граффити с именем Игоря еще раз подтверждает сообщение Никоновской летописи. Если учесть, что собор был постороен Глебом Ростиславичем (1155—1177 гг.), то в надписи имеется в виду Игорь Глебович. Конечно, неясно, какое событие послужило непосредственной причиной ее появления, но скорее всего именно погребение Игоря в этом храме дало повод книжнику-профессионалу для своеобразной «пробы пера» на церковной стене.

Среди опубликованных материалов привлекает внимание и небольшой фрагмент с остатками надписи и рисунка [17]. Рисунок изображает какого-то зверя с разинутой пастью в орнаментальном плетении, выше можно различить: ...ГРНВнꙋ О[ТЪ] ПОЛОВнН[Кѧ] (рис. 3, *2*). Предполагалось, что здесь написано: «гривную половин...». Но здесь легко читается, если допустить утрату четырех букв: «гривну от половника»,

Рис. 3. Прориси надписей и рисунков на фрагментах штукатурки из раскопок Борисоглебского храма

1 — фрагмент с надписью «Игорь»; *2* — фрагмент надписи с упоминанием «половника»; *3* — рисунок «пасхальной руки» с календарными расчетами; *4—8* — фрагменты рисунков

первая строка неясна. Половник — категория экономически зависимого населения, которая обрабатывала чужую землю с уплатой «половия». Известны были половники монастырские, поповские [18]. Таким образом, перед нами остатки какой-то хозяйственной записи, фиксирующей получение денежной суммы в одну гривну в счет «половия». К сожалению, получатель остается неизвестен. Обращает на себя внимание красивый, уверенный почерк и рисунок, представляющий собой элемент распространенного позднее в книжной орнаментике «звериного» стиля. Для датировки надписи данных мало, особенно если учесть, что от нее сохранилась лишь прорись. Но «геометрический» стиль почерка наряду с утратой слабых (гривну, половника) дают основание отнести ее к XII—XIII вв.

Еще одна надпись известна не только по прориси, но и по фотографии, что дает возможность исправить прорись и частично прочесть текст: [м]енъ сад[а]ни[нл]ъ... упанса въ... жь перед[а]лъ... лъ не хо[д]... торгъ ходнати [п]о о[с]ени. Полностью надпись прочесть не удается, можно разобрать отдельные слова: ...передал ... торг, не ходи, ходити по осени. Ключевыми словами для понимания надписи являются: торг, передал, ходити по осени. Вероятно, в этой надписи идет речь о получении торговой десятины. В качестве аналогии можно указать на

устав Владимира о передаче церкви наряду с другими доходами «... пс торгу десятую неделю» [19]. Вероятно, в надписи говорится о разделе торговой пошлины между князем и церковью по определенным сезонам («в торг ходити по осени»). Фрагментарность надписи не позволяет более детально выяснить сущность раздела. Датировка надписи также достаточно затруднительна. «Оплывшие» петли, почти четырехугольные петли Ъ свидетельствуют скорее в пользу датировки XIII вв., чем XII в. Таким образом, эта надпись является документальным свидетельством практического применения одной из статей церковного устава Владимира в Рязанской епархии.

Интересные материалы были получены в процессе продолжения раскопок в 1979 г. В районе западного притвора был заложен раскоп-траншея, где были обнаружены несколько десятков фрагментов фресковой штукатурки с остатками рисунков, крестов, молитвенных надписей [20]. Среди них начало обычной записи: ГН ПЪМ... с обычной для XII—XIII вв. заменой этимологического О на Ъ, фрагменты какой-то многофигурной композиции, от которой сохранились лишь мелкие детали: голова зверя, ноги с копытами и т. п. (рис. 3, *5—8*). Выделяется небольшой обрывок надписи, начерченный византийской скорописью (рис. 1, *2*). Греческие граффити — достаточно редкое явление даже для кафедральных храмов Киева и Новгорода. Эта надпись — свидетельство не только грамотности, но и известной образованности писавшего. Исключительный интерес представляет небольшой обломок, штукатурки, на котором начерчен рисунок левой человеческой руки (рис. 1, *3*; 3, *3*). В основании пальцев буквы: , В, Г, Д, выше — начало следующего ряда — ѕз. Хотя рисунок сохранился фрагментарно и записи на нем не окончены, определение характера граффити не представляет труда: это рисунок так называемой пасхальной руки, по другим источникам «руки Иоанна Богослова». Так назывались специальные таблицы для определения воскресных дней любого года, что было необходимым условием вычисления дня, на который приходился праздник Пасхи, от которого зависели в свою очередь остальные даты переходящих церковных праздников. Согласно определению первого вселенского собора в 325 г., день пасхи приходился на первое воскресение вслед за весенним полнолунием. Первой задачей являлось определение дня, с которого начинался год, что было необходимо для дальнейших расчетов. В календарном году содержится 52 недели плюс 1 или 2 дня в зависимости от того, является ли год високосным или нет. Поэтому воскресные дни перемещаются из года в год, совершая полный цикл в 28 лет. Этот период называется «кругом солнца». Весеннее полнолуние в зависимости от «лунных месяцев» совершает полный цикл в период, равный 19 годам («лунный круг»). Таким образом, для определения пасхи нужно было вычислить день полнолуния и ближайший воскресный день. Эти расчеты были довольно сложными и для их облегчения использовались специальные таблицы. Все числа календарного года расписывались в определенной последовательности по первым семи (согласно числу дней недели) буквам-цифрам кирилловского алфавита. Таким путем каждая буква связывалась с определенным днем недели, та из них, которая приходилась на воскресенье в данном году, называлась «вруцелетом года» [21].

В недавнее время С. А. Высоцким была обнаружена начерченная на стене храма Софии в Киеве таблица, датированная исследователем XIII в. Она представляет собой 28 клеток, в которых в определенной последовательности повторяются семь букв — условные обозначения дней

недели — седмиц. С. А. Высоцкий определил эту таблицу как специальное пособие для определения дня недели, с какого начинается год[22]. Для вычисления дня пасхи требовались дополнительные расчеты.

Теперь вернемся к рисунку из Старой Рязани: в нижней строке легко читаются буквы ѧВГД, во второй ѕз, т. е. налицо полное совпадение с киевской таблицей первых шести букв. Рисунок остался неоконченным, вероятно, потому, что автор его слишком близко начал писать второй ряд к первому и буквы слились. Заметив эту ошибку, писец оставил рисунок незавершенным. Но это не мешает нам восстановить его полностью: совпадение первых рядов «седмиц» предполагает совпадение и в остальных рядах. Различие между двумя рисунками состоит в том, что в киевском основу составляет расчерченная сетка, в рязанском — изображение левой руки. Ближайшую аналогию рисунку из Борисоглебской церкви представляет изображение в служебнике первой половины XIV в., предположительно также происходящем из Старой Рязани[23]. На л. 394 наряду с другими календарными расчетами и записями помещено изображение двух рук: левой и правой. На левой руке в полном соответствии с рисунком из Рязани и таблицей из Киева помещены ряды букв — седмиц. На правой — обозначение дней весенних полнолуний. Считается, что метод расчета пасхи с применением «вруцелета» сложился не ранее XIV—XV вв. В известном трактате Кирика Новгородца сообщается, что для определения дня пасхи очень важны понятия круга солнца и круга луны, приводятся результаты этих расчетов на 1136 г., но конкретно об их методике ничего не сообщается. Поэтому предполагают, что в домонгольское время существовала несколько иная система расчетов, подобная календарным таблицам в Норовской псалтыри, датированным XIV—XV вв.[24] В их состав в развернутом виде входит таблица типа Киевской и Рязанской.

Очень важна датировка рисунка из Старой Рязани. Комплекс всего эпиграфического материала не выходит за пределы XII—XIII вв., поэтому, хотя сам фрагмент материала для палеографической датировки содержит мало, вероятно, его дата не выходит за эти хронологические пределы. Важна для датировки и стратиграфия. Как предполагают исследователи, храм был разрушен во время взятия Рязани Батыем в 1237 г. Следовательно, и этот рисунок «пасхальной» руки не может быть датирован позднее первых десятилетий XIII в. Тем самым он доказывает, что система пасхальных расчетов, известная по более поздним источникам, использовалась уже в домонгольское время. Следует также подчеркнуть, что не только в таких общепризнанных культурных центрах, как Киев и Новгород, но и в столицах удельных княжеств, таких, как Старая Рязань, проводились достаточно сложные календарно-астрономические расчеты, доказательством чего и служит найденный на штукатурке рисунок, начерченный, вероятно, для тренировки в процессе обучения.

Это ставит вопрос о предназначении, характере самого храма Бориса и Глеба. Как уже говорилось, Г. К. Вагнер считает его вслед за А. Л. Монгайтом княжеским, допуская, что после выделения Рязанской епархии он мог стать одновременно и кафедральным, подобно черниговскому Спасскому собору. Наличие профессионально выполненной надписи с упоминанием Игоря (Глебовича?) подтверждает связь храма с княжеской семьей, и летописное свидетельство 1196 г. о месте погребения этого князя становится еще более достоверным. Вне сомнений, какое-то время этот храм выполнял роль главного княжеского патронального храма. Когда строился этот храм (по предположению исследователей, Гле-

бом Ростиславичем) Рязанская епархия еще входила в состав Черниговской. Время выделения Рязанской епархии известно лишь по сообщению, сохранившемуся в трудах В. Н. Татищева,— 1198 г., но оно хорошо увязывается с данными летописей [25]. Логичным выглядит предположение, что Борисоглебская церковь становится после этого кафедральным храмом Рязанской (тоже Борисоглебской) епархии.

Характер эпиграфического материала: книжные орнаменты, греческая скоропись, фрагменты хозяйственных записей, в которых оговаривается время получения торговой пошлины, и особенно учебная таблица по расчету пасхалий выделяет Борисоглебский храм из обычных церковных построек. Скорее всего — это кафедральный собор, место резиденции епископа, где велась документация по сбору десятины, где обучали письму и переписывались рукописи, украшенные орнаментами и инициалами, где были образованные книжники, знавшие греческий язык, и где, наконец, велось обучение не только письму, но и сложным календарным расчетам. Если грамотеи, записывающие события из жизни княжеской семьи и знающие греческий язык, могли быть и при княжеской церкви, то церковные хозяйственные записи и пасхальные расчеты скорее всего указывают на то, что храм стал кафедральным. Возможно, как и предполагает Г. К. Вагнер, он продолжал оставаться одновременно и княжеским. Но не исключено, что строительство третьего каменного храма — Спасского, которое относится исследователями к концу XII в., было вызвано необходимостью иметь специальную княжескую церковь после передачи Борисоглебской епархии.

После разорения ордами Батыя Старая Рязань постепенно утрачивает свое значение и уступает место стольного города соседнему Переяславлю. Начинается постепенное восстановление городов и поселений. Не прерывается и письменная традиция, о чем свидетельствует переписка в 1294 г. для Рязанской епархии свода законов — Рязанской кормчей. Другая рукопись — Рязанский служебник первой половины XV в. демонстрирует ту же систему календарных расчетов, что существовала ранее. Но, вероятно, грамотность и образованность уже не могли достичь такого уровня, какой демонстрирует домонгольская Старая Рязань. Среди грамотных людей того времени были княжеские люди и ремесленники, женщины, высокообразованные книжники из кафедрального собора и, вероятно, рядовые прихожане. Несмотря на окраинное положение, Старая Рязань по уровню распространения грамотности и образованности не уступала другим столицам удельных княжеств, а в некоторых отношениях, насколько можно судить по дошедшему до нас материалу, их превосходила. Уместно будет напомнить слова Б. А. Рыбакова, характеризующие культуру русских княжеств эпохи феодальной раздробленности: «Вычленение феодальных княжеств в первой трети XII в. не только не приостановило развитие культуры, но и содействовало ее дальнейшему расцвету. Все важнейшие, наиболее совершенные памятники искусства и литературы созданы в эпоху феодальной раздробленности, когда ее отрицательные черты еще не проявили себя в полной силе» [26].

[1] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 179, рис. 24, 25, 38; С. 180, рис. 139, *2, 8, 16, 17*.

[2] *Порфиридов Н.* Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. Ч. 2. Надписанные пряслица из Рюрикова городища // Материалы и исследования Новгородского исторического музея. Новгород, 1930. Вып. 1. С. 35.

[3] *Рыбаков Б. А.* Овручские пряслица // Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ. 1946. Вып. 4. С. 21–31.

[4] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 233.
[5] *Медынцева А. А.* Надписи на пряслицах и грамотность женщин на Руси // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
[6] *Монгайт А. Л.* Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1949. Т. 4, № 5. С. 461.
[7] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 114–115.
[8] *Монгайт А. Л.* Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 18–20. рис. 9, *2*.
[9] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. С. 76–86; *Даркевич В. П.* Исследования Старорязанской экспедиции // АО 1979. М., 1980. С. 53.
[10] См.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. // САИ. 1982. Вып. Е1–47. С. 49–50.
[11] *Вагнер Г. К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство М., 1963. № 15. С. 19–23.
[12] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. С. 187, рис. 146, 147, 190.
[13] ПСРЛ. Т. 9. Комментарии см.: *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 172, 342.
[14] ПСРЛ. Т. 10. С. 18.
[15] ПСРЛ. Т. 18. С. 36.
[16] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 122–123.
[17] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. Рис. 147.
[18] *Кочин Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 254–255.
[19] Там же.
[20] *Даркевич В. П.* Исследования Старорязанской экспедиции // АО 1979. М., 1980. С. 53. Пользуюсь случаем выразить благодарность В. П. Даркевичу, предоставившему материал для публикации.
[21] *Каменцева Е. И.* Хронология. М., 1967. С. 98–102; *Климишин И.* «Держу в руце лето...» // Наука и жизнь. 1985. № 2. С. 116.
[22] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 202–205.
[23] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в древней Руси. М., 1980. № 14.
[24] *Симонов Р. А.* Кирик-новгородец. М., 1980. С. 76–78; *Он же.* Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982.
[25] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 127.
[26] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 589.

Д. Овчаров

ДВОРЦОВАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРЕСЛАВЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛГАРСКИХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЗИЛИК

С принятием христианства в 864 г. в болгарских землях появляется новый архитектурный тип — христианская церковь и сразу занимает основное место в средневековом строительном искусстве. В период, охватывающий конец IX — начало XI в., т. е. в эпоху Первого болгарского царства, было построено большое количество церквей и до наших дней сохранились остатки свыше 120. Самая большая из них группа — это церкви базиликального (свыше 40) и крестовокупольного плана (свыше 30) [1].

Появление и утверждение базиликального плана в культовом строительстве в то время, когда базилика в Византии давно уступила место купольным строениям, является многозначительным фактом, заслуживающим специального рассмотрения. Суть этого факта состоит в появлении в болгарской культуре архаических особенностей, что можно отметить и в остальных областях архитектурного наследства — гражданского и военного Это возобновление восточных старохристианских традиций [2]

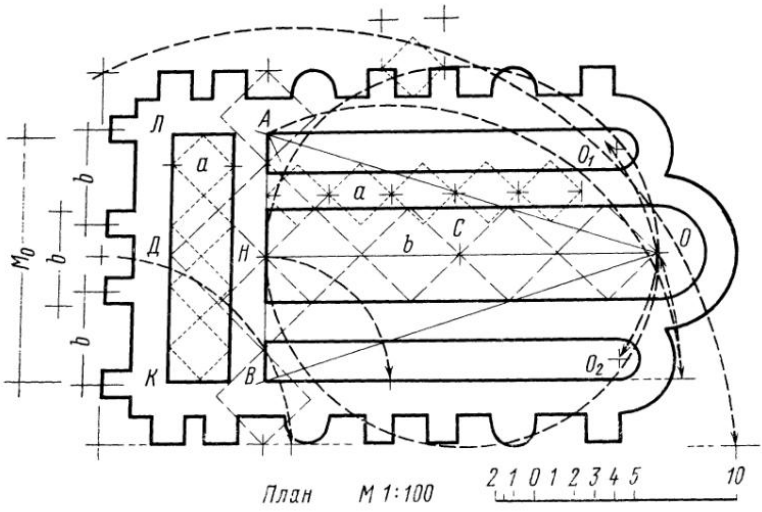


Рис. 1. Дворцовая церковь в Преславе. План

можно объяснить только отличным от константинопольского пути развития [3].

Интересным примером в этом направлении является открытая и раскопанная в последние годы базиликальная Дворцовая церковь в Преславе. Она находится в 50 м южнее Царского дворца и является центральной постройкой обширного архитектурного комплекса, состоявшего, кроме нее, из огражденной епископской, а позже архиепископской резиденции, второй небольшой церкви-часовни, большой бани, сложной сети водопроводов и каналов.

В строительстве базилики прослеживается несколько периодов, во время которых она меняла свои пространственные и плановые характеристики. Для первого периода характерны наиболее чистые формы и пропорции.

Церковь представляет собой трехнефную базилику классического типа. Она снабжена тремя апсидами и однопространственным нартексом (рис. 1). Ее длина 32 м, ширина 16 м. Базилика была построена из крупных известняковых квадратов, как и остальные строения в Преславе (крепостные стены и Царский дворец). К сожалению, стены ее полностью разрушены и камни разграблены во время османского владычества. На месте стен сохранились только небольшие остатки первого, реже — второго ряда кладки. План церкви отчетливо прослеживается по мощному фундаменту, состоявшему из крупных необработанных камней, положенных в траншеях глубиной 1,6 м, дно которых было укреплено вбитыми в землю деревянными колышками. Характерной особенностью является заполнение внутренности церкви насыпью, которая достигала уровня второго ряда каменной кладки.

Толщина стен в их нижней части значительна (1,8—1,9 м), очевидно, эти стены поддерживали мощные своды. Об этом свидетельствуют и большие пилястры (1,5×1,5 м), являвшиеся в сущности контрфорсами.

Главный вход в церковь находился в западной стене притвора, а внутрь входили через один или три небольших входа, расположенных против центрального и боковых нефов. Находки базы и капители колон-

ны, мелких осколков каменных рельефов стенной облицовки говорят о скромном декоре церкви, что является признаком раннего ее происхождения.

Архитектурные исследования и обмеры базилики указывают, что она подчинялась четко подсчитанным и последовательно примененным строительным концепциям. Были использованы одновременно две основные системы пропорций — геометрическая (Золотое сечение) и арифметическая [4]. Соотношение между шириной центрального нефа и боковыми нефами 2:1. Основной модуль строения предполагает расположение четырех или пяти массивных колонн, поддерживавших свод над центральным нефом. Судя по размерам сохранившейся оригинальной базы с верхним диаметром 0,70 м, высота колонн была около 4 м (при соотношении высоты к диаметру 5:1 или 6:1 м).

По своему плану Дворцовая церковь находит близкие аналогии в двух давно известных базиликах Преслава. Первая из них находится в пределах Внешнего города (так называемого Гебе клисе) и отличается такими же приблизительными размерами (32×20 м)[5]. Размеры второй, находившейся в 4—5 км от старого города (Сакалова могила), аналогичны (31,80×20,70 м) [6]. У этих базилик, определенных как монастырские, такие же массивные стены, как и у Дворцовой церкви. Они также относятся к архитектурному типу, который, как увидим дальше, появился в самом начале церковного строительства в Преславе и послужил исходным пунктом дальнейшего развития базиликального плана. Основное отличие указанных двух базилик от Дворцовой церкви состоит в том, что их фасады ровные и нерасчлененные, тогда как у Дворцовой церкви появляются контрфорсы с юга, севера и запада. Это одна из характерных черт, которая встречается очень редко в болгарских землях в этом периоде. Объяснение указанной особенности ведет нас к важным выводам и заключениям.

У Дворцовой церкви обнаружено всего 18 контрфорсов (по 7 на северной и южной стенах и 4 на западной). Северные и южные расположены симметрично один против другого. Расстояние между контрфорсами одного ряда различное и варьирует от 1 до 2,20 м. Квадратные в плане контрфорсы чередуются с закругленными в своей передней части контрфорсами. С запада на восток после каждых двух квадратных контрфорсов следует полукруглый. В восточном конце ряд заканчивает одинокий квадратный контрфорс. Четыре контрфорса западного фасада расположены симметрично по отношению к центральной продольной оси базилики. Ближе один к одному поставлены два центральных, которые наверное обрамляли вход в церковь.

По поводу высоты контрфорсов можно высказать два предположения. Возможно, они заканчивались аркадой, но не исключено, что они возвышались до уровня крыши боковых нефов. Для эстетического восприятия фасада вполне возможно, они в верхней части были меньших размеров, и это делало их более изящными и стройными. Однако аналогии, на которых мы остановимся ниже, указывают, что у контрфорсов были одинаковые размеры как вверху, так и у основания. Таким образом, внешняя поверхность стены имела монументальный вид.

Появление описанной нами системы контрфорсов трудно объяснить, так как в это время она не встречается ни в болгарских землях, ни в Византии. У одного только памятника можно наметить похожие черты. Это построенная в 889 г. монастырская церковь у с. Равна Варненского округа, где в разных соотношениях и с другими размерами, но в анало-

гичном Дворцовой церкви виде, применили контрфорсы на южной и северной стенах [7]. Все это вызывает необходимость поисков первоисточника этого архитектурного плана и пути, по которому он достиг Болгарии.

Очень важны для разрешения поставленной проблемы сохранившиеся в северо-западной части Балканского полуострова церкви.

Это преимущественно базилики, обнаруженные в Далмации и по Адриатическому побережью. Установлено, что они происходят от ранневизантийских культовых построек, самым показательным из которых является мавзолей у Марусинака (рис. 2). Это прямоугольное строение простого плана, заканчивающееся в восточной части глубокой апсидой. Со всех сторон к нему были пристроены контрфорсы квадратного плана, но в четырех углах они были более длинными и пятиугольной формы. Считают, что этот тип строения ведет свое начало с Ближнего Востока, от месопотамских и сиро-палестинских образцов [8].

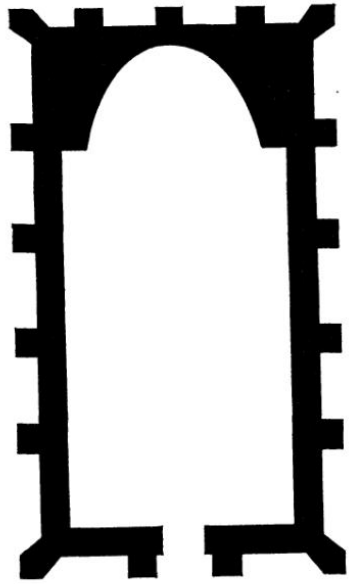


Рис. 2. Мавзолей у Марусинака (Далмация)

При дальнейшем развитии непрерывной архитектурной традиции в землях Далматинского побережья появляется большое количество церквей. Из них меньшие по размерам сохраняют квадратные контрфорсы, тогда как у больших и внушительных базилик появляются контрфорсы с округленной передней частью. Контрфорсы расположены симметрично на южных, северных и западных фасадах, как и в Дворцовой церкви Преслава. Разница состоит лишь в том, что у каждой из далматинских церквей контрофорсы только одного вида, тогда как в Преславе в правильной последовательности присутствуют указанные два вида — прямоугольный и округленный в передней части. Несомненно, это отличие можно истолковать как дальнейшее развитие и обогащение описанной нами системы контрфорсов.

Возникает вопрос — каким образом восточное влияние могло проникнуть в Болгарию с запада? Можно считать доказанным, что раннеболгарская архитектура испытала на себе воздействия разных ранневизантийских местных, закавказских и североадриатических образцов. Но можно указать на некоторые раннехристианские особенности алтарной части, которые показывают существенное отступление от нормы Константинополя и подчиняются прежде всего древней сирийской литургике [9]. Появление мартирия князя Бориса в Большой базилике первой болгарской столицы Плиска также можно считать проявлением ранневизантийской традиции, подкрепленной богослужебно-строительными представлениями старохристианского Востока (Сирия, Палестина, Египет) и нашедшими широкое применение в Константинополе, Восточном Илирике, Эпире, Фессалии, на Адриатическом побережье и в Ломбардии [10]. Подобное старохристианское воздействие можно указать и в раннеболгарской каменной пластике, в преславской художественной керамике [11], а также в живописи и литературных памятниках [12]. Этим же можно объяснить и появление системы контрфорсов в преславской Дворцовой церкви.

Проникновению западных, точнее, далматинских влияний в Болгарию в ту раннюю пору христианизации способствовала историческая обстановка. Как хорошо известно, усилия князя Бориса, направленные на создание самостоятельной болгарской церкви, привели к кратковременному, но насыщенному событиями сближению с римской церковью [13]. В 866 г. в Болгарию прибыли папские миссионеры во главе с епископами Формозой Портуенским и Павлом Популонским, а также много представителей немецкого низшего духовенства. Их активная деятельность продолжалась до 870 г. и заключалась во вторичном крещении болгарского народа, в проповедях против византийской церкви и духовенства и в освящении большого количества построенных ими церквей [14]. Надо полагать, что именно в ту пору было воздвигнуто большинство из крупных церквей Преслава, в том числе и Дворцовая церковь. Прямым свидетельством для этого является надпись на латинском языке из Преслава [15]. В ней указывается, что «во время понтификата блаженнопамятного папы Николая I в десятом году, в имени всемогущего бога, освящена эта церковь в присутствии князя болгар Бориса со всем его клиром и народом» (перевод В. Гюзелева) [16].

Правда, эта надпись была найдена в развалинах бизилики Гебе клисе и прямой связи с Дворцовой церковью не имеет. Однако, несомненно, что строительство Дворцовой церкви надо отнести ко времени пребывания папской миссии (866—870 гг.). На это указывает, как мы уже видели, большая близость планов церквей Гебе клисе и Дворцовой и несомненная однотипность их конструкций. Поэтому можно отнести создание Дворцовой церкви к годам между 866 и 870, а точнее, к самому началу пребывания папского духовенства в Болгарии. Думается, что миссионеры Формозы происходили не из Рима, а из регионов, где существовали и доминировали описанные архитектурные формы, а также, что князь Борис сознательно искал такое архитектурное решение, которое отличалось бы от константинопольского и содействовало бы направлению болгарской культуры по самостоятельному пути развития. В этой связи местное культурное наследие сыграло особо важную роль и в большой мере было средством противопоставления византийской культуре, развивавшейся тоже на античной основе, но для эпохи (IX в.), уже отличавшейся от раннехристианской, которая вдохновляла болгарское творческое начало.

Как уже отмечалось в литературе, отступление литургической практики от канонов Рима и Константинополя в эпоху раннего средневековья — проявление автокефальности у всех новосозданных церквей, в том числе и болгарской [17], а традиционализм был своеобразной формой этнического самосохранения [18]. Что касается области архитектуры, традиционализм и отступление от канонов привело к появлению новых архитектурных форм и типов, новой архитектоники, что, несмоненно, обогащало не только болгарскую культуру, но и культуры всего европейского средневековья.

[1] *Чанева Н.* Църковната архитектура на Първата българска държава. С., 1984. С. 9.
[2] *Смядовски Т.* За старохристиянските черти на преславската култура // Археология. 1983. Кн. 3. С. 13.
[3] *Станчев С.* Църквата до с. Виница // ИАИ. 1955. Т. 18. С. 328.
[4] *Попов В.* Дворцовата църква в Преслав: (Пропорции, графична реконструкция и експониране) // МПК. 1981. Кн. 3.
[5] *Иванова В.* Проучване на църквата в Гебе клисе // ГНМ. 1926—1931. Т. 5. С. 229 и след.
[6] *Тотев Т.* Базилика при Сакалова могила в Преслав. Преслав, 1976. Т. 2. С. 38 и след.

[7] *Георгиев П.* Манастирска църква при с. Равна, Провадийско // ИНМВ. 1985. Т. 21. С. 71 и след., табл. IX, *1–2*.
[8] *Egger R.* Das Mausoleum von Marusinac und seine Herkunft // Actes du IVe Congr. intern. des etudes byzantines, Sofia, sept. 1934. Sofia, 1936. P. 221–227.
[9] *Diggve E.* Das Mausoleum von Marusinac und sein Fortleben / Ibid. P. 228–237.
[10] *Георгиев П., Смядовски Т.* Параклисът при Голямата базилика в Плиска // Археология. 1982. Кн. 2. С. 18–19.
[11] *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. С., 1977. С. 208–213, 216.
[12] *Овчаров Н.* Образът на човека в българското средновековно изкуство (VII–XIV вв.): Дис. ... канд. С., 1985. С. 167 и след.
[13] *Гюзелев В.* Княз Борис Първи: България през втората половина на IX в. С., 1969. С. 209–240.
[14] История на България. С., 1981. Т. 2: Първа българска държава. С. 224; *Smjadovski I.* Latin Mission in Bulgaria // Palaeobulgarica. 1978. Т. 11. N 1/2. P. 39 et suiv.
[15] *Dujcev.* Testimonianza epigrafica della missione de Formoso, vescovo di Porto, in Bulgaria (a. 866/7) // Epigraphica. Milano, 1950. Vol. 12. P. 49–59.
[16] *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история на България. Т. 1. Ранно средновековие VII–XII вв. С., 1978. С. 170.
[17] *Смядовски Т.* За произхода на Преславските ниши // Археология. 1976. кн. 4. С. 41.
[18] *Смядовски Т.* За Преславския дворцово църковен церемониал // Там же. 1980. Кн. 1. С. 13.

С. А. Плетнева

ОБРАЗ «ВОЛШЕБНОГО ПОМОЩНИКА» В ОДНОЙ РУССКОЙ СКАЗКЕ

Б. А. Рыбаков убедительно доказал историчность русских былин, справедливо считая их вслед за Б. Д. Грековым «историей, рассказанной самим народом» [1]. Действительно, на древнейшие былинные сюжеты наслаивались в различные эпохи конкретные исторические события. В былины проникали имена исторических деятелей: русских князей, бояр, дружинников, а также лютых врагов Руси — половецких ханов и даже самого «Батыги». Несмотря на постоянное гипертрофирование, свойственное жанру, введение в былины образов фантастических врагов и не менее фантастических русских богатырей, Б. А. Рыбаков очень четко выделил в былинах мощный слой вполне определенного периода в истории Руси, связанного с тяжелой и героической борьбой Киевской Руси и русских княжеств с печенегами и половцами.

Эта героическая эпоха оставила глубокий след не только в эпических русских произведениях, но, как мне представляется, и в сказках [2]. «Многослойность» сказок признается крупнейшими советскими исследователями-фольклористами [3] и в данной небольшой статье вряд ли стоит вновь доказывать этот тезис.

Основные сюжеты «волшебных» сказок всех народов мира отражают, как известно, сложный обряд инициаций [4], появление которого относится к глубокой древности (раннеплеменной стадии) [5]. Поскольку этот обряд был удивительно единообразен во всех частях света, во всех странах, то и сюжеты сказок всюду повторяются и почти не отличимы друг от друга, несмотря на громадные расстояния (алтайская от английской, русская от итальянской и т. д.) [6].

Тем заметнее бывают языковые, локальные и хронологические наслоения на известный сюжет, делающие сказку прежде всего народной и, что весьма существенно, позволяющие определить не только время воз-

никновения сюжета, но и период наиболее активного «обрастания» его вполне конкретными реалиями, а это значит определить время наибольшей популярности данной сказки (фактически ее второго рождения). Следует учитывать, что, чем ярче была эпоха, тем больший след накладывала она на сказку. Это и понятно: экономический подъем, активизация социальных отношений способствовали развитию духовной культуры как официальной (княжеской), так и народной, одним из проявлений которой были сказки.

Итак, сказка в значительной степени отражает обстановку того времени, когда она впервые стала рассказываться, т. е. тогда, когда сюжет «инициации» оброс живыми подробностями. В отличие от былин, в которых нередко действуют на самом деле существовавшие люди, в сказках такие персонажи отсутствуют. Там верно и живо передаются только обстановка соответствующего времени, обычаи, язык, подробности быта и т. п.

В данной статье мы рассмотрим только одну русскую сказку из собрания А. Н. Афанасьева (158) [7] с обычным сюжетом: герой получает задание, находит «волшебного помощника», с помощью последнего выполняет задание (добывает жену), затем из-за подозрительности героя помощник гибнет, а в заключение самоотверженность героя и его жены возвращают помощника к жизни. Следует отметить, что помощники-люди встречаются в русских сказках значительно реже, чем помощники-животные, а сложное продолжение сказки (после женитьбы героя) вообще нетипично для сказок. Тем не менее сюжет этот был известен не только на Руси, но, например, почти без изменений использовался и в немецкой сказке «Верный Иоганнес» [8].

Русский вариант сказки интересен не сюжетом, а теми очень разнообразными живыми деталями, которые и составляют ее своеобразие и представляют, как нам кажется, ценность для историка.

Герой сказки Иван-царевич. Задача, которую он обязан выполнить, заключается в поисках и завоевании невесты Василисы Кирбитьевны. Она сидит где-то в башне «за тридевять земель в тридесятом государстве». Приехал Иван-царевич в один город, пошел гулять и увидел, что на площади бьют кнутом человека за долг купцу в 10 тысяч, которые он в срок не выплатил. Захотел Иван заплатить этот долг, но ему объяснили, что человек, заплативший этот долг, вместо наказуемого потеряет жену, которую похитит Кощей Бессмертный. Иван все же пошел на такой риск (тем более что и жены еще не было), выкупил должника. Так он приобрел «волшебного помощника», которого звали Булат-молодец.

Уже с самых первых строк сказки начинает поступать информация о жизни юноши-аристократа, о городском быте и «соседях», с которыми предстоит сразиться Ивану в борьбе за суженую.

Прежде всего интересно, что русский юноша получает возможность приступить к выполнению «задачи» только в 15 лет (это реальный возраст, когда князья женили своих сыновей). Когда же он «мал был», его прибаюкивали мамки и няньки, а это значит, что до известного возраста мальчики и подростки находились на попечении женщин, которые не только кормили его, но и воспитывали, рассказывая царевичу (княжичу) о предстоящих ему подвигах и путешествиях.

Площадь средневекового города, на которой бьют должника, оживает в сказке, горожане говорят, сочувствуют, советуют.

Наконец, указываются имена основных действующих лиц сказки: Василиса Кирбитьевна (отец ее — Кирбит), Кощей Бессмертный и Булат-

молодец. Имя Кирбит — неясного происхождения, Кощеями именовали в русских летописях, как известно, кочевников — владельцев «кошей», вероятно, глав больших семей-чадей [9]. «Поганым кощеем» ругал русский летописец хана Кончака за его беспрерывные безжалостные набеги на Русь. Эпитет «поганый» использовался для определения Кощея и в сказках [10]. Таким образом, это имя уже определяет (особенно в совокупности с другими реалиями) эпоху, в которую сказочник вводит слушателей: это время борьбы русских с половецкой опасностью. Булат — имя тюркское [11]. Несмотря на бедственное положение, в которое попал этот персонаж, он не простой бедняк. Сказочник с первых слов о нем подчеркивает это смыслом имени (железо) и определением — «молодец». Видимо, Булат-молодец — тюркский воин, приехавший в русский город и промотавшийся там. Известно, что кочевники проигрывали в кости все свое состояние [12]. Если Кощея можно идентифицировать с половцем, то принадлежность Булата к определенному этносу в начале сказки не столь безусловна. Тюркоязычным мог быть тогда и половецкий воин, приехавший в город торговать или с дипломатическим степным посольством, мог он быть и выходцем из союза Черных Клобуков. Последнее кажется даже более вероятным, так как у русских князей в свите нередко попадались берендеи и торки (гузы) [13]. Действия Булата в сказке свидетельствуют о том, что это умелый и опытный воин. Вот такого вполне реального помощника в абсолютно жизненной ситуации и приобрел себе Иван-царевич, купил ему коня и поехали витязи в путь-дорогу искать Василису Кирбитьевну.

Все действия по обольщению и похищению невесты производит, как это и положено в сказках (и инициациях), «помощник», т. е. Булат-молодец. Поскольку всякие препятствия герою необходимы в сказке, то царь Кирбит гневается на похитителей дочери и посылает за ними погоню. Булат один трижды отбивает ее, а ночью, когда «помощник» спал, а Иван-царевич стоял в карауле и тоже заснул, Василису Кирбитьевну уносит Кощей Бессмертный.

Далее начинается серия приключений, связанных с Кощеем. В ней также упоминаются некоторые подробности, в других русских сказках с аналогичным сюжетом опущенные. Так, в поисках Кощея Бессмертного витязи наезжают на стадо Кощея, охраняемое двумя пастухами. Это явное свидетельство кочевнической сущности Кощея. Характерно, что у Василисы Кирбитьевы, ставшей уже женой Кощея, в этом стаде была *своя коза,* а Кощей на вопрос о том, где находится его смерть, утверждает (правда, ложно), что в *козле.* Не исключено, что эти неясные самому сказочнику XIX в. факты несут весьма существенную информацию о характерном для кочевников обычае «изыхов» — животных, посвященных живому человеку, среди этих животных овцы и козы были наиболее употребительны [14].

И снова за Василису Кирбитьевну борется Булат-молодец. Она и разговаривает в сказке в основном с ним, а не с царевичем. Смерть Кощея также добывает Булат с «помощниками» — собакой, орлом и раком.

Окончание сказки, как уже говорилось, необычно — оно, по существу, полностью посвящено бедствиям, обрушившимся на Булата, его самоотверженности и благородству.

На обратном пути из Кощеева царства в первую ночь, когда Иван с невестой легли спать прилетели к Булату 12 голубиц-девушек (сестер Кощея). Они сказали ему, что за смерть брата ждет Ивана смерть по приезде домой от любимой собаки, а кто его предупредит об этом, у того

окаменеют ноги. Во вторую ночь они сообщили, что смерть придет к Ивану от любимого коня, а кто его предупредит, окаменеет по грудь. В третью ночь прилетели девушки и рассказали о последней опасности: смерть принесет любимая корова, а кто предупредит Ивана, окаменеет полностью.

Приехав домой, Булат верно охраняет царевича: одного за другим он убивает собаку, коня и корову, но вызывает, разумеется, гнев своего господина, который приказывает немедленно казнить верного помощника. Под угрозой неминуемой смерти рассказывает Булат о пророчествах «голубиц» и в результате превращается в камень.

Дальнейшая судьба Булата весьма своеобразна. Иван-царевич поставил его в особой палате и каждый день ходил туда с женой «плакаться» — поминать его. Следует сказать, что в немецкой сказке о верном Иоганнесе в аналогичной ситуации король поставил своего окаменевшего помощника у своей постели. Здесь же сооружено особое помещение для каменного воина. Мы знаем, что из всех соседей Руси только половцы ставили статуи воинов в специально сооруженных для них святилищах[15]. Это обстоятельство позволяет уточнить принадлежность Булата ко вполне определенной этнической группе — он был половцем, а не торком или берендеем, как можно было бы предполагать в начале сказки. Именно поэтому он так успешно и быстро без дополнительных проводников привел Ивана-царевича в Кощеево царство, а затем к хранилищу его смерти. Он отлично ориентировался в степной географии.

Иван-царевич поступил с Булатом в соответствии с обычаями его народа. Каменная статуя воина была поставлена в святилище, выстроенном специально для него. Однажды по прошествии многих лет каменный Булат заговорил. Он потребовал страшную жертву от Ивана: «Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое детей... возьми их, зарежь, нацеди крови и той кровью помажь камень». Иван с женой так и сделали и Булат-молодец ожил. Сказка кончается благополучно — дети чудесным образом оказались живы и все были счастливы. В жизни такие жертвоприношения происходили значительно более трагично: статуи не оживали, а трупы детей половцы бросали в ямы у подножия изваяний так же, как убитых животных (преимущественно овец) и мелкие предметы вооружения, одежды и пр.

Итак, в рассмотренной сказке изображены события, которые сказочник очень искусно расцветил для лучшего понимания современниками вполне реальными занятиями и персонажами. Мы видели, что наиболее живым и деятельным был, несомненно, фактический герой сказки — «помощник» Ивана-царевича Булат-молодец. Видимо, это был половецкий воин, взявший на себя нелегкую задачу воспитания юного царевича (княжича), превращения его в мужественного воина.

Насколько нам известно из летописных свидетельств, наличие таких воспитателей-советников и главных воевод при княжичах — один из характерных институтов русской феодальной верхушки. У Игоря таким воспитателем и воеводой был варяг Олег, у Святослава тоже варяг — Свенельд, у Владимира эту роль исполнял его дядя по матери — Добрыня. Видимо, и позднее такими воспитателями традиционно были влиятельные воины-бояре и даже родственники молодых князей. Не исключено, что нередко их выбирали и из числа половецких аристократов. Известно, что князья постоянно брали жен из степи, а братья жен — половецкие дяди (уи, как называют их летописцы) охотно помогали своим племянникам в борьбе с половецкими же ордами «кощеев»[16].

Все сказанное свидетельствует о том, что образ Булата-молодца проник в сказку в древнерусское время не случайно. Это был достаточно привычный в русской жизни деятель. Современникам было понятно, что именно такой воин мог быть проводником, воспитателем — «помощником» царевича, делающего первые шаги на трудном поприще воина и правителя.

Образ степняка — друга и союзника героя очень редко попадается в русских сказках. Кроме Булата-молодца, можно назвать, пожалуй, только Белого Полянина (Афанасьев, 161). Интересно, что дорогу к Белому Полянину указывает кривая волчица (волк — один из древнейших тотемных животных тюркоязычных народов, в частности и половцев). Иван-царевич нашел Полянина в чистом поле на кургане, спящим в шатре. Иван не убил спящего, а лег рядом и сам заснул. Белый Полянин проснулся первым и тоже не пожелал убить беспомощного богатыря. Только после пробуждения Ивана состоялась битва, в которой победил Иван, но опять-таки не убил Полянина, а назвал его своим «меньшим братом». Затем побратимы поехали вместе добывать невесту Белому Полянину. Сюжет сказки нечеток, она, несмотря на ряд фантастических персонажей (оборотней, бабы-яги и пр.), более похожа на рассказ о приключениях в «поле» (степи) какого-то вполне реального русского богатыря.

Сказки с «неполным» обрядом инициации (пропуском некоторых важных ступеней или персонажей) нередки как в русском, так и в мировом фольклоре. Это понятно, так как сказочник вовсе не стремился рассказать о древнем, фактически забытом обряде. Он всегда предпочитал предельно приблизить сказку к своим слушателям, сделать ее понятной им. Так, в разные эпохи наслаивались на древние сюжеты, иногда делая их неузнаваемыми, слово за словом, предмет за предметом, персонаж за персонажем, эпизод за эпизодом. Представляется весьма перспективной работа по хронологическому расслоению сказок, выделению в каждой из них или в группе односюжетных сказок пластов, связанных с разными эпохами — от современной до древнейшей, когда сказка еще была страшной былью, через которую обязан был пройти каждый человек. Эта работа более всего близка к археологическим исследованиям культурных слоев древних городов. Так же как в сказке, там слой за слоем (ярус за ярусом) открывается перед археологом жизнь изучаемого города — от современности до самого еще «догородского» начала, когда только поставлены были первые городни и поселились под их защитой облюбовавшие это место люди.

[1] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 7; *Рыбаков Б. А.* Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5/6. *Он же.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
[2] *Плетнева С. А.* Змей в русской сказке // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 127–132.
[3] *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М., 1965.
[4] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
[5] *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964. С. 213–235.
[6] *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по Аарне. Л., 1929.
[7] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1957. Т. 1.
[8] *Братья Гримм.* Сказки/Пер. с нем. Г. Петникова. М., 1978. С. 22–27.
[9] *Плетнева С. А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
[10] *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1979. С. 192.
[11] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 122.
[12] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 156.
[13] О них упоминается в Ипатьевской летописи под 1015, 1096, 1097 гг. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 123, 229, 235.

[14] *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936. Г. 5.
[15] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4–2. *Швецов М. Л.* Половецкие святилища // СА, 1979. № 1.
[16] *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 277, 280.

М. А. Сабурова

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ДРЕВНЕРУССКАЯ ОДЕЖДА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕЕ ТИПОЛОГИИ

Погребальный инвентарь в значительной своей части представляет собой совокупность деталей одежды, головного убора, обуви и различных украшений, которые являются остатками от древнего костюма. Костюм — это целый ансамбль, рассказывающий как об этнической, так и о социальной принадлежности конкретного археологического комплекса.

В научной литературе обращается особое внимание на разнообразие погребального инвентаря X–XIII вв. и подчеркивается зависимость полноты их состава от степени сохранности в земле; этнической принадлежности (что проявляется в локальных вариантах погребальных комплексов); от датировки и мировоззрения, а также от социальной принадлежности в смысле принадлежности их деревне, городу или привилегированному классу. Значительно меньше обращается внимания на зависимость погребального инвентаря от возраста погребенного, но как раз это обстоятельство имеет особое значение для решения вопроса о типологии костюма. Необходимо рассмотреть особенности погребальной одежды и ее отличие от одежды, носимой при жизни. Такая постановка вопроса не нова, тем не менее необходимо вновь обратиться к ней.

В древней Руси был обычай хоронить в подвенечном наряде. Б. А. Рыбаков приводит рассказ о князе Владимире, который, собираясь убить Рогнеду, предлагает ей одеться «как в день посяга» (свадьбы); в другом рассказе жители Судомира, осажденного татарами в 1261 г., «изодешася в брачные порты», готовясь к смерти. «Это обстоятельство,— пишет Б. А. Рыбаков,— как бы приводит все курганные инвентари X–XIII в. к одному знаменателю и позволяет сравнить их между собой без особенной опасности впасть в заблуждение из-за случайности подбора — в каждом погребении положены лучшие вещи, входившие в состав брачного наряда» [1].

Публикуя находки из Черниговских курганов (Троицкая группа), которые были раскопаны Д. Я. Самоквасовым с 1872 по 1908 г.[2], Б. А. Рыбаков обратил внимание на зависимость погребального инвентаря от возраста погребенного, выявил три группы женских погребений с набором украшений, характерным для девочки-подростка, девушки-невесты и замужней женщины, и привел аналогии к ним по материалам этнографии XIX–XX вв.[3] Взаимозависимость этих явлений, к сожалению, не явилась в археологической науке предметом дальнейших исследований, тем не менее связь погребального инвентаря с определенным периодом в жизни человека стала очевидной.

Так, богатство и разнообразие украшений девушки-невесты и молодой женщины, судя по материалам археологии, а также невесты и молодухи (замужней женщины до рождения первого ребенка), по материа-

лам поздней этнографии, составляет их особенность. Такая взаимосвязь обычно не учитывается при археологических исследованиях и наиболее «дорогие» и пышные наборы украшений трактуются как принадлежность погребениям богатых людей. Иными словами, если не учитывать возраста погребенных, то несовершеннолетняя сестра или бабушка молодухи, похороненнные с ней на одном кладбище, будут отнесены к разным социальным группам в имущественном отношении.

Более полное представление об особенностях возрастных групп в древности и характера их одежд, в том числе и погребальных, можно получить, обратившись к материалам поздней этнографии. Очень интересная работа по этому поводу была проделана в 30-е годы Н. П. Гринковой. Ее статья была посвящена изучению наиболее древних форм одежды и украшений в среде русского крестьянства XIX — начала XX в.[4] Опираясь на работы Ф. Энгельса[5] и К. Маркса[6], в которых обобщены данные о производстве и структуре доклассового общества, Н. П. Гринкова впервые обратила внимание на типологическое соответствие исчезающих форм русской одежды и ее украшений одежде разных возрастных групп в эпоху родового строя. Структура доклассового общества, как известно, была обусловлена производством в условиях «половозрастного», «естественного» разделения труда с характерным дробным делением коллектива на возрастные группы. Н. П. Гринкова выделила четыре возрастные группы: 1 — младенчество; 2 — группа людей, вступивших в зрелость, но еще не имеющих детей; 3 — группа матерей и отцов; 4 — группа дедов и бабок[7]. Иными словами, по пережиточным явлениям у русских конца XIX — начала XX в. ею было прослежено деление общества на поколения, характерное и для родового строя. Каждая возрастная группа занимала определенное место в «производстве материальных благ» или «самого человека», что и было закреплено ношением определенной одежды и сопровождалось определенными обрядами. Иными словами, в одежде проявлялось ее древнейшее функциональное назначение — быть возрастным знаком.

Русские отмечали и более дробные вехи в жизни человека: 1 год, 3 года, 7 лет, от 12 до 15 лет (переход из одной возрастной группы в другую). Но это известно лишь в отдельных областях, где вплоть до XX в. сохранялась реликтовая одежда и древнейшие обряды, уходящие своими корнями в языческую древность. Связь их с древней магией и культом плодородия раскрыта в работе Г. С. Масловой[8]. В большинстве же районов России в XIX в. существовало разделение одежды на девичью и женскую. Как убедительно показала Н. П. Гринкова, переосмысление социального положения женщины привело к делению ее жизненного цикла на два периода — до замужества и после замужества[9]. Это привело к слиянию отдельных обрядов, связанных с дробным делением возраста, воедино и отражено в свадебных ритуалах XIX — начала XX в.

Для археологов, занимающихся костюмом древней Руси X—XIII вв. знание реликтовой одежды особенно важно.

Исходя из сведений по обрядовой одежде XIX в. можно констатировать, что ношение одежд с определенным набором украшений, разных плечевых и набедренных ее форм и разнообразных причесок, обязательных для таких групп, как младенцы, совершеннолетние, просватанные, замужние до рождения первого ребенка, матери и бабки, в древности было традиционным. Всякое отклонение от возрастной традиционной одежды даже в конце XIX в. подвергалось осуждению или осмеивалось[10].

О погребальной одежде сведений в этнографических источниках значительно меньше, чем о свадебной или праздничной. По материалам этнографии XIX—XX вв. выделены три общих положения, рассказывающих о том, в чем хоронили: 1 — одежда венчальная, брачная, праздничная; 2 — заранее шитая, дошитая, заново сшитая; 3 — одежда, в которой человек умер или которую носил перед смертью [11]. Обращение к конкретным примерам погребальной обрядности XIX—XX вв. проясняет непосредственную связь погребальных одежд с возрастом усопшего.

Как пишет Г. С. Маслова, «распущенные волосы и венец — характерные особенности умершей девушки-невесты повсюду» [12]. Так, в Курской губернии девушек хоронили с расплетенной косой, а голову перевязывали розовой лентой [13]. В большинстве губерний России девушек хоронили не только в подвенечном головном уборе, но и в верхней одежде. Во многих губерниях России во время похорон как незамужних девушек, так и неженатых парней имитировали свадьбу [14].

Молодых женщин в соответствии с их семейным положением хоронили в головных уборах во всем многообразии их локальных вариантов. В Воронежской [15] и Курской [16] губерниях на женщин надевали платки и кички (головные уборы на жесткой основе). Кроме того, надевали шубку, подпоясывая ее шнурками. Одежду брали мало ношенную.

Если умирала старая женщина, ее хоронили в более скромной одежде, соответствовавшей тому наряду, в котором она умерла. Ее погребальная одежда включала в себя заранее заготовленные на свадьбу и смерть платкообразные и полотенчатые головные уборы, разнообразные чепцы-повойники. Комплекс погребальной одежды из Пензенской губернии, принадлежавший немолодой женщине, хранится в ГМЭ [17].

Иными словами, погребальные одежды соответствовали социальному и семейному положению человека. Незамужнюю девушку хоронили в наряде невесты, который включал праздничную одежду совершеннолетней девушки и виды одежды для сватовства и венчания, заготовленные заранее.

Замужнюю женщину хоронили в наряде, завершающем свадьбу, который надевали или после венчания, или во время «княжего стола», или после первой брачной ночи — в разных губерниях России по-разному.

Таким образом, в погребальную одежду конкретного погребения входила брачная одежда, относящаяся к определенному свадебному циклу (как она игралась в XIX—XX вв.); она же могла быть заранее шитой и дошитой (в зависимости от пройденного жизненного пути погребенного человека); и непосредственно носимой перед смертью, включая праздничную одежду (как возрастной знак), в том числе верхнюю одежду и обувь. Последняя была обязательной [18]. Приведенные в работе Г. С. Масловой примеры разных погребальных одежд [19] не взаимоисключают друг друга.

Состав погребальной одежды, так же как и свадебной, тесно связан и с приданым, т. е. с имущественным положением. На своеобразии погребальных одежд и украшений сказалось и мировоззрение древнерусского человека.

Как известно, представления о загробном мире как о подобии жизни на земле, сохранялись в народной среде до XX в. Смерть рассматривалась как естественное продолжение жизни. Очевидно, именно поэтому незамужним и неженатым на похороны «играли свадьбу»: как говорили в народе, чтобы «на том свете» иметь супруга. Старые жен-

щины просили их хоронить в повойниках и платках, «чтобы не появиться перед родственниками или мужем в ненадлежащем убранстве» [20].

Согласно вышеизложенному, вырисовывается основная функциональная направленность погребальной одежды — она была знаком пройденного жизненного пути и одновременно свидетельством достатка похороненного человека.

Свадебный обряд был многоцикличным в древней Руси, в погребальную же одежду включался наряд, связанный с конкретным циклом свадьбы. Поэтому археологические комплексы, несмотря на присутствие в них свадебного наряда, могут быть сравнимы в социальном отношении только внутри возрастных групп. Последнее подтверждает мысль Б. А. Рыбакова о необходимости выделения возрастных групп в материалах древнерусских могильников [21].

По материалам некрополя г. Суздаля выделены украшения головного убора, характерные для девочек младенческого возраста и подростков, с большим количеством перстневидных колечек. Очевидно, они вплетались в волосы и косы.

Погребения молодых женщин характеризуются сочетанием таких же перстневидных колец с трехбусинными. Носили их по-разному: на цепи из перстневидных колец, как на ленте, внизу которой подвешивалось трехбусинное кольцо, или уложенными дугой на уровне уха, а трехбусинное кольцо под ухом. В первом случае, если судить по этнографическим параллелям, можно предположить, что погребена просватанная невеста (волосы распущены), во втором случае — молодая женщина, носившая металлические украшения по сторонам женского головного убора. В погребениях пожилых женщин обычно на уровне уха находят по одному перстневидному кольцу.

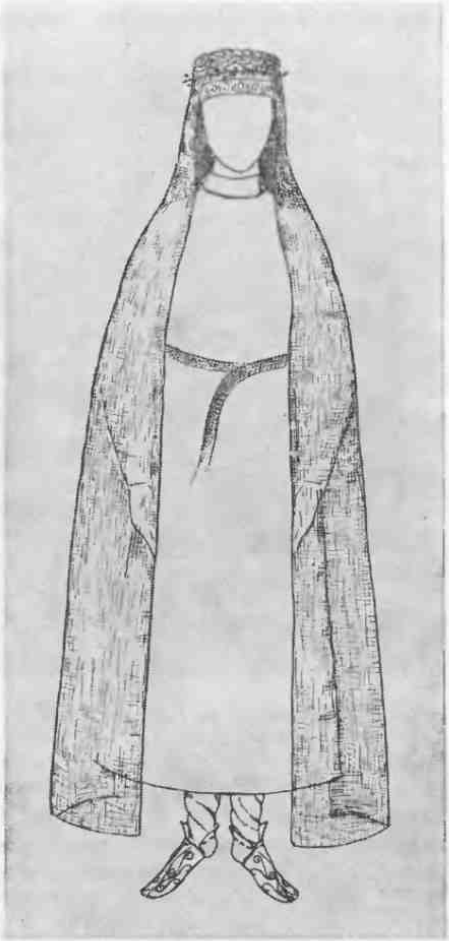


Рис. 1. Реконструкция погребального наряда по материалам захоронения из г. Минска

Внутри возрастных групп можно выделить погребения, принадлежавшие зажиточной прослойке населения г. Суздаля, например комплекс украшений молодой женщины (курган 96) и пожилой (курган 11) [22].

Археологические источники содержат бóльшую информацию об украшениях, чем материалы по этнографии XIX—XX вв. Напротив, одежда более известна по этнографическим данным. Остатки одежды как в могильниках, так и в городских слоях X—XIII вв. крайне редки из-за плохой сохранности текстиля. В качестве редкого примера погребения с прекрасно сохранившейся одеждой можно привести находку 1949 г.

Рис. 2. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Погребение князя Бориса

в г. Минске. На основании статей об этом погребении [23], а также данных дневника [24] и фотографий можно констатировать, что погребение принадлежало молодой женщине (материалы погребения не сохранились). На фотографии видна прическа из кос, уложенных вокруг головы. Поверх прически ткань полотняного переплетения — редина. Из такой ткани еще в XIX—XX вв. ткали полотенца специально и на свадьбу, и на смерть. Такое полотенце — сарпанок хранится в музее г. Минска. Полотенце сделано из пасконной нити, длина его около 3 м [25].

Остатки легкой ткани найдены вместе с венком из цветов (ptarmica vulgaris) и расшитым очельем на бересте, что говорит о свадебном характере головного убора в целом. На погребенной сохранились остатки шерстяной ткани от верхней одежды и шерстяного пояса вместе с фибулой, у ворота — остатки стоячего воротника на жесткой основе с пуговками по разрезу, на ногах были надеты мягкие башмаки с косым отворотом и продержкой. Характер их кроя и орнамента говорит об их дате — конец XII — начало XIII в. Кроме того, на ногах сохранились обмотки. Это единственное погребение, столь хорошо донесшее от эпохи древней Руси детали текстиля одежды. Приходится лишь сожалеть, что они остались неисследованными (рис. 1).

Прекрасной иллюстрацией погребальной одежды, адекватной носимой при жизни, является и миниатюра из Радзивилловской летописи [26]. Описание похорон князя Бориса сопровождается миниатюрой, на которой изображен как бы разрез кургана. В нем мы видим князя в верхней одежде — подпоясанный кафтан с разрезом слева. Кафтан имеет оплечье, опястье и широкую полосу по подолу. На голове погребенного

была княжеская шапка, отороченная мехом, на ногах — короткие сапожки (рис. 2).

Суммируя археологические и этнографические сведения по обрядовой одежде (и костюму в целом), можно констатировать, что многие ее различия в наборе украшений, головных уборов, одежде, обуви и т. д. определял возраст погребенного. Поэтому имущественные различия погребенных возможно устанавливать лишь путем сравнения погребальных инвентарей, принадлежащих к одной возрастной группе.

Типология погребальной одежды, так же как и носимой при жизни, является яркой иллюстрацией ее изначальной типологии по возрастному принципу.

Функциональное назначение одежды проявлялось в разных сферах жизни древней Руси — не только в быту, но и в ритуалах. Оно нашло отражение и в изобразительном искусстве.

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 141.
[2] *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
[3] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 7–83, рис. 4.
[4] *Гринкова Н. П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // СЭ. 1936. № 2. С. 21–34.
[5] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932. С. 5–6.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 20.
[7] *Гринкова Н. П.* Родовые пережитки... С. 24.
[8] *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX–XX вв. М., 1984. С. 8–155.
[9] *Гринкова Н. П.* Родовые пережитки... С. 31–37.
[10] *Гринкова Н. П.* Одежда Западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 26.
[11] *Маслова Г. С.* Народная одежда... С. 85.
[12] Там же. С. 92.
[13] Арх. ИРГО. Ф. 19. Д. 29. Л. 30.
[14] *Маслова Г. С.* Народная одежда... С. 92; *Кавтаськин Н. С.* Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и этнография. Л., 1974. С. 267–273; *Соболев А. Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 153.
[15] Арх. ИРГО. Ф. 2. Д. 63. Л. 381.
[16] Там же. Ф. 19. Д. 29. Л. 30.
[17] *Шангина И. И.* Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Маслова Г. С. Народная одежда... С. 156–213, рис. 21.
[18] *Маслова Г. С.* Народная одежда... С. 91.
[19] Там же. С. 85.
[20] *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 304.
[21] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 19.
[22] *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91–130, рис. 11, 14.
[23] *Тарасенко В. Р.* Раскопки Минского Замчища // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 127–128; *Он же.* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1. С. 229.
[24] *Алексеев Л. В.* Дневник раскопок от 27 августа 1949 г. // Науч. арх. отделения археологии Ин-т истории АН БССР.
[26] Государственный музей БССР в г. Минске. Инв. № 29533.
[26] Радзивилловская летопись: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 82.

М. В. Седова

СЛОЖЕНИЕ МЕСТНОЙ ИКОНОГРАФИИ МЕДНОГО ЛИТЬЯ ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Б. А. Рыбаков, изучая ремесло древней Руси, впервые обратил внимание на изделия, отлитые в одной форме как деревенскими, так и городскими ремесленниками, и наметил некоторые районы сбыта их продукции. В частности, он отметил, что «в деревенских курганах Владимиро-Суздальской Руси встречены небольшие квадратные иконки, литые в одной литейной форме. Район их распространения: Сверчково (б. Юрьевский у.), д. Зворыкино на Шексне близ Белоозера и неизвестное селение близ Богородска Московской обл. (расстояние 300—400 км)» [1]. Эти же привески-иконки с изображением Богоматери с младенцем — «Умиление» в сочетании с еще одним типом подобных предметов — привесок с изображением сцены «Успение Богоматери» впоследствии были рассмотрены мной в специальной работе [2]. Ввиду того что оба эти типа иконок неоднократно встречены в одних курганных комплексах, они были по сопутствующему материалу датированы серединой — второй половиной XII в., а появление их связывалось с установлением во Владимиро-Суздальской Руси культа Богоматери в эпоху правления Андрея Боголюбского.

За прошедшие с момента публикации годы накопился новый материал, позволяющий заново обратиться к этой теме и пересмотреть некоторые вопросы, связанные с возникновением самой иконографической традиции привесок-иконок. В первую очередь это относится к находке в 1979 г. свинцовой актовой печати в кремле Суздаля. Печать была найдена при раскопках богатой усадьбы конца XI в., по-видимому, в доме ее владельца [3]. Диаметр печати 25 мм. На лицевой ее стороне помещено изображение Богоматери в рост с младенцем на правой руке. По сторонам этого изображения была надпись (вероятно, эпитет), от которой четко сохранилась лишь последняя буква альфа (рис. 1, *1а*). На оборотной стороне помещена сцена «Успения Богоматери», причем вся композиция, как и на публиковавшихся ранее привесках-иконках, повернута в правую сторону (рис. 1, *1б*). Количество фигур апостолов — шесть вместо двенадцати, да и то боковые фигуры еле различимы. Исследовавшая печать В. С. Шандровская сопоставила ее с другими печатями со сценой «Успение» и пришла к выводу, что скорее всего печать византийского происхождения. Наиболее же ярким доказательством этого является фигура Богоматери Одигитрии в рост с младенцем на правой руке. Такое «обратное» изображение Богоматери в полный рост (а не поясное) известно лишь в византийской сфрагистике [4]. Полную аналогию суздальской печати представляет фрагмент моливдовула из коллекции Н. П. Лихачева в Эрмитажном собрании (М—12373). Несмотря на фрагментарность этой печати, все же удается проследить на лицевой стороне изображение Богоматери с младенцем на правой руке, а на обороте — сцену «Успения Богоматери», повернутую вправо. Место находки этого фрагмента печати неизвестно. Таким образом, в настоящее время известны 2 экз. печатей с тождественными изображениями. Еще одна интересная находка была сделана в Галиче при случайных обстоятельствах [5]. Это бронзовая круглая привеска-иконка

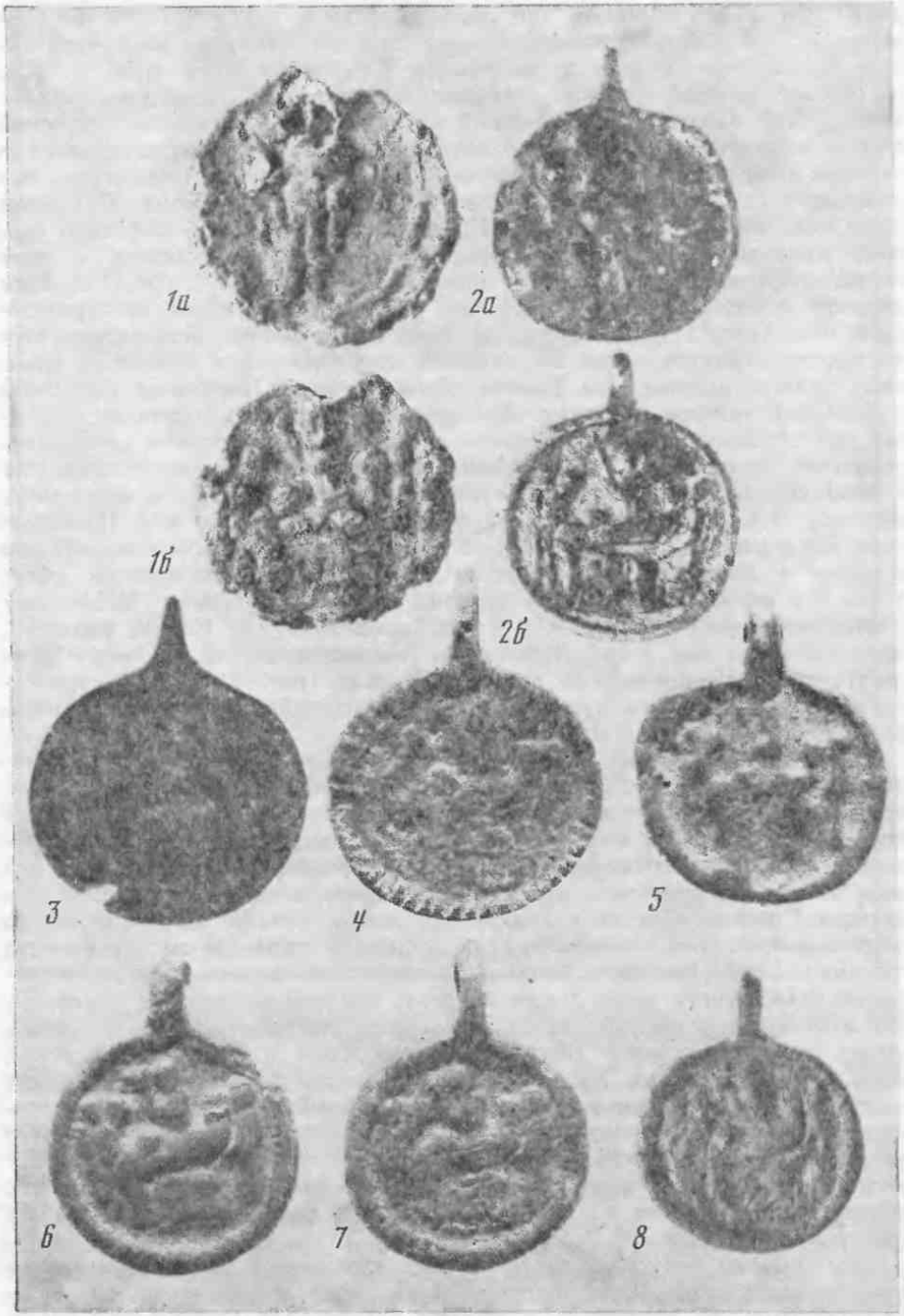


Рис. 1. Актовая печать из Суздаля и привески-иконки, выполненные по ее образцу
1 — печать; *2—8* — привески

диаметром 24 мм с ушком для подвешивания и двусторонними изображениями. На одной стороне помещена уже знакомая нам по печати фигура Богоматери в рост с младенцем на правой руке (рис. 1, *2а*), на другой стороне — сцена «Успения Богоматери», повернутая вправо (рис. 1, *2б*). Сходство изображений на суздальской печати и галичской иконке настолько очевидно, что ясно, что отливка привески сделана с оттиска печати. Галичская находка заставила заново просмотреть все известные привески с изображением «Успения Богоматери». При этом оказалось, что на экземпляре из Ярополча Залесского на оборотной стороне имеется полустертое изображение фигуры Богоматери в рост также «обратное». Диаметр этой привески 24 мм (рис. 1, *3*) [6]. Такой же диаметр имеет привеска из кургана № 53 у д. Кирьяново Ярославской обл. (рис. 1, *4*) [7], однако на обороте ее фигура Богоматери уже не просматривается. Судя по четкости изображений и диаметру, близкому печати, привески из Галича, Ярополча и д. Кирьяново относятся к наиболее ранним отливкам. Все остальные экземпляры таких привесок имеют диаметр 22 мм, оборотная сторона их гладкая, а схематизированные заглаженные изображения лицевой стороны свидетельствуют о многократных переливках с оригинала. Найдены они в следующих пунктах: 2 экз., отлитые в одной форме,— в кургане 38 у с. Ненашевское Владимирской обл.[8] (рис. 1, *6—7*); 6 экз.— в женском погребении кургана 1 близ деревень Мятино и Зворыкино Вологодской обл.[9]; 1 экз. — в женском погребении кургана 3 близ д. Студенец (Могилище) Ивановской обл.[10] (рис. 1, *8*); 1 экз. происходит из Старой Рязани[11]. Место находки еще 3 экз. неизвестно. Это экземпляр из собрания Государственного Исторического музея в Москве (рис. 1, *5*) [12], Государственного Исторического музея в Киеве [13] и случайная находка в Новгород-Северском р-не Черниговской обл.[14]

Из сказанного видно, что как печать с двусторонними изображениями Богоматери и «Успения», так и 11 экз. привесок-иконок с «Успением» найдены в пределах Владимиро-Суздальской Руси (рис. 2). Среди этих привесок-иконок есть экземпляр из Ярополча, где еще просматривается на оборотной стороне фигура Богоматери с младенцем, т. е. это одна из ранних отливок с оригинала, которым, возможно, является суздальская печать. Место находки фрагмента печати из лихачевского собрания Эрмитажа неизвестно, так же как и привески из щукинского собрания ГИМ. Наиболее близкая, аналогичная печати привеска-иконка, отлитая, скорее всего, по ее образцу, найдена в Галиче Волынском, что лишний раз свидетельствует о тесных политических и семейных связях княжеских родов Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси. Привеска могла попасть в Галич вместе с кем-то из выходцев с северо-востока. Наконец, привески из собраний киевского и черниговского музеев имеют полустертые сглаженные изображения, а диаметр их 22 мм. Все это указывает на то, что привески изготовлены путем многочисленных повторных отливок с оригинала, а также на то, что производились они не в Поднепровье. Иначе находки их не были бы там столь единичны.

Закономерно возникает вопрос о том, кому могла принадлежать печать, послужившая оригиналом для целой серии подражаний. Это должно было быть не случайное, а хорошо известное в Суздальской земле лицо.

Правом прикладывания печати на Руси пользовались лишь представители высшей светской и духовной власти. Судя по тому что на

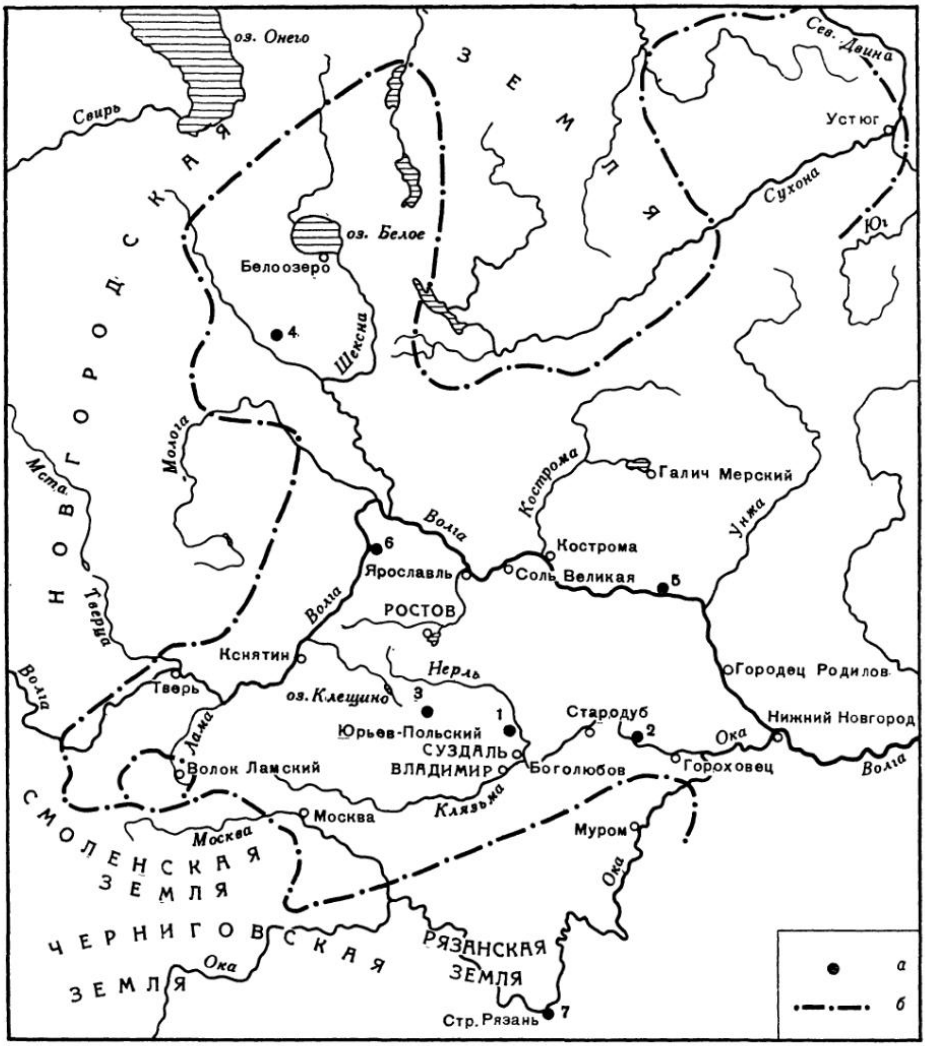


Рис. 2. Карта Ростово-Суздальской Руси (по А. Н. Насонову) с обозначением мест находок печати и привесок-иконок с изображением «Успения Богоматери»

1 — г. Суздаль; *2* — с. Пировы Городища Владимирской обл.; *3* — д. Ненашевское Юрьев-Польского р-на Владимирской обл.; *4* — д. Мятино и Зворыкино Белозерского р-на Вологодской обл.; *5* — д. Студенец Ивановской обл.; *6* — д. Кирьяново Ярославской обл.; *7* — с. Старая Рязань Рязанской обл.

а — места находок; *б* — границы Ростово-Суздальской Руси

нашей печати помещено изображение Богоматери, владельцем ее был человек духовного звания, причем высокий иерарх. Ведь, как известно, традиционное изображение Богоматери с младенцем (чаще всего в полный рост) было общецерковной эмблемой Константинополя и в течение более пяти столетий начиная с IX в. помещалось на буллах патриархов. Русской общецерковной эмблемой изображение становится на рубеже XI—XII вв.[15], причем изображается Богоматерь «Знамение» поясная.

Сцена «Успение Богоматери» появляется на византийских печатях в XI в. Существуют изображения, повернутые как в традиционную левую, так и в правую сторону, а количество фигур в сцене варьируется от 6 до 12 [16]. В русской сфрагистике известен всего один недатированный экземпляр печати с «Успением», повернутым в левую сторону, из Новгорода [17].

Описываемая суздальская печать была, по-видимому, подвешена к какому-то пергаменному документу, хранившемуся в доме хозяина богатой усадьбы. В этом же доме была найдена западноевропейская серебряная монета — денарий, чеканенный в Мейнце епископом Бардо между 1031—1051 гг. В соседнем доме, составлявшим единый жилой комплекс с первым, была обнаружена серебряная монета, чеканенная во Фризии (г. Утрехт) епископом де Понте между 1054—1076 гг.[18]

Таким образом, печать по условиям нахождения с монетами может быть датирована второй половиной или даже последней четвертью XI в. Весь комплекс построек усадьбы погиб в пожаре, который можно сопоставить с пожаром, упомянутым в летописи под 1096 г. [19], во время междоусобной войны между Владимиром Мономахом, владевшим Суздальской землей, и муромо-черниговским князем Олегом Святославичем, когда последний взял Суздаль. На помощь суздальцам из Новгорода вышел сын Владимира Мономаха Мстислав. Вот как описывает эти события летописец: «Олег же приде к Суждалю и слышавъ яко идет по нем Мстиславъ. Олег же повеле зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ монастырьскыи Печерьскаго манастыря и цркы юже тамо есть стаго Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы» [20]. В этом тексте большой интерес представляет упоминание древнейшего на всем Северо-Востоке Дмитриевского монастыря, основанного выходцами из Киево- Печерской обители, и епископа Ефрема, пожертвовавшего в этот монастырь села. Переяславский епископ Ефрем, сподвижник Владимира Мономаха, неоднократно упоминается на страницах летописи. Под 1089 г. говорится о создании им в Переяславле церкви св. Михаила, надвратной церкви св. Федора, церкви св. Андрея, каменных бань и городских стен, а также других зданий. В этом отрывке Ефрем назван митрополитом: «В се же лето священа бысть церкы святого Михаила (Переяславьская) Ефремом митрополитомь тоя цркы юже бе создалъ велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополья» [21].

Под 1091 г. летопись упоминает епископа Ефрема в числе участников в церемонии перенесения мощей св. Феодосия в Успенский собор Киево-Печерского монастыря [22]. И из летописи, и по сведениям Киево-Печерского патерика восстанавливается облик Ефрема. Он был «скопец, высок телом», происходил из знатной семьи («каженик некто от княжа дома»), был пострижен монахом в Печерский монастырь, в 60-х годах удалился в Константинополь, где пребывал до 1072 г. и переписал студийский устав для Феодосия. На Переяславскую митрополию вступил после 1077 г. В юрисдикцию епископа переяславского входили дела смоленские и суздальские [23]. Поэтому с именем Ефрема связана активная строительная деятельность в Суздале. Так, под 1222 г. в летописи есть упоминание о том, что «великый князь Гюрги заложи церковь каменьну святыя Богородица в Суждали на первемь месте, заздрушив старое зданье, понее учала бе рушитися старостью и верх ее впал бе, та бо цркы создана прадедом его Володимером Мономахом и блженымь епномь Ефремом» [24]. Эта «первая» церковь, открытая археологами, была посвящена «Успению Богоматери» [25]. Строительные приемы,

употреблявшиеся при ее создании, близки постройкам времени Ефрема в Переяславле[26]. Образцом же для суздальского собора послужил Успенский собор Киево-Печерского монастыря[27]. Временем создания древнейшей каменной постройки на Северо-Востоке Руси можно считать период между 1096—1105 гг. В сведениях летописи о пожаре 1096 г. нет упоминания каменного собора, говорится лишь о церкви св. Дмитрия. По-видимому, собор еще не существовал. Год смерти митрополита Ефрема неизвестен, но в 1105 г. на переяславскую кафедру был уже возведен епископ Лазарь. Наиболее вероятной датой строительства Успенского собора в Суздале считается 1101—1102 гг.

Подводя итог всему сказанному, хочется отметить ту большую роль, которую играл Ефрем в жизни Ростово-Суздальской Руси,— это и церковное строительство, и покровительство Дмитровскому монастырю, и передача ему сел, владельцем которых, вероятно, он сам являлся. Логично поэтому предположить, что свинцовая актовая печать, найденная в Суздале в слоях, датирующихся временем наиболее интенсивной деятельности Ефрема, принадлежала именно ему. Тогда становится легко объяснимым и то явление, что печать этого иерарха стала образцом для целой серии привесок-иконок, получивших распространение в основном в пределах Ростово-Суздальской земли. То, что печать Ефрема носит византийский облик, можно объяснить его длительным пребыванием в Константинополе, где могла быть изготовлена матрица. Однако существенно и упоминание Н. П. Кондакова о появлении в 70-х годах XI в. в Киеве одной из самых чтимых икон — «Царьградской Божьей матери» (в полный рост с младенцем на правой руке)[28]. Она могла послужить образцом для мастера — резчика матрицы. Небезынтересно также свидетельство Густынской летописи под 1092 г.: «В сие лето посвящен есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая третьего патриарха»[29]. Исследователи дружно отрицают эти сведения летописи в отношении Ефрема — митрополита Переяславского[30]. Но если принять это свидетельство, то становится объяснимым присутствие на публикуемой печати изображения «обратной» Богоматери — эмблемы константинопольских патриархов, патронов киевской митрополии.

Сцена «Успение Богоматери» вполне закономерно должна была присутствовать на печати Ефрема, так как он был выходцем из Печерского Успенского монастыря и в Суздале выстроил также Успенский собор. В позднем летописце XVIII в. есть очень интересный текст о строительстве в Суздале церкви Успения князем Владимиром (ошибочно дана дата 910 г.): «Великий князь Владимир всеа России прииде во град Суждаль и крести Суждальскую землю и в кремли городе заложи церковь первую Пречистыя владычицы честнаго и славнаго ея Успения, в ней же и место себе сделал и вырезал и подписал на свое имя, тут же и двор себе устроил возле церкви Успения богородицы и сия подпись с начала в церкви Успения Богородицы на тябле пишет, а в тябле поставлены иконы греческого письма, и те иконы и до днесь в тябле целы суть»[31].

Это, безусловно, сведения, происходящие из самого Суздаля. Вероятно, при постройке первого Успенского собора в него была вложена и храмовая икона греческого письма с нетрадиционным для Руси композиционным изображением сцены «Успение», повернутой вправо. Это решение было воспринято и мастерами, создававшими знаменитые «Суздальские златые врата», где клеймо с этим сюжетом также повернуто вправо (рис. 3). Идентичность решения композиции «Успения» на

Рис. 3. Суздальские Златые врата. Клеймо со сценой «Успения Богоматери»

Суздальских вратах, суздальской актовой печати и привесках-иконках с территории Владимиро-Суздальской Руси позволяет предположить, что местом производства привесок-иконок был Суздаль (а не Владимир, как предполагалось ранее) [32]. Кроме того, вся серия привесок-иконок, воспроизводивших актовую печать, заставляет более внимательно отнестись к мастерам, изготовлявшим те и другие предметы. Видимо, это были одни и те же ремесленники. Свидетельством этому является близость изображений на печатях и иконках, отмеченная для Новгорода [33], идентичность вышеуказанной печати с «Успением», повернутым влево, из Новгорода и печати из Старой Рязани [34] и другие случаи.

Судя по находке актовой печати в Суздале в хорошо датированном монетами слое конца XI в., можно несколько удревнить и всю серию аналогичных привесок-иконок. Скорее всего их следует датировать первой половиной — серединой XII в.

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 457, рис. 121.
[2] *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 191–194.
[3] *Седова М. В.* Раскопки в Суздале // АО 1979. М., 1980. С. 74; *Седов В. В., Седова М. В.* Древний Суздаль: Археологическое исследование // Вестн. АН СССР. 1983. № 1. С. 135.
[4] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой «Успения» // Восточное Средиземноморье и Кавказ. Л., 1988.
[5] Приношу искреннюю благодарность В. В. Аулиху за любезно предоставленную возможность публикации находки.
[6] *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978. Табл. 6, *1*.
[7] Раскопки А. И. Кельсиева и Я. А. Ешакова // ГИМ. Инв. № 78607. Оп. 78/124: *Кельсиев А. И.* Отчет о раскопках, произведенных им в Ярославской и Тверской губ. // ИОЛЕАЭ. 1878–1879. Т. 31. С. 295–308.
[8] Раскопки А. С. Уварова 1852 г. // ГИМ. Инв. № 54746. Оп. 1280/1–2; *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I Археол. съезда. М., 1871. Альбом. Табл. 34, *2*.
[9] *Спицын А. А.* Курганы Белозерского уезда // ЗРАО. 1896. Т. 8, вып. 1/2. Рис. 11.
[10] *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. 1899. Т. 3. С. 218–219, табл. 6, *6*.
[11] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. Рис. 138, *20*.
[12] Из собрания П. И. Щукина // ГИМ. Инв. № 3896. Оп. 2339/8.
[13] ГИМ УССР. Инв. № В–594Н.
[14] Экспозиция музея в Чернигове.
[15] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 47, 53.
[16] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой «Успения» (в печати).
[17] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 226. № 343.
[18] Определение монет сделано А. С. Беляковым и В. М. Потиным.
[19] *Седова М. В.* Археологическое изучение Суздаля // Владимирскому музею 125 лет. Владимир, 1981. С. 87–93.
[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237–238.
[21] Там же. Стб. 208.
[22] Там же. Стб. 211.
[23] *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 677, 686–687; *Poppe A.* Państwo i kościol na Rusi v XI wieke. W-wa, 1963. S. 165.
[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445.
[25] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 28.
[26] *Варганов А. Д.* История одного здания // О крае родном. Ярославль, 1978. С. 22.
[27] Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси, XII в. М., 1980. С. 429.
[28] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1915. Т. 2. С. 277, рис. 150–151.
[29] ПСРЛ. Т. 2. С. 278.
[30] *Янин В. Л.* Актовые печати ... Т. 1. С. 45.
[31] Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Т. 19. С. 366–367.
[32] *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок... С. 192.
[33] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 62, рис. 20, *1*.
[34] *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. № 343; *Даркевич В. П.* Раскопки в Старой Рязани в 1980 г.

Р. А. Симонов

УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ АБАКА ПО ПЕРЕСЧЕТУ НАТУРЫ НА ДЕНЬГИ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Речь идет о дополнительных статьях 49–65 сельскохозяйственного содержания, встречающихся в Карамзинской группе списков Русской Правды Пространной редакции [1]. Б. А. Рыбаков первый верно поставил вопрос об их учебном назначении. Он обратил внимание на невероятность гигантского дохода, который должна была принести маленькая

вотчина, если считать реальными данные статей-задач. В то же время последние имеют выраженный вычислительный характер, сводящийся к расчету стоимости приплода от скота, пчел, некоторых видов сельскохозяйственной продукции за 9, 10 или 12 лет, оплаты труда и пр. Все цены указаны в гривнах, ногатах и резанах, а итоговые суммы — в гривнах или в гривнах и резанах. Аналогичных текстов в литературе соседних народов не найдено. Б. А. Рыбаков высказал мнение, что статьи-задачи предназначались для обучения будущих тиунов, волостелей пересчету натуры на деньги [2].

Точка зрения Б. А. Рыбакова расходится с принятой у историков математики. Так, известный советский ученый академик АН УССР Б. В. Гнеденко считает, что статьи-задачи Русской Правды «едва ли имели какое-либо практическое значение ... они удовлетворяли духовные потребности числолюбцев» [3]. Так думать заставляют огромные числа, порядка сотен тысяч, которые задавались условиями некоторых задач, а также необходимость производить действие деления при их решении. Делением, особенно многозначных чисел, в средние века овладевали немногие [4]. В древнерусских же задачах надо было, например, разделить число 360 446 на 50, чтобы получить стоимость шерсти, настригаемой с отары за 12 лет. Вот почему историки математики справедливо полагали, что тексты задач составлены выдающимся мастером в области древнерусской арифметики. Но если он это делал не для себя или себе подобных числолюбцев, а для обыкновенных учащихся, усваивавших навыки в пересчете натуры на деньги, то между ними и текстом задач должно было находиться какое-то вспомогательное средство, которое достаточно просто, как бы автоматически давало для заданного числа предметов сельскохозяйственного производства (овец, шерсти, меда, коров, масла и пр.) их денежную стоимость.

Сейчас такого рода устройства имеются, это различного рода компьютеры. Для любого заданного числа ЭВМ по команде, соответствующей конкретной цене (1 гривна, 3 ногаты, 10 резан и пр.), молниеносно выдаст ответ о стоимости. Нужно только ввести в машину соответствующую программу (см. Приложение). Возможно ли было нечто подобное на Руси? «Как вычисляли авторы математических статей «Правды Русской», неизвестно»,— писал в 1968 г. один из ведущих советских историков математики А. П. Юшкевич [5]. Принятое в 1976 г. В. К. Кузаковым верное исходное положение, что для решения статей-задач «при всех математических операциях употреблялись специальные счеты», соседствовало с отрицательным заключением: «Все же мы не знаем, каким образом проводились тогда подобные операции» [6]. На такое неутешительное положение в решении проблемы указывал в 1978 г. В. В. Мавродин: «... В древней Руси люди производили сложные вычисления, но как производили счет, остается неизвестным, так как записывался только итог. Возможно, что существовали абаки или аналогичные приспособления для счета» [7].

Автор настоящей статьи примерно с 1970 г. работал над проблемой о древнерусском вычислительном средстве, для которого предназначались статьи-задачи Русской Правды [8]. Теперь эту проблему можно считать решенной, изложению чего посвящена настоящая статья.

Прежде всего следовало выявить тип абака, в наибольшей степени соответствующий всей совокупности данных о наглядно-инструментальном счете, относящихся к русским и соседним землям. В результате было установлено, что с наибольшей вероятностью на Руси мог употреб-

ляться тип абака, описание которого дано Я. Накцияновичем в 1759 г., по-видимому, на основе бытовавшего в народной среде славянского и литовского населения[9]. «Запись» чисел на таком абаке производилась на горизонтальных уровнях. На нижнем откладывались единицы, далее (снизу вверх) шли десятки, сотни, тысячи и т. д. На каждом уровне располагались пятерка и пять разрядных единиц. Я. Накцианович их обозначал одинаковыми кружочками, кружочек-пятерка находился слева на некотором расстоянии от кружочков-единиц. Из литературы известно, что при счете на архаических абаках использовались камешки, бобы, плодовые косточки и другие мелкие предметы, а также специальные жетоны. По данным иностранцев Г. Штадена (вторая половина XVI в.) и А. Олеария (первая половина XVII в.), в России применялись для счета вишневые и сливовые косточки в россыпи. Для удобства дальнейшего изложения будем считать, что в домонгольской Руси полуразряды (пятерки) откладывались сливовыми косточками, а единицы — вишневыми. Счет мог вестись на любой ровной поверхности: столе, лавке, полу, земле. Изложенные данные о структуре древнерусского абака получили одобрение в научной печати и стали предметом дальнейшего углубленного изучения[10].

Все виды архаического абака, как правило, программировались в определенной денежной системе. Судя по статьям-задачам Русской Правды, в древнерусском абаке должна быть запрограммирована древнейшая система: 1 гривна кун = 20 ногатам = 50 резанам, что могло быть сделано несколькими способами. Следовало установить, каким именно. Если исходить из того, что основной или базовой единицей счета выступала гривна кун, то вишневой косточкой (Ø) будет обозначаться одна гривна на самом нижнем уровне, десяток, сотня, тысяча и т. д. гривен на последующих уровнях, а сливовой (Ø) — пять гривен на нижнем уровне, 50, 500 и т. д. гривен на последующих уровнях. Как считали на таком абаке, покажем на примере задач Русской Правды, в которых цены указаны в одну гривну («третьячные» кобылы — задача

Схема 1				*Схема 2*	
50 тыс. гривен	Ø	00000	10 тыс. гривен		10 тыс. гривен
5 тыс. гривен	Ø	00000	тысячи гривен		тысячи гривен
500 гривен	Ø	00000	сотни гривен		сотни гривен
50 гривен	Ø	00000	десятки гривен	Ø	0 десятки гривен
5 гривен	Ø	00000	гривны кун	50	10 гривны

№ 54 и коровы — № 55, сено — № 64), две (взрослые коровы — № 56, оплата труда батрачек — № 65) и три (взрослые кобылы — № 54, 55) гривны.

При цене в одну гривну достаточно записать исходное число в системе именованного абака. Например, по данным задачи 64, стоимость 60 стогов сена можно найти, отложив соответствующее число — одной сливовой (50) и одной вишневой (10) косточками — на втором уровне абака, получим 60 гривен (см. схему 2).

При цене в две гривны достаточно удвоить исходное число. Например, по данным задачи № 65, две батрачки, получая каждая по гривне в год, за 12 лет заработали 24 гривны. Исходное число 12, отложенное одной вишневой косточкой на втором уровне и двумя на первом,

при удвоении обозначится двумя вишневыми косточками на втором уровне (20) и четырьмя на первом (4), что в совокупности дает искомый результат — 24 гривны (см. схему 3).

Схема 3

Исходное число 12	Удвоенное число дает результат 24 гривны	Исходное число 32	Удвоенное число 64
	тысячи гривен		
	сотни гривен		
0	00 десятки гривен	000	Ø 0
00	0000 гривны кун	00	0000

Схема 4

Суммирование (утроение) дает результат 96 гривен	
	тысячи гривен
	сотни гривен
Ø 0000	десятки гривен
Ø 0	гривны кун

При цене в три гривны нужно утроить заданное число, т. е. к исходному значению прибавить удвоенное. Например, по данным задачи № 54, стоимость 32 лошадей можно найти, сложив исходное число с удвоенным 64, что даст 32+64 Ø 96 гривен (см. схему 4).

При цене в половину гривны (свиньи — 51, 53, «лоньские» коровы и быки — 56, пчелиный рой с медом — 57) для получения искомого результата достаточно раздвоить исходное число. Например, по данным задачи № 56, стоимость четырех коров и быков можно найти, «записав» указанное число 4 на нижнем уровне абака и раздвоив его, получится 2 гривны (см. схему 5). Если исходное число четное, то при

Схема 5

Исходное число 4	Раздвоенное число дает результат — 2 гривны
	Тысячи гривен
	Сотни гривен
	Десятки гривен
0000	00 Гривны кун

Схема 6

5 тыс. гривен	Ø 00000	Тысячи гривен
500 гривен	Ø 00000	Сотни гривен
50 гривен	Ø 00000	Десятки гривен
5 гривен	Ø 00000	Гривны кун
.....		
полугривна (25 резан)	Ø 00000	Пятки резан

раздвоении число гривен будет целым, как в приведенной задаче. Если исходное число нечетное, то при раздвоении, помимо целого числа гривен, еще будет одна полугривна. Следовательно, основную часть абака необходимо дополнить еще одним уровнем для дробных долей гривны, где разрядной пятеркой будет полугривна, а единицами — пятки резан (5 резан × 5 = 25 резан = 1 полугривна) (см. схему 6).

Необходимость такого дополнения подтверждается задачами, в которых цены указаны в 10 резан (бараны — 49, козлы — 50, масло — 56),

6 ногат (овцы — 49, козы — 50, вепри — 52, 53, жеребята — 54) и 30 резан («лоньские» жеребцы — 54 и кобылы — 55).

При цене в 10 резан исходное число достаточно «записать», удвоить и прочесть полученный результат в системе абака, дополненного новым уровнем (полугривна — пятки резан). Например, стоимость 90 111 баранов по цене 10 резан (задача № 49) можно найти, удвоив это число (см. схему 7) [11].

При цене в 6 ногат, т. е. 15 резан, стоимость 90 112 овец (задача № 49) находится утроением, т. е. сложением указанного числа овец с его удвоенной величиной (см. схему 8). При цене в 30 резан результат, полученный для цены в 15 резан утроением, нужно еще и удвоить.

Схема 7

Исходное число 90 111 баранов	Удвоенное число дает результат 18 022 гривен 10 резан
	0 10 тыс. гривен
Ø 0000	Ø 000 тысячи гривен
*	* сотни гривен
0	00 десятки гривен
0	00 гривны
0	00 пятки резан
	10 резан

Схема 8

Исходное число 90 112 овец	Удвоенное число (промежуточное 180 224)	Суммирование (утроение) дает результат 27 033 гривен 30 резан
	0	00 10 тыс. гривен
Ø 0000	0 000	Ø 00 тысячи гривен
*	*	* сотни гривен
0	00	000 десятки гр.
0	00	000 гривны кун
00	0000	Ø 00 пятки резан
		25+5 резан

Остается нерассмотренным только один случай — определение стоимости натуры при цене в одну резану (руно — 49, сыр — 56). Для соответствующих вычислений абак требуется дополнить еще одним уровнем с пятеркой-ногатой и разрядными единицами, по величине равными половинам резан (см. схему 9). Тогда для получения, например, стоимости руна, состриженного с 360 446 овец и баранов, надо удвоить это число, записанное в системе абака, дополненного двумя уровнями, что дает искомое значение — 7208 гривен 46 резан (см. схему 10).

Таким образом, древнерусский абак для пересчета натуры на деньги должен был иметь две части — основную (верхнюю) и дополнительную (нижнюю) (см. схему 9). Основная (верхняя) предназначалась для гривен (единиц, десятков, сотен и т. д.), дополнительная (нижняя) — для ее долей. Причем эти доли укладываются как в общую пятеричнодесятеричную структуру абака, так и в существовавшие материальные (в виде монет) или счетные единицы древнерусской денежной системы. Полугривна это десять ногат, или 25 резан; ногата — первоначально куфический дирхем, вес которого равнялся 3,41 г; полурезана, равная $^1/_{100}$ гривны, совпадала с веверицей, выделенной Н. П. Баузром на основе данных Русской Правды Краткой редакции [12]. На таком абаке все задачи Русской Правды решаются однотипно: путем средневекового арифметического действия удвоения или утроения (сложения первоначального числа с удвоенным), а также действия раздвоения (в одном случае цены в полугривну).

Основной учебной проблемой, которая вставала перед древнерусскими педагогами-математиками, было научить правильно выбирать базо-

Схема 9				*Схема 10*			
				Исходное число 360 476 рун	Удвоенное число дает результат 7208 гр. 46 рез.		
50 тыс. гривен	Ø	00000	тыс. гривен	000	Ø	00	тысячи гривен
500 гривен	Ø	00000	сотни гривен	Ø 0		00	сотни гривен
50 гривен	Ø	00000	десятки гривен	*		*	десятки гривен
5 гривен	Ø	00000	гривны кун	000	Ø	000	гривны кун
полугривна	Ø	00000	пятки́ резан	0000	Ø	0000	пятки́ резан
					45 рез.		
	Ø	00000		Ø 0		00	
ногата			полурезаны (веверицы)		резана		полурезаны (веверицы)

вый (нижний) уровень для записи исходного числа. В таком случае становится ясен методический смысл задач, в которых цена указана в одну гривну. Априори эти задачи вызывают недоумение, так как для их решения не нужен абак, ибо очевидно, что «а» предметов ценой в одну гривну будут стоить «а» гривен. Однако с учетом структуры абака, имеющего, кроме основной части, еще и дополнительные уровни, будет понятно, что необходимы задачи, отрабатывающие навык по различению уровней. Точнее, по распознаванию основной части абака, начинающейся уровнем, содержащим единицы и пятерку гривен. Таковыми и являются задачи с ценой в одну гривну.

Методическими целями обусловлена номенклатура цен в целом, которые, как давно замечено учеными, не совпадали с реальными стоимостями натуры. Цены в две гривны, десять и одну резану необходимы для отыскания стоимости действием удвоения на основной части абака (см. схему 3), с одним (см. схему 7) и двумя (см. схему 10) дополнительными уровнями. Цены в 3 гривны и 6 ногат необходимы для отыскания стоимости действием утроения на основной части абака (см. схему 4) и с одним дополнительным уровнем (см. схему 8). Все итоговые значения получаются на том же уровне абака, на котором «записываются» исходные. В этом свете обращает на себя внимание указание только четных значений исходных чисел в задачах на раздвоение (при цене в полугривну). В этом случае обеспечивается соблюдение указанного правила. Если бы исходные числа были нечетными, то оно нарушалось: конечный результат располагался на один уровень ниже исходного числа. Задачи, кроме содержащих цену в 30 резан, связаны с выполнением одной элементарной вычислительной операции: удвоения, утроения, раздвоения. Цена в 30 резан позволяет показать, что путь к овладению более сложными приемами пересчета натуры на деньги связан с последовательным применением элементарных операций (в данном случае утроения и удвоения).

Наличие огромных чисел в некоторых статьях-задачах также объясняется особенностями обучения счету на архаическом абаке. При обучении вычислениям на современных счетах максимальная величина чисел обусловлена конструкцией прибора: размерами рамы и коли-

чеством вделанных прутьев. Архаический абак лишен такого преимущества, о его «длине» учащиеся могут судить, упражняясь с максимальными числами. Последние показывают, что счет на древнерусском абаке в учебных целях велся до сотен тысяч. Профессиональные вычислители выполняли действия с еще большими числами, порядка нескольких десятков миллионов, о чем свидетельствует «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца (1136 г.).

Древнерусский абак становится такой же реальностью, какой стали берестяные грамоты, и, так же как они, абак служит важным дополнительным свидетельством высокого уровня грамотности на Руси, грамотности вычислительной. Такое заключение приобретает особую актуальность в свете предстоящей компьютеризации советской образовательной системы, рассматривающейся как «вторая грамотность». «Средневековая компьютеризация» в свое время, возможно, сыграла важную роль в развитии культуры Руси. Этот вопрос еще предстоит всесторонне исследовать. Однако уже сейчас несомненна перспективность изучения роли абака как рационализирующего фактора в формировании древнерусской денежной системы. Несмотря на известную изменяемость в зависимости от регионов функционирования и исторической эпохи, общенациональная русская денежная система, сложившаяся в XV в., сохранила пятерично-десятеричную основу, восходящую к денежной системе Русской Правды [13].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа на алгоритмическом языке ФОРТРАН-IV для ЕС ЭВМ (составлена канд. техн. наук Т. Г. Дацко) по пересчету натуры на деньги на материале статей-задач Русской Правды. Использована на практических занятиях по курсу «Машинная обработка экономической книготорговой информации» в Московском полиграфическом институте.

```
      INTEGER R, G, OR, C, K
      READ 1, C. K
  1   FORMAT (216)
      R=C×K
      G=R/5Ø
      OR=R-5Ø×G
      IF (OR. EQ.Ø) GO TO 3
      PRINT 2, G, OR
  2   FORMAT (1ØX, 'СТОИМОСТЬ РАВНА' ,16, 'ГРИВЕН И' ,12,×'РЕЗАН')
      GO TO 5
  3   PRINT 4, G
  4   FORMAT (1Ø ,СТОИМОСТЬ РАВНА' ,16, 'ГРИВЕН')
      STOP
      END
```

```
    1Ø  9Ø111
   \__/ \____/
    C     K
```

[1] Правда Русская/Под общ. ред. Б. Д. Грекова. Т. 1. Тексты. М., 1950. С. 352–354, 377–380; Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963. С. 401–406, 444–450.

[2] *Рыбаков Б. А.* Просвещение // Очерки русской культуры XIII–XIV вв. М., 1970. Ч. 2: Духовная культура. С. 180.

[3] *Гнеденко Б. В.* Очерки по истории математики в России. М.; Л., 1945. С. 20.

[4] «Тот, кто оказывался в состоянии понимать деление, признавался чуть ли не гением и ему давали почетный титул – «доктора абака», вроде нашего «доктора математики» или «доктора медицины». Нормальным, заурядным детям нечего было

и мечтать о таком трудном, мудреном действии, и они скромно ограничивались сложением и вычитанием, с придачей таблицы умножения» (*Беллюстин В.* [К]. Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики. М., 1941. С. 99).

[5] *Юшкевич А. П.* История математики в России до 1917 г. М., 1968. С. 17.

[6] *Кузаков В. К.* Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М., 1976. С. 112.

[7] *Мавродин В. В.* Научные знания // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 259.

[8] *Симонов Р. А.* О методологии изучения математики Древней Руси // СА. 1980. № 3. С. 254–257; *Он же.* Древнерусские математические знания и их значение для исторической науки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973. С. 16–20; *Он же.* О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси // СА. 1975. № 3. С. 82–93; *Он же.* Математическая мысль древней Руси. М., 1977. С. 44–74; *Он же.* «Запись» чисел на древнерусском абаке // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 413–420; *Он же.* О вычислительной арифметике // Естественнонаучные представления древней Руси. М., 1978. С. 63–73; *Он же.* Кирик Новгородец – ученый XII в. А., 1980. С. 58–74; *Кузнецова В. С., Симонов Р. А.* Об умножении на древнерусском абаке // Естественнонаучные знания в древней Руси. М., 1980. С. 12–15; *Симонов Р. А.* Древнерусский абак // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славян. археологии. М., 1985. С. 165.

[9] *Nakcyanowicz J.* Praelectiones mathematicae ex Wolfianis elementis adornatae. Vilnae, 1759. P. 149–151.

[10] *Виленчик Б. Я.* Новые доказательства существования русского архаического абака // СА. 1984. № 3. С. 59–65.

[11] Звездочкой в схемах 7, 8, 10 обозначается пропуск десятичного разряда, соответствующий в современной числовой записи нуля.

[12] *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 229; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.

[13] Это утверждение справедливо и для новгородской денежной системы XV в., несмотря на кажущееся ее отличие от денежной системы Русской Правды. См.: *Янин В. Л.* «Память, как торговали доселе новгородцы»: (К вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 98–114; *Симонов Р. А.* Модель новгородского абака XV в. // Там же. С. 114–123.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ

AR – Archeologiké rozhledy. Praha
МПК – Музеи и паметници на културата. София
SlA – Slovenská Archeologia. Bratislava
SMYA – Suomen Muinaimuistoyhdistyksen Aikakauskauskirja. Helsinki
WA – Wiadomosci archeologiszne. Warszawa
ZOW – Z otchlani wceków. Warszawa
ZFA – Zeitschrift für Archeologie. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

АРХЕОЛОГИЯ

А. К. Амброз. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су 5
В. Д. Баран. Славянская деревня раннего средневековья 12
Д. А. Беленькая, *Л. С. Розанова*. Ножи с клеймами из Зарядья 18
А. З. Винников. Славянские поселения на р. Воронеже 26
Л. А. Голубева. Девочки-литейщицы 31
А. Н. Кирпичников. Древнерусское святилище у Пскова 34
Д. А. Крайнов. О религиозных представлениях племен волосовской культуры 38
Т. Н. Никольская. Редкая находка из Серенска 45
Л. Д. Поболь. Новые данные о древнем Менеске (Минске) 47
М. Д. Полубояринова. Крест с эмалью из Болгара 52
Е. А. Рябинин. Языческие привески-амулеты древней Руси 55
В. В. Седов. Об одной группе древнерусских крестов 63
З. М. Сергеева. Народные названия курганов на северо-востоке Белоруссии 67
А. Т. Смиленко. Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная 73
Б. А. Тимощук, И. П. Русанова. Второе Збручское (Крутиловское) святилище 78
Е. А. Шмидт. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству 91
К. Яждевский (ПНР). О значении возделывания ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы 98

ИСТОРИЯ

Л. В. Алексеев. Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей 100
В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий. Печать князя Игоря 105
Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. Скифы и славяне: мифологические параллели 110
Я. Е. Боровский. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград 114
В. А. Буров. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей 119
И. Б. Греков. О характере ордынo-русских отношений второй половины XIII — начала XIV в. 125
Л. Лециевич (ПНР). Летописные поморяне 133
Д. С. Лихачев. Скоморох Всеслава и ток на Немиге 138
Л. Л. Муравьева. Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII — начало XV в.) 140
П. П. Толочко. О социальной структуре древнерусского ремесла 147
В. Ю. Франчук. Языческие мотивы древнерусского летописания 154
В. Хенсель (ПНР). Венеты, венеды и их связь с населением Северной Италии и Польши 158
И. Херманн (ГДР). Ruzzi. Forsderen. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) 163
С. О. Шмидт. А. С. Пушкин о «Слове о полку Игореве» 169
Ю. Л. Щапова. Об особенностях древнерусского ремесла 175

Я. Н. Щапов. Об изучении древнерусских письменных источников 179
А. А. Юшко. Из истории городских центров Подмосковья XI—XIV вв. (Обзор источников и исторической географии) 184
А. Л. Ястребицкая. О специфике средневековой европейской урбанизации: малые города 191

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Г. К. Вагнер. Архитектурная программа Андрея Боголюбского 198
В. М. Василенко. Золотой потир Ивана Фомина 1449 г. 201
Н. Н. Велецкая. О генезисе древнерусских «змеевиков» 206
С. А. Высоцкий. Об азбуках, открытых в Киеве и Новгороде 211
В. П. Даркевич. Средневековые маскарады 215
Н. Г. Логвин. Первоначальный облик Десятинной церкви в Киеве 225
Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. Сфрагистические материалы из Белоозера . . 230
Т. И. Макарова. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада 241
А. А. Медынцева. Эпиграфические находки из Старой Рязани 247
Д. Овчаров (НРБ). Дворцовая церковь в Преславе и некоторые особенности болгарских раннесредневековых базилик 256
С. А. Плетнева. Образ «волшебного помощника» в одной русской сказке . . 261
М. А. Сабурова. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии 266
М. В. Седова. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси 272
Р. А. Симонов. Учебные задачи для абака по пересчету натуры на деньги Русской Правды 279
Список сокращений иностранных изданий 286

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СЛАВЯН И РУСИ

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко.* Художник *Ф. Н. Буданов*
Художественный редактор *В. Алексеев.* Технический редактор *Н. Н. Жмуркина*
Корректор *Л. В. Щеголев*

ИБ № 37973

Сдано в набор 21.01.88. Подписано к печати 25.05.88. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 23,4. Усл. кр. отт. 23,4. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 15 000 экз. Тип. зак. 1306
Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1p.30x.